

ХРУП

Воспоминания крысы-натуралиста

*Рассказал
А.Л. Яценко*

ХРУП

Воспоминания крысы- натуралиста

Рассказал
А.Л. ЯЩЕНКО

МОСКВА · НАУКА · 1993

Хруп "Воспоминания крысы-натуралиста" / А.Я. Яценко. — М.: Наука, 1993. — 413 с. — ISBN 5-02-003746-8.

Эта увлекательная и поучительная книга о животных из "золотого фонда" дореволюционной детской литературы написана натуралистом А.Л. Яценко в виде воспоминаний главного героя — крысы по имени Хруп. Необычайная любознательность заставила Хрупа отправиться в дальние странствия, где на каждом шагу его подстерегали опасные приключения. Крыса, наделенная автором способностью к тонким наблюдениям и интересным размышлениям, рассказывает о тех краях, где ей довелось побывать, о повадках птиц и зверей, о привычках человека и его взаимоотношениях с братьями меньшими. "Воспоминания..." представляют собой переиздание книги, вышедшей в 1903 г. в Санкт-Петербурге. Правописание и пунктуация текста современные. Рисунки и иллюстрации художников воспроизведены по первому изданию.

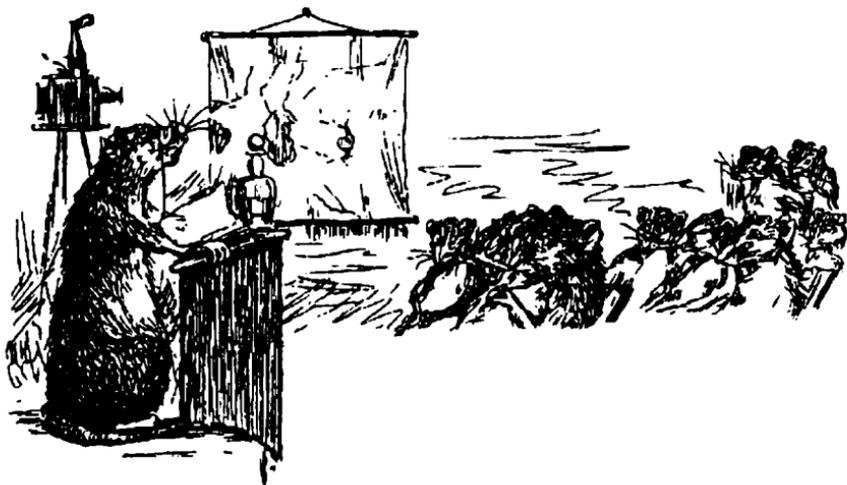
Организатор-выпуска *О.М. Ванюкова*

X $\frac{4803010000-020}{02(042)-93}$ Без объявления

© Издательство "Наука", 1993

ISBN 5-02-003746-8

*Дорогим НЮТЕ и ВЕРЕ
посвящает ХРУП*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я — старая, дряхлая крыса Хруп. Именовали меня и иначе, но я хочу сохранить за собой только это мое первое имя, данное мне моими первыми друзьями, которым посвящаю свои записки. Попадут ли они кому-нибудь на глаза и прочтет ли их кто, если попадут, — не загадываю, но боюсь думать обратное. Тяжело жить и умереть не понятой, не выслушанной. При жизни я многих понимала, но меня... никто. Повторяю, что это тяжело, очень тяжело, и я никому, даже врагу, не желаю такого ужасного одиночества. Все, что здесь написано, написано правдиво: я писала все, что видела, я писала все, что думала. Я, конечно, могла ошибаться, но если ошибаются даже люди, то крысе это и давно простиительно. Не посетуй, читатель, если где-либо тебе

станет скучно при чтении моих воспоминаний: иной раз, ведь, невольно занесешь на страницы то, что интересно только самому пишущему. Я жду не похвалы твоей, а одного только сочувствия бедной дряхлой крысе, столько видевшей, пережившей и не имевшей никого при жизни, с кем бы поделиться мыслями. Но, если, читатель, ты возьмешь в руки мои воспоминания и заинтересуешься ими, прошу: не читай отрывками, не ленись прочесть первые главы, они многое тебе объяснят, и ты с большим доверием тогда отнесешься к моему бесхитроственному повествованию. Вот все, что я хотела тебе сказать перед тем, как ты начнешь читать мои воспоминания.

ХРУП

I

Мое детство. — Родители. — Первые шаги. —
Мои преимущества. — Чудная кладовая. —
Враги. — Жизнь подполья

о время моих частых странствований я не раз слыхала, что воспоминания детства у людей считаются самыми отрадными. Признаться, о себе я этого не скажу: предпочитаю вспоминать с чувством особен-

ного удовольствия лишь время после оставления места своего детства. Начать с того, что меня совсем не окружали те родительские ласки, о которых так много говорят люди: ни мать, ни отец особенно о нас не заботились.

Хоть я и отличаюсь редкой памятью, но мне очень трудно вспомнить с точностью первые дни существования как моего, так и моих братьев и сестер; однако я все же немного могу судить о них по тем семьям, которые создавались в том же подполье во времена моей юности. Теперь же мне достоверно известно, что почти у всех семей родственных животных наблюдается одинаковая семейная жизнь. Руководствуясь этим, я смело полагаю, что моя мать с момента нашего с братьями и сестрами появления на свет ухаживала за нами очень мало и заботилась о нас ровно столько,

сколько требуется от матери, не забывающей одной малой обязанности: кормить своих детей. С ужасом думаю, что, быть может, своим существованием я обязана счастливой судьбе, не допустившей появиться мне на свет хилой или не попасть как-либо неосторожно под тяжелые лапки моей грузной матери. Неподалеку в том же подполье одна, как теперь помню, куцая крыса погубила таким образом целых два своих выводка и только от третьего выкормила семь славных крысенят.

В свое время я тоже, очевидно, была маленьким, величиной с крупный боб, розовеньким существом, похожим на крошечного поросеночка. Вероятно, я также слабо попискивала и еле-еле копошилась на мягкой подстилке из посеревших опилок. Единственным стремлением моим было, наверное, как у всех таких младенческих существ, кое-как добраться до теплого пухлого брюшка матери, чтобы жадно пососать живительного, теплого молока, а напившись, вытянуться и беспомощно прикорнуть в тесной кучке таких же братцев и сестриц.

Покормив нас, мать, побуждаемая постоянным голодом, покидала свое гнездо и куда-то уходила. Вставая, она без стеснения наступала на нас, от чего мы все хором начинали громко пищать. Иногда наша матушка, как и другие крысы-матери, благоволила подтыкать около нас своим рыльцем опилки и стружки, точно желая прикрыть нас на время своего отсутствия. Впрочем, если говорить правду, то все же мать нас любила больше, чем отец, на которого она яростно бросалась, когда он подбирался к гнезду. Здесь я позволю себе оговориться. Если я ясно помню свою мать, то отца своего я хорошенько даже не знаю, так как известно, что крысы-матери вообще не допускают к своему гнезду других крыс, в том числе и отца, пока ее голенькие дети не начнут покрываться сереньким пушком. Где же после этого узнать вообще своего родителя, тем более, что в юности моей все крысы казались мне удивительно похожими друг на друга.

Хоть смутно, но свою жизнь я уже начинаю настоящим образом припоминать как раз со времени первого шерстистого пушка, который являлся для всех нас спасительным от нападений своих же собратьев. Я полагаю, что большие крысы не трогали нас в это время уже из смутного сознания, что, уничтожая нас, они губили бы вообще крысиную породу. Несмотря на наш мышинный вид, они умели отличать нас от мышей, которых всегда и везде усиленно истребляли. Впрочем, мать и дети, мы всегда были наготове и предпочитали избегать всяких столкновений, а детвора, по врожденному крысиной породе чувству, с первых же шагов мало-мальски самостоятельной жизни держалась всегда вблизи хороших, надежных убежищ. Такими убежищами были: трещины в досках, кучи щепок или опилок, комки войлока и т.п.

Нас было у матери, кажется, семеро детей, если не считать тех, которые, быть может, погибли вскоре после появления на свет в зубах нашей матери или отца. Зато оставшиеся в живых росли крепкими и здоровыми. Что же? Может быть, благодаря этой ужасной гибели хилых и пораненных еще в младенческом возрасте, остальные крысы и удерживают в себе крепость и здоровье крысиной породы.

Кормясь молоком матери, мы первое время мало заботились о других родах пищи, да и все наше времяпровождение состояло только в изучении способа передвижения. Беспомощное барахтанье сменилось скоро правильным ползанием, а за ним мы как-то сами собой выучились пользоваться порознь и одновременно своими четырьмя лапками. Все чаще и чаще становились мы на задние ноги, слегка опираясь на тоненький коротенький хвостик. Скоро мы приобрели привычку смахивать передними лапками с рыльца приставшие капельки моло-

ка. Это обтирание вообще явилось вскоре потребностью, так как рыльца наши становились как-то особенно чувствительными, и мы чувствовали необходимость вытирать их возможно чаще, чтобы обнюхивать получше воздух. Такое обнюхивание оказалось весьма полезным в последующей нашей жизни, и я теперь несколько не удивляюсь, что природа рано приучила нас умываться передними лапками.

Задние лапки тоже крепили день ото дня, и то один, то другой мы пробовали делать маленькие прыжки. Эти прыжки были преуморительны, так как молодые прыгуны не всегда попадали туда, куда нацеливались скакнуть. Если бы крысята обладали способностью хохотать, то это время нашей жизни, наверное, сопровождалось бы неумолкаемым хохотом. Однако искусство передвижения и вообще пользования своими ножками и упругим хвостиком оказалось очень нехитрым, и через день, два все мы семеро ловко справлялись со всеми движениями, свойственными нашей породе. Мы быстро научились шмыгать вдоль стенок, вскарабкиваться с помощью цепких коготков на шероховатые щепки и доски, спрыгивать сверху вниз и вскакивать на невысокие чурки подполья. Где было нужно, мы ловко проделывали довольно значительные прыжки и ухитрялись моментально юркнуть в какую-нибудь щелку. Из всего этого я особенно отмечу укоренившуюся привычку пробираться всегда вдоль стенок и держаться больше в углах. Мы это делали бессознательно, но впоследствии я убедилась, что тут, вероятно, действовал мудрый закон природы, оберегавший нашу породу от несчастий: таким путем мы мало попадались на глаза нашим врагам, среди которых главными были люди и кошки. Если же впоследствии необходимость заставляла нас перебежать открытое пространство, то мы делали это особенно стремительно, избегая в это время всяких остановок.

Само собою разумеется, что, выросши в темном подполье, мы настолько привыкли к темноте, что не только не избегали, а даже искали ее и более значительные прогулки совершали преимущественно под покровом ночи. Наши маленькие черненькие глазки обладали большой остротой зрения, которая очень и очень помогала нашему поистине роскошному обонянию, которое люди зовут чутьем.

Все эти усовершенствования шли сами собой: мать нас ничему не учила. Впоследствии это обстоятельство привело меня к мысли, что только благодаря такой ранней самостоятельности дикий зверек с раннего возраста привыкает быстро соображать, как ему поступать в самых разнообразных обстоятельствах жизни. Более ловкие зверьки, мало-помалу развивая в себе находчивость, могут избегать самых разнообразных опасностей, а более неуклюжие гибнут, попадая в лапы или зубы своих врагов. Люди зовут это, как я потом узнала, "борьбой за существование", в которой тот только не погибает, кто умеет пользоваться всем тем, чем наделила его природа и что познал он из собственного опыта.

Я очень хорошо помню, как на моих глазах погиб один из моих братцев, забравшийся ночью в решетчатую западню с вкусным салом, и с тех пор я старательно обегала всякий предмет, похожий на эту западню и всякое место, от которого пахло погибшей крысой. После своей обильной приключениями жизни я хорошо знаю, что такое капкан, и заявляю открыто, что капкан, в котором погибли три, четыре крысы, приобретает особенный запах, уловимый только нашим тонким чутьем. Не берусь решать — что это такое? Особый ли это запах испуганного животного, настоящий ли трупный

запах, во всяком случае, это запах, вызывающий во мне, если не страх, то вполне справедливое опасение. Хитрый человек тоже догадался об этом и часто вываривает в кипятке старый, пробованный капкан перед тем, как поставить его для новой жертвы. Я это слышала впоследствии из разговора двух матросов на корабле.

В один прекрасный день мы, детвора, как-то все сразу разбрелись по подполью и после этого случая уже почти никогда не сидели в гнезде полностью: кого-нибудь да не доставало. То какой-либо из братьев просиживал подолгу где-нибудь за ящиками, куда забирался, испуганный внезапным шумом; то какая-либо из сестриц исчезала неизвестно куда и являлась в гнездо чуть не сутки спустя. Об этом никто никогда не заботился: ни мать, ни мы. Все мы росли маленькими себялюбцами. Это обстоятельство, да один случай, о котором я расскажу ниже, вероятно, и были причиной того, что во мне мало-помалу выросло чувство отчужденности от своей родни, облегчившее мне впоследствии тягость разлуки с родиной.

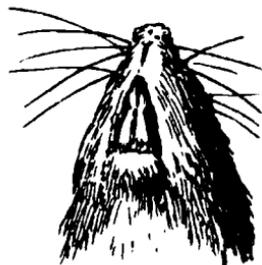
От молока матери мы отстали скоро, с первыми признаками появления резцов. Это обстоятельство несколько не мешало нам быть веселыми и сытыми.

Все жившие в подполье крысы имели очень хорошую привычку натаскивать откуда-то всяких корок, костей, старых овощей, сальных тряпок и пр. Всего этого накопилось здесь столько, что с лихвой доставало на все молодое потомство, пока оно не достигало того возраста, когда могло и само свободно промышлять. Вся детвора —

и я в том числе — очень скоро научилась утолять свой голод, наскабливая себе в рот при помощи резцов то крошек сухарей, то кусочки вкусного сала. Наша мать, хотя к этому времени уже больше не обращавшая на нас внимания, но жившая все же в своем гнезде, почти ежедневно что-нибудь тащила с собой. Если бы я хорошо не знала этой привычки, свойственной всякой порядочной крысе, то, наверное, признала бы в этом признак заботливости ее о нас.

Время от времени мы принимались за грызение щепок и досок подполья. Они были совсем не съедобны, но к грызению их нас побуждала какая-то неловкость во рту от выраставших быстро резцов. Сколько бы мы ни ели твердой пищи, наши резцы не укорачивались; наоборот: стоило только ограничиться несколько дней мягкой пищей, вроде кусков сала или мяса, как мы чувствовали уже неловкость во рту и спешили сточить о дерево и даже камень излишне выросший резец. Впоследствии я узнала из слов одного корабельного доктора, что наши зубы покрыты только спереди особым твердым веществом “эмалью”, отчего они скоро от стирания приостраются. Если не стачивать их, они продолжают расти дальше и вырастают больше, чем следует. Таким образом, грызение явилось для нас прямо необходимостью укорачивать переросшие зубы. Я бы нашла эту необходимость довольно неприятной, если бы не утешалась тем, что наша крысиная порода была зато обеспечена навсегда хорошими зубами, росшими, не переставая, всю нашу жизнь.

Скоро мы привыкли направлять эту потребность грызть в свою пользу: мы принялись, подобно взрослым крысам, крошить крупные щепки на мелкие для подстилок своих гнезд, а также выгрызать

новые ходы из подполья наверх и вниз в места, где мы чуяли найти в будущем хорошую поживу.

Это время совпало у меня с первым пробуждением моей мыслительной способности: я становилась более наблюдательной, более стала вдумываться во все, окружающее меня. Впрочем, теперь, когда я стала уже старой одряхлевшей крысой и, следовательно, вышла из того возраста, когда меня можно было бы попрекать хвостовством, я могу сказать проще: я росла выродком из крысиной породы, так как у меня развивался ум, не свойственный крысе, ум, которому впоследствии удивлялись знавшие меня люди. К великому своему сожалению, я не могла воспользоваться им на благо моих сородичей, но он дал мне возможность провести мою собственную жизнь так, как никогда еще не проводила свою ни одна крыса на земле. Но не буду уклоняться в сторону — все в свое время!

Итак, я начала мыслить. Первое, как теперь помню, поразившее меня обстоятельство было то, что многие проделанные нами ходы вскоре оказывались кем-то вновь заделанными. В том месте, где прежде зияла дыра, достаточная для прохода большой крысы, вдруг появлялась новая доска, которую приходилось вновь прогрызать. В других углах на месте прежнего хода появлялся откуда-то камень, с которым бороться нашим зубам было еще труднее. Приходилось даже бросать грызение, когда на месте бывшего хода неожиданно оказывалась какая-то масса, о которую зубы мы больше ломали, чем

точили, а губы и мордочки быстро ранили до крови. Теперь я знаю, что это было толченое стекло с глиной и щебнем, забиваемое в наши ходы нашим умным врагом, человеком. В то время я только удивлялась всему этому и, подобно остальным кры-

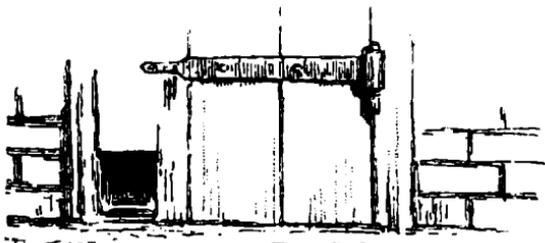
сам, ограничивалась тем, что выискивала другие места для работы своим зубам.

Пробравшись сквозь прогрызенный моими сородичами ход, я попадала обыкновенно в большое помещение с высокими потолками и хорошо освещенное длинным отверстием с железными прутьями поперек него. В этом помещении по стенам шли длинные доски и шкафы, уставленные разными предметами. Под досками также висели разные вещи. От всего несло чрезвычайно приятным для крыс запахом. Это был огромный запас съестного, и мы, крысы, считали его собственностью и никогда иначе и не думали. Соблюдая свойственную всем крысам осторожность, мы спокойно добирались до полок и всячески старались раздобыть себе чего-либо поесть, а, если можно, то и унести в свое подполье. Это было, однако, не так легко, так как приходилось пускаться на всевозможные хитрости, чтобы достигнуть до самых полок, которые начинались довольно высоко. Еще труднее было добираться до того, что висело. В минуты опасности оттуда иногда приходилось прыгать прямо вниз и порядком-таки ушибаться. Однако многие из нас в совершенстве научились добираться до этого чудного запаса и с большой ловкостью и стремительностью убираться подобру-поздорову, когда это было необходимо. А необходимо это было, к нашему огорчению, очень и очень часто: это огромное помещение было полно таинственных чар и ужасов для нас, особенно молодых крыс. Всюду нам чудились враги и всюду они были: живые и неживые...

Из живых врагов главными были люди и кошки. В то время я, конечно, не имела никакого представления об этих грозных для нас названиях, а просто ужасалась при появлении этих больших существ, умевших всячески истреблять нашу породу. Я где-то слышала, что в большом числе крысы отваживались нападать на этих врагов, но, признаться, я мало этому верю или это уже были исключительные случаи. Нас в подполье и по-соседству было очень и даже очень много. Мы спокойно могли бы сплошь облепить своими телами самого крупного человека, но мы никогда на это не отваживались: в голову не приходило. А если бы и пришло, то я, право, не знаю — была ли бы победа на нашей стороне. Впрочем, это не совсем так. Когда мы чуяли, что враг был слаб (например, когда это были дети, котят), или когда мы были в очень большом числе, или, наконец, когда кто-либо из нас не видел другого исхода, — мы становились даже дерзкими, хозяйничали, а при случае, сломя голову, кидались на врага, кусали его и из преследователя превращали в преследуемого. Но все же в нашем подполье это были редкие случаи, и все, на что мы решались, благодаря своей численности, — было смелое нападение на съестное и удирание во все лопатки только тогда, когда сильный враг наш появлялся уже слишком близко. Даже в присутствии человека некоторые из нас отваживались оставаться в этом помещении, притаившись где-нибудь в заставленном углу. Но дальше этого храбрость многих из нас уже не шла.

Как ни странно, но некоторых кошек мы боялись больше, хотя сравнительно с человеком они были ничто-

жеством. На наше несчастье, в углу той стены, которая иной раз внезапно отходила в сторону, было проделано большое отверстие, через кото-

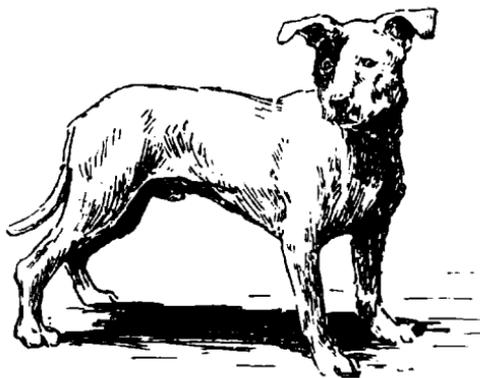

рое свободно проходила всякая кошка. Когда нас в помещении набиралось много, мы не особенно боялись кошек и на слабых даже дерзко нападали, но в единоборство вступали только с молодыми кошками, старых же старательно избегали. Особенно боялись мы одной серой большой кошки с надломленным хвостом, как-то раз где-то ущемленным. Эта кошка была просто ужасна в те

времена, когда за стеной нашей кладовой раздавался писк ее маленьких детей. Тогда многие смельчаки из нас платились жизнью за свою смелость попадаться к ней на глаза, и число посетителей этой чудной кладовой становилось гораздо малочисленнее. Молодые крысы в такую пору гибли частенько, а так как, как я выше сказала, родители крысы не дают молодежи никаких советов, то это нисколько не образумливало остальную молодежь. Если лично человеку редко удавалось загубить одну, двух крыс ударом палки или ноги, то их ловким помощницам, кошкам, собственно говоря, ничего не стоило заполучить пару-другую зазевавшихся крысенят, зацепив их удивительно рассчитанным взмахом когтистой лапы.

Эти два врага наши были, так сказать, постоянные, но были у нас и случайные, редкие, но, пожалуй, более страшные. Среди них я с содроганием вспоминаю о небольших собаках-крысоловах и в особенности терьерах. В своей жизни я видела раз, как один белый с черным пятном на глазу терьер задавил ни больше, ни меньше

как несколько десятков крыс, выпущенных с ним в одну загородку.

Много и других страшных врагов нашей породы. Я сама была раз свидетельницей, как ночью в отверстие, освещавшее кладовую, тихо влез какой-то длинный темный зверь величиной с кошку, но много уже, с пушистым недлинным хвостом и темной,

как у крысы, мордочкой. Все наши в это время были заняты обычным походом за съестным.

О, что случилось в кладовой в какие-нибудь десять минут времени, как выражаются люди!

Длинный зверь, встреченный почти без опасения нашими, с быстротой, много превосходящей быстроту кошки, налетел на ближайшую крысу и в мгновение ока прокусил ей череп. После этого он столь же стремительно бросился на другую, затем на третью, четвертую... и вскоре более десятка крыс уже лежали бездыханными!

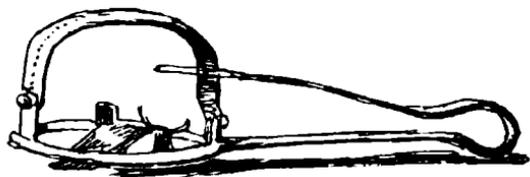
Я, не помня себя от страха, кое-как вдоль стены, под полкой пробралась в другой конец кладовой, шлепнулась там на пол, больно ушиблась и, ковыляя, добралась-таки до спасительной дыры, в которую и скрылась. В наше подполье с шумом посыпались через все ходы другие беглецы, и в кладовой наступила гробовая тишина.

Мы не скоро отважились заглянуть вновь на место нашего поражения, а когда, наконец, побороли свой страх (впрочем, он у крыс проходит сравнительно очень скоро), то нашли только трупы наших сородичей. Из голов некоторых был выеден мозг. Впоследствии, во время своих странствований, я ближе познакомилась с этим страшным зверем и узнала его название. Это был один из хорьков, которые, как мне теперь известно, совсем не охотятся на

крыс, но, отличаясь зверской кровожадностью, нападают ночью на всех, кого считают слабее себя.

Но как ни страшны наши живые враги, они все же не страшнее других врагов — молчаливых, неподвижных, но гораздо более грозных. Я разумею всевозможные ловушки, расставляемые человеком для искоренения нашей крысиной породы. Теперь я, впрочем, склонна думать, что эти ловушки только укрепляют нашу породу, так как уничтожают неловких, невнимательных, глупых крыс, а все ловкие, умные крысы, избегая западни, остаются жить и выращивают, следовательно, также более ловких и умных детей. Но не в том дело: все же ловушки — препорядочная гадость. Пожив на свете, я научилась презирать всякое лукавство и ложь. Уважая человека за его ум, я не могу простить ему его ужасных ловушек. Думаю, что и он попал бы в какую-нибудь, если бы ему кто-либо из зверей сумел бы ее поставить.

Я не стану описывать этих ужасов нашей кладовой, а скажу просто, что не один десяток самых отборных крыс погиб во всевозможных бочках с водой, предательски прикрытых мякиной трухой, в железных челюстях капканов, в щелкающих клетках, в клетках, в которые лег-

ко войти, но выйти невозможно, так как в выходе торчат острия железных игл, в удавках и еще, неведь каких страшных, отвратительных орудиях!

Но всего ужаснее для всех нас в нашей кладовой было то, что мы положительно не могли относиться с доверием к самому важному для нас — к тем яствам, которые, по нашему мнению, были в кладовой для нашего пользования. Войдите же теперь в наше положение: что

должна чувствовать умная крыса, которая после многих трудов, измышлений и уловок доберется до высокой полки со вкусным салом? Ведь, добравшись, она должна непременно задуматься: что ее ожидает? Награда ли за ее крысиные преимущества или смерть, мучительная, ужасная смерть? Последнее было и было не раз...

Особенно подозрительными для умных, пожилых крыс были длинные комочки вкусного, сладковатого теста, лежавшие даже не на полках, а прямо у наших ходов. Разумеется, умная крыса пошвелит своим носом, покосится на неожиданно объявившееся блюдо и... пойдет себе обычным путем, по старому следу, на излюбленную полку. Ну, а молодежь, обрадовавшись легкой добычей, живо и жадно схватывает лакомые кусочки, стремительно утаскивая в подполье то, чего не доест наверху.

И платятся же молодые крысы за эту необдуманность — мрут десятками! Хорошо еще, если умирать уходят куда-нибудь из подполья, а то некоторые умирают тут же и так пропахнут, что нам-то, крысам, ничего, а люди забеспокоятся и начнут вскрывать свои полы, т.е. наши вековые потолки, обнажая наши насиженные места! Труп-то найдут и уберут, ну да и вычистят жё то место, которое открыли: все тряпки, кости, корки, что служат первым кормом нашим крысенятам, всю мягкую труху, стружки — все уберут, да еще битого стекла насыплют! Просто хоть выбираться совсем из подполья. Первое-то время все крысы, действительно, и уйдут; крысенята, которые еще малы, разумеется, попадают уже в руки людей, ну а через неделю, другую опять начинается заселение подполья!

Да, подумайте, чего это стоит! Ведь нужно опять ходы грызть, мочалу да стружки таскать, провиант запасать, обживаться, прилаживаться! Вот к чему приводит неразумие молодости. Впрочем, крыс-родителей не похвалишь: детей-то уму-разуму поучить не догадываются. Ну да, в нашем подполье такой случай был только раз, а после него как-то и сама молодежь перестала обращать внимание на белые шарики да катышки.

Так-то среди приволья и опасностей и росли все мы, молодые крысы, а среди них и я: И все мы, хоть не думали, да чуяли — проживем до старости в своем подполье, а придет время умирать, заберемся куда-нибудь подальше от подполья по-соседству, да и окончим свою жизнь, забившись в какую-нибудь трущобу, вроде валежника. О насильственной смерти никто из нас не помышлял. Да, впрочем, правду говоря, ни о какой смерти мы не думали, а жили себе да жили, а гибли больше в когтях у кошек, у совы-птицы, если кто в ночное время по двору перебегал, наконец, в ловушках, а то и в крынке молока, захлебнувшись. Естественной смертью умирали, вероятно, очень мало, да и умирали ли?

На мою же долю выпало нечто иное и такое иное, что теперь я на старости и дряхлости лет не могу не вспомнить всего, что со мной случилось, потому что то, что я пережила, вероятно, не переживала, да вряд ли и переживет какая-либо другая крыса. Много перевидела я на своем веку, многому поучилась, многое узнала и теперь с особенной любовью обращаю свое одряхлевшее внимание на мою жизнь после оставления мной моей родины — теплого, уютного, сытного угла в подполье, который я покинула без грусти и за которым для меня началась новая чудная пора приключений.

II

Материнство страшной кошки. — Моя любознательность. —
Прерванный поединок. — Погоня. — Я спасена! — Чудный уголок. —
Изгнанные законные владельцы

один прекрасный день я рассталась с подпольем. Вот как это случилось.

Страшная с ломаным хвостом кошка обзавелась новым потомством. Об этом мы скоро все узнали по дружному писку за стеной нескольких созданий, которые со временем должны были вырасти и превратиться в наших заклятых врагов. У крыс нашего подполья, конечно, не было никаких совещаний, но все словно уговорились быть вдвое осторожнее, и посещения кладовой совершались уже не так ретиво.

К этому времени я выросла вполне и приняла вид красивой большой крысы прекрасного темно-бурого цвета. Хвост мой был идеалом крысиной красоты и, конечно, не был еще так ужасно обезображен ссадинами, царапинами, как у пожилых крыс. Волосы покрывали его ровно и не торчали так, как теперь, когда я пришла в почтенный возраст. Я была очень развитая крыса и свой крысиный ум считала для себя особым приятным украшением жизни. Не только все крысиные уловки мне были знакомы до тонкости так, что я могла поспорить в этом отношении со всеми стариками нашей колонии, но

мой разум далеко перешел границы крысиной учености. Я заметила в себе замечательную особенность — я научилась мыслить и рассуждать совсем не по-крысиному. Всякое событие вызывало меня на размышления, во все я всматривалась, все изучала и многое уясняла из того, что — как я хорошо видела — было совершенно непонятно другим крысам не только из соседних семейств, но даже из моей собственной родни. Мне было даже досадно, что никто не мог разделить со мной моих мыслей, предположений и сомнений. Впрочем, эта досада сидела во мне и ничем особенным в поведении моем в глазах других крыс не обнаруживалась. Если бы мои товарки могли думать и понимать больше, чем им положено природой, то они просто сочли бы меня более смелой, даже безрассудной крысой. Это им показалось бы главным образом потому, что я, видимо, презирала всякую опасность со стороны наших многочисленных врагов и расхаживала всюду по нашим владениям так же спокойно, как будто жизнь текла среди одних только благополучий.

А между тем дело было очень просто. Я мало-помалу развила в себе такую способность вдумываться в обстоятельства и вместе с тем находчивость, что в своих прогулках по нашим владениям принимала самые тонкие предосторожности. Я почти наперечет знала все западни кладовой, хорошо изучила двуногих и четвероногих врагов и даже всякую новую опасность умела почти угадывать и, угадав, избегать самым ловким способом. Согласитесь, что при таких удивительных способностях я могла быть совершенно спокойной за свое благополучие и совсем не портить моего всегда очень хорошего настроения духа.

К тому же я была всегда сыта, ела то, что считала особенно приятным для своего желудка, держала в полной чистоте свое тело, что, впрочем, у крыс положительная редкость, тщательно следила за размерами и остротой моих крепких резцов, которые кормили и защищали

меня. Да... и защищали, так как я не только умела отражать всякие нападения своих иногда задорных товарок, но даже повоевала раза три и весьма успешно с молодыми кошками, разумеется теми, в которых сразу видела неопытных врагов. Я была слишком благоразумна, чтоб пробовать единоборство с завзятыми крысоловами-кошками, а кошку с надломленным хвостом и прямо избегала, хорошо зная, что с ней мне несдобровать.

Жила я одиноко, хотя вблизи своего старого гнездовья, в углу подполья, между двумя как-то попавшими сюда кирпичами. В глубине этого угла я выгрызла себе нечто вроде логова и сладко дремала после прогулок на мягкой подстилке из нагрызенных мной щепочек. Из этого логова я частенько уходила на прогулки, или ради разведок, или ради добычи провианта, или, наконец, просто из зародившейся во мне страсти к странствованиям.

Итак, было время материнства нашей истребительницы — покалеченной кошки. Я очень хорошо знала, как никто из моих товарок, где устроилась со всем семейством эта ужасная тварь. Я даже по писку ее детворы знала, что детей у нее было не менее пяти штук, и даже пыталась сделать некоторого рода выводы о степени голода и раздражительности их матери, нуждавшейся в постоянном подкреплении сил после каждой кормежки своих котят, но это, признаться, мне совершенно не удавалось, и я бросила заниматься столь бесцельным занятием. Я удовлетворялась тем, что, забравшись раз в помещенье, где слышался противный писк котят (разумеется, я сделала это в отсутствие их матери), точно определила, что местом ее гнезда был большой ящик, наполненный соломой. Теперь я догадываюсь, что родиной котят был чулан с бутылками,

в которых, вероятно, хранились различные жидкости: вино, уксус, масло и пр. Свой осмотр я постаралась

сделать возможно поспешнее, но все же обстоятельно. Нам, крысам, это, впрочем, не в диковину, так как мы вообще отличаемся умением сразу распознавать обстановку и места, где имеются укромные спасательные уголки.

Помню, между прочим, в этом чулане имелась большая трещина в досках, которая вела, очевидно, под пол и, следовательно, была хорошим убежищем для крысы в случае опасности.

Сделав подобные сему наблюдения, я была покойна за себя даже и тогда, когда по писку котят догадывалась, что мать пришла их кормить.

В такое время я спокойно хозяйничала на верхней полке кладовой, лакомясь прекрасным мясом (вероятно, окороком ветчины). Я ловко спускалась на него по веревке, на которой оно было подвешено снизу к полке. Прислушиваясь к малейшему изменению писка кошачьего семейства, я все время была настороже, готовая во всякую минуту выполнить намеченный план на случай спасения, т.е. скакнуть с мяса на нижнюю полку, по стенке добежать до угла, по свесившейся рогоже от мешка с каким-то железом — на кадку с маслом, с кадки — на скамью, со скамьи — в угол, где уже имелось хорошее отверстие, заткнутое когда-то тряпкой, но потом вновь раскрытое нашими общими силами.

Этот обед мой был последним в родном подполье.

Вкусно закусив, я принялась было за умыванье, как вдруг в соседнем чулане произошло что-то совершенно неожиданное. Котята запищали как-то особенно нестройно. Мать, очевидно, сразу выскочила из своего гнезда, чего с ней, по моим прежним наблюдениям, никогда не случалось. Я ожидала быстрого появления кошки в кладовой через кошачью дыру и мгновенно

приготовилась к бегству. Но кошка не появилась, напротив — слышно было, как она быстро исчезла куда-то из чулана и где-то раздались ужасные крики и шум, сопровождавшиеся возней.

В таких случаях наши крысы обыкновенно особенно смело начинали хозяйничать по кладовой, пользуясь благоприятной минутой отсутствия врага, но я поступила иначе.

Моя мысль быстро заработала. Очевидно, случилось какое-то событие, которое мне нужно изучить, дабы знать, как к нему относиться в будущем. Быть может, этому решению способствовало и то обстоятельство, что я только что послала и потому никаких особых планов не наметила, но теперь я предприняла план смелый, даже

для меня. Я решила идти в кошкин чулан за дальнейшими разъяснениями.

Добраться до дыры было для меня делом нескольких секунд. Высунув в нее мордочку, я пошевелила усиками, потянула воздух, прислушалась к писку еще не успокоившихся котят и зорко оглянулась кругом, ища места, куда могла скрыться кошка. Это было нетрудно, так как чулан оказался приотворенным, и в широкую щель открывшегося отверстия я увидела все то, что меня так заинтересовало.

Чулан выходил в новое помещение, очень хорошо освещенное и обставленное такой массой разнообразных предметов, что я теперь по памяти затрудняюсь их перечислить, да нахожу это, пожалуй, и лишним. Я могу теперь просто сказать, что комната была ничем иным, как кухней, в которой наши враги, люди, из разной и без того вкусной и питательной пищи готовят еду, по их

мнению, еще более вкусную и питательную. Про себя скажу, что кухни мне впоследствии нравились только чрезвычайно приятным ароматом, и если бы я, подобно людям, напускающим в свои комнаты разные запахи цветов и еще каких-то пахучих веществ, захотела надушить свое логовище и могла выбирать духи по своему вкусу, то я остановилась бы непременно на этом чудном, благоухающем запахе кухни.

В кухне было несколько существ, из которых люди и наша кошка мне были уже достаточно знакомы. Но, кроме них, по комнате носилось какое-то новое существо много больше кошки, но меньше людей. Видом оно было для меня прямо диковинно, но теперь я просто скажу, что это была одна из собак с гладкими отвислыми, по моему безобразными, ушами.

Собака, яростно кидалась, к великому моему удовольствию, на нашего врага, стараясь схватить кошку половчее за шиворот. Нашу кошку в этот момент я бы даже не признала, если бы не предполагала встретить. Она как-то вся изогнулась, шерсть на ней встала дыбом, отчего кошка казалась вдвое больше; ломаный хвост распушился и стал похожим на хвост хорька, а голова и морда превратились в какую-то сплошную гримасу. Каждый раз, когда собака налетала, кошка как-то странно подскакивала на одном месте, и вместо ее обычного протяжного мяуканья изо рта ее слышалось странное не то шипенье, не то пыхтенье. Вслед за этим следовал быстрый взмах ее страшных лап, и я ясно видела, как сверкали в воздухе острые когти ее с намерением вцепиться собаке в морду. Но собака не унывала и, почти ложась на свои передние лапы, оставив обе задние стоять, обдавала своего соперника таким зычным голосом или лаем, как сказала бы я теперь, что, по моему мнению, одного этого лая было уже достаточно, чтобы ошеломить такого небольшого врага, каким являлась сравнительно с собакой наша кошка.

Я была от радости настолько уверена в победе громогласного борца, что решилась пробраться к самой щели приоткрытого чулана, чтобы получше посмотреть на предполагаемую мною скорую гибель нашей истребительницы. Это было опасное решение, но еще опаснее было то, что я сделала потом и на этот раз уже невольно: я вылезла совершенно из чулана и села на полу кухни на самом виду у всех действующих лиц.

Не знаю, чем бы кончилась эта удивительная борьба, так как конец ее был прерван самым неожиданным для всех образом и в особенности для меня.

Стоявшие вокруг с очевидным любопытством люди вдруг как-то особенно всполошились, закричали, замахали руками и сразу бросились в ту сторону, где, превратившись вся в зрение и слух, сидела я.

Произошло что-то невероятное... Кошка как-то сразу съезжилась, повернулась и стрелой метнулась в чулан, перемахнув скоком через меня. Этот момент был ужасен, и, как теперь помню, в мыслях моих все как-то сразу перепуталось. Где-то в груди екнуло. Я мгновенно припомнила целый ряд смертей крыс в когтях у кошек, в капках, от отрав и тут же как-то сразу приготовилась проститься навсегда с прошлой жизнью, показавшейся мне на мгновенье чудной и незаменимой. Но это был только момент, пропавший в то же самое мгновение, когда по-

ломанный хвост страшной кошки исчез в темноте чулана. За этим моментом последовал ряд других, но уже быстро, как молния, обдуманных. Я присела и, помня нашу крысиную

уловку, быстро метнулась к стене, вдоль которой помчалась, сколько во мне было сил. Я сделала это из чувства безотчетного самосохранения, но это оказалось необходимым, так как вслед за мной бросились все. Впереди неслась собака, оказавшаяся на этот раз таким же врагом крыс, как и кошка.

Встречая на пути своем разные препятствия, я быстро шмыгала вдоль всевозможных длинных и коротких стен, шедших какими-то удивительными зигзагами, встретила неожиданно целую гору из полков, скоком помчалась по ним и преследуемая опасным врагом мчалась все вперед и вперед. Если бы не зигзаги моего пути, то враг мой меня давно бы настиг. Я это сразу заметила и благодарю судьбу, пославшую мне такой извилистый путь. Но все же спасение было сомнительно и тем более потому, что враг у меня оказался не один. Откуда-то полетели какие-то предметы, попадавшие довольно метко в те места, которые я только что покидала в своем безостановочном беге. Мне приходилось бежать, увертываться и мгновенно решать труднейшие вопросы быстрого спасения. Шум и гам стояли невообразимые. Еще несколько минут такого ужасного бегства, и — я была уверена — наступит мой конец. Мысли мои, всегда столь быстрые и точные, начали путаться...

Но эти ужасные минуты были преддверием к моей счастливейшей жизни, и я благодарю судьбу, пославшую мне такое испытание.

Вдруг пред моим уже мутневшим взором блеснул яркий свет: стена, вдоль которой я мчалась, отошла. Раздался ужасный крик... Кто-то грохнулся, перегородив мне дорогу. Я вскочила на это неожиданное препятствие... чуть

не запуталась в складках каких-то тряпок... перелетела через них... метнулась через открывшееся пространство пола и мгновенно юркнула за большой круглый столб в самом углу комнаты. О, счастье! Стена и поверхность столба — то была печь, суженная в углу,— лишали возможности добраться до угла не только мчавшейся за мной собаке, но даже и кошке, если бы она была среди моих преследователей.

Но велика и несказуема была моя радость, когда в углу, который и без того казался мне спасительным, я нашла чудный ход под пол и даже со следами чьих-то острых зубов! Ход был довольно тесен для моего грузного тела, но все же вполне удовлетворительный, и я через несколько секунд могла не только спокойно остановить свой стремительный бег, но даже заняться делом, свойственным только одним безмятежным минутам жизни крыс, — умываньем, так как попала в чудный уголок для жизни такой одинокой мечтательницы, как я. Я даже удивилась такому быстрому переходу от сильного страха к полному спокойствию, но такова была, может быть, особенность моей натуры, отличавшей меня от моих других сотоварок.

Не прошло и часу, как вдоволь надумавшись о только что происшедшем, я приступила к осмотру моих новых владений. Своего угла под кладовой я не только не жалела, но как-то сразу решила не искать к

нему обратного пути. Да это было и опасно даже для такой рассудительной крысы, каковой выросла я.

Подполье, в которое я попала, было по высоте таким же, как первое, только в нем было несколько чище, так как оно, очевидно,

не было населено такой огромной колонией, какая жила в родном мне подполье. При тщательном осмотре я не нашла в нем и признаков жизни крыс, хотя какие-то существа, видимо, в нем жили и притом почти той же породы, как и мы. Как и в наше, в это подполье было натаскано много провианта в виде сухарей, замасленных тряпочек, косточек; всюду лежали нагрызанные щепочки и опилки; отовсюду шел запах крысиной породы, но гораздо нежнее, чем в нашем подполье.

Немного пришлось мне подумать, чтобы догадаться, что я попала во владения зверьков, для которых мы были, может быть, еще более опасными врагами, чем кошки для нас. Это было обиталище тех мышей, которые изредка попадали в наше подполье, преследуемые нашими общими врагами — кошками или притащенные нашими крысами-охотницами. В ближайшую ночь я воочию убедилась в присутствии мышей, заметив несколько смутных теней, проشمыгнувших вдоль стен и по углам подполья. Я выросла среди обилия пищи и, к радости своей, сумела воспитать в себе не свойственную свободным крысам незлобивость, поэтому я была бы даже довольна, если бы настоящие владельцы нового подполья вернулись к своим гнездовьям и помирились со своим новым родственником им по крови сожителем. Но эти крошечные создания, оче-

видно, среди своих положительных качеств, не обладали для того достаточной смелостью, и мое присутствие в подполье навсегда изгнало их из их исконного обиталища. По крайней мере, они не вели себя больше хозяевами, и те, с которыми случайно приходилось встречаться, быстро улепетывали от меня в узкие щелки, вполне недоступные мне.

Куда они скрылись, — я не знаю, да особенно и не старалась узнать. Я догадывалась, что столь обширное строение, по которому я пропутешествовала таким неожиданным образом, заключало в себе не одно подполье, способное вместить целые сотни семейств этих крошечных творений близкой нам породы.

Разобравшись в своем новом жилище, я принялась устраиваться в нем поудобнее. Я устроила себе уютный уголок для мечтаний и отдыха, сгрудила в кучу довольно значительные запасы провианта, натасканные прежними владельцами. Присмотрела я удобные места для подтачивания моих резцов, для чего наметила, между прочим, обломки кирпичей, причем с удовольствием отметила отсутствие даже признаков битого стекла. Наконец, я решила на случай подправить для свободного прохода ту дыру, которую прогрызли мыши и в которую я спаслась во время своего бегства. Этим проходом я решила пользоваться для своих прогулок для наблюдения за жизнью моих надпольных соседей, которых в то время я еще считала своими врагами.

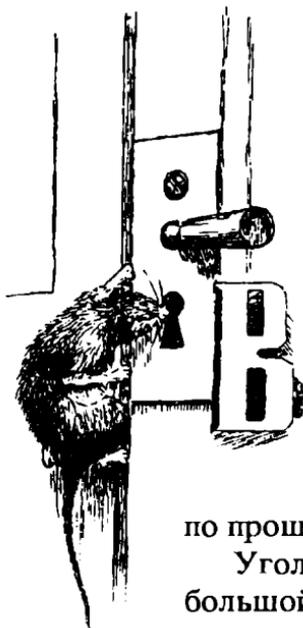
Не могу передать здесь того чувства полного удовлетворения, которое понемногу закралось в мою крысиную душу, когда я окончательно убедилась через несколько дней, что новое жилище мое было гораздо милее и уютнее прежнего, где я вела так сказать общественный образ жизни. Хотя запас пищи для продолжительного обитания и не мог на-

зваться обильным, но все же он был и не мал, а излишек на случай я рассчитывала добыть себе впоследствии, когда, пуская в ход свою сообразительность, достаточно изучу окрестности, полагая, что и они не лишены чего-либо вроде нашей огромной кладовой. Ниже будет видно, что хоть все совершилось и не так, как я думала, но все же я не ошиблась в предположении не терпеть недостатка.

III

Мои новые соседи. — Мыльные пузыри. —
Отравленный кусок. — Смерть врагу. —
Разочарование. — Приятные дары. —
Злодейский умысел. — В плену

следующую же ночь я сделала первую попытку пробраться наверх и понаблюдать за двуногими обитателями, но произвела пока только очень беглый осмотр. Ближе познакомилась я со всеми окрестностями только

по прошествии нескольких дней.

Угол за печкой оказался принадлежавшим большой и светлой комнате с новой диковинной для меня обстановкой. Описывая теперь, я могу все называть настоящими названиями. Это было просторное помещение, в котором жили дети хозяина всего того здания, по которому я так неожиданно пропутешествовала. Моими сожительницами были две девочки. Эти девочки мне почему-то с самого начала не казались страшными, и я более боялась жившей вместе с ними взрослой женщины, обращавшейся с девочками так, как будто она была им мать. Только это была не мать, как я убедилась позже. Такую женщину люди зовут няней.

Мое впечатление о характере этого существа было неблагоприятное. Я считала ее за сердитое создание, по крайней мере, по отношению ко мне. Насколько мило относились к моему присутствию впоследствии сами девочки, настолько недружелюбно встречала, завидев меня, их няня, которая, к моему удивлению, в то же время,

видимо, даже боялась меня. Признаться, мне последнее было уже совсем непонятно. Подумайте сами: мог ли быть смысл в том, что люди, истребители крыс, одновременно преследовали бы нас и боялись нашего преследования?

Я и теперь остаюсь при этом мнении и нахожу в человеке боязнь крыс чувством, неприличествующим человеческому достоинству. В своей жизни я с удовольствием отмечаю полную безбоязненность мою по отношению к существам менее сильным, чем крыса. Впрочем, под силой я подразумеваю такое свойство, которое дает животному какое-либо преимущество перед другим. Мал зверек ласка, похожий на хорька, только величиной всего в две-три мышки, поставленные одна за другой, а я его считаю посильнее себя и опасным врагом. Когда откуда-то забрался в здешние края этот кровожадный зверек и на моих глазах успешно охотился по окрестностям за мышами, я хорошо изучила его манеру нападать и навсегда отказалась от единоборства с ним. Я старательно избегала его и была несказанно рада, когда ласка, наконец, исчезла из моих владений так же внезапно, как и появилась.

Перейду, однако, в своих воспоминаниях к тем обстоятельствам, которые привели меня к знакомству не только с обитателями верха моего подполья — девочками и их няней, но и с другими обитателями дома (так звали, как я узнала потом, все помещение, где были все наши подполья).

Знакомство с двумя девочками — я вполне справедливо могу назвать их этим именем за те дружелюбные отно-

шения, которые вскоре установились у нас, столь разнообразных существ, — произошло вот как.

Как-то раз мне, от нечего делать, захотелось совершить небольшую прогулку наверх днем. Это было, конечно, безрассудством, но я очень полагалась на свое умение изворачиваться в трудных случаях.

Я бесшумно пролезла в расширенный мною ход за печкой и осторожно начала пробираться вдоль стенки, все время работая своими носом, усиками и глазами, т. е., попросту говоря, кругом обнюхивая, ощупывая и всматриваясь... Выглянув из-за печки, я увидела небольшого человечка, одетого в цветные тряпки. Эти тряпки почему-то меня более заинтересовали, чем сам человек, но дело оказалось очень просто: это были те самые тряпки, по которым мне пришлось перебираться, когда я удирала от собаки. Я догадалась, что предмет, тогда преградивший мне дорогу, был именно этот человек; это он упал с криком от испуга перед неожиданно появившейся крысой.

Маленький человечек занимался удивительным делом. Он макал длинной соломинкой в какой-то предмет, напоминавший некоторые предметы нашей кладовой, и затем вставлял эту соломинку в рот. Я была убеждена, что маленький человечек занимался самым естественным делом — едой. Мы, крысы, тоже иногда макали свои хвосты во вкусное молоко и затем облизывали его с аппетитом.

Однако дальнейшее поведение человечка было уже прямо неестественно. Вместо того, чтобы обсасывать соломинку, он проделывал с ней что-то во рту, отчего на другом конце ее раздувался большой, играющий разными цветами шар. Шар этот иногда отрывался и плавно носился по воздуху, а маленький человечек в это время прыгал по комнате и производил такой шум своими ногами, что я даже подумывала: не улепетнуть ли мне

подобру—поздорову? Но я была чересчур любопытна и мне всегда хотелось все досмотреть до конца.

Маленький человечек продолжал готовить все новые и новые шары по мере того, как первые, поплавав в воздухе, вдруг мгновенно исчезали с легким треском, едва уловимым мо-

им ухом. Оглянув комнату, я увидела, что точно таким же делом был занят другой человечек поменьше, стоявший немного подальше, а у светлого отверстия сидел вполне взрослый человек, тоже покрытый тряпками. Он шелестел какой-то связкой бумаг. Нужно ли разъяснять теперь, что это была мать, читавшая книгу и посматривавшая, как ее девочки пускали мыльные пузыри. Мыло, лежавшее тут же, я вскоре хорошо изучила, так как как-то на ночной прогулке попробовала его и нашла, к слову сказать, совсем несъедобным. Кусочки того же мыла лежали в воде, которая была налита в знакомые мне предметы — блюда.

Нужно же было так случиться, что один из больших шаров попал прямо в мой угол, и большая девочка вдруг внезапно увидела меня. Так как, встретив ее изумленный взгляд, я не прочла в нем угрозы, расстояние между нами было почтительное и я была близка от спасительной норки, — то я не двинула ни одним членом, чтобы пуститься наутек. В то время я еще не понимала языка и действий людей, поэтому единственным для меня мерилom опасности были только резкие движения со стороны моих врагов. Раз их не было, то я и оставалась спокойной.

Всматриваясь в меня, девочка издала какис-то тихие звуки, от которых в мою сторону обернулись и два другие существа — маленькое и большое. Но и эти обращенные на меня взгляды не повели ни к каким резким

движениям, и я по-прежнему спокойно оглядывала рассматривавших меня издали трех моих, как мне тогда казалось, злейших врагов.

Однако это взаимное разглядывание длилось недолго. Обменявшись несколькими тогда для меня еще непонятными звуками, большой человек и взрослое существо двинулись с места и пошли... в сторону, противоположную мне, а затем и вовсе ушли. Я осталась наедине с одним только малым человечком, который упорно продолжал таращить свои большие глаза. Подергивая усиками носика, я тоже продолжала сохранять свою позицию и даже решила, присев на задние лапки, приподняться и получше окинуть взором окружающую меня обстановку, тем более, что это было днем, когда все предметы были для меня, так сказать, не совсем в обычном виде.

Около одного из моих правых усиков у меня зачесалось, и я, на минуту забыв, где я, — принялась слегка умываться. Резкий звук заставил меня насторожиться. В растворившуюся дверь вошли снова те же лица; в руках у них я сразу заметила одно из любимейших моих яств — кусочек пахучего мяса с салом. Конечно, теперь я прекрасно знаю название этого милого блюда: то была сырая ветчина.

Оба существа начали осторожно подступать ко мне, но это было уже слишком, и мое доверие к моим новым знакомым пока не могло сохраняться ближе, как на почтительном расстоянии. Поэтому, само собой разумеется, я, сломя голову, метнулась обратно за угол, из которого могла, однако, наблюдать за тем, что будут делать мои враги. А они совершили, на мой тогдашний взгляд, большое злодеяние — лакомый для меня кусочек был брошен к моему углу. Ветчина шлепнулась почти рядом с тем местом, где я только что умывалась. Удар ее о пол заставил меня вздрогнуть и броситься в свой спасительный ход. В моей голове тотчас же создалось объяснение всего происшедшего. Очевидно, люди умыслили против

меня самое ужасное: порешили уничтожить меня коварным отравлением. Но они имели перед собой не обыкновенную, хотя и молодую крысу, а существо, прекрасно изучившее такие их коварные подходы. Смею вас уверить, что ветчина могла высохнуть или заплесневеть в моем углу: я не потрудились бы даже ее обнюхать, а тем более пробовать даже ночью, как это так часто и неосторожно проделывали мои неопытные сотоварки. Впрочем, мое презрение к людской уловке не мешало мне вновь высунуть свою мордочку и, из чувства понятного любопытства, посмотреть на слишком раннее торжество моих гонителей. Они, мне думалось, полагали, что первый шаг охоты на меня совершили удачно.

Подозрительный кусочек лежал неподалеку и предательски обдавал меня своим тонким, чудным, и, конечно, ядовитым запахом.

— Ну и пусть он лежит, — думалось мне...

Но событиям этого дня не суждено было ограничиться только этим. Долго просидела я с наполовину высунутой мордочкой, собираясь вылезть побольше, чтобы заняться дальнейшим наблюдением, как один тихий звук сразу остановил мое почти уже созревшее намерение и вызвал во мне совершенно другие мысли. Я услышала чьи-то мягкие, тихие едва-едва уловимые шаги, приближавшиеся к моему углу... Эти шаги не могли принадлежать никому иному, как кому-нибудь из ужасной породы кошек.

Будь я простой крысой, я, во-первых, может быть, и не услышала бы ужасной поступи врага, а, услышав, немедленно улепетнула бы в свое подполье. Но я была, как я не раз упоминала, необыкновенная крыса, обладавшая, кроме всех совершенств этой породы, еще более развитым соображением. Я ясно видела, что щель между печью и стеной была слишком узка даже для молодой кошки, а котенок мне был совершенно не страшен. Это обстоятельство настолько успокоило меня, что я, правда, не выдвигаясь ни на волос дальше, продолжала выглядывать из своего безопасного угла.

Шелест шагов продолжался и приближался... Запах ветчины продолжал медленно носиться в воздухе, раздражая мое обоняние.

Вот был момент двух разнородных ощущений. Вся я была полна внимания, смешанного с легким опасением, нос же против желания наслаждался чудным, понятным только крысе ароматом. Наслаждение и страх одновременно — эти два ощущения, я полагаю, не часто совпадают друг с другом!

Однако я чуяла, что враг был уже очень недалеко, может быть, у самого отравленного куска.

Вдруг у меня мелькнула мысль! Что если кошка, — а это была она, я не сомневалась более, — съест приманку, поставленную для меня? Ведь ее тогда должен ожидать тот конец, который был рассчитан для меня! Ведь одним из моих заклятых врагов будет меньше! Неужели? Возможно ли? И к моим двум ощущениям прибавилось третье: чувство охватившей меня радости пред гибелью врага!

Как хотите, а у нас, у крысиной породы, это чувство не считается нехорошим, и в моей последующей жизни я не раз удивлялась, что люди зачастую ласкали и ухаживали за своими явными врагами. Впоследствии я даже видела такие места, где люди обставляли всякими благополучиями жизнь их кровожаднейших врагов —

крупных хищных зверей. Но об этом поговорим в свое время.

Что может сравниться с моей радостью и даже очарованием, когда я услышала явственные звуки чавканья, а нос мой ощутил беспорядочное колебание ветчинного аромата. Кусок, без сомнения, исчезал в зубах одной из наших истребительниц. Вскоре я услышала даже тот едва уловимый звук, который свидетельствует о том, что последний глоток покончил с последними остатками пищи. Я ликовала...

Кошка, очевидно, не знала о моем присутствии так как не осталась сидеть, по обыкновению, в терпеливом ожидании у моего угла, где я сидела, как истукан, а прежней тихой поступью пошла прочь. Жребий брошен и выпал... не мне. Будем ждать последствий!..

Мне так захотелось узнать, кто же был моим заместителем, что я тихо, тихо, стараясь не производить ни малейшего шороха, прокралась к просвету щели, чтобы хоть мельком взглянуть на кошку. Это мне удалось, и представьте уже мой восторг, когда я увидела на высоком предмете только что вскочившую серую кошку с ломаным хвостом...

Так вот кто вынул тяжелый жребий, вот кому предстоит скорая гибель! Мне как-то сразу стало очевидно, что вместе с моим врагом погибнут еще пять-шесть таких же ужасных созданий — ее еще грудные котятка. Было от чего прийти даже в сладостное умиление!

Серая кошка умывалась, вероятно, вытирая с усов все капельки ароматного мясного сока. Умывшись, она подгнула свои передние лапы, подвернула кривой хвост и, прищулив глаза, начала издавать новые для меня звуки, еще не слышанные из уст моих врагов. Это был какой-то переливчатый шопот. Теперь бы я, конечно, не удивилась этому простому мурлыканью, выражению благодушия и довольства, но тогда я ломала себе долго голову, угадывая его значение. Три человека все еще были в

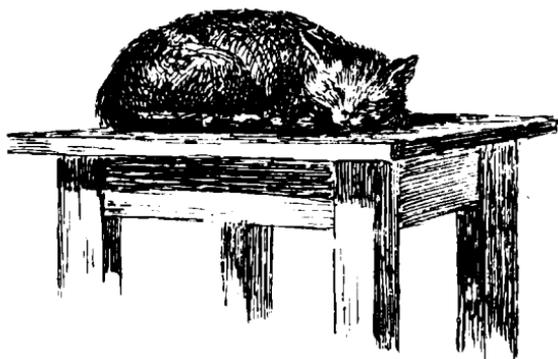
комнате, но я не осмеливалась исследовать их занятие: в присутствии кошки это было опасно.

Медленно пробравшись обратно в подполье, я ушла в отдаленнейший угол и, усевшись поудобнее, углубилась в сладостные мечтания, главным центром которых была гибель кошки. Словно во сне, я представляла себе картину ее страданий, ее уморительные предсмертные прыжки, беспомощное состояние деревенеющих членов, вытянувшееся вздрагивающее тело и воспаленные глаза. Рядом с этим мне рисовалась картина пяти барахтающихся, пищащих голодных созданий, тщетно взывающих о помощи матери и медленно замирающих в тяжелых объятиях смерти.

В таких мечтах я просидела довольно долго, так как мои, привыкшие к самым тонким оттенкам освещения, глаза говорили мне, что прошел час, другой — не менее. В нашем подполье этого срока было вполне достаточно, чтобы веселая крыса, попробовавшая отравы, превратилась в неподвижный труп. Поэтому, очнувшись, я смело, соблюдая только привычную осторожность, двинулась наверх для исследования. Как всегда, сделав несколько остановок, чтобы принюхаться и прислушаться, я добралась до отверстия и бесшумно пролезла наружу. Через секунду я была у просвета печки и стены.

О, ужас! Серая кошка лежала все на том же выском предмете, на который вскочила после еды. Это был не

труп, а живое, грозное тело, подрагивавшее в сладкой дремоте. Я в своем углу и кошка на табурете — обе мы, очевидно, провели часа два в мечтаниях и, быть может, обе в мечтаниях о

гибели своих врагов. Каким разочарованием для меня была мысль о том, что серой кошке могли грезиться также муки, но только не кошек, а крыс нашего подполья, корчившихся в ее цепких, ужасных лапах! Такого удара своим чудным грезам я не ожидала. Но отравка? Почему она не оказала своего губительного действия? Может быть, то, что ядовито для нас, то полезно для кошек? Нет, это не так. Я хорошо помню, как из нашей кладовой люди выбросили за хвост двух громадных котов, посвятив отравленного мяса для крыс. Очевидно, что и на этот раз нельзя было предполагать безвредности отравы для серой кошки.

В чем же дело? Может быть, еще рано, и яд пока не подействовал? Но нет... и этого не должно быть, так как я хорошо знаю, что очень скоро после принятия отравленной пищи крысы становились беспокойными, их мучила жажда, они металась, как угорелые, и искали всюду смутной помощи. А тут налицо самый мирный безмятежный сон и полное благополучие. Дело в чем-нибудь ином, а не в силе яда.

Как ни странно, но простое разрешение этого жгучего для меня вопроса, что *мясо не было отравлено*, мне в то время в голову не пришло. Я даже расхрабрилась и захотела уверить себя насильно в том, что кошка мертва, но это было уже прямо глупо. Но чего не сделаешь с отчаяния! Я перестала быть осторожной и даже, как бы нарочно, зашумела в своем углу, задев за отставшую от стены какую-то бумагу.

Этот резкий шелестящий шорох тотчас донесся до спящей кошки, которая, не просыпаясь, вдруг насторожилась. По крайней мере, я ясно видела, как ее подвижное ухо, усаженное изнутри чувствительными волосками, направилось в мою сторону.

Кошка была жива — в том не было никакого сомнения, и производить дальнейшие опыты было безрассудно. Конечно, я не боялась нападения, но заявлять кошке чем-либо о месте моего жительства также вовсе не входило в мои планы. Это значило бы создать себе ни с того ни с сего новые опасности для будущих вылазок из моего нового жилья.

Мясо не было отравлено — это вне сомнений. Но тогда зачем было людям бросать его мне? Это так не вышло с хорошо изученным мной постоянным прибегающим к капканам, ловушкам, отравам, что я ломала голову над разрешением нового обстоятельства, и все это... тщетно. Я узнала всю правду гораздо позже. Ах, какая это была чудная правда!

Два или три последующих дня я провела, не выходя из своего подполья, по-прежнему питаюсь запасами, собранными мышами. Даже ночью я не выходила, боясь шорохом своим выдать свое присутствие кошке, неожиданно посетившей мою верхнюю комнату. Но на четвертый я решилась на новую вылазку. Ведь, только смелые могут рассчитывать на удачу!...

И удача была...

Только что я высунула свой нос из хода, как ощутила вновь чудный аромат ветчины. И действительно: вылезши, я увидела, что около угла моего лежал еще более лакомый кусочек. На этот раз он был даже особого, более тонкого сорта; очевидно, он вышел из той пахучей комнаты, где я смотрела на поединок кошки с собакой.

Есть или не есть или по крайней мере попробовать или не попробовать? — явился немедленно густущий для всякой лакомки-крысы вопрос.

Что мясо было не отравлено, в этом я теперь уже была уверена. Что хитрые люди иногда нарочно подкармливают зверьков безвредными яствами, чтобы в конце концов, усыпив их осторожность, погубить их отравленными, — я тогда еще не знала. Но, ведь, за куском этого

чудного блюда могла скрываться какая-нибудь еще более хитроумная ловушка? Кошка в комнате быть не могла, иначе она съела бы кусок сама. Никакой шум не выдавал чьего-либо присутствия. Сознайтесь, что являлось много причин быть смелой.

И я решилась.

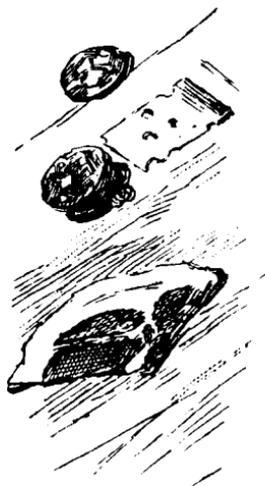
Осторожно подобравшись к чудному мясу, я схватила его зубами и мигом утащила в свое подполье: никакой ловушки расставлено не было...

Затащив с радости свою добычу в самый отдаленный угол, я уселась поудобнее и принялась за еду. Ах, как чудно, бесподобно было это блюдо! В душу мою вместе с каждым новым глотком вступало неизъяснимое блаженство...

Вдруг мне вновь блеснула мысль об отраве, и аппетит мой сразу упал: добрая четверть блюда осталась недоеденной. Я затревожилась и в этой тревоге провела довольно продолжительное время, забившись в своем углу подполья. Но по мере того, как время шло и никаких признаков отравления не наступало, настроение мое все улучшалось, а вместе с ним возвращался и аппетит. Кончилось тем, что я еще с большим наслаждением досла остатки вкусного блюда и основательно умылась после такого чудного завтрака.

После хорошей еды мы, крысы, склонны бываем ко сну, и я имела на этот раз полное право не заниматься разрешением каких-либо вопросов, обыкновенно то и дело возникавших в моей жизни. Я основательно выпалась и проснулась с мыслями о том, что жизнь вообще есть прелесть, а такая, как моя, еще и особенная...

Последующие дни и ночи шли быстро одни за другими, и все они отмечались одним общим обстоятельством, которое казалось мне одинаково загадочным: у своего угла я очень часто находила положенными самые разнообразные лакомства из тех, которые мы в нашей кладовой считали всегда отборными. Это удивительное явление

ние имело еще и ту хорошую сторону, что я могла до поры до времени не рисковать отдаленными прогулками за запасами и в то же время могла начать составлять из недоеденного небольшие запасы на случай какого-либо насильственного затворничества. Будучи крысой, я все-таки не жаловала присутствия опасных соседей и не решилась бы на вылазки в случае многолюдства у меня наверху.

Свою жизнью я, как сказала, была очень довольна и мало думала о будущем, которое не хотела считать менее удачливым. Однако дальнейшие события привели к таким обстоятельствам, которые вдруг вновь перевернули вверх дном ход моей крысиной жизни. То, что я считала дружелюбным ко мне отношением людей, — чему, к слову сказать, я не переставала недоумевать, — оказалось таким тонким коварством, которое оставляло позади себя все людские уловки в нашей кладовой.

Одно событие привело еще к более тесному знакомству и сближению моему с моими верхними соседями и на этот раз против моей воли. Только много позже я назвала этих людей своими друзьями, а в те минуты, которые собираюсь описывать, они казались мне ни более, ни менее, как злыми чудовищами. Судите сами из последующего рассказа.

Я так привыкла к появлению у моего угла вкусных лакомств, что даже с нетерпением ждала их, когда они долго не появлялись. Иногда мое нетерпение от ожиданий приводило меня к смелым появлениям перед лицом всех верхних обитателей, и, если бы люди, видевшие меня в эти времена моей безрассудной смелости, могли читать мои мысли, они прочитали бы в моих глазах упреки

за прекращение забот о моем продовольствии. Должно быть, они все-таки что-нибудь да угадывали, так как вскоре после таких моих визитов у угла моего вновь начинали появляться новые лакомства. Я стала уже разборчивой и, утачив положенное, тотчас же появлялась вновь, если блюдо не было особенно лакомым; напротив — надолго скрывалась, когда получала хорошую порцию настоящего крысиного яства, среди которого поджаренная ветчина занимала первое место. Люди смекнули это нехитрое обстоятельство и воспользовались им для их действительно злодейского умысла.

Я должна прибавить, чтобы пояснить тонкость их ума, что условия, при которых я обретала свою даровую пищу, были самые разнообразные. Первое время это меня смущало, но потом я перестала обращать на это внимание и... напрасно, если ценить события только по ближайшим случаям.

В самом деле, я находила свои лакомые куски разно: то они просто лежали около угла, то они были завернуты в бумагу, то воткнуты, не знаю для чего, на палку, то на каком-нибудь блюде, а раз даже подвешены на веревочке к верху табуретки, придвинутой к углу; это потребовало от меня особой уловки добыть их. Я должна была вскочить на табуретку и предварительно подгрызть веревочку. Нет ничего удивительного, что я раз нашла свою порцию нацепленной на крючок, свесившийся в какой-то блестящей загородке. Очевидно людям нравилось следить за моим искусством утаскивать свое, освободив его от хитрых приспособлений. Я была особенно смела, так как кошки не было и в помине, а раз я даже явственно слышала, как ее просто выгнали из верхнего помещения.

И вот в один прекрасный вечер, найдя свою ожидаемую добычу в вышеупомянутой загородке, я смело вступила в не особенно просторный ход между железных прутьев и с сознанием, что беру свое, приступила к снятию куска ветчины с крючка.

Увы! Это занятие было роковым...

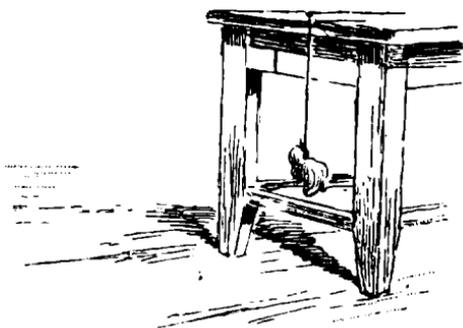
Первые же мои попытки стащить кусок привели к таким неожиданностям, что я и теперь без содрогания не могу вспомнить о тех ужасных минутах. Внезапно что-то хлопнуло, и весь решетчатый предмет как-то весь прыгнул. Секунда!.. И я бросилась обратно из узкого прохода, но... он был уже перегорожен твердой гладкой стеной.

Не теряя минуты, я быстро забегала среди прутьев, забыв о мясе, ища свободного выхода, чтобы хоть временно убежать от подозрительного грохота. Но тщетно: кругом были одни только прутья, да эта непонятная для меня твердая стенка. Я металась, как безумная, из стороны в сторону, вцеплялась когтями и зубами в прутья, пытаясь их перегрызть или отогнуть, теребила болтавшийся у потолка крючок с неоторванным куском.

Но все усилия мои были напрасны: везде я встречала то вещество, которое совершенно не поддается нашим зубам. Одно только дно было деревянное, но и в него вцепиться или вгрызться было трудно, так как оно было ровно, и прутья отвесно упирались в самый его низ. Все же я не теряла присутствия духа и быстро работала то там, то здесь своими острыми резцами, желая, хоть немного, увеличить до невозможности узкие промежутки между прутьями и дном. Однако я только быстро и заметно уставала, ни на волосок не приближая себя к спасению из дьявольской

ловушки.

Конец, конец... Еще несколько времени, и я обращаю внимание на себя кого-нибудь из живших здесь людей. И в какую минуту! Когда я не имею поблизости ни малейшего признака

спасительного убежища — ни тесного угла, ни перевернутой кадки, ни, хотя бы мышшиной, дырки...

Ужас! Самый страшный крысиный ужас! О, люди, как вы беспощадны!..

Грохот захлопнувшей западни и моя возня в узкой клетке действительно привели к тому, что на длинном предмете, стоявшем вдоль большой стены, вдруг ясно обозначилась фигура встающего человека. Это была страшная няня детей. В прежние встречи она глядела на меня со злобой и в то же время со страхом, но на этот раз я встретила только злобный взгляд, в котором пробежала даже усмешка.

Фигура отделилась от стены и подошла к ловушке. Никогда раньше я не видала так близко от себя человеческого существа. Оно протянуло свою длинную руку, взяло за что-то всю предательскую ловушку и вместе с ней подняло меня на воздух.

А я? Я даже не имела возможности, защищаясь, вцепиться своими зубами в эту огромную страшную руку: крепкие прутья отделяли мою мордочку от этих жирных пальцев, которые я, не смотря на свой страх, изгрызла бы в мгновение ока.

Но судьба была не за меня... Белая женщина — она была в белом — понесла ловушку вместе со мной в другой угол и поставила ее на табуретку, на которой когда-то мирно спала серая кошка, съевшая принадлежащий мне по праву кусок. Поставив ловушку, женщина опять ушла на свое место, а я еще с более отчаянным рвением заработала над прутьями проклятой западни.

Наступила тихая ночь. Тишина ее прерывалась только скрипением неподдававшихся моим зубам прутьев, да еще противным дыханием трех человеческих существ. Конец... несомненный конец! С пробуждением дня меня должна постигнуть ужасная смерть. Как она свершится, — я не знала, но чуяла, что это будет смерть. Подобно всем неразумным крысам подполья, над которыми так

подсмеивалась, я должна закончить свое существование насильственной смертью.

На другой день, когда, утомившись от бесплодной работы, я с помутившимся взором притаилась в бесприютном углу железной западни и приготовилась покориться своей ужасной участи, передо мной протек целый ряд событий, смысл и значение которых я представляла себе очень смутно.

Помню, что я вновь начинала биться, что на меня очень близко смотрели несколько пар людских глаз, в том числе и двух девочек, что кто-то раза два испустил крик ужаса, когда я подсакивала слишком близко к смотревшим глазам. Помню даже, что передо мной откуда-то промелькнули злые глаза ссрой кошки, что где-то раздавался знакомый мне гул лающей собаки. Но все это у меня тогда сливалось в сплошной сумбур без мыслей, без впечатлений. Только сумбур этот тянулся томительно долго, и я неизменно оставалась в своей узкой темнице. Для всякого спокойного зрителя, каким я, конечно, быть не могла, было бы очевидно, что мою смерть почему-то отдаляли. Несколько яснее я стала соображать, когда меня внесли в огромную комнату с новым диковинным подбором предметов.

Теперь, спокойная повествовательница, я могу сказать, что это был огромный кабинет отца девочек, уставленный шкафами с книгами, рабочими столами, горшками с цветами и различными клетками и ящиками, в которых, оказалось, жили узниками также различные зверьки и птицы.

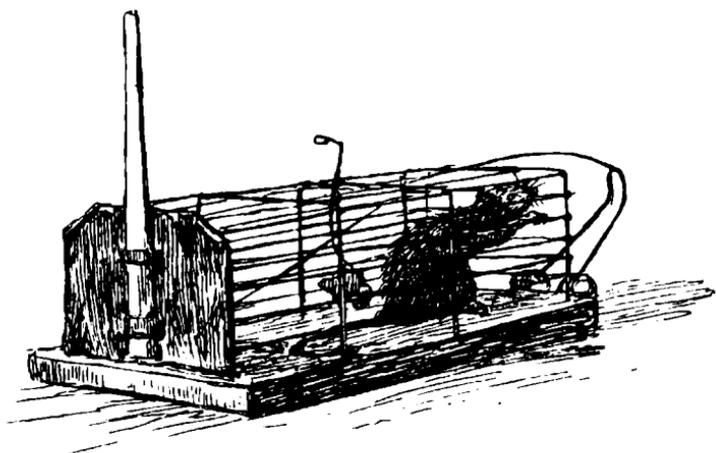
Мою ловушку поставили на стол перед огромным светлым отверстием, широким окном, как следует сказать теперь. В эту комнату меня внес сам хозяин кабинета, большой человек с глазами, которые показались мне тогда страшными, но в которых в моей последующей жизни я видела необыкновенную доброту.

Время от времени я продолжала еще свои тщетные

попытки выбраться, но большую часть времени все-таки проводила в спокойном забытьи.

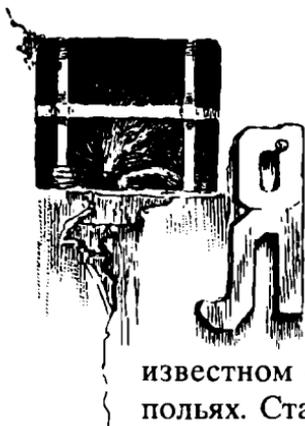
Однако никакое чувство не бывает бесконечным, и мало-помалу моя голова также начала проясняться и в ней закопошились мысли. Волей-неволей, а пришлось сколько-нибудь обдумать мое настоящее положение, которое как-то само собой перестало быть безнадежным.

Дальнейшие события показали, что это было так и в действительности.

IV

Мое новое помещение. — Кабинет и его обитатели. — Одиночество и его последствия. — Первые шаги самообразования

и теперь еще недостаточно ясно представляю себе причину, почему я, не в пример остальным крысам дома, не была убита, а, напротив, попала в условия, еще более благоприятные в известном отношении, нежели жизнь в двух подпольях. Стараясь разрешить этот вопрос теперь, я останавливаюсь на мысли, что тут дело было не без участия двух девочек и их матери, которые в последующей моей жизни, как будет видно, осыпали меня одними только ласками.

Впрочем, справедливее всего будет отнести все просто к счастливой судьбе моей, не допускавшей рано погибнуть такой рассудительной крысе, какой я была тогда и какой еще более стала впоследствии.

Не прошло дня после пережитых ужасов, как я была водворена в просторное помещение из железных прутьев и с металлическим дном. Это помещение было неизмеримо мало в сравнении с подпольями, но оно было все же просторно для свободных движений, а главное, находилось в чудном месте. Клетка, о которой идет речь, стояла на широком подоконнике неподалеку от большого стеклянного сосуда с растениями и водой, в которой двига-

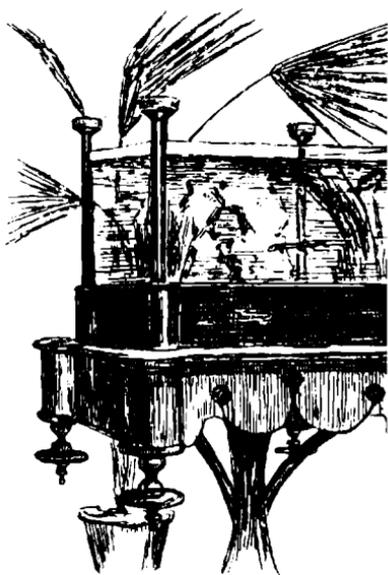
лись предиковинные в то время для меня создания — рыбы.

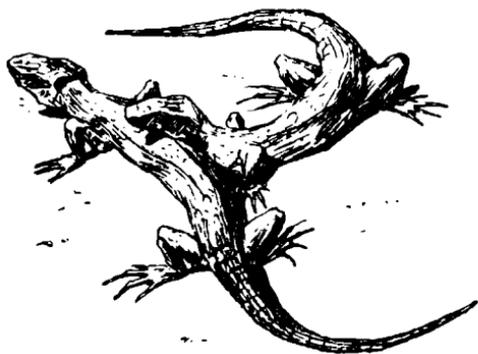
Я видела их еще впервые. Окно выходило на просторное место, обставленное какими-то высокими предметами с цветными вершинами; между ними вились вдаль желтые, широкие пути, цвета подпольных опилок. Они шли среди цветистых кучек и подстилок. Короче — таким мне показался тогда чудный сад в цвету, на который выходило окно рабочего кабинета хозяина дома.

Сам кабинет, когда я свыклась с неволей, был для меня интересен не своеобразностью новых для меня предметов, — я начинала привыкать к постоянной смене обстановок, — а тем, что он был полон жизни. Я говорю не о людях, которые то и дело приходили сюда, а о тех новых для меня животных, которые, подобно мне, жили здесь, хоть в холе, да в неволе.

В то время я долго не могла успокоиться от сильных впечатлений, производимых на меня всяким новым живым созданием, так неожиданно появившимся перед моим испуганным взором. Но теперь, когда все в далеком, дивном прошлом, я постараюсь отнестись спокойнее к своему повествованию.

Моими соседями по несчастью или счастью, как хотите, были: рыженькая белка, как оказалось впоследствии, довольно глупое существо, три премилых, но тоже глуповатых кролика, серый попугай, сидевший в высокой клетке, разные ползающие и шмыгающие животные, жившие в просторном ящике, покрытом

сверху проволочной сеткой, да рыбы, о которых я уже упомянула. Это были постоянные обитатели кабинета, а временами в нем бывали и другие.

Попав в свою просторную клетку, я первым делом позаботилась об уголке, в который могла бы скрываться, хотя бы от глаз непрошенных свидетелей. Это оказалось делом очень легким, так как в углу клетки был прикреплен целый деревянный глухой, но с хорошим круглым входом ящик, посыпанный на дне опилками. Присутствие дерева было приятно мне в том отношении, что под боком имелся запас материала, годного для подтачивания зубов.

В этом ящике, как и во всей клетке, была та особенность, что дно по желанию хозяина кабинета — в этом я убедилась еще в день моего водворения — куда-то задвигалось с лежавшими на нем опилками и под ним оказывалось новое дно, но уже чистое. Впоследствии я вполне поняла это странное обстоятельство, так как таким путем ко мне каждый день появлялась новая подстилка из свежих чистых опилок. Это мне было по душе, так как я еще в своем старом подполье среди своих сотоварок отличалась любовью к чистоте.

Надо сказать правду, что первые дни я предпочитала сидеть в своем не совсем уютном, но все же защищенном убежище и вылезала из него только по ночам. Мучимая голодом, я выходила с щемящим чувством не найти нигде чего-либо съестного, но как приятно было мое изумление, когда я то и дело находила на полу своей тюрьмы все, что необходимо для крысиного желудка и зубов. Последнее обстоятельство меня особенно радо-

вало, так как, сами посудите: каково, за неимением ничего другого, разрушать собственное и единственное убежище для того только, чтобы подтачивать свои зубы! Я находила положенным и косточки, и корочки хлеба, и овощи и кусочки моего излюбленного лакомства — поджаренной ветчины. К стыду своему должна сознаться, что я все-таки кое-где погрызла деревянные стенки моего ящика. Что делать: мы так любим наши зубы!

Первое время меня огорчало только, что я не могла делать, по привычке, запасов, но я скоро перестала об этом думать: стол мой всегда был обилен, и я никогда не могла жаловаться на голод. У меня даже был крепкий прозрачный сосудик со свежей водой. Свежая вода! — это была уже роскошь...

Но самое главное это то, что мне приходилось жить снова в обществе и, что меня смущало, очень часто в обществе людей. Правда, я скоро убедилась, что прутья клетки, не допуская моего бегства, в то же время защищали меня от вражеских нападений, но я очень хорошо заметила, что людям ничего не стоило пробраться рукой ко мне через поднимавшуюся стенку, т.е. дверцу клетки. Впрочем, в случае чего, я была всегда готова пустить в дело свои острые зубы. Жить на виду у всех мне было очень не по душе, и я подолгу просиживала у себя в ящике, придумывая способы избегать общения. Однако, придумать я ничего не придумала, а через несколько дней просто вполне свыклась со своим положением. Я даже перестала бояться взглядов и движений своих обычных посетителей, из семьи моего хозяина — буду так называть хозяина кабинета, — а спустя недели две давала им щекотать себя сквозь прутья по шерстке и брала прямо из рук приносимые мне лакомства. На этом, впрочем, останови-

лось все наше общение, но все же с этого времени я перестала их считать врагами, по крайней мере, по отношению ко мне.

Особенно любила я посещение двух маленьких девочек, которые таскали мне разные разности, иногда даже, к удивлению моему, совсем не съедобные. В таких случаях я считала подарок предметом для точения моих зубов. Таким образом я раз уничтожила, правда безо всякого дурного умысла, принесенное мне подобие человека, за что неожиданно получила несколько диких взглядов и сердитых звуков со стороны няни. Я должна сознаться, что я так и не могла привыкнуть к этой женщине и при ее появлении у клетки уходила в свой ящик.

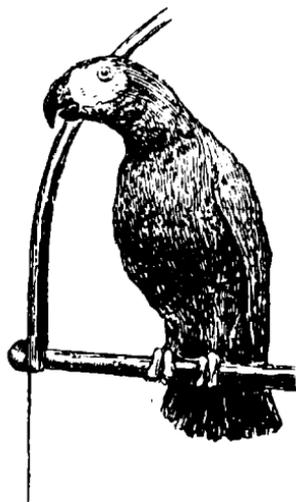

В последующей жизни моей я не раз убеждалась, к великому своему огорчению, что большинство людей ненавидит нас, и даже внешний вид наш у них вызывает нечто, вроде омерзения. Знаю, что многие из нас живут очень нечистоплотно, но зачем распространять недоброжелательство на всю крысиную семью? Чем мы виноваты, что природа указала нам известный образ жизни и придала этот вид, который так непривлекателен в глазах людей? Это великая несправедливость, так как мы во всем этом столько же виноваты, как те, кто ненавидит нас.

О, как дороги мне теперь те немногие люди, друзья животных, которые и в крысах видят законные творения природы! С каким чувством благодарности вспоминаю я теперь тех первых друзей — двух девочек и их отца! Но... вернусь лучше к описанию своей жизни около этих людей...

Животные, жившие поблизости от меня, интересовали меня прежде своим видом, но потом я старалась вдуматься в значение их движений и вообще поведения. Это была трудная задача, удававшаяся мне только отчасти.

Я, например, изучила, что попугай, когда он был в добром расположении, кричал как-то особенно отчетливо и при этом удивительно напоминал крик людей. Когда же он был сердит, то орал благим матом, пока раздосадованный хозяин не покрывал его клетку темным плащом. Тогда птица успокаивалась. Белка, по-моему, была просто дурочка, которая не носилась ни с какими мыслями, а поев — бегала в какой-то вертушке, побегав — сла, поев — спала, поспав — опять бегала, и так — бесконечно. Я много думала, зачем устроили ей

эту вертушку, но узнала об этом уже на склоне своих лет. Оказывается, что проворство этого зверька требует постоянных упражнений, и без этого беганья белка сильно тосковала бы. Не знаю — так ли это? Я, ведь, сама не принадлежу к числу попусту бегających животных.

Кролики, в которых я признала, как и в белке, некоторое сходство с собой по устройству передних зубов, — у них, впрочем, их больше, чем у белки, — были вечно заняты едой и сном. Рыбы и животные большого ящика не навели меня ни на какие размышления. В то время они мне казались только потому и живыми, что двигались. Никаких соображений у них я не допускала. Жизнь меня научила, что я в этом глубоко ошибалась.

Однако так жить, как я жила, т.е. довольствоваться беспечной жизнью, можно было только на воле, где вся прелесть жизни выражается в полной свободе действий и в спокойном ожидании будущего. Какая же свобода действий была доступна для меня в этой клетке, хотя и богатой? И какие мечты могла я иметь о будущем? Все мои действия были ограничены тесным кругом области клетки.

Сидя у себя в ящике, я понемногу из простой любознательной крысы превращалась в крысу-мыслителя, так как поставила себе трудно разрешимый вопрос: чем заполнить в душе своей то место, которое освободилось с потерей свободы? Над разрешением этого вопроса я ломала свою голову целые дни и ночи. Впрочем, с внешней стороны никто бы этого не заметил, так как я, наверное, казалась всем добродушной крысой, вполне примирившейся со своей судьбой, исправно евшей, забавно умывавшейся и разрешавшей некоторым щекотать ее шерстку. Но вот одно событие вновь изменило характер моей жизни, на сей раз уже не внешние ее проявления, а мой внутренний мир.

Как сейчас помню, в кабинет вошел однажды вместе с хозяином какой-то господин, и они принялись с жаром разговаривать. Так выражаюсь я теперь. Тогда же, прислушиваясь, я слышала какой-то хаос звуков, издаваемых ими. Тут были самые разнообразные звуки: и шипящие и жужжащие, и резкие и мягкие, и певучие и сухие, отрывистые. Я слушала от нечего делать, но вскоре оба беседующих меня заинтересовали, так как от разговора они перешли к странному действию. Оба подошли к кроличьей клетке и, вытащив за уши двух из них, стали с ними что-то проделывать. Бойкие в другое время животные, после каких-то действий над ними, как-то особенно присмирели. Один из них, положенный на пол с вытянутыми врозь ногами, так и остался лежать, не шелохнувшись.

Оставив кроликов, оба приятеля подошли к попугаю и, несмотря на сопротивление и крики птицы, вытащили ее вон. Над попугаем тоже было что-то проделано, после чего птицу положили на пол, прижав ее клюв. Затем каким-то черным, вынутым из печки предметом была проведена черта на полу от самого клюва. Попугай совершенно стих и казался ошеломленным. К удивлению своему я увидела, что птица не двинулась даже и тогда, когда

ее оставили свободно лежать на полу. Точно ее привязали за клюв к полу. Положительно хозяин и его приятель совершали чудеса.

То же самое или что-то подобное было проделано с белкой и, наконец, со мной. Разумеется, я было воспротивилась насилью, но вскоре почувствовала тоже какой-то столбняк и на потеху моих мучителей, вероятно, проделала что-либо вроде того, что совершили мои четверногие и пернатый соседи. Когда я очнулась, я была уже в клетке, которую старательно запирали мой хозяин.

После таких поступков оба приятеля, как ни в чем не бывало, вновь уселись около стола и продолжали свои непонятные для меня жужжанье, шипенье, возгласы и крики.

Одно я поняла: звуки, издаваемые ими, относились к только что проделанным опытам, так как хозяин и его знакомый время от времени кивали или показывали на нас и даже подходили и пальцами дотрагивались до разных мест птицы, белки и кроликов. О, как мне хотелось проникнуть в их тайну!

Теперь я знаю отчасти эту тайну, хотя, признаться, совершенно ее не понимаю. Это явление полной покорности приказаниям и принятие самых неудобных поз объясняется действием внушения и зовется у людей "гипнозом".

Описанный случай произвел на меня сильное впечатление. Он наваял на меня смутную думу. Что-то странное стало делаться в моем мозгу. Я стала как-то особенно сосредоточенной. Мой досуг стал рабочим временем для моего ума. Я думала, думала и додумалась...

О, с каким благодарным чувством вспоминала я впоследствии эту милую для моих старческих воспоминаний клетку, казавшуюся мне когда-то тюрьмой!

Да, это была тюрьма, но она была в то же время источником широкого душевного удовлетворения! Здесь, в этом тесном жилище, зародился в моей голове тот удивительный план, осуществление которого возвысило меня над остальными животными, приблизило к недостижимому нам, животным, идеалу — человеку и создало мне то великое чувство веры в себя, которое во всю мою последующую жизнь поддерживало меня в минуты невзгод и увеличивало нолноту моих счастливых дней.

В моем подневольном жилище я дошла в своих думах до мысли стать ближе к окружающему меня живому миру, дарившему мне все новые и новые знакомства, до мысли изучить все внешние действия живых существ настолько, чтобы по ним судить о желаниях и намерениях. Другими словами, я решила разгадать язык животных, ту речь их, которая выражается во всевозможных звуках и движениях. Особенное внимание я решила обратить, конечно, на людей, которых считала высшими существами уже тогда, когда мой настоящий ум еще только пробуждался.

Я бралась за непосильное занятие, но оно не испугало меня, тем более, что я от него ничего не теряла: свободного времени у меня всегда было много, а на хлебах у хозяина и в особенности. Мешать мне никто не мог, и в сущности я была предоставлена себе самой. Никто особенно мной и не интересовался. И вот весь свой подневольный досуг я начала правильно посвящать своему великому делу самообразования. Если бы в те первые дни моего изучения языка я понимала речь людей, я, навер-

ное, услышала бы о себе, что стала особенно ручной, приятной, веселой и общительной крысой. Я почти все светлое время суток проводила вне ящика, всматриваясь во всех и вслушиваясь в речи людей и крики окружающих меня животных.

Но как трудны были первые мои уроки!

Теперь, когда я уже успела пожать плоды моей когда-то кропотливой работы, я с чувством приятного и гордого удовлетворения излагаю эти первые шаги моего самообучения.

Я решила не разбрасываться и приступить к трудной задаче не сразу. Некоторое начало уже было сделано мной ранее, так как я уже привыкла разбираться в разнице между криками восторга и ужаса, радости и горя; понимала по общему состоянию духа моих соседей, когда они были голодны, когда сыты; разобралась даже в том, какое настроение можно было назвать благодушным, какое — равнодушным, какое — гневным.

Впоследствии я убедилась, что нам, неразумным сравнительно с человеком животным, такое изучение душевного состояния по мимолетному общему обзору должно даваться легче, чем самому человеку, так как едва ли он обладает для того такой остротой зрения и впечатлительностью, как мы, звери. Для нас они имеют жизненное значение.

Мы, звери, живем в естественных условиях природы, и ночь для нас — ночь, восход солнца — утро, его закат — вечер. Люди же давно отняли у ночи часть времени и продолжают свои дневные дела при искусственном свете. Едва ли это проходит для них безнаказанно, и я, старуха, серьезно подозреваю: не от этого ли люди носят на носу различные стекла, которые они зовут очками и еще как-то. Люди избаловали себя теплым жильем и одеждой зимой и разной защитой от летней жары, и я, грешным делом, думаю: не от этого ли у них происходят разные простуды и другие болезни. Люди, наконец, покорив мир вы-

думанными ими машинами, оружием и уловками, перестали бояться природы и утратили потому часть своей внимательности, наблюдательности и разные сноровки. Того понимания, которое связано не с умом, а со сметкой, у нас, зверей, теперь больше.

Итак, благодаря тому, что я была вполне исправной и неглупой крысой, я многое уже успела позаприметить ранее.

Первой же новой задачей я себе поставила: запомнить те частые звуки, которые я слышала ежедневно в своей комнате, причем непременно запомнить время, место и те обстоятельства, при которых эти звуки раздавались. Пока я не останавливалась на каком-либо отдельном существе, а обратила такое особенное внимание на всех вообще.

Для этого я провела один день в полном напряжении своего слуха. И вот каковы были результаты на другой день к вечеру, когда я, укрепив в памяти звуки первого дня, проверила их во второй.

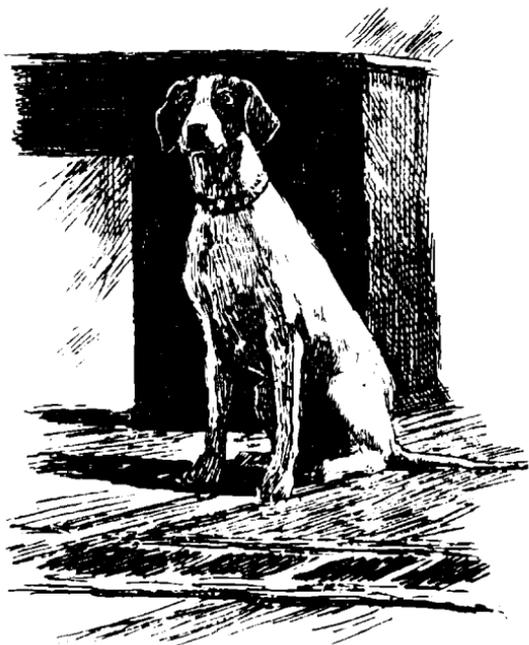
Я отметила, что мой хозяин издавал один и тот же тихий крик, когда в дверь раздавался легкий стук, а после этого тихого крика в комнату входил кто-нибудь из людей.

Я заметила, что очень часто при входе какого бы то ни было существа, даже собаки, — кстати сказать, я стала ее частенько видеть бегавшей по кабинету и саду — попугай громко издавал какое-то однообразное тараторение.

Я заметила... да, впрочем, выпишу просто, сколько теперь помню, некоторые частые звуки одного изученного мною дня.

Хозяин кричал одно и то же перед тем, как собака ложилась в углу, хозяин кричал что-то другое, но всегда одно и то же, и — собака приходила к нему. Маленькая девочка говорила что-то очень коротенькое и ясное, когда мне что-нибудь давала. То же самое говорили другая де-

вочка и хозяин, но они прибавляли еще несколько звуков. Я только впоследствии догадалась, что маленькая девочка произносила, по незнанию, меньше разговорных звуков, чем старшая девочка или их отец. Собака всегда одинаково взвизгивала при встрече с хозяином и особенным, но все же всегда в такие минуты одинаковым образом лаяла, когда за окном

кто-нибудь проходил. Серая кошка, появления которой я перестала пугаться за своей крепкой клеткой, известным образом мяукала, когда стояла за дверью, и она же издавала другие ужасные звуки в саду, когда я видела ее дерущейся с другими кошками... И т.д., и т.д., и т.д.

Память у меня была прекрасная, и все звуки стояли передо мной, как живые, только что произнесенные.

На третий день, когда кто-нибудь стучал в дверь к хозяину, я за него мысленно кричала его криком и немедленно к радости своей слышала, как он действительно испускал выученный мною крик.

Увы, радость удачи первых моих уроков омрачалась невозможностью самой воспроизводить чуждые звуки! Этой способности я была лишена навсегда. Эту способность, но в очень слабой степени, я впоследствии нашла только у некоторых птиц — у нашего попугая она тоже была — и у некоторых людей, которые в действительности неподражаемо передавали крики всевозможных животных. Но не буду уклоняться в сторону, как это ни естественно у существа, пишущего свои воспоминания.

Я по несколько раз в день проверяла свои наблюдения предыдущих дней, и моя изумительная память меня положительно не покидала. Ежедневно я прибавляла в уме своем новые и новые крики, которые научилась понимать, и чем чаще их слышала, тем точнее усваивала их сокровенный смысл.

Окружавший меня маленький мир оживал новой жизнью... О, милое мое заточение! О, чудная тюрьма!..

Мир звуков. — Печальный случай. — Дальнейшие успехи. —
Мой способ изучения чужих дум

амый богатый материал для обучения давали мне взрослые люди, но скорее и легче я начала понимать животных и детей, так как я скоро заметила, что у них было гораздо меньше разнообразия в криках, чем у взрослых людей. Из этого я заключила, что желаний и мыслей у животных меньше, чем у моих знакомых девочек, а у них меньше, чем у их отца и матери или у других взрослых.

Изучив звуки и обстоятельства, им предшествовавшие и их сопровождавшие, я приступила к изучению смысла этих звуков. Мне надобно было не только знать, что за чем следует, но что значит каждый звук — для какой цели он произносится? В некоторых случаях это было очень нетрудно, и я легко переводила их мысленно на мой собственный язык (мы, крысы, издаем мало звуков).

Я легко переводила курлыкание попугая словами “есть надо, есть надо”, когда он спускался к своей чашке с орехами. Без труда понимала я и мяуканье кошки за дверью словами “пустите... пустите”, а у стола, где мой хозяин резал мне ветчину, несколько *иное мяуканье* —

словами “дайте и мне... дайте и мне”. Скоро также поняла я, что короткий звук, издаваемый маленькой девочкой, дававшей мне сухарь, значил “возьми”.

Собственно слов, которые я здесь выписываю, я, конечно, как теперь, еще не понимала, но, что они означали, усваивала и уверяю: если бы я могла, то, желая поесть, я, обращаясь к попугаю, непременно прокурлыкала бы по его манере, прося мяса у кошки, замяукала бы перед ней настоящим соответствующим звуком и непременно сказала бы

точь-в-точь то же слово, что девочка. Девочка говорила: “На!”, — подавая кошке какой-нибудь кусочек.

Однако впереди воздвигались все большие и большие трудности, когда от звуков и отдельных мыслей я перешла к соединению нескольких звуков и нескольких мыслей вместе. Здесь я должна была сосредоточить свои исследования главным образом на речи людей, так как животные ограничивались весьма немногочисленными звуками. Конечно, как всегда, я начала с того, что было лег-

че, а легче было изучить сколько-нибудь сносно звуки маленькой девочки, которая произносила их не особенно быстро, издавала реже и однообразнее. При всем этом я очень радовалась, что у меня была прекрасная память, а то пришлось бы мне отказаться от своего интересного изучения в самом разгаре его.

Зеленый сад стал желтым, потом голым, земля покрылась густым белым слоем, и только к этому времени я кое-как разобралась с речью моей невольной маленькой учительницы, которая к моему изумлению стала говорить гораздо сложнее, чем раньше. Я тогда недоумевала и только теперь понимаю, что девочка и сама училась говорить лучше, почему речь ее день ото дня становилась сложнее.

Однако, благодаря своему труду и памяти, я делала такие успехи, которые, радуя меня, обеспечивали мне надежды на дальнейшие благие результаты. Крики кошек, собак и моих других сожителей я уже изучила настолько, что, когда я слышала ночью из угла, где спала

собака, легкое подлаивание, я просто из любопытства выбегала на ящик посмотреть, кто идет под окном. Лай собаки, вызывавший меня на это, ясно значил: “Кто это еще там шляется?”. Впрочем, собака лаяла просто: “Кто там?”, иногда прибавляя: “Берегись!”. И е-

ли я здесь выражаюсь несколько ина́че, то потому, что теперь знаю также, что собака желала придать своим простым звукам именно такой сложный смысл. Я понимала собак лучше, чем они друг друга.

Однако одно обстоятельство временно охладило пыл моего увлечения ученьем. Судьба послала случай, который чуть не стоил мне жизни, а с нею конца всем моим удивительным начинаниям.

Позанявшись за день, сколько тому представилось возможности, я мирно дремала в своем деревянном ящике на свежих опилках, как вдруг мой тонкий слух разобрал несколько голосов, направившихся к нашему кабинету.

Я услышала лай собаки, кричавшей:

— Дайте, пожалуйста, дайте!

Ее перебивали голоса девочек, среди которых особенно выделялся тоненький голосок моей учительницы:

— Папа, — так звала она нашего хозяина, — неси, неси. Не урони, папа!..

Хозяин что-то отвечал, но я его речь еще плохо разбирала.

Попугай наш сильно заволновался и почему-то вообразил, что ему несут есть. Он пустился лазить по клетке и весело курлыкал:

— Есть — это хорошо... Есть — это хорошо... — прибавляя еще что-то на человеческом языке, которого у него я пока хорошенько не понимала.

Остальные сожители мои, однако, не беспокоились: белка спала, свернувшись калачиком, а кролики сбились в одну пушистую массу.

Дверь в кабинет отворилась, и в него вступила целая компания из хозяина, двух девочек и вечно веселой и громогласной собаки. В руках у хозяина была ловушка, а в ней... одна из моих подпольных приятельниц, кто-либо из моих троюродных или четвероюродных сестриц.

Это была большая рыжая крыса, бешено рвавшаяся вон из западни. Я невольно вспомнила свое былое.

Ловушка захлопнула бедную товарку довольно неприятным образом, щелкнув дверцей ее по хвосту, отчего на нем образовалась заметная ссадина. К удивлению свосму, я заметила, что иной раз, должно быть от ярости, крыса впивалась и кусала свой собственный хвост. Мне было очень жаль ее, но я не в силах была помочь.

Однако мне не пришлось много рассуждать обо всем этом событии, так как через секунду вся компания была уже около меня, и в свое оконце — вход в ящичек — я увидела, как, к великой радости девочек и при громком лае собаки, хозяин ловко перепустил крысу из западни... ко мне в клетку.

Все это было так неожиданно, что я не успела даже сообразить: радоваться мне или нет?

Рыжая крыса, попав в более просторное помещение, заметалась еще сильнее, но, найдя отверстие в ящичке, тотчас же забралась в мою спальню. Увидя меня, она, однако, нисколько не признала во мне родственницу и сердито лякнула своими зубами. Признаться, я не ожидала этого от родни, но, как рассудительная крыса, тотчас же объяснила это расстройством по случаю переживаемой невзгоды.

От этого было мне не легче, так как новая и близко родственная приятельница, кажется, и не собиралась

успокаиваться. Желая сколько-нибудь свести дружбу, я протянула мордочку и начала обнюхивать пришелицу. Случайно я наступила на больное место хвоста, и произошло что-то невероятное.

Рыдая, приятельница остервенилась и впилась мне в шею. Это в свою очередь не понравилось мне, и я, не долго думая, ответила тем же. Крыса повторила нападение, и через секунду в тесном ящике-спальне начался настоящий поединок крыс. Мой ум и рассудительность куда-то исчезли, и я превратилась в обыкновенную драчливую крысу. Но, право же, все это только потому, что моя соперница была положительно невменяема и мне пришлось только защищаться.

Наша драка перешла в ожесточенную борьбу, на которую уже безо всякой веселости смотрели два испуганных детских личика и смущенный хозяин. И только собака упорно лаяла:

— Дайте мне, дайте мне!..

Да откуда-то доносилось сердитое курлыкание:

— Есть хочу, а не дают... есть хочу, а не дают... — после которого следовало вновь что-то на человеческом языке.

Но мне было не до попугая и собаки. Я кончила тем, что, выгнав крысу из ящика, щелкая зубами старалась ее не впускать обратно. Такой подруги мне было не надо...

Все же не знаю, — чем бы могла кончиться эта борьба, так как, хотя я и была сильнее, но противница моя была страшно возбуждена, а ярость придавала ей сил. Она нанесла мне несколько ран, по счастью, не опасных, но могла еще нанести и более серьезные.

Видя около клетки лица людей, крыса старалась вернуться в ящик. Я отстаивала свою позицию.

Вдруг в отворенную дверцу клетки влезли какие-то огромные щипцы, и сильно ущемленная в них рыжая приятельница, извиваясь, двинулась вон из моей клетки. Через секунду я услышала знакомый мне стук хлопнув-

шей западни. Я не выходила смотреть, но думаю, что моя противница вновь попала туда, откуда она так неожиданно для меня перебралась в мое помещенье.

На грустные мысли навела меня эта история. Такая печальная встреча с тем, кто был мне роднее всех из обитателей этого дома! Но я все же лелеяла мысль, что это только случай и жаждала в будущем новых более приятных встреч с родными... Как показало время, эти надежды были напрасны.

Вскоре я зализала свои раны и совершенно оправилась от пережитого потрясения.

Остаток времени, когда земля была белой, я употребила на прочное закрепление в памяти пройденного мной и пошла в своем изучении дальше не ранее, как сад вновь стал зеленым. Однако я это делала вовсе не из каких-либо мудрых соображений. Согласитесь, что молодую крысу, хотя по уму и выше обыкновенной, мудрой все же считать нельзя. Я это делала по необходимости, и дело было весьма просто. Сидя в кабинете в своей клетке, я никогда не могла бы изучить языка маленькой девочки, так как, само собой разумеется, что-то, что говорила она в кабинете, было далеко не все, что она вообще умела говорить, и, сравнительно, даже очень, очень мало. Конечно, тогда я этого не знала, но теперь-то знаю. На мое счастье мою клетку не оставляли всегда в кабинете, а по различным случаям уносили в другие комнаты. Я не могу теперь сказать, что были за причины таких переселений, но догадываюсь, что в некоторых случаях это было желание показать диковинно веселую, ручную крысу другим людям, а иной раз желание самих девочек. В первом меня убеждает то обстоя-

тельство, что меня выносили в те комнаты, которые я теперь могу назвать гостиной, столовой, чужими кабинетами, и даже вместе с девочками возили в каком-то огромном ящике на колесах к другим людям. Что иногда меня выносили по желанию девочек, сужу по тому, что я частенько проживала на подоконнике в детской, куда мое помещение ставилось при громких ликованиях моей маленькой подруги. Впрочем, оговариваюсь: эта подруга была несравненно крупнее меня, и я ее зову маленькой только по сравнению с другими людьми.

Вот при таких-то условиях мне только-только и удалось справиться как следует с полной речью маленькой девочки, которую я видела и слышала говорящей в разнообразных случаях жизни. Я убеждена, что, если бы меня выпускали на свободу, я гораздо скорее усвоила бы себе все то, что учила, но меня не выпускали даже побегать по полу. Может быть, люди поступали благоразумно, так как и я скажу, что за крысу, пойманную уже взрослой, а не вынянченную из крысенка, никогда ручаться нельзя. Не знаю, что я выбрала бы в то время, если бы мне дали возможность уйти из клетки: свободу и прежнюю жизнь в подпольях или добровольное заключение ради дальнейшего самообразования? Однако меня не выпускали и, следовательно, этого вопроса решать не приходилось.

Дни вновь шли своей обычной чередой. Для окружающих я по-прежнему была забавной крысой, а в своих глазах я становилась все более и более образованной. Если бы я не была полна этого чувства обогащения своего ума и не видела перед собой одну и ту же цель — “вперед, вперед на пути знания!”, то я, наверно, страдала бы от чувства одиночества. Ведь, как хотите, а тяжело быть всегда одной со своими мыслями, с успехами, с планами! Никого, с кем бы поделиться ими, никого, кто бы иной раз вместе поразовался, а иной раз и погоревал бы! Я хорошо видела, что мое одиночество привело меня к моему

усовершенствованию, но, когда оно было создано, я, не смотря на бывший случай, не прочь была иметь возле себя другую, такую же, как я, крысу для истинной дружбы, которой я была лишена и, увы, как оказалось, — навсегда...

Усвоив язык девочки, я перешла к более основательному наблюдению над речью других людей, пользуясь для того самыми мимолетными случаями. Кое-что пугало меня своей трудностью, кое-что было уже мне удивительно легко. Разбить на отдельные звуки длинную речь взрослого человека и уловить в них некоторые слова моей невольной учительницы было делом ужасно трудным и доступным — и то не всегда — только такому тонко выработавшемуся слуху, как мой. Но зато я легко разбирала смысл речи взрослого, если он обращался к кому-нибудь с короткой речью, в которой было два-три звука, мне уже знакомых из языка маленькой девочки.

Для примера, как теперь помню, могу привести такой случай, которой я для ясности изложу уже моим настоящим языком.

Я прекрасно изучила, что звуки “на”, “возьми”, “прими” значили одно и то же, т.е. предложение принять предмет из одних рук в другие, знала, что звуки “дай”, “беру”, “протяни” и кое-что другое значило противоположное, т.е. предложение сделать то же самое, но только не тем лицом, которое их говорит. В первом случае говоривший отдавал вещь, а во втором — он ее получал. Знала я также, что звуки “не”, “нет” и все, на них похожие или их заключающие, значили отказ, несогласие. Так, слыша “не надо”, “некогда”, — я уже знала, что говоривший их отказывается от предложений и при этом — кстати замечала — часто трясла головой. Впрочем, были у меня и курьезы... Например, звук “несколько” мне всегда напоминал отсутствие чего-нибудь или отказ, а впоследствии оказалось наоборот, и “несколько кусков хлеба” вовсе не значило “ни одного куса хлеба”. Но очевидно: нет правил без исключения!..

Итак, зная много отдельных длинных и коротких, простых и сложных звуков (слов), я в рассказываемом мною случае хорошо понимала слова моей учительницы: “Дайте попке воды”. За ними обыкновенно следовало наливание воды в попкину ванночку.

Но вот однажды наш серый попугай слишком поусердствовал над положенными ему орехами и каким-то образом основательно подавился крупным ядром. Он как-то зауркал, закинулся навзничь и повалился с нe-ста вниз. Звук этот обратил внимание сидевшего за столом хозяина, который обернулся и посмотрел на задыхавшегося попугая. Увидев его, он быстро вскочил, подбежал к клетке и схватил было ванночку. Заметив, что последняя пуста, он бросился к двери и ясно ясно для меня, закричал:

— Дайте попке скорее воды!

В этих словах был новый для меня звук “скорее”, и я тотчас принялась за его разрешение путем обсуждения обстоятельств, при которых он был произнесен и которые за ним последовали. Я видела хозяина несколько возбужденным, нетерпеливым, видела, как прибежавшая с водой женщина поспешно эту воду подала и как столь же поспешно хозяин влил эту воду в горло попугая.

Попугай скоро оправился, но не в этом был мой интерес. Очевидно, звук “скорее” имел отношение к поспешности. Я это вывела и ждала подтверждения, которое, к моей довольно обычной удаче, не замедлило последовать.

В этот же вечер в растворенное окно нашего кабинета влетела летучая мышь — я уже знала это животное, — и все человеческое население принялось ее ловить. Это было не так легко, так как проворное существо

носились по комнате, ловко избегая тех тряпок, которые в него бросались. Внезапно я услышала слова хозяина:

— Скорее закройте окно!

И вслед за этими словами девочка побольше быстро подбежала и захлопнула окно, как раз вовремя, так как мышшь порхнула в этот момент именно к нему.

Но меня ловля болсе уже не интересовала, и, если бы эти люди были бы пронциательнее, они заметили бы, что маленькос существо, жившее на окне в большой клетке, пришло в неописуемый восторг. И было отчего: еще один разгаданный звук, еще одним шагом ближе к завстной цели!

Так — медленными, но твердыми шагами я завоевывала свои новые знания и становилась существом исключительным. Кроме меня никто об этом не знал, да и узнает ли? Этого одного сознания было бы достаточно, чтобы прекратить это никому не нужное и никем не постигаемое дело моего самообразования, но в числе моих достоинств была одна черта характера, которой я столь же гордилась в жизни, как и моими знаниями, это — твердость и непоколебимость в осуществлении раз намеченной благородной цели. Я и теперь считаю, что благородную цель всякий должен преследовать, не отступая и в то же время не ставя се на глаза ради дешевой похвалы. Само благородство цели — вот что должно быть двигателем чистой и идейной задачи. Полагаю, что старая, дряхлая крыса в этом случае не глупее высших существ природы — людей.

VI

Утро в кабинете. — Мир движений. —
Трудности новой задачи. —
Конец венчает дело

ода через два все трудности изучения языка звуков были мной уже пройдены, и я свободно понимала смысл почти каждого слова человека, каждого писка и крика животного. Кроме людской речи, я изучила мо-

им способом ржанье лошадей, мычанье коров, хрюканье свиней, бляение овец, гоготанье гусей, кряканье домашних уток, — словом, все звуки, наполнявшие днем и ночью большой дом, где я жила, сад и двор при нем. Сад я изучала в растворенное окно, двор же изучить мне помог случай. Около трех месяцев моя клетка простояла на окне людской избы двора, по случаю отъезда моих хозяев. Против избы помещались через двор стойла, в которых стояли постоянно или временно лошади и коровы, а немного далес находились сарай для овец и свиней — хлев.

Кроме языка этих обыкновенных в человеческом жилье животных, я научилась понимать также речи и всех диких зверьков.

Понимая общий смысл всякой речи, я все же тогда не могла бы в точности изложить все это в рассказе, как теперь, после моей богатой событиями жизни, но, так как мое одряхлевшее тело все еще сохраняет в себе свежую память, я смело передаю события моей тогдашней жизни, ручаясь за их точность.

Ручаясь! Перед кем? Какая насмешка судьбы! Воспоминания крысы! Для кого они пишутся существом, часы которого, может быть, уже сочтены?

Но будь, что будет, — я стану продолжать свои воспоминания: это отрада для бедной старухи...

Для меня наступила особая пора жизни. Завеса спала с глаз, и я видела чудный мир в его истинном величии, которое кроется в понимании его.

Как приятно было мне просыпаться в своей клетке у растворенного окна и слышать встречу утра и дня самыми разнообразными существами!

Первыми обыкновенно просыпались петухи — я говорю о дневных существах — и один за другим громко-гласно оповещали:

— Скоро восхо-о-о-о-д!

Прекурьезно это было у молодых, которые сильно картавили и глотали звуки. Они просто кричали:

— Скоргхохо-од!

И даже последний звук не тянули так долго, как старики.

За ними просыпались воробьи, а издали слышалось карканье в роще ворон.

Воробьи большую часть тараторили одну и ту же свою фразу:

— Вот и день!.. Есть, есть... где еда? Ищи, ищи, ищи...

И затем уже это “ищи” мне прямо надоедало.

Вороны тянулись разрозненной стаей с соседней рощи и на всю окрестность кричали:

— Вставать пор...ра!

А их в некотором роде родственницы, сороки, вскоре отвечали им:

— Так-так-так... Так-так-так...

После этого уже начинался целый хор звуков, в шуме которого величественно поднималось из-за дальнего леса чудное солнце.

В кабинете у нас обыкновенно жизнь начиналась чуть-чуть позднее, и перед ее проявлением просто слышалась какая-то возня.

Мои соседи все были молчаливы, и только попка в клетке, завешанной плащом, начинал курлыкать по-попугайчи:

— Черт знает,
что: темно, слыш
день!

И вдруг неож
орал что-нибудь, вькиданно
им от людей, вроде: ьученное

— Дайте же завтрак. — или

— Скажите, пожалуйста, вот новости!

И все это — ни к селу, ни к городу.

Но настоящее утро я считала начавшимся в кабинете с того времени, когда в него входил наш хозяин и со словами: — Здравствуйте, приятели! — снимал плащ с клетки попугая, бросая при этом взгляд на всех нас. Мы приветствовали его каждый по-своему. Белка залезала тотчас в колесо и, как дурочка, без конца вертелась; кролики ерзали по клетке и мешали друг другу, а попка, ослепленный светом после снятого плаща, орал или свое любимое:

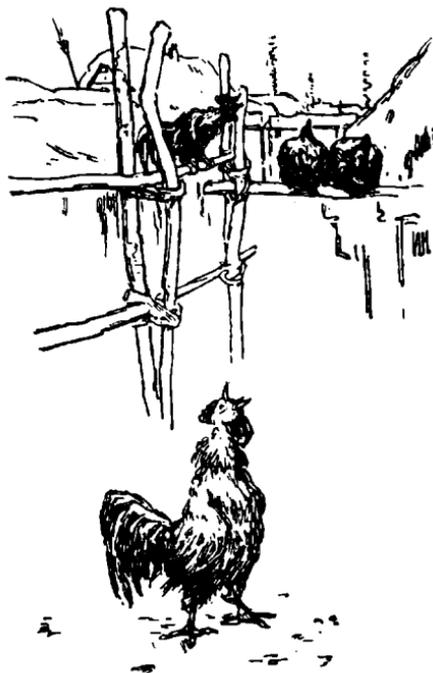
— Скажите, пожалуйста, вот новости! — или более приличное случаю:

— Желаю распрекраснейшего здоровья! — причем пробовал чихать, но это ему обыкновенно не удавалось.

Я... бедная, разумная тварь, я! Я могла бы, если бы обладала даром людского слова, ответить нашему милому хозяину такими умными речами:

— Спасибо за ласку, славный человек, здравствуй и ты!..

Увы... вместо этого я молчаливо смотрела на доб-

рого человека, и он ничего не читал в этом взгляде пары черных и, смею уверить, умных глаз. Но... мимо, мимо: не время сетовать.

Изредка, после этого общего приветствия, наш хозяин здоровался с нами с каждым отдельно, и вот тут, я думаю, уже уместно звать, что каждый из нас имел, кроме общего названия, еще и отдельное имя или прозвище, как хотите, как у людей. Так — меня звали вообще крысой, а, когда обращались ко мне или говорили много обо мне, то Хрупом. Это новое название мне очень нравилось. Звук этот был мне и родным: я его слышала в хрустении твердых предметов, например, корок и сухарей, когда я их грызла.

Белку звали Бобка, но лучше, если бы ее назвали Вертушка. Кролики особенного названия не имели, но маленькие девочки звали одного Беленьким, другого Сереньким, а третьего Косоглазеньким. На свои имена эти глупыши не отзывались, почему я и не считаю их достойными имен. Попугая звали двойко: Попка и Ворчун. Первого названия он не любил и всегда орал на него свое “скажите, пожалуйста, вот новости!”, но второе одобрял и сейчас же подставлял свою шею для щекотанья, которое ему очень нравилось.

Собаку звали странно — Гри-Гри, а кошку с ломаным хвостом — Матюшей, насколько я поняла, потому так, что это имя ей дала маленькая девочка. Рыбы и жители ящичка имен не имели, хотя и их тоже как-то умудрялись именовать маленькие девочки.

Поздоровавшись с нами, хозяин усаживался за рабочий стол, на который ему ставили иногда стакан с чаем.

Работой в это время он обыкновенно не занимался, а попивая чай или просто отдыхая, смотрел в окно на сад, изредка перекидываясь словами с проходившими по дорожкам рабочими. Я, конечно, говорю о летней поре.

Иногда взгляд хозяина падал на мою клетку, и он ронял два-три слова мне.

— Ну что, Хруп, — говорил он иной раз, — хорошо тебе, шельма?

Последнего слова я не понимала.

— А презабавная ты, брат, крыса! Сидишь и не чувствуешь, милейший, что за тебя мне даже деньги предлагают!

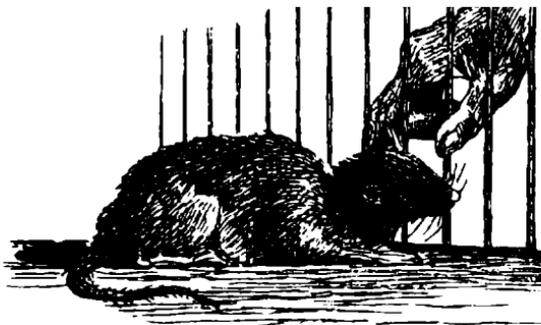
Он и не догадывался что “милейший Хруп” это не чуял, а просто знал.

— Только я тебя не отдам. Во-первых, — ты мне не мешаешь, а во-вторых, — ты любимец Веры и Нюты. Этого довольно... Довольно? А? — обращался он ко мне, протягивая палец.

Что было мне делать? Сделать довольную мину — он ее не поймет, как никогда не понимал ранее. Оставит вопрос и обращение с пальцем без ответа — сочтет за не-

вежливую крысу. И приходилось мне просто протягивать свою мордочку к его пальцу, слабо, слабо, без боли куснуть его или подставить шею, если казалось, что хозяин намерен пощекотать ее.

Я не так любила щекотку, как желала, чтобы не нарушалось доброе расположение духа хозяина.

А он, не понимая сути, щекотал меня и приговаривал:

— Любишь, шельма... любишь, мошенник... любишь, животное...

Ни первого, ни второго названия я не понимала.

Бог с ним: я его, конечно, любила, хотя много меньше, чем моих двух молодых хозяйюшек, отставивших присутствие моей особы в доме. Я и сама из разговора в кабинете слышала, что один знакомый хозяина просил продать меня ему. Он уверял, что сделает из меня “умнейшую крысу”. Он подразумевал всякие штуки, вроде лазанья и прыганья по команде. Бедный человек и бедная крыса: как невысоко мой покупатель ставил ее ум!

Если бы он знал!..

Не только людям, как я знаю теперь, свойственно, не довольствуясь прекрасным настоящим, желать лучшего будущего, но и мне — удивительной крысе, “милейшему Хрупу”, как меня назвал хозяин.

Изучив значение звуков, я решила продолжить свое образование, обратив внимание на значение движений. У меня явилось сильное желание разгадать мало уловимые движения живых существ, заметные в их мордочках, лицах, в их общей позе и ее мелких подробностях. Мне казалось, что существо, о чем-либо думающее, что-либо предпринимающее, непременно отражает это внутреннее чувство и на своей внешности. Я заметила, что смех у

людей поднимает углы рта, испуг или изумление поднимает брови, морщит лоб. Я заметила, что жидкость, которую нечаянно лизнула Гри-Гри из тарелки у самовара, вычищенного прислужгой, вызвала на морде собаки, почти всегда однообразной, особенную гримасу, даже подметила особое выражение у озадаченного кролика, когда сго щелкнул в нос один из приятелей моего хозяина. Всех этих грубых случаев наружного выражения того, что чувствуют живые существа, было достаточно, чтобы я, рассуждающая и нелюбящая пустого досуга крыса, решилась вновь продолжать наблюдения и изучения.

Я думаю, лишнее будет рассказывать в подробностях тот способ, при помощи которого я понемногу усвоила все тайны языка движений. В общем это был мой прежний способ, только перенесенный на иные задачи. Я начала с движений людей, которые мне показались более легкими для изучения, так как то, что они чувствовали, ясно отражалось на их лицах. Я изучила постепенно смех, улыбку, усмешку непосредственно рядом со словами; то же самое я сделала с криками радости, печали. Труднее было узнать выражение испуга, особенно ужаса, но в этом мне помогла все та же моя маленькая учительница, девочка Вера, страшно испугавшаяся выскочившего из ящичка ужа. Другой еще более хороший случай для изучения ужаса представился мне один раз под вечер, когда какой-то человек, тихонько влезая через мое окно в кабинет, наткнулся на няню детей, случайно в это время вошедшую. Няня остановилась, слабо крикнула и, как сноп, грохнулась на пол. Неизвестный человек тоже спрыгнул с окна и убежал.

Я с прежним упорством и неослабевающей памятью мало-помалу уяснила себе значение главных выражений ощущений на лицах людей, во время их соответствующей речи. После этого я старалась понять переходы выражений одного в другое, в зависимости от той же смены речей. Это было очень трудно, так как нужно было зор-

ко всматриваться и почти мгновенно запечатлевать в памяти выражение лица и связанный с ним смысл сказанного слова. Кратко скажу, что только спустя полгода и то только потому, что я вообще приобрела навык на таких опытах раньше, удалось мне действительно изучить связь между словами, т.е. их смыслом, и всеми переливами и оттенками выражений лица и всей фигуры людей. Слушая человека, я, зажмуря глаза, ясно представляла себе все эти переходы, и, когда для проверки открывала глаза, чтобы посмотреть на выражение лица, я встречала всегда то, которое ожидала.

Но это была еще легчайшая часть труда. Я и не думала, что он будет серьезнее моего первого обучения языку звуков. Животных я все еще оставляла в стороне. При первых попытках вглядываться в них, я пока создавала в голове невообразимую путаницу, лишь только соединяла звук с выражением морды и фигуры.

Я обратила свое внимание на то, что казалось, хотя трудным, но более доступным, — на изучение выражений лиц людей, не говоривших. Девочки для меня в это время были такими же трудными для изучения, как и взрослые, так как они, во-первых, говорили слов несколько не меньше взрослых, а, во-вторых, — если и имели самые разнообразные ощущения, то зато и меняли их так, что я едва успевала запоминать их.

К тому же они без умолку тараторили, а я уже дошла до изучения безмолвных выражений людей, и говор мне был иногда немехой.

Смело могу сказать, что для людей почти невозможно изучение того, за что взялась простая крыса: впрочем... пожалуй, далеко не простая. Невозможно оно потому,

что ни один человек, по-моему, не может обладать, как я уже раз высказала, той впечатлительностью, какой обладаем мы, звери и зверьки. Наше зрение удивительно остро, и дело не в том, что мы видим хорошо вдаль, вроде орла, а в том, что мы видим такие подробности выражений, которые, наверно, ускользают от глаз людей. Ускользают же они потому, что зрение свое человек для этого не упражняет. Зачем, спрашивается, ему пронизывать соседей своими взглядами, а между тем мы, звери и зверьки, мы именно так и смотрим. Не глядите на нас, что мы иной раз смотрим как будто равнодушно, вскользь. Верьте, что, если мы только взглянули, — мы уже многое поняли. Само собой разумеется, это в том случае, если у нас раньше был хоть какой-нибудь опыт. Люди, например, знают, что в новых странах животные встречают человека дружелюбно и не боятся его. Зачем таким животным еще какие-то выражения ощущения человеческого лица? Но, раз животное напугано, имеет, следовательно, опыт, оно уже смотрит на испугавшего его другими глазами. Из людских разговоров я слышала, что к пуганой вороне легче подойти с граблями, чем с ружьем, что пуганые волки боятся даже клока сена. Вот эти-то “другие глаза” и есть те глаза, которыми я смот-

рела на все изучаемые мною выражения, и в присутствии этих-то “других глаз” у людей я и сомневаюсь.

По крайней мере, я лично на своем веку не видела ни одного человека, который бы по выражению лица понимал, что думает другой человек, а я добилась того, что стала понимать.

Я знаю, что есть люди, которые узнают характеры других по их почеркам. Знаю, что существуют и удивительные, вдумчивые люди, способные отгадывать чужие мысли, понимать выражения человеческих лиц. Во всяком случае, это очень редкое явление, и это доступно, вероятно, не многим. Я же научилась читать некоторые мысли с той легкостью, с которой понимают громкую речь.

Вот, не угодно ли прочесть, что думает мой хозяин, когда он, откинувшись на спинку стула, глядит в окно.

Он думает:

— Как скоро наступила осень! Вон та береза, где сидит серая ворона, стала очень некрасивой, и, собственно говоря, ее следовало бы срубить: она *мешает* виду...

Я ловлю эту мысль хозяина по движению его шеи, которую он чуть-чуть ворочает, чтобы посмотреть по ту сторону березы справа и слева (“береза мешает виду”).

— Сегодня сыро, — продолжает думать мой хозяин, и взгляд его падает на дорожки, — но по песку ходить еще можно. Что это там делают утки на клумбах? Чего смотрит сторож?..

— Выгони их вон, Федор! — слышу я уже его голос, а не думаю, и это только подтверждает, что я верно дочитала мысли хозяина до его громкой фразы.

Как я этого добилась? О, долго и трудно рассказывать, да вы и не поверите в этом крысе. Впрочем, — кто это “вы”? Кому я пишу? С кем разговариваю? Но... пиши, пиши, старый Хруп, пиши, коли это тебе доставляет удовольствие.

Главной помощью в изучении этого языка молчания, языка еле уловимых теней на лице думающего человека, были как раз моменты, вроде выше приведенного, перехода от мысли к словам. Усилиями своей удивительно развившейся памяти я восстанавливала в голове выражение лица, предшествовавшее словам, стараясь вдуматься в то же время: какая мысль должна была предшествовать тому же? Угадав мысль, я совмещала ее с выражением и запоминала это совмещение.

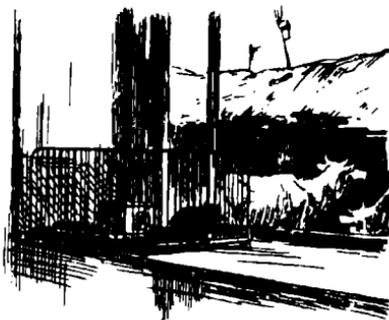
Я только никогда не могла изучить мыслей моего хозяина, когда он думал после чтения своих книг, или просто мечтал, лежа на диване и уставившись глазами в одну точку. Почему? — я не могу хорошенько объяснить. Я не имела никаких обстоятельств, за которые могла бы зацепиться моя мысль, чтобы сделать вывод. Но зато все то обыденное, что совершали люди, ходившие, сидевшие, только что говорившие, я ясно понимала по выражениям их лиц и могла прямо писать их молчаливые речи. На это ушло ни болсе ни менее как полтора года.

Итак, после почти трех лет моего упорного учения я его еще не закончила. Оставался немой язык животных или, как я выражаюсь, язык их движений. Вся моя сноровка, развившаяся до совершенства проницательность и тонкая наблюдательность нужны были, чтобы постигнуть этот язык, казавшийся мне не особенно труднее изучения тех же явлений у людей. И, пожалуй, я все же не достигла бы никаких результатов, если бы за плечами не было такого кропотливого, трехлетнего опыта.

Что было всего досаднее, — это то, что у животных, казалось, не было в жизни никаких таких выражений, какие я, например, наблюдала у мечтающего или углублен-

ного в книги хозяина: все у них было просто, обыденно. Все они, видимо, жили только мыслями найти пищу, съесть ее, поспать, вновь поохотиться, а случается, что и поискать способа избежать человека. Это в том случае, если животные были недомашние, как, например, высмотренные мною в кустах сада зайцы, иногда даже хорьки и лисы и в большом количестве мыши и мои когда-то сотоварки — крысы.

Однако эта несложность и однообразие их жизни и стремлений с лихвой вознаграждались другими обстоятельствами, воздвигавшими невероятные трудности для изучения языка молчащих животных. Именно — животные в большинстве случаев были густо покрыты каким-либо покровом, шерстью и перьями; о чешусе рыб и гадов я не говорю, так как не изучала их, ошибочно предполагая в них отсутствие стремлений. Чистого лица или морды я не находила ни у одного из знакомых мне животных. Даже у лошадей и коров, морды которых мне казались особенно выразительными, они, подобно морде Гри-Гри, в сущности только потому и могли быть выразительными, что шерсть их была очень мелка и гладко приглажена. Я особенно старательно изучала их, когда мне еще раз пришлось, в отсутствие хозяев, провести три месяца на окне дворовой избы.

Впрочем, многое выражалось не столько во внешних чертах, сколько в глазах животных, как я убедилась со временем.

Приходилось также изменить несколько свою систему изучения. В своих рассуждениях и для выводов при изучении безмолвных речей домашних животных я исходила из тех предположений, которые были наиболее возможны после какого-либо поступка человека с живот-

ным. Удар хлыста вызывал, очевидно, боль, и я старалась подметить ее в выражении и в позе побиваемого животного. Предложение сахара собаке или мяса кошке должны были вызывать соответствующие позы и выражения. Поддразнивание попугая вызывало особенное взъерошивание: перьев Ворчуна... и т.д. Все это я тщательно изучала и как бы записывала в своей памяти.

Наука моя шла вперед тяжелыми, грузными шагами, словно через реку, в которой еще приходилось искать брода. Но и этот брод был найден!..

Мало-помалу молчание перестало передо мной быть этим понятием, и мои глаза зрением слышали многое, чего не слышало ни одно ухо, даже мое. Мир в молчании был для меня прежним говорливым миром, хотя и безмолствовавшим для уха. Я приближалась к тому времени, когда для меня не должно было быть более секретов: тихая дума становилась перед моими глазами громкой речью.

Но все же я была далека от совершенства, и теперь, когда мне нечего уже ожидать в будущем, я должна сознаться, что, постигнув, насколько это было доступно кому-либо, язык движений, язык молчания, я все же разгадываю далеко не все думы животных: у них, как и у человека, бывают минуты их действительного молчания.

Однако довольно с меня и того, чего я достигла к тому дню, когда мне, выражаясь речью людей, стукнуло 4 1/2 года. Я только не могла говорить, но речи и более ясные думы моих соседей и встречаемых животных я понимала вполне. Теперь, описывая свою дальнейшую жизнь, я могу уже смело вписывать и то, что слышала, так сказать, ухом и глазом от окружающих меня существ.

VII

Переселение домашнего зверинца на новую квартиру. — Неожиданная новость. — Тоска. — Думы о бегстве

тобы осветить в своей памяти достигнутые мною в то время результаты, попробую восстановить перед глазами один важный для всех жителей ка-

бинета день нашего выселения в другое помещение: хозяин со всем своим семейством перебирался в другой дом, только что выстроенный из камня, взамен деревянного, в котором мы до сих пор жили. Кабинет переезжал целиком: со всеми шкафами, книгами и живыми существами.

Разумеется, я знала об этом уже ранее и несколько не удивилась, когда дня за четыре-пять до окончательного перемещения в кабинете стали появляться новые лица и в нем по дням водворялся ужаснейший гам. Кругом стучали, шуршали бумагой, накладывали и топали ногами, входя и уходя, разные служащие. Я с понятным интересом вслушивалась в громкий говор людей, вдумывалась в их мимолетные мысли, отражавшиеся на лицах, и в то же время не переставала следить за своими четвероногими и пернатými соседями.

Кролики, не обращаясь собственно ни к кому, своими мордочками то и дело говорили:

— Что за история? Как будто и страшно... Но прелюбопытно...

— Ну, пролезай! — говорил иногда один кролик другому, пропуская соседа, перелезавшего через его голову.

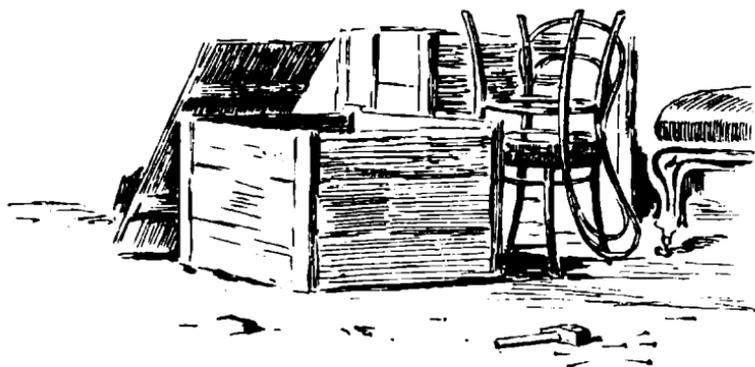
— Прелюбопытно... — говорил в свою очередь тот, несколько не замечая речи своего сотоварища.

Третий сидел в углу и, жуя капусту, бессмысленно повторял:

— Капуста, морковь, капуста, морковь...

Бобка то и дело стремительно вскакивала в свою вертушку и, не переставая, твердила без малейших признаков звука:

— Скорей, скорей, скорей...

Затем она проскакивала через дыру обратно в клетку и, прижавшись к прутьям, пристально всматривалась в работающих людей.

— Не понимаю, ничего не понимаю, — говорила ее мордочка, и при малейшем стуке белка вновь отскакивала от прутьев, временно прячась в свою конуру. Когда она выглядывала оттуда, мои глаза слышали вопрос:

— Можно выйти?

Ужи же ничего подобного не слышали.

Но кто меня удивил в это время, так это Ворчун.

Само собой разумеется, что первое, с чем он обратился к рабочим, когда они заявили ему: — Ну, заморская птица, скоро и ты поедешь! — были слова:

— Скажите, пожалуйста, вот новости!

Это очень развеселило всех присутствующих людей, из которых некоторые, как мне показалось, вообразили, что попка и в самом деле ответил, подумав.

Однако попка вслед за понятным всем окриком начал тараторить уж на своем родном языке, понятном только мне, да и то на этот раз не вполне ясном.

— Черт знает, что! Черт знает, что! — заворчал он. — Никак не думал, никак не думал... Опять путешествие. Надоело, надоело... Дома лучше...

— Дома лучше! — заорал он изо всех сил, и когда ему кто-то сказал:

— Чего ты, попка, кричишь? — он человеческим голосом, но столь же громко закричал:

— Дуррак!

— Перестань, Ворчун! — раздался вдруг голос хозяина, но попка, очевидно, был не в духе и немедленно ответил:

— Скажите, пожалуйста, вот новости!

После этого он уже не обращал внимания ни на кого и, словно в бреду, болтал о каком-то месте, где было лучше, что переселды ему надоели, что все на свете глупо, а хорошо есть, да не здесь...

Что-то в этом роде...

Только потом, уже при других обстоятельствах, я поняла, что попугай припомнил свою привольную жизнь в Африке и переселение на другую квартиру, быть может, принял за новую посадку на корабль.

Только рыбы и жители ящика, казалось, не заметили своего переселения и не

проявили ни малейшего волнения, когда их с некоторыми затруднениями вытаскивали из кабинета.

Меня вынесли последней, и я была свидетельницей отъезда всех своих сожителей.

Когда дошла очередь до клетки Ворчуна, он вдруг замолчал, и я прочла по его фигуре:

— Будь, что будет!

Но откуда-то появившаяся Гри-Гри разразилась таким звонким лаем, что я едва разобрала, что она кричала:

— Едем, едем. Всякая прогулка есть развлечение. Глупая птица! Я тебе с наслаждением откусила бы нос, но жаль, что я не могу тебя достать. Едем, едем!..

Несомые вслед кролики метались из стороны в сторону, и их фигурки, казалось, говорили:

— Любопытно, но страшно... любопытно, но страшно.

Бобка забилась в конурку и, вероятно, ни разу не выглянула во всю дорогу. Догадываюсь, что она сидела там, полная страха и трепета.

— Ну, Хруп, теперь твоя очередь, — сказал хозяин, отбирая мою клетку от подхватившего было ее рабочего, и, взяв ее за кольцо, понес меня сам в наше новое помещение. Клетка качнулась. Я пошатнулась, желая сохранить равновесие.

— Не пугайся, дурашка, не продавать несую, — прибавил хозяин, думая, что я забеспокоилась.

О, как мне хотелось тогда крикнуть человеческим языком:

— Недогадливый человек! Я, простая крыса, родившаяся в одном из твоих подпольев, проныцательнее тебя, разумного существа!

Но я не могла этого крикнуть, и слова хозяина остались без достойного ответа.

Началась новая жизнь в новом здании. Наш кабинет в общем был все тем же прежним кабинетом, так как был обставлен старой мебелью и теми же шкафами с книгами, только рядом с ним была еще небольшая комната, в которую был унесен рабочий стол хозяина. В новом доме он уже не занимался в нашем помещении. Впрочем, дверь к нему всегда была открыта. Для меня новый дом был особенно памятен тем, что в нем я познакомилась из бесед хозяина и девочек с некоторыми подробностями о крысиной породе, кое с чем про других животных и в нем-то я обдумала и привела в исполнение новый план, имевший такое большое значение в моей жизни. Какой это был план, — я сейчас не скажу: я хочу сказать про него в другом месте.

Мне минуло пять лет, и в нашем подполье я была бы на положении старой крысы, хотя там у нас никакого счета лет никто не вел. Однако я свой возраст считала только зрелым. Я была полна сил и энергии. С вида я была сытой, но отнюдь не толстой крысой. Особенно гордилась я тем, что чешуйчатые кольца моего хвоста не выглядели безобразными, прилегали красиво друг к дру-

гу, и волоски, покрывавшие его, были не щетинисты, как у крыс подполья, а мягки.

Вообще я имела такой прекрасный вид, что люди, видевшие меня впервые, спрашивали у моих хозяев:

— Давно у вас эта молодая крыса?

И я была очень довольна, когда мои хозяева отвечали:

Какая же она молодая? Ей уже четыре года с лишним!

— Но она выглядит совсем молодой, судя по ее шелковистой шерсти и изящным формам.

— Мы за ней ухаживаем, — был ответ.

Насколько приятно было мне первое заявление, настолько неточно было второе объяснение: я была моложава исключительно благодаря своей врожденной чистоплотности.

Итак, мне было пять лет. Мои молодые хозяйки также уже выросли. Младшей, Вере, было восемь лет, а старшей, Нюте, — девять.

Девочки по утрам ездили куда-то учиться. Я видела их в обыкновенные дни не раньше, как около их обеда. Зато вечерами они частенько сидели у отца, который вынимал тогда из какого-нибудь шкафа книги, показывал им оттуда картинки и читал или говорил много про разных зверей. Это заставляло меня прислушиваться, тем болес, что, кончив свою науку, я скучала бездействием. Но я узнавала из слов хозяина так много нового и столько для меня непонятного, что ясно я себе не представляла всего того, что читал или рассказывал хозяин. Картины же, которые при этом им показывались девочкам, были для меня или невидны за отдаленностью или непонятны, так как иногда они изображали животных очень уж диковинных. Зато мне как то веселее было, когда я случайно видела изображения знакомых мне существ. Раз даже я увидела свой собственный портрет. Я шучу, конечно, так как я-то умею распознавать тонкие

различия одной крысы от другой. Но рисунок, поднесенный мне хозяином, все же изображал одну из наших крыс.

— Любуйся, Хруп, — сказал хозяин. — Ты увековечен навсегда. А вот это твой слабый враг.

Перевернув страницу, он показал мне изображение крысы же. Она была, видимо, поменьше меня ростом и несколько иного склада. С первого взгляда я заметила, что у нее было побольше чешуйчатых колец в хвосте, и сама она изображена была как будто темнее. Я с интересом разглядывала рисунок, недоумевая, — почему эта крыса была моим врагом?

— Что, не признаешь, Хруп? — продолжал мой хозяин. — То-то, брат: повыгнал этих крыс отовсюду, да уж и отказываешься признать! Это, милейший Хруп, черная крыса, которую вы, сударь пасюк, изволили изгнать из всех мест ее обитания. Вы, пасюки, или рыжие крысы, оказались посильнее, поэтому и победили. Между вами происходили ожесточеннейшие схватки. Однако, повторяю, на вашей стороне была сила. Вы сначала изволили загнать врага в верхние этажи, а затем и в них приспособились лучше, чем ваши черные неприятели. От такого огорчения они

все как-то и повывелись, уступив вам насиженные места. Теперь этих черных крыс нужно искать днем с огнем по Европе; их много только в Персии, где их родина. Все же вы поступили, Хруп, неблагородно, так как черные крысы раньше вас поселились в Европе. Вы изволили прийти в Европу попозже, а откуда вы родом, из Индии или Персии, — решить не берусь. Зачем вам понадобилось нашествие на Европу? — не знаю. Но вы совершили это нашествие и населили всю Европу чуть не за 50 лет. Ныне вас столько, что я не берусь сосчитать — сколько миллионов и даже миллиардов штук наберется вас в Европе. Скажу, что одна кошка Матюша уничтожает вас в количестве до 50 штук ежегодно, но от этого нисколько не убавляется число ваших почтенных товаров в подпольях. Так-то-с! А с черной крысой вы поступили все-таки пре-скверно. Поняли?..

И, смеясь, хозяин захлопнул книгу перед моим носом, мигнув двум девочкам. Это означало, что, по его мнению, я ничего не поняла.

— И еще скажу, — обернулся вдруг ко мне хозяин. — Вместе с черной крысой вы изволили распространиться вслед за человеком решительно по всей суше, и теперь почти нет места, где бы не было вашей сестры или брата. Всюду вы продолжаете вашу странную войну с черной крысой, но это уже касается только вас, а мы, люди,

очень огорчены распространением одинаково, как вашим, так и черной крысы, Но этого вы уж, конечно, не поймете!

И хозяин добродушно засмеялся вместе со своими девочками.

Он ошибся! Я не только от слова до слова все поняла, но и много извлекла полезного из его речи.

"Нет места, где бы не было крыс", я принадлежу к "пасюкам, или рыжим крысам, которые гораздо сильнее черных"... да это такие новости, которые ошеломили бы хоть кого из крысиной породы!

Значит — всюду, где живут разные, самые диковинные звери, неизменно живут и крысы. Значит — нет уголка на земле, где бы крыса не нашла себе крова и пищи. Для рыжей крысы все места тем более пригодны, что она встретит везде или своего же собрата или слабейшую черную крысу...

Я задыхалась от волнения... К какой породе я принадлежу! Крыса — чуть не царь в природе!

Каковы же были мое удивление и мой восторг, когда из вечерней беседы хозяина с детьми, продолжавшего тот же разговор, я узнала, что есть еще и водяные крысы, хоть несколько и иной породы, чем наша, что наша порода пасюков тоже не боится воды, и, если случится при невзгоде жить у воды, пасюки прекрасно ныряют, плавают и даже ловят рыбу.

Ура! После человека крыса-пасюк, очевидно, способнейшее из существ, населяющих мир. И я принадлежу к этому благородному племени! К чему же была эта насмешка хозяина, обыкновенно такого милого и добродушного?

Я была тогда, хоть и неглупая крыса, но все же не такая опытная, как теперь. Теперь же, после своих добродейств и злоключений, вижу, что в ряду живых существ крыса далеко не занимает второго места после человека. Место ее скромное, в отряде грызунов, а таких отрядов много, очень много среди млекопитающих животных.

Человек же стоит, действительно, во главе, да и не одних млекопитающих, а всего живого мира...

В скромной старости своей я склоняюсь перед величием человека и не мню себя близкой к нему. Делаю это спокойно, без зависти и досады. Всякому свое место в дивной, чудной, очаровательной природе...

С того времени, как я услышала столько нового о крысах, я стала вдвое внимательнее к вечерним беседам хозяина с девочками. Но про крыс они больше уже не говорили, и я слышала только речи о других животных, что меня уже мало интересовало.

Я заскучала и так сильно, что это заметили даже люди. Мне стало тесно в моем помещении; я стала ощущать пустоту в моей беззаботной жизни.

Видя меня грустной, задумчивой, хозяин и его дети пробовали всякие средства развеселить меня. Они клали мне в изобилии лучшие кусочки крысиных яств, обращались со мной особенно ласковым тоном, ставили мою клетку ближе к другим зверькам, например, к кроликам, меняли даже комнаты и, в виде, должно быть, особенно действительного средства, ставили чаще мою клетку в детскую.

Ничто не помогало.

Хруп захворал! — решили все, и если бы мне было до того, то я, конечно, особенно бы оценила грусть моих маленьких хозяек.

— Миленький Хрупчик, — говорила мне Нюта. — Что это с тобой сделалось? Я не знаю, что бы я сделала, только бы ты поправился и стал опять веселым и добродушным.

Дорогой Хрупушка, — говорила тут же Вера, — я отдам тебе все вкусные порции моего обеда, только будь добрым: выздоравливай поскорее!

Я не выдержала — подошла вплотную к этим миленьким личикам и слегка поиграла своими усиками, но и это уже вызвало в моих девочках живую радость.

— Умный, Хрупчик, умный, — заговорили они обе, и их пальчики пролезли через прутья, чтобы пощекотать мою шерстку.

Но я продолжала хворать, т.е. правильнее — томилась грустью.

Я стала избегать даже взглядов и подолгу просиживала в своем ящике, думая думку и выходя только немнож-

ко попробовать чего-нибудь съестного — ровно столько, чтобы не умереть с голоду.

Однако голова моя не бездействовала, и я в своем одиночестве обсуждала думу за думой: как победить мое неожиданно явившееся тяжелое душевное состояние?

То была тоска по свободе, спавшая во мне дотоле. До сих пор, занятая своим самообучением, я почти не имела времени для тоски. Теперь, когда я постигла живую речь творений, и пе-

редо мной развернулся мир, еще более заманчивый и интересный, я, так сказать, сама себя заключила в новую душевную тюрьму, раскрыв всю прелесть познания себя, осужденной на вечное заключение вдали от мира, который научилась познавать.

В то время, как мое племя покорило всю сушу и даже воду, я, самая любознательная из крыс, осуждена жить подаянием и судить о прелести жизни, не имея возможности сделать более пяти шагов в каждую сторону от ящичка!

Надобно было придумать какое-нибудь лекарство от этой удручающей тоски. Такого в пределах тюремной жизни я не обретала. Оставалось одно, самое верное средство... бежать. Об этом было легче подумать, чем исполнить.

Но я уже говорила, что мне стоило только наметить цель, и я уже от нее не отступала. Бежать — стало целью моей жизни, и мне нужно было, во что бы то ни

стало, найти средство осуществить ее. Упорно и точно взвешивая все обстоятельства, я занялась составлением в голове своей плана бегства и то, что находила возможным для себя, прочно закрепляла в памяти, решив в точности осуществить это на деле.

Мало-помалу в голове у меня созрел весь план от начала до конца, и, когда я, наконец, все окончательно обдумала и пришла к точному решению, я в первый раз после двухнедельной тоски основательно поела любимого моего блюда, жареной ветчины.

— Хруп выздоровел! — раздавалось всюду после этого дня и говорилось даже гостям, которые ходили смотреть на меня, как на заморского зверя.

— Да! Хруп выздоровел... но той же болезнью, хотя, может быть, не надолго, заболеее скоро все вы, мои добрые люди, и больше всех, конечно, те, кто больше меня любил, если только тоска по маленькой, ничтожной крысе может стать чувствительной. Что делать! Чувствую, что я создана для лучшей жизни, что меня ожидает что-то новое, положенное судьбой на мою долю, и я должна пережить еще целый ряд перемен в моей жизни...

С следующего дня я приступила к осуществлению моего плана.

VIII

План бегства и его осуществление. —
На свободе. — Первое убежище

обственно говоря, я должна была разрешить два вопроса: как убежать из клетки и как выбраться из дому, минуя всех возможных врагов, вроде Матюши, не перестававшей смотреть на меня прежними злыми глазами, и Гри-Гри, которая, судя по ее обращению с Ворчуном, готова была сцалать и меня зубами... просто из озорства. Важнее всего было высвободиться из клетки, но для этого, согласно моему плану, я должна была ждать случая, а пока приобретала и обстоятельно удерживала в памяти все те сведения, которые были мне необходимы для успешного бегства.

Я серьезно занялась изучением расположения комнат, по которым должна была убежать. Их порядок я уже сообразила: время моей мнимой болезни не пропало даром. Перешарив в голове все впечатления от путешествий моей клетки по разным комнатам, я уже наметила главный путь. В особенности я старалась припомнить подробности нашего переселения из дома в дом.

Как я была рада, что обладала такой чудной памятью! Немного труда стоило мне, чтобы восстановить этот переселенческий путь вновь в голове. Конечно, для меня теперь важно было знать путь только по новому дому, поэтому я и не припоминала дороги по прежнему жилью.

Как сейчас помню, беседуя со мной, хозяин, выйдя из старого жилища, шел сначала по березовой аллее, которую я видела из окна прежнего кабинета. Потом он вышел на берег пруда и по такой же аллее, но обставленной с одной стороны уже другими деревьями (ветлами), пошел налево до красивого узорчатого забора с каменным низом. Отворив калитку, он вошел в садик, поразивший меня своей красотой. Всюду виднелись пестрые клумбы красивых цветущих растений. Выйдя по дорожке на песчаную площадку, мой хозяин начал подниматься по широкой каменной лестнице на большую каменную веранду с высокими белыми колоннами. Постояв с минуты на веранде, он отворил стеклянную дверь и вошел в большую залу, в которой, как я тогда еще обратила внимание, гулко раздались его одинокие шаги. Из залы он повернул под какую-то арку без двери и, пройдя освещенный коридор, свернул еще раз. Отворив тяжелую, темную, двустворчатую дверь, он внес меня в кабинет.

Теперь я только мысленно представила наш путь обратно: из кабинета в коридор, из коридора под арку, из нее в залу, из залы на веранду с колоннадой, а с нее по лестнице в садик. Далее я уже пути не обдумывала, так как надеялась на свою сообразительность, но на случай запомнила, что было направо, что — налево, так как при обратном пути все должно было идти в обратном порядке.

Кроме этого общего представления о предстоящем пути, я принялась еще изучать подробности тех комнат, куда меня выносили. Моя клетка уже успела побывать и на окне освещенного коридора, когда кабинет выметали, и в большой зале, которая иногда превращалась в просторную столовую, и в других комнатах. В залу меня приносили, вероятно, на показ, и помню — это делала всегда старшая девочка, Нюта. Выносили меня и на веранду, но на очень короткое время и, по-видимому, случайно. Через несколько дней я уже ясно представляла

свой план бегства, изучив все пороги и расположение встречаемых предметов.

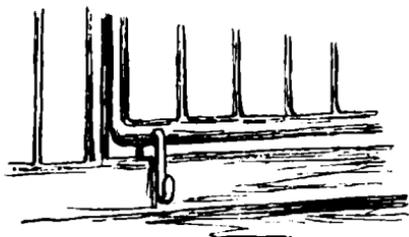
Наконец, желанный случай настал.

Собственно это даже был не случай, а событие, которое совершалось очень часто.

Время от времени хозяин наш принимался за основательную чистку всех клеток своего домашнего зверинца. Без этого воздух в кабинете становился бы тяжелым. В это время хозяин поступал так. Он выпускал кроликов свободно бегать по кабинету, а Бобку перегонял в их просторную клетку, так как Бобка ужасно боялась тесноты, а свободно по комнате ей прыгать не разрешалось после того, как она разбила какую-то вазу, изорвала на лампе абажур и больно укусила палец горничной. В клетку белки впускалась я, а моя клетка подвергалась чистке. После чистки я снова водворялась к себе, и чистилась Бобкина клетка. За ней следовало мыть кроличье жилье, из которого белка перебиралась к себе; после него хозяин приступал к осмотру клетки Ворчуна, а изредка и ящика с гадами и бассейна с рыбами. У последних все ограничивалось тем, что выливалась почти вся вода и наливалась свежая.

Водворение меня на время в помещение Бобки, казалось, было вовсе не необходимо, так как, чистя мою клетку, хозяин мог бы пустить меня в кроличье помещенье. Но дело было очень просто: в этом помещении были такие места, где я могла свободно вылезть наружу, а это, очевидно, не было желательно.

Эти случайные посещения клетки белки не остались бесполезными для такой наблюдательной крысы, как я. В первое же посещение я исследовала все; попробовала было даже влезть в колесо, но нашла это чересчур головокружительным. Я обратила внимание на то, что легко выбралась бы из такого помещенья, если бы оно было моим, так как прутьи были довольно слабы и местами пропущены через дерево. На дереве видны были даже

следы зубов Бобки, ну а от моих, в случае нужды, в одну ночь осталось бы о нем одно только воспоминанье. Особенно бросилась мне в глаза неважная задвижка дверцы клетки, которая запиралась

только легкой подковкой, охватывавшей косяк и рамку дверцы. Отвернув подковку вверх, хозяин растворял дверцу. Запирая же, он просто опускал эту подковку, согнутую из обыкновенной проволоки. Как незамысловато было это приспособление по сравнению с моей выдвигавшейся вверх дверцей, запиравшейся при помощи металлической петли где-то под клеткой!

Вот теперь, когда я только и думала, что о бегстве, для меня было самое важное — попасть в беличье помещенье и постараться тихонько выбраться из него.

Представьте же мое волнение, когда я на лице хозяйна прочитала намерение почистить наши жилища, и его взор, по обыкновению, упал на кроличью клетку. Он подошел и, беря за уши, повытаскивал оттуда и Серенького, и Беленького, и Косоглазенького. Сердце мое сильно забилося. Что, если на этот раз хозяин почему-либо отступит от своего обыкновения и запрет меня куда-нибудь в другое помещенье! Куда? Я не представляла себе, но все же вся была полна безотчетного волнения. Однако все пошло, как по писанному: хозяин поднес беличью клетку ко входу в кроличью, отворил дверку Бобки и, по обычаю, произнес:

— Пст! Бобка, алэ маршир!

Прежде я обыкновенно задумывалась, что значили эти редкие слова, но теперь мне было не до того.

Наступила моя очередь, и от волнения я еле расслышала вполне громкий голос хозяйна:

— Хоть вы и чистоplotная крыса, милейший Хруп, но, полагаю, что вы ничего не будете иметь, если я немножко приберу в вашей комнате?

“Ничего не буду иметь?”... Я жаждала этого всей душой моей, всем сердцем, всем существом, всеми мыслями!..

Минута приближалась...

— Позвольте просить вас, господин Хруп, навестить помещенье вашего приятеля Боба. Он не раз выражал свое огорченье, что вы бракуете его колесо. Надеюсь, что вы будете на этот раз снисходительнее и отдадите должное внимание его любимому приспособлению...

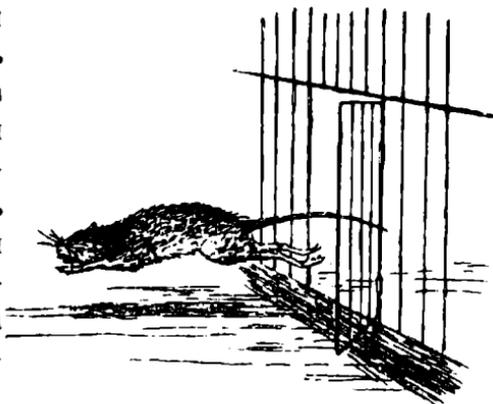
До того ли мне было! Я не вошла, а положительно ввалилась в комнатку Бобки.

Но теперь уже нельзя было предаваться волнению. Надобно было действовать и действовать своевременно.

К довершению моего благополучия хозяин почему-то поставил клетку Бобки в темный угол за широкий книжный шкаф, прямо на пол. Это было уже счастье. Отвернувшись от меня, хозяин направился к окну, и последнее, что я видела, — после я уже ни на кого не глядела, — было то, что он взял какую-то тряпку и растворил опустившуюся было дверцу моей клетки.

Теперь я приступила к исполнению задуманного мной плана освобождения. Тихонько, с преувеличенной осторожностью, я подняла мордочкой милую подковку и нажала на дверцу передней лапкой. Дверца подалась и... растворилась. На меня словно пахнуло свободой.

Я, как угорелая, метнулась из моей временной, а Бобкиной постоянной тюрьмы и бесшумно помчалась вдоль стены, направляясь в пространство между стеной и шкафами, которое у последнего шкафа кончалось как раз возле растворенной двери в коридор. За шкафами оказалась такая масса пыли, что я охотно бы чих-

нула, но я знала, чем в этом случае рисковала, и персилила щекотание в моих обеих ноздрях. Вымазав в сухой пыли и какой-то паутине всю свою рыженькую шкурку, я, наконец, добралась до конца шкафа и увидела даль между дверью и полом. С трепетом я ступила на пол обеими ногами и, не глядя в стороны, проползла под дверь к коридору. Здесь меня до ужаса испугало какое-то существо, быстро выскочившее из коридора и даже больно

задевшее меня своими задними ногами. Я быстро увернулась за угол и трепетная помчалась вдоль стены, стараясь, поборов страх от неожиданной встречи, припомнить намеченный по плану путь.

Все шло довольно благополучно, и я, как по ниточке, добралась до двери веранды, которая, увы!.. была заперта. Возможность этого я совершенно упустила из виду.

Однако горевать было не время, а надо было действовать. Я быстро обежала стену залы, ища спасительного выхода и... нашла его. В том углу залы, который был уставлен гостинной мебелью, стояла горка полок с горшками цветов. Стояла она у самого окна, одного из двух, по бокам стеклянной двери. Окно было растворено, и ветерок колыхал верхушки цветов. Я мигом поскакала по ступенькам и в несколько мгновений была уже на окне. Передо мной была веранда, у которой расстилалась замеченная мной песчаная площадка с цветочными куртинами. А за ними — кустики, группы деревьев, дорож-

ки... эх, да не до них мне было в это время: бежать, бежать на свободу — вот была единственная моя дума!..

Я прыгнула с окна на спинку скамейки, с нее на скамейку, оттуда на пол и, как безумная, бросилась по каменной лестнице вниз, сворачивая понемногу налево, когда подскакивала к нижним ступеням. Затем я помчалась по левой дорожке к узорчатому забору, мигом вскочила на его каменные плиты и, миновав ограду, несколько медленнее спустилась к самому берегу пруда.

Только тут я стала собираться с мыслями, припоминать подробности только что совершенного подвига и в порыве внезапно охватившего меня чувства свободы, прервав свои думы, мысленно тщеславно воскликнула:

— Ура, Хруп, ученейшая крыса! Ты теперь свободен. Перед тобой весь мир, которым ты научился интересоваться. Иди! Природа ждет от тебя новых подвигов на прославление славного крысиного рода, завладевшего землей!..

Но никто, даже я сама, ухом не слышала этого моего крика...

Только теперь, успокоившись, я заметила, что кругом вовсе не было так безмолвно, как мне сначала показалось. Был день, поэтому все живое жило своей обыденной бурной жизнью.

Откуда-то слышались самые разнообразные голоса: где-то лаяла собака, но только не Гри-Гри, кудахтали куры, а над домом скрипел какой-то железный лист, поворачивавшийся от ветра. Много было и других звуков далеких и близких. По кустам чирикали разные птицы, в траве слышались жужжанье, трескотня и шорох. Все это навело меня на мысль о необходимости отыскать где-нибудь временное убежище, чтобы наблюдать все в достаточной безопасности.

Вдруг знакомые мне голоса сразу привели меня к определенному решению, и я, не долго думая, бросилась в воды спокойного пруда и, сколько было сил, поплыла

на ту сторону. Один голос принадлежал старшей девочке, Нюте, которая громко кричала, сбегая с веранды:

— Хруп убежал, Хруп убежал! Няня, Федор, люди!.. Ищите Хрупа, ловите Хрупа! Он ручной — далеко не убежит. Да закройте, уберите Матюшу, гоните кошек, а то они съедят нашего глупого Хрупа! Ищите Хрупа, все ищите... Он недалеко: где-нибудь в доме или около дома... Он убежал из кабинета: папа сам видел, как Серенький отчего-то шарахнулся. Ищите, ищите Хрупа!..

В голосе девочки слышались слезы, но не время было обращать на них внимание.

Я перепугалась не на шутку, тем более, что вслед за девочкой выскочила Гри-Гри, и я ясно услышала ее прерывистый лай:

— Чую запах, чую запах... кто-то бежал по веранде и по лестнице. Здесь он скакнул, сюда завернул. Да, да... кто-то бежал вон туда, на площадку... чую запах...

По звуку лая я слышала, что собака, хотя и мечется из стороны в сторону, но бежит по моим настоящим сле-

дам. Этой способности я в Гри-Гри не предполагала. Она была бы гибельная для меня, если бы я не была на берегу спасительного пруда, в воды которого кинулась.

Я быстро поплыла вперед, даже не поздравив себя с неожиданным умением плавать. Назад я не оборачивалась и спешно работала всеми четырьмя лапами. Из-под воды выставлялась только моя мордочка, часть спины, да иногда хвост. Это меня очень смущало и я боялась, что меня заметят.

Но судьба была за меня, и вскоре я уже вылезала на противоположный берег. Выйдя на него, я впервые решилась обернуться.

Из своего безопасного далека я видела около дома бродивших людей, а между ними мечущуюся собаку, которая то и дело возвращалась к моим следам у берега. Хлебнув языком раза два воды из пруда, собака пускалась вновь на розыски, непрерывно махая своим гибким хвостом, и что-то тихонько подлаивала, но что, — я не разбираю.

Итак, я была на полной свободе, но уже не в качестве простой подпольной крысы, знающей одни только крысиные уловки, а в качестве четвероногого путешественника, обладающего знанием языка животных громких и молчаливых.

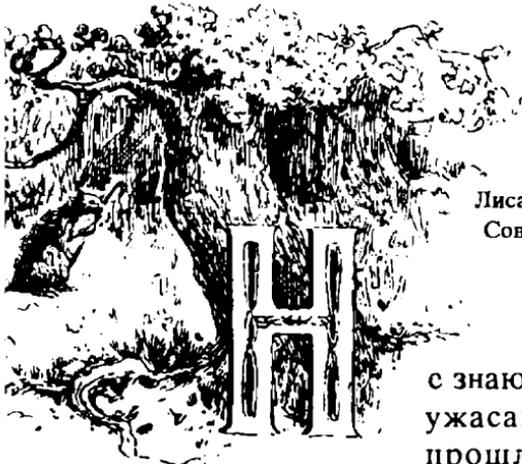
Однако мой внешний вид исключал всякое представление о каком-либо преимуществе моем перед другими крысами, и, откровенно скажу, что мокрая крыса имеет далеко непривлекательный вид, пожалуй, даже непривлекательнее мокрой курицы, про которую так любят говорить люди. Прежде, чем предпринимать что-либо дальнейшее, надо было обратить внимание на свой вымоченный костюм, и я старательно принялась за туалет. Туалет занял, однако,

очень немного времени, и я скоро оправилась. Тогда я взглянула в последний раз на покинутый приют, населенный моими знакомыми, славными, добрыми людьми. Воспоминание о двух детских личиках, с любовью смотревших на меня в былые времена, вызвало во мне что-то вроде щемления в сердце. Я выбралась по косогору повыше и залезла в темный угол между корнями высокого дерева — первого, встретившегося мне по дороге.

Прежде, чем начинать новую жизнь, я должна была выспаться, чтоб сном подкрепить бодрость духа. Я имела, ведь, так много испытаний в течение минувшего дня.

IX

Первая почь в лесу. —
Лиса и барсук. — Роковая ловля. —
Сова. — Еж и кузнечик. — Душло

с знаю, долго ли я спала, грезя ужасами погони и образами прошлой жизни, но только, когда я проснулась, была уже глубокая ночь, и небо было сплошь усеяно тысячами сверкавших далеких огоньков. Я не сразу сообразила свое положение, но, овладев мыслями, нисколько не испугалась привычной мне темноты. Напротив, я рада была сделать первые шаги своей самостоятельной жизни под защитой ночи, покровительницы крыс.

Прежде всего нужно было промыслить себе чего-нибудь закусить. Разумеется, будучи крысой, я не имела с собой дорожной провизии, но я носила в себе одну успокоительно действовавшую на меня мысль, которая исключала всякую боязнь голода:

— Мир населен крысами!

Если так, то всюду, значит, найдется для них еда. Однако сеть-то все-таки было надобно, пора одних только глубокомысленных рассуждений прошла.

Я двинулась в путь.

Кругом колыхались расплывчатые черные тени вершин деревьев. С их ветвей и в траве, казавшейся ночью особенно густой, несся неясный гул ночной жизни. Чудилось, листья шептались, а в траве ютились целые колонии маленьких шумливых тварей. Но, кроме этого неясного шума, мой тонкий слух не слышал пока ничего.

Вдруг в темноте блеснули два зеленоватых огонька и, мне показалось, направились в мою сторону. Я мигом спряталась за древесным пеньком и тихонько из-под облупившейся коры посмотрела на место, где мелькнули подозрительные глаза. Из-за кустов тихо прокрадывалось какое-то животное поменьше Гри-Гри, но с явными признаками собачьего рода.

— А!.. Лиса! — подумала я и решила, что самое благоразумное будет — изобразить из себя на время полного истукана. Свернутый ветром кусок коры прекрасно закрывал меня от врага, и за таким прикрытием я могла спокойно наблюдать за ним. То, что я прочла на физиономии лисы, было весьма неутешительно.

— Плохо, — говорила вся фигура и морда лисы. — Ничего, решительно ничего съестного...

— Но чем-то все-таки пахнет, я это положительно чувю, и несет, очевидно, вот оттуда — и лиса повела носом в мою сторону.

В сердце у меня екнуло. Первый шаг на свободе и такой опасный.

— Положительно пахнет, — продолжала лиса, садясь но близости.

Этого еще недоставало.

— Должно быть, здесь кто-нибудь да сидел, только ужасно трудно цыслеживать добычу в такой чаще. Однако все-таки я голодна...

И лиса начала снова внюхиваться во все стороны. Затем встала и пошла прямо на мой пенек.

Я считала себя в большой опасности, так как, хоть была и образованная крыса, но едва ли могла рассчитывать на снисхождение голодных лисиц, которые, наверное, равнодушны к уму своей добычи. Я боялась тронуться с места, не сомневаясь, что таким образом только облегчила бы лисе ловлю.

От людей я слыхала, что на небе для них горят какие-то счастливые звездочки, и я невольно взглянула в чер-

ную высь, ища там своего счастья. Может быть, и моя звездочка ярко горела в эту ночь на небе, так как в то время, как лиса была всего в каких-либо двух шагах от прикрывавшего меня куска коры, невдалеке вдруг слышался чей-то приближавшийся сердитый, ворчливый голос. Хоть плохо, но я все же разобрала:

— Это положительно безобразие, я этого никогда допустить не могу, — кричал этот голос, похожий не то на хрюканье, не то на знакомое мне ворчание хорька.

— Ах, проклятая собачонка, опять бродила тут возле моей норы. Эдак придется, пожалуй, вновь перебираться в другое помещение.

— Это еще кто? — грозно захрюкал мой неожиданный спаситель, вылезая из кустов и решительно направляясь к лисе.

— А, еще новое лицо! Соседка, что выжила меня из верхних нор! Ну, матушка, я теперь сердит и потому не советую попадаться мне на дороге. Извольте убираться прочь! — и новое для меня существо рысцой побежало на лису, которая, не медля, скрылась в темноте.

земли каких-то белых съезжившихся червяков и жадно поедал их.

Впоследствии я узнала, что моим благодетелем был никто иной, как один из барсуков, животных очень сердитых, ворчливых и сильных. Человек убивает их из ружья или даже палкой, а иной раз и вытаскивает из нор с помощью собак такс. Эти собаки, я слышала, не боятся лазить за барсуками в их норы и там вступать с ними в ожесточенный бой. Если собака, о которой говорил встреченный мной барсук, была такса, то я поздравляю эту "собачонку", так как мой случайный спаситель был, по-моему, крупный и крепкий зверь и одолеть или даже только испугать его было одинаково почетно.

Воспользовавшись минутами невнимания занятого едой животного, я тихонько выбралась из засады и, что

было мочи, пустилась в чащу леса. Вскоре до меня едва только доносилось пыхтенье что-то аппетитно уплетавшего ворчуна.

Пробравшись сквозь непривычную для меня чащу травы и путаных прутьев кустарников, я выбежала неожиданно на чистую лесную

по-
ляну,
усеян-
ную белы-
ми цветами,
испускавшими
сильный запах.

Мои острые глаза
разглядели, что от
цветка к цветку переле-
тали какие-то пухлые су-
щества, похожие при полете
на бабочек и превращавшиеся
в больших белых мух, когда сади-
лись. Это было мое первое знаком-
ство с ночными бабочками.

Я почувствовала в это время такой
приступ голода, что не задумываясь, реши-
ла утолить его несколькими парами этих мух.

От роду я была совершенно незлобивой
крысой, и всякое истребление живых тварей бы-
ло противно моей натуре, а впослед-
ствии и моему убеждению. Но я не относилась к
числу творений, достойных жалости, ни жи-
вотных знакомого мне ящика в кабинете, ни
рыб, ни всю порхающую и скачущую мелкоту.

К насекомым, быть может, такое пренеб-
режение у меня зародилось еще тогда, когда я
усердно очищала свое тело от противных ска-
кунов-паразитов, нападавших на нас в наших
подпольях.

Я принялась за ловлю этих, как мне каза-
лось, огромных белых мух с особенным усер-
дием. Занятие было вовсе не из легких, и я,

желая добиться своего, совершенно ушла мыслями в эту охоту; тем более, что, почуя добычу, мой желудок настоятельно стал требовать пищи.

Однако в лесу и ночью никто не должен забывать правил осторожности. Я жестоко была наказана за свое увлечение, и, кто знает, что было бы со мной, если бы в эту ночь моя счастливая звездочка померкла.

Во время своих прыжков за бабочками, плавно, но ловко порхавшими, из которых я двух все-таки поймала и съела, я слишком поздно заметила, как над поляной бесшумно пронеслось чье-то мягкое тело, а по белому ковру цветов скользнула широкая тень.

Только что собиралась я праздновать победу над третьим блюдом того же крылатого кушанья, как вдруг почувствовала острую боль в спине и мгновенно очутилась высоко над поляной с белыми цветами...

Меня кто-то понес, летя по воздуху и вонзив в мое тело какие-то острые, крепкие крючья. Я чувствовала, как капельки крови просочились из ранок и теплыми струйками забороздили по спинке, спускаясь на бока. Они срывались и капали вниз... в темное пространство видневшегося подо мной леса. Я слышала над собой какое-то всяние, словно, меня кто обмахивал, но такое обмахивание вовсе не было благотворным для меня. Я обмерла

и, сознавая все, не могла двинуть ни одним членом. Вместе с обрывками мелькавших подо мной теней леса, полян и луговин в воображении моем быстро пронеслись картины мирной, безмятежной жизни в подпольях и в комнатах славного хозяина.

А теперь... я была, очевидно, в когтях у хищника, имени которого не знала, видеть которого не могла! Впрочем, это было скорее что-то вроде моего старого приятеля, попки Ворчуна, судя по ощущению кривых, острых когтей. Как погибающий за соломинку, я ухватилась за мысль, что схвачена по недоразумению.

Но скоро сомнения в моей близкой смерти в когтях у перчатого хищника исчезли, и мне оставалось только покориться своей ужасной участи. Сова — я, наконец, догадалась, кто был этот ночной разбойник, — донесла меня до большого сука высокого дерева и, усевшись поудобнее, собралась рвануть меня первой хваткой своего кривого клюва. Широкие, словно отороченные бахромой глаза, зверски блеснули передо мной жадным, голодным взглядом...

— Покушаем всласть! — перевела я этот взгляд силой своего искусства читать мысли, но — это была лебединая песнь умирающего. Через минуту, нет, даже секунду, я — труп, в котором никто и никогда не найдет и признака высокой крысиной образованности...

Но случилось нечто иное — второе чудо в эту чудную ночь!

Глаза хищника вдруг потухли, когти его разжались, и тело мое, более ничем не удерживаемое, беспомощно покакало с ветки на ветку, падая с верхушки высокого дерева.

Наверху же происходило что-то непонятное и разгаданное мной только впоследствии по тем признакам, которые запечатлелись в моей памяти. Оттуда посыпались обломки сучьев, и тихо и плавно полетели перья птицы. Кто-то глухо визжал:

По белому коври претов скользнула широкая тень...

— Готово!

А через несколько секунд, когда я, чуть живая и еле дыша, оправлялась от падения, мои усталые глаза заметили длинную фигуру какого-то зверя, волочившего моего мучителя, бывшего уже трупом.

Первая ночь свободы и столько невзгод! Не прошло нескольких часов, а я, полуголодная, полуистерзанная, лежала уже под раскидистыми ветвями огромного дерева, думая, что мне никогда не суждено будет выбраться из этого леса, кишящего тайными врагами и полного неожиданных опасностей. Однако попытка моя стать прочнее на ноги оказалась вполне успешной, и я, несмотря на ноющую боль, постаралась, сколько можно, повернуть шею, чтобы зализать мои раны. Хрупу, когда-то мыслителю, приходилось превращаться в Хрупа-врача. Зализав кос-как ранки, ворочая при этом головой то в одну сторону, то в другую, я поплелась по случайной тропинке леса, куда глядели мои глаза, пугаясь малейшего шороха.

Скоро до моего слуха донеслось слабое журчанье, но это не было голосом животного, и я безбоязненно продолжала путь. Дорогу мне пересекал маленький лесной ручеек, и я жадно напилась в нем студеной воды. Сама не знаю почему, но я решила перебраться на ту сторону и вступила в воду. В одном месте глубина ручья была значительной, и я сделала два, три плавательных взмаха, прежде чем мои ноги опять достали дна. Я выкупалась случайно, но купанье освежило мое горевшее тело и в него вновь начала проникать бодрость.

Продолжая путь по тропинке, я питала тайную надежду встретить что-нибудь, похожее на человеческое жилье, где я знала бы, как распорядиться. Но его, увы, я не встретила, и только лес да ночь были около и надо мной.

Вновь что-то зашуршало в стороне от тропинки; я прижалась к земле и подлезла под какой-то лист. На дорожке появилось знакомое мне животное. Это был один из тех ежей, которых часто приносил в кабинет наш хозяин.

— Тут кто-то шляется! — заговорил вдруг еж на своем немоном языке, когда я неловко хрустнула сучком.

— Но не советую приближаться: я при оружии. Паф, паф! — продолжал он, наморщивая кожу с затылка на лоб и вздрагивая всей своей иглистой кожей.

— Неужели ложная тревога? Я стала ужасно нервной за последнее время. Пугаюсь от всякого пустяка. Впрочем, лучше лишний раз зря испугаться, чем погибнуть от неосторожности...

— Эге, нет постой, брат! — обратился еж вдруг в сторону. — Стой, стой: не уйдешь!

И он ловко выловил заснувшего на стебельке огромного кузнечика, собиравшегося скакнуть подальше в траву.

При этом, разбежавшись, еж налетел на меня и моментально, вздрогнув, свернулся в клубок. Пойманный кузнечик ушел куда-то внутрь этого иглистого шара.

Я не на шутку перепугалась. Хозяин моих девочек часто говорил, что ежи ярые истребители мышей и не боятся померяться силой с крысой, хотя главная их пища — насекомые и всякая мелочь вроде улиток, лягушек и пр. Не боятся они даже и ядовитых змей, о которых в то время я, Впрочем,

имела еще очень смутное понятие.

Только что пораненная хищной птицей и полуголодная, я вовсе не могла рассчитывать на благополучный исход борьбы с таким смелым и более крупным зверем, и для меня было большое счастье, что еж при встрече со мной пред-

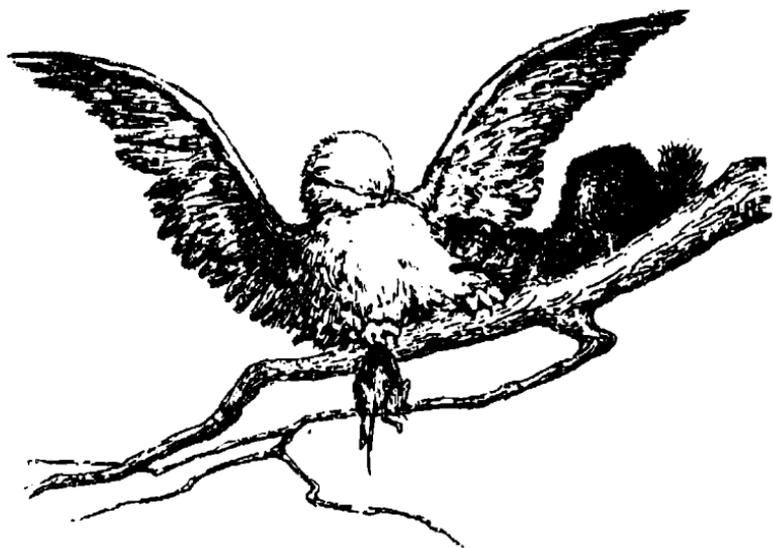
почел “лишний раз испугаться зря”, как он выразился. Не раздумывая, я пустилась дальше по дорожке, предоставляя ежу угадывать, какой зверь сыграл с ним маленькую шутку.

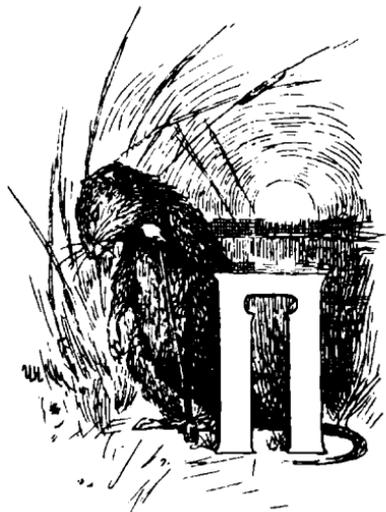
Однако ночь была необыкновенно длинной. В лесу она мне больше не казалась покровительницей крыс, и я недоумевала, как это перебирались через леса крысы-завоевательницы, распространяясь по всему свету.

Бродить по лесу ночью далее я не решилась и, найдя какое-то дупло, решила переночевать в нем до свету, когда ходить по лесу, быть может, будет безопаснее. Но мое водворение в дупле тоже не обошлось без тревоги: наверху в той же дыре кто-то все возился и на меня летели какие-то сучья и труха. Кто это был, — я и теперь не знаю. Истомленная событиями, я заснула тревожным сном, каким никогда не спала в дни своей неволи.

— Покойной ночи, Хруп! Надеюсь, завтра мы будем свежи и здоровы! — чудился мне голос моего доброго хозяина, прощавшегося так со мной в дни моей хворости.

Где-то вы мои славные друзья, милый человек и твои славные девочки, Вера и Ньюта? Покойной вам ночи, от бедного, покинувшего вас и пока еще несчастного Хрупа...

Х

В поисках пищи. — Сороки и лиса. —
В гостях у врага. — Дальнейшие поиски. —
Колси. — Приятная встреча. — Неожиданный
друг. — У тихой пристани

роснулась я не столько от света и не исчезнувшей тревоги, сколько от голода. Несмотря на раны снаружи тела, все внутри его было в полной исправности и требовало своего.

Как-никак, а приходилось где-нибудь да раздобывать себе кусок чего-либо питательного. Разумеется, о поджаренной ветчине и думать было нечего, ну да, ведь, не одна же ветчина служит прочным средством к поддержанию крысиного рода!

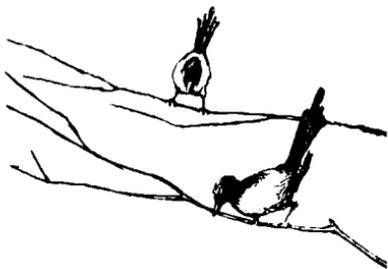
— Вперед, Хруп! Учись презирать невзгоды.

Ничто так благотворно не действует на бодрость духа, как ясный, улыбающийся день. В этом мне пришлось таки не раз убеждаться, хотя по природе своей я и не принадлежала к чисто дневным существам.

Когда я, умывшись и почистившись, вылезла из дупла, солнце уже вышло из-за высоких деревьев и освещало веселым теплым светом прогалину, на краю которой стояло приютившее меня дуплистое дерево. Небо было синее, вершины и ветви деревьев и трава полянки, мелькавшей сквозь листву, были свежего зеленого цвета. По зелени полянки кое-где пестрели распустившиеся цветы. Мне бросилось, между прочим, в глаза, что желтых цветов было разбросано больше всего.

Временем моего бегства была весна, — веселая, разодетая весна, самая дорогая пора для многих и даже почти для всех животных, как я узнала впоследствии!

Раны мои немного ныли, но, очевидно, купанье и предутренний холодок оказали на них благотворное действие. Я только изредка подлизывала то одну, то другую из них.

Только что принялась я раздумывать, куда направить свой путь, как невдалеке послышался громкий и очень знакомый мне голос:

— Как? Это вы? Так это вы? Куда ж вы?.. Так вот вы как! Так-так, так-так...

Чей-то такой же голос немедленно перебил первый:

— Да это так, да это так... всегда вот так.

Первый голос вновь перебил:

— Все так, все так... и всегда так!..

И оба голоса зачастили одно только “так” да “так” да “так-так-так”.

Положительно, лес населен гуще нашего подполья!

Голоса я сразу узнала: это были сороки. Но кого они приветствовали и кому так странно выговаривали, — я не знала и не узнала бы, если бы мои зоркие глаза не увидели мелькнувшей через просвет полянки моей недавней знакомой, лисы.

Как ни быстры были движения этого хитрого создания, но на ее морде, освещенной солнцем, я успела прочитать и ответ двум носившимся около нее сорокам:

— Эк, расстрекотались, проклятые! Нет, чтобы оставить меня в покое. Только другим обо мне докладываете... Ведь, не трогаю... нет, — надо посудачить! Хоть бы скрыться от вас, неугомонных... Ну, ладно... не попадайтесь же и вы мне близко. Попадете, так уж не пеняйте!..

Вся эта речь улеглась на морде лисы в одном-единственном выражении, но лисиц я научилась хорошо понимать: у них было очень много общего с собаками. Впрочем, о родстве этих животных я и не подозревала, собак же я изучила в совершенстве по повадкам Гри-Гри.

Стрекотанье сорок медленно удалялось в чащу леса.

Если лиса ушла, то, значит, с ее стороны никаких неожиданностей нечего было опасаться, и поэтому, сохраняя все же и на этот раз полную осторожность, я двинулась в путь туда, откуда бежала лиса.

Вскоре мой нос, работавший непрерывно, ощутил едкий запах. Это была смесь запаха какой-то свежей и порченной мясной провизии с особенным запахом, очень скверным, похожим на тот, который заносили в подполье крысы-охотницы, залезавшие в помойные и другие нечистые ямы.

Но я ему обрадовалась, так как решила, что запах этот непременно свидетельствует о человеческом жилье. Однако путь становился затруднительнее, так как шел каким-то косогором и в чаще низких кустарников. Лес стал много ниже, и солнце лучше пробивалось сквозь верхушки своими лучами, застревавшими только в ветвях переплетавшегося кустарника. В его холодноватой тени я и пробиралась. Неожиданно споткнувшись, я чуть было не полетела вниз: косогор кончался обрывом.

Обойдя крутое место, я увидела под обрывом темную огромную дыру, а много ниже ее, другую поменьше. От места шел густой и, пожалуй, отвратительный запах, который привлек меня сюда. Так вот, что я сочла за человеческое жилье! Горько было мое разочарование.

Однако и печаловаться было рано, так как, присмотревшись внимательнее, я увидела, что кругом обеих дыр, а частью в их входах была разбросана самая разнообразная мясная пища в виде недоеденных зверьков и остатков разной птицы. Среди птичьих остатков я сразу узнала голову того петуха, который первым просыпался в нашем

доме и как-то однажды внезапно исчез. В свое время меня это очень удивило, но теперь я все поняла. Было отчего и прийти в ужас: я была в логовище той самой лисы, которая охотилась в нашем саду за бродившими курами и чуть не съела меня прошлой ночью.

Первым движением моим было бежать и бежать возможно поспешнее, но вдруг одна умная мысль победила мой страх. Лиса ушла, да еще в сопровождении двух болтливых собеседниц, следовательно, я, во-первых, здесь одна, а во-вторых, — услышу о приближении своего врага по громкому говору ее спутниц. Я еще не знала тогда, что лиса умеет от них отделяваться и скрывать свою нору. Голод же стал заявлять о своих правах и требовал настоятельно моей остановки. Поэтому я кончила размышления тем, что выбрала себе провизию посвежее и основательно поела вкусного мяса дикой утки, пойманной лисой, вероятно, этой же ночью. Обгладывая необъеденные лисой кости, я оправдывала себя мыслью, что не я была причиной смерти этой утки.

Ах, как вкусен был этот первый настоящий обед на свободе!

Хорошо наполнив желудок, даже про запас, приняв при этом во внимание и возможность будущего голода, я вышла на какую-то черную дорогу, по краям которой шли глубокие впадины, а ближе к середине двумя ряда-

ми росла травка; самая середина также была черной. Эта картина мне что-то напоминала. Я вспомнила аллею сада, но та была вся черная без травы и без этих вдавленных дорожек. Мое недоумение скоро разъяснилось, когда вдали послышалось ржанье лошади, и мимо меня — я едва успела отскочить — проехал какой-то человек в телеге, подобной тем, которые я часто видела на дворе, когда жила в людской избе. Колеса телеги катились по непонятным было для меня выбоинам, а иной раз проделывали и новые дорожки в пухлой черной лесной земле. Название “колея” мне не было еще знакомо. Лошадь бежала серединой, вытаптывая тропинку, по бокам которой травка, росшая между ней и дорожками от колес, ничем не попираемая, спокойно тянулась вверх.

Но размышления о лесной дороге были пустяжными в сравнении с теми выводами, которые я сделала из встречи с человеком. Очевидно, он ехал туда, где крыса, даже необразованная, найдет себе, без сомнения, кров и пищу. Как жаль, что в своей поспешности уступить дорогу я не постаралась заметить лица проехавшего: может быть, я что-нибудь и прочла бы на нем.

Впрочем, думать много было нечего, — я понеслась вслед за телегой, стук колес которой еще слышался невдалеке.

Однако мне долго пришлось бежать, прежде чем я добралась до того, чего искала.

Каково же было торжество моего чудного соображения! Лучшего места для жительства такому свободному мыслителю, как я, нельзя было и ожидать.

Представьте себе крошечную лесную полянку на берегу небольшой речки, поросшей по краям густой травой. На этой полянке, обставленной высокими деревьями, стояла небольшая серая избушка. Сбоку у нее была дощатая пристройка, как оказалось потом, маленькая кладовка, по содержанию несколько напоминавшая кладовую в большом доме.

Конечно, в ней не было того обилия, но все нужное было — и мука, и картофель, и сушеная рыба. Иногда в нее попадала даже крынка молока, впрочем, большею частью кислого. Одним словом, запасов в лесной избешке, как видно будет из последующего, было вполне достаточно для одного человека... и одной нетребовательной крысы.

Немного поодаль находился плохо сколоченный навес, под которым, когда я прибыла на место, уже стояла знакомая мне телега. По полянке ходила распряженная лошадь, как-то странно выбрасывая связанные передние ноги.

Но самое главное было внутри избы. Почти половину ее занимала печь; остальная половина была тесно заставлена двумя скамеечками, столом в углу между двух окошечек и сундучком у самой входной дверцы. Было и подполье, хоть и небольшое. Зато я нашла прекрасный угол за печкой, в ходе между кирпичами, а под самой печкой даже целую крысиную комнату. Эта комната была завалена какими-то прутьями, палками и щепой.

Впоследствии я оценила все удобства этого чудного жилья, но больше всего я была тронута отношением ко мне хозяина, старого невысокого человека с белой головой и такой же бородой. Увидав меня в первый же раз, когда я попалась ему на глаза, он, к удивлению моему, обратился ко мне со следующей предобродушной речью:

— А, крыс! Ты как сюда попал? Ну, попал, и ладно. Не будешь пакостить, и я тебе вреда не сделаю. Живи, Бог с тобой! Всякому жить тоже хочется. Вот там, возле печки, и логово свое сооружай. Будешь умницей, и мне, старику, веселей жить будет. А промышлять себе ты, крыс, и сам, поди, сумеешь, коли у старика нехватка будет? А?

После этих слов доброго человека у меня дух захватило от радости, и мне стало понятным, почему крысы распространились по всему свету вслед за человеком.

Надеюсь, в те времена мне была простительна такая наивность. Для закрепления нашего знакомства старик подошел к столу, отрезал ломоть хлеба и, бросив мне на пол, прибавил:

— Ешь, коли проголодался!

Я схватила кусок зубами и потащила его за печку: есть с первого раза при новом знакомом я считала, по

крысиным правилам, неудобным. Зато в углу за печкой я уже поела всласть. А пока я с аппетитом грызла корку вкусного черного хлеба, до моего тонкого слуха доносилось рассуждение старика, относившееся, очевидно, все ко мне же.

— Ведь вот, поди ж ты, зверь какой! Кажись, сроду не думал, что заведется у меня эдакий крыс. А завелся! И как это они умудряются всюду забираться — не пойму. Только бы не навел других, а то — кабы не пришлось мне, на старости лет, убивством заниматься. Орава-то их, чего доброго, с голоду меня, старика, уморит своим прожорством. Ну, а коли один — ничево! Чай, не объест. Може приобвыкнет, так и тово... приятелем будет. Ништо! Ох, Господи!.. — закончил старик свою тихую речь и полез, судя по всему, на печку.

Началась новая безмятежная для меня жизнь.

Старик и его внучек. —
Рыбная ловля. — Мысли о
рыбах. — Речи о лесных
зверях

овое жилище мое было меньше, но уютнее всех предыдущих. Со стариком мы вступили положительно в самые тесные, дружеские отношения. Трудно было бы даже поверить, что такие могли установиться между человеком и крысой. Уже на третий день нашего знакомства я не боялась подходить к столу, когда старик садился за еду и крошил сушеную рыбу в какую-то бурюю жидкость. То был квас, как я узнала позже, — напиток очень невкусный. Старик подбрасывал хлеб все ближе и ближе к себе, пока я, подъедая крошки, не подошла к самым его ногам.

— Ну вот, и буде для первого разу... — сказал он, бросив последний кусок. — А завтрава, може, Бог даст, и из рук возьмешь, зверюга малая!..

И вытерев мокрый рот коркой хлеба, старик вновь принялся макать деревянной ложкой в чашку и хлебать свою еду.

На другой день я, действительно, осторожно взяла хлеб прямо из рук старика, который нашел нужным сказать мне опять несколько ободряющих слов:

— Так-то-сь, рыжий. Знакомься, знакомься с белым. Он хоть и бел, как лунь, да не ест вашего брата, как лунь. Небось, не обижу, а, може, еще и лучше покормлю. Приятелем будешь: рыжий... белому.

И старик славно хихикнул.

Впоследствии от того же старика я узнала, что луни — хищные птицы, что-то среднее между ястребом и совой. Пока же я, по сохранившейся привычке своей, только запомнила, впредь до разъяснения, просто звук “лунь” и что существо, носящее это имя, “ест нашего брата”, т.е. крыс.

Через неделю мы были полными приятелями, и старик гладил меня по шерстке, когда я усаживалась рядом с ним на скамейку. Но во все наше знакомство он ни разу не разрешил мне прыгнуть на стол и никогда не ел ничего, попробованного мной. Собственно говоря, мне было совершенно все равно. Впоследствии же я узнала, что это значит — брезговать другим и что часто даже люди брезгуют есть один после другого.

Старик очень много говорил. Теперь это мне, одряхлевшей крысе, понятно, так как я не раз убеждалась в болтливости стариков, да и сама пишу эти воспоминания, может быть, по той же причине. Однако в те времена я не задумывалась над объяснением такой говорливости и была несказанно рада слушать старика.

Обращаясь ко мне, вступая со мной в настоящую беседу, старик и не знал, что его слова находят внимательного и неглухого слушателя, и эти речи его были, собственно говоря, действительным разговором.

Не берусь решать, был ли бы так разговорчив старик, если бы знал о моих способностях, но, не зная их, он то и дело выкладывал мне все свои знания и думы. А их у него за его век накопилось немало. Свою жизнь он помнил до мельчайших подробностей и не раз ее рассказывал мне, но самая жизнь его меня, говоря по правде, ни-

когда не интересовала. Лес, поле, луга, степи, озера, болота, речки и все населявшее их старик знал превосходно и обо всем этом время от времени и при случае сообщал мне своим тихим, вразумительным голосом.

Кстати, как я узнала из его первых же бесед, он был старым лесником какого-то барина, отдавшего ему за заслуги в пользование лесную избушку, в которой старик прожил что-то очень много лет, и снабжавшего его провизией. Когда нужно, старик даже брал в усадьбе на время лошадь и телегу.

Живя у старика, я частенько бродила по окрестностям. Я действовала теперь смелее, так как была уже опытной крысой, особенно после разных советов старика. Но больше всего любила я ходить всюду с самим стариком. Иной раз он брал меня даже на руки.

Старик был большой рыболов, и вот в такие часы его рыбной ловли я и была внимательнейшей и скромнейшей слушательницей стариковских речей.

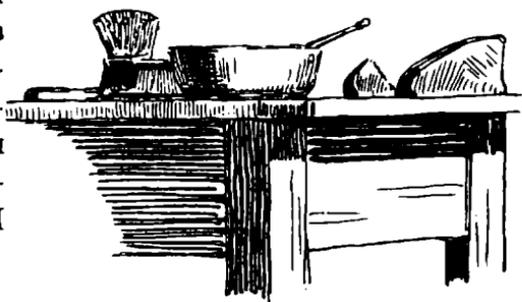
Помню я его первую рыбную ловлю со мной.

— Эй, зверюга, вылезай из-под печки! Идем рыбу ловить... — сказал раз старик, вытаскивая откуда-то толстый прут, на конец которого был приделан круг с сеткой; в нсе он бросил краюшку хлеба и жестяной ящик с чем-то.

Разумеется, я вылезла и начала внюхиваться в воздух.

— Ну, чего носом вертишь? Иди, коли говорю, — сказал старик, отворив дверь и приглашая меня выйти.

Я выскочила из избы. Старик достал из-под сарая длинные прутья с длинными же волосками, на которых в одном конце болтались какие-то пробки с воткнутыми в них крючками. Затем он махнул мне рукой и направился к берегу речки. Я поплелась за ним.

Подойдя к берегу, старик оглянулся, словно чего-то ища, и затем побрел вдоль речки, травой, подальше, к густому кусту ветельника, свесившегося над водой. Я бежала за ним, пробираясь между стеблей травы.

— Ну вот, тут и сядем, — сказал старик, снимая с плеча все взятое с собой.

Я уселась и стала ждать, что будет. Старик что-то развязывал, распутывал, затем, усевшись поудобнее на берег, раскрыл жестянку и вытащил оттуда ни более, ни менее как большого красного земляного червяка.

— Что это он? Есть его что ли будет? — мелькнуло у меня в голове.

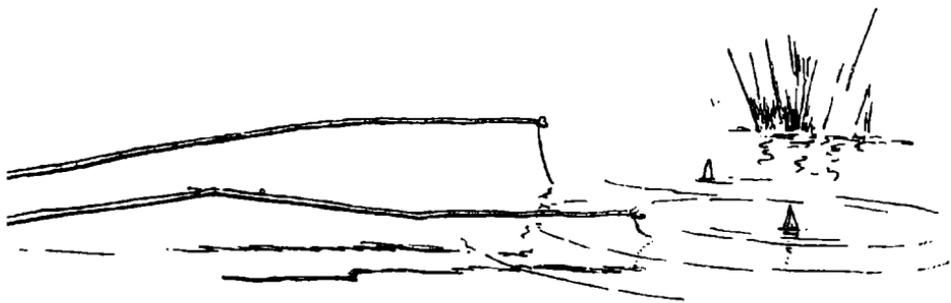
Но старик совершил что-то уж совершенно непонятное. Он взял извивающееся существо двумя пальцами и ловко вдвинул в его тело черный крючок, прогнав всего червяка по крючку до самого конца, почти до волоса. Червяк барахтался уже вздетый на крючок. Поднеся червя ко рту, старик поплевал на него и, взмахнув прутком, вскинул в воздух и волос, и пробку, и крючок с червяком. При этом и тот, и другой оказались на самом конце волоса, немного пониже какого-то темного кусочка. Червяк унесся куда-то далеко, затем булькнул в воду и ушел в нее, потянув волос. Пробка, упавшая вслед в воду, пошла было за червяком, но потом вдруг остановилась как раз над местом, где он утонул.

То же самое проделал старик и с другим прутком, и другим крючком, и другим червяком. После этого он набросал в воду хлеба, что проделывал изредка и потом.

Разумеется, мне это было интересно, и я была рада, что пошла за стариком.

— Ну что, зверюга, любопытно? — начал старик, и затем из уст его полилась длинная, предлинная речь, прерываемая только иногда плеском вытаскиваемой из воды рыбы.

— Вот ты теперь, крыс, смотришь на воду, да на снасти мои и ничего не понимаешь. Так-то!.. Я тоже малый был, не понимал этого дела. А вот, как чуть не девятый десяток пошел, так, сделай милость, всю эту хитрость-то рыбью очень хорошо понимаю... Да! И окуня понимаю, и плотву, и ерша-стригуна, что моих червей стрижет, допрежь другая рыба возьмет, — понимаю. Всех их знаю: и карася-тинника, и вьюна-ильника, и щуку долгоносую и ту теперь всю, как есть, сквозь воду вижу. Вот и его саза-

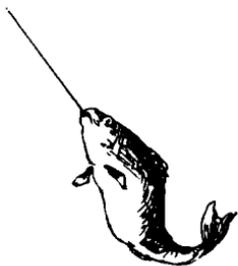
на, а бо, вишь, карпию, что-ль, — и ту понимаю. Вишь, крыс, смотри, как он уду-то дергает? Это он червя-то только носом трогает, носом в его тычет. А ты, вот погодь, как он всасывать его начнет, что с поплавком-то приключится!

И, взяв в руки уду и как-то насторожившись, старик шелотком продолжал:

— Вот наплавок-то, вишь, как поехал, поплыл... Это — он червя в рот взял. Взял, значит, и ведет, легохонько так. В эту пору его тащить николи нельзя: только червя изо рта вытащишь, а сазан уйдет и другую рыбу спугнет. А вот теперь, как наплав-то утоп, теперь тащи, теперь он его, червя-то, заглотнул, теперь уж он твой...

— Теперь уж он мой... шалишь! — сказал старик, дернув и поведя в сторону согнувшимся протом.

Кто-то сильно тащил за волос в воду прут, трепставший в руках старика: в воде что-то ходило...

А через несколько секунд старик подтащил ближе высовывающуюся из воды крупную, больше крысы, рыбу, которую и выволок прямо на берег; прерванная речь полилась снова:

— Ишь, как заглонул! Значит, в надежде был, что его будет — червь-то. Ан, брат, ша-лишь: супротив человека тебе не устоять! Ну, теперь иди на “кукан”! — и, продернув в рот и жабры рыбе какую-то палочку с привязанной к ней веревочкой, старик пустил рыбу в воду. Рыба заплывала на веревочке. В былое время вроде этого, только на цепочке, водили Бобку.

Оправив что-то на крючке, с которого была снята рыба, старик опять бросил червя и поплавок в воду.

— А вон, видишь, крыс, на той уде, на второй, наплав-то дрыгает! Это окунек либо ерш. Одно слово — брадобрей, стригуны. Им только бы червя обглодать, да мне время извести. Ишь танцует! Это они налетают да рвут червяка. И поймать-то их — плевое дело, да штука-то махонькая. Что из их толку-то? На уху — и то чуть не ведерко надоть! А сколько их туда влезет! — Чай, съел червя-то? Ну, так и есть — сглодал! На их николи не напасешься! Переменим, что делать! Мала рыбка, а пакостница.

Вот среди такого или подобного разговора впоследствии я и узнавала много новых и интересных для меня вещей. Узнала, что и рыба — не безмозглое животное, а тоже имеет свои рыбки мысли, и даже человеку нужно перехитрить ее, чтобы ловить себе на еду. Мои способности, прикопленные знания помогли понять, что и на рыб, как и на крыс, у человека запасено много уловов. Узнала я, что сазан, карась да плотва, хотя едят больше тину да траву, но идут на хлеб и на червя. Окунь же и щука идут только на мелкую рыбку да на червяка, а на хлеб не пойдут, так как питаются живой добычей. Это старик объяснил по-своему: “Мучного не едят!”

Одну рыбу, особенно мелкую, по словам старика, нужно тащить сразу, и она легко выволакивается, другую — надо долго водить в воде, пока она не утомится, и тогда уже вытаскивать, а то она, рванувшись, оборвет волос и уйдет. Одна рыба идет на крючке в воде легко, а, как высунет нос из воды, непременно дернет, рванется и может оборвать крючок, а другая — упирается, ровно большая, а вытянут ее — “так, ершишка меньше мышонка!”

Узнала я, что одних рыб ловят на удочки из волос, как у старика, других — на веревку, привязанную к кусту, например огромных щук, — я их потом у старика видела, — третьих — в сети, которые либо ставятся с вечера, либо волочатся по дну реки.

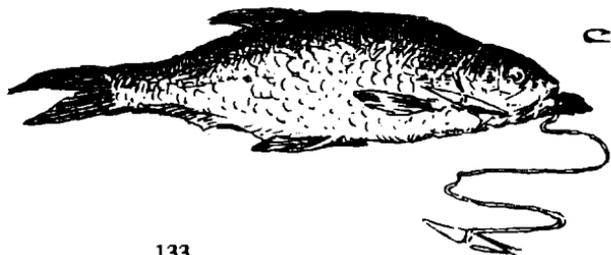
И еще много уловов рассказывал мне старик. Всех я теперь и не припомню. Да, и нужно ли?..

Тогда лишь одно запало у меня в уме — рыбы, хоть и в воде живут и на других животных мало похожи, но и у них есть свои горе и радости. Во мне пробудилось даже нечто, вроде чувства жалости к этим животным, лишенным прелестей суши и воздуха. Впрочем, впоследствии я узнала, что воздуха они не совсем лишены, так как он и в воде есть; без него они тоже жить не могут.

Наловив с разговорами и прибаутками разной рыбы, старик вытянул из воды связку плававших на веревке сазанов, окуней, плотвы, густеры — названия прочно застредали у меня в памяти, — пошел домой, потрепав предварительно меня по шерстке и сказав:

— Ну, внучек, домой! Клев кончился, теперь до утра, до солнышка, клевать не будет.

Было уже темно, и сумерки быстро гасли. Придя домой, старик вы-

И окуня понимаю... и щуку, как есть, сквозь воду вижу...

чистил рыбу, бросил одного окунька мне, — я до него не дотронулась, — и, положив добычу в деревянную чашку, покрыл тряпкой.

— Завтра уха, варево, будет... а теперь — пожужим хлебца да идем, внучек, спать: ты под печь, я на печь! Так-то...

Наступила ночь. Старик долго не мог заснуть и кряхтел на печи. Я тоже плохо спала. Мне чудилось, что пора ученья у меня не проходила; напротив, каждый день прибавлял все новые и новые задачи моему уму и памяти.

Один раз, когда у старика рыба не клевала, он неожиданно повел другие речи, перейдя как-то на лесных животных.

— Ведь вот, крыс, умная ты зверюга, а в лесу много народу поумнее тебя будет. Так-то-сь! На всякого зверя свой умница найдется. Вот, хотя бы твоя крысиная, али бо мышиная порода. Ведь, сколько вас в лесу сортов-то! Скажем, первая — мышья лесная. Я, чай, ты ее где-либо возле лачуги встречал, а то, грешным делом, и задавил. Она не более городской-то, домово́й, будет. Потом — мышья полевая, это уж к опушке, у полей. Потом — водяная крыса; в этой отличка есть от вашего брата. Да вот ты отколи-то взялся. Это выходит — четыре сорта. И всех-то вас по лесу гоняют другие звери — лиса да волки, а в ину пору и барсук словит. А уж про летучих-то разбойников и говорить нечего: не жалуют вашу породу ни филин, ни сова, ни ястреба, ни сокола, которые побольше, ни орлы. Я чай, у тебя на спинке значок-то от совы? Если крупная была, то мне и невдомек, как ты от нее выбрался? Теперь возьмем белок, али других древесных лазунов, вроде их. На них другие умники — ласка, да хорь, да куница лесная, да горноста́й-переодевальщик: зимой он, вишь, белую шубку одевает. Куница да хорь, те на сонных больше кидаются, иной раз и сову умудряются поймать. А все же и на них есть охотники: волки, да филины, да орлы. Есть в лесу да по лесным рекам и другие, мельче звери; в лесу еж-пыхчун, в реке выдра-рыболовка. Одного взять нельзя — колется, другая ныряет больно ловко. А все же и им не легко живется. Лиса какого хошь

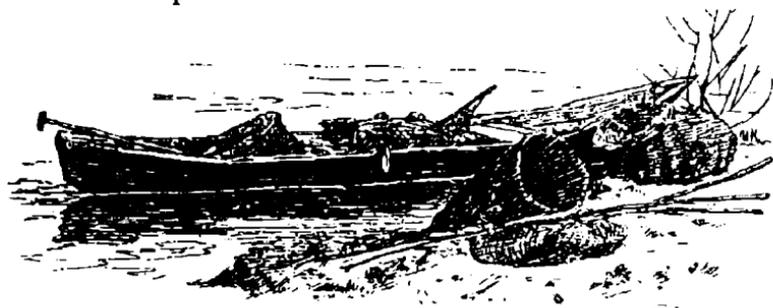
ежа перехитрит. Игол что ли его не боится, а либо что придумает: в воду, говорят, его скатывает, чтобы развернулся. Только поедают лисы ежей да и только, особенно еженят, у коих и иглы-то мягкие, ровно кожаные. Ну, а выдру иной раз орел-скопа только разве обидит, а взять — не возьмет, зато люди ее шибко ловят капканами за рыбе воровство. Одначе теперь их что-то не видать, а прежде много было. Вот на этой речке одна живет. Сколько она этой рыбы губит — страсть... Есть, как следует, не ест, а только спинки выедает, самое, значит, лакомое место. Кажись, клюет? — перебил он вдруг свою речь.

— А вот там, за рекой, мочажина такая есть, — продолжал старик, потрогав удочку и заметив, что ошибся. — В этой мочажине к концу лета, почесть, совсем воды не остается: лошади по брохо не будет. Так в ей чудной зверь живет. Хохулей прозывается. Морда у ей ходуном ходит; все берет носом, что потребуется. Намедни я ездил вдоль краю, так сверху, от леса с обрыва, сам видел, как она по дну бегает да всякую мушеру в грязи меж травы ищет. Забавно... У ней близко там, должно, нора есть.

— Одначе, внучек, довольно тебе я тут наболтал. Пойдем-ка-сь домой; видно, сегодня нам рыбки не готовить.

И, собрав снасти, старик поплелся к себе, сопровождаемый ручной крьсой, которой такая неудача была одной из самых желательных: когда клевало, старик, кроме как о рыбе, мало о чем говорил.

Я вспомнила и передала эту беседу старика нарочно, так как она имела связь с двумя моими экскурсиями по реке и на озеро.

XII

В поисках за выдрой. — Брошенная нора. — Грозный хозяин. —
В поисках за выхухолью. — Странная столовая. — Выхухоль. —
Печальное возвращение. — Мысли о судьбе зверей

М думаю, что любознательной крысе вполне было понятно желание поближе повидать двух диковинных зверей, живших где-то близко, тем более, что из слов старика я заключила, что эти звери не принадлежали к числу врагов крыс.

Несколько дней странствовала я по обоим берегам реки в надежде встретить выдру, но ни одна моя дневная прогулка не была успешна. Каждый раз, пройдя далеко вдоль реки, я возвращалась тем же путем к кусту ветельника, а от него уже легко находила дорогу к дому. Раза два я переплывала нашу неширокую речку, но и на том берегу не находила диковинного рыболова. Впрочем, в том, что выдра существовала и даже очень недалеко, я не сомневалась, находя на берегу рыб, действительно, с выеденным на спинке мясом. Иногда даже я не без аппетита доканчивала недоеденное выдрой. Наконец, один случай помог мне познакомиться с интересовавшим меня зверем, и, как всегда в моей скитальческой жизни, этот случай не обошелся без недоразумений и приключений.

На пути своих изысканий я нередко спугивала водяных крыс, которые, видя мои внушительные сравнительно с ними размеры, предпочитали уходить в воду. О моих миролюбивых намерениях они знать, конечно, не могли. Сначала я принимала их бульканье в воду за прыжки глупых лягушек, но вскоре убедилась, что лягушки прыгают и плывут совершенно иначе. Когда я видела голову плывущей крысы, я уже знала, — кто передо мной. Но иногда в камышах приходилось судить только по расходящейся волне. И тут я заметила разницу в движениях этих двух далеко неоднородных животных. Лягушка бросалась в воду и делала один или несколько порывистых плавательных движений, отчего волны, шедшие от морды, как-то перебивались, удваиваясь и утраиваясь. Если же плыла крыса, то от ее мордочки шли ровные волны, поуже у морды и расширявшиеся позади. При этом крыса обыкновенно в воде описывала легкий полукруг, оставливаясь поближе у прибрежных кустиков. Кроме того, лягушки чаще, чем крысы, нырнув, плыли под водой.

Итак — мне хорошо было известно присутствие на реке нескольких водяных крыс, которыми я скоро перестала интересоваться, убедилась, между прочим, что они были совсем другой породы, чем я. Я вся была поглощена желанием видеть выдру.

Вот как пришлось мне с ней встретиться.

Один раз мне вздумалось пройтись ночью по той береговой тропинке, которую протоптали разные зверьки, может быть, водяные же крысы. Тропинка эта, или, вернее, целая сеть тропочек, шла очень прихотливым путем, в густом прибрежном кустарнике, росшем вдоль берегового обрыва. Такие обрывы, как я теперь знаю, происходили от сползания высоких берегов в воду. На своем пути под обрывом у куста

я наткнулась не то на барсучью, не то лисью нору. Зная уже, что лисицы живут в барсучьих жилищах, я не могла сразу решить по внешнему виду, сама ли лиса вырыла в мягкой прибрежной земле нору или воспользовалась трудами барсука. Но дело было не в том: нора была нежилая, так как ничьи следы не вели из нее по глинистой осыпи у отверстия.

В ту ясную лунную ночь, когда я вышла бесцельно пройтись по берегу, подойдя к обрыву, я заметила, что на осыпи виднелись следы и притом кого-то из крысиной породы. Очевидно, в брошенную нору зачем-то направилась крыса и, должно быть, водяная: другой я в этих местах не предполагала. Рассчитывая в случае чего на свои силы и зубы, я двинулась по следам.

Действительно — в одном из немногочисленных закоулков норы я догнала медленно шествовавшую водяную крысу. Сравнительно с обыкновенными крысами она имела более толстую, круглую голову, очень маленькие уши и короткий хвост, густо и ровно усаженный короткими волосками. Со временем я узнала, что эти крысы относятся к семейству полевок. Крыса шла впереди, не замечая моего намеренного следования по ее пятам. Обе мы скоро вступили в полную темноту, и дорогу приходилось находить чутьем, идти ощупью и прислушиваясь. Усики моей мордочки заработали, ноздри задвигались, уши насторожились... Ход, по которому мы шли, вдруг стал заметно уже и быстро пошел вниз. Я тотчас сообразила, что ни лиса, ни барсук этого хода не делали: для них он был слишком тесен. Я немного поотстала от своей не чужавшей меня путеводительницы, и это было к счастью.

Чуть слышный всплеск воды доказал мне, что крыса вступила в воду. Вода в норе! Это было что-то несообразное. Откуда она взялась? Кому понадобился этот колодезь? Однако нужно было прислушиваться, а не рассуждать: я была не у себя дома.

По бульканью воды я поняла, что крыса нырнула. Мое любопытство не было вознаграждено: путеводительница буквально “канула в воду”. Но пока я испытывала это легкое разочарование, произошло целое событие, возбудившее во мне ряд быстрых соображений.

Внезапно снова послышался всплеск воды, словно кто-то поспешно вынырнул. Затем раздался ужасный, пронзительный писк, в котором я все же разобрала отчаянный крик крысы:

— Пустите, пустите! Я без того в смертельном страхе!

Писк перебивало сердитое громкое визжание, которое, по моему, обозначало:

— Это что? Нет, матушка... Конец тебе! — и я ясно услышала хруст.

Затем послышалось заглушенное ворчанье того же голоса, звук которого явственно приближался ко мне; но я не разбирала ничего, кроме глухого:

— Хрк, хрк, хрк!..

В два прыжка я вылетела из косого колодца и метнулась в первый попавшийся ход, в котором, однако, могла сделать всего пять—шесть шагов: он был забит изнутри!

Возвращаться назад было поздно: странный зверь шел уже мимо отверстия, в которое я скрылась.

Вся в ужасе я замерла на месте, как неживая.

Мимо моего спасительного убежища протасился, ворча и змеевидно извиваясь, какой-то длинный зверь на коротких широколапых ногах с головой кошки, но с круглыми ушами и маленькими глазами. Едва брезжившего света сквозь отдаленное выходное отверстие было достаточно для моего прекрасного крысиного зрения, обостренного еще вдобавок страхом. Я тотчас же догадалась, что это была выдра. Она тащила в зубах нежданного посетителя ее жилища. Только теперь я припомнила, что, следя за своей крысой, я неразумно оставила без внимания небольшое углубление в стороне, устланное

мягкой травянистой подстилкой. Это углубление приходилось против моего хода, и я, сколько можно, прижавшись к выступу от отвалившейся земли, перепуганно, но зорко, следила за грозным хозяином.

— Выдра ловит и уничтожает водяных крыс!

Этого мне старик не говорил!..

Впоследствии я узнала, что так поступает выдра только при случае, нападая даже на водяную птицу, но ее постоянная и излюбленная пища, действительно, только рыба.

Сидя в закупоренном отнорке барсучьей норы, глаз на глаз с ужасной выдрой, я только и твердила в уме: выдра ест крыс, выдра ест крыс!..

Выдра загрызла крысу и часть ее съела. Ужасны были эти минуты! Полежав после еды минутку в логове,

она встала и поползла дальше к верхнему выходу. Это было спасение: выдра не заметила меня! Я, как тень, скользнула за ней. Осторожно выглянув из-за корня, спускавшегося у норы, я увидела, как выдра просто скатилась на брюхе в воду. Так вот почему не было у норы следов!

· Выдра выплыла из камышей на чистую воду. Из воды высывался только кончик ее носа. Иногда и он со-

вершено погружался; тогда на поверхности появлялся бегущий ряд пузырьков, словно кто-то выдыхал их под водой.

Выдра была далеко, плыла в известном направлении, поэтому, успокоившись, я принялась обсуждать минувшее, стараясь припомнить все, что удалось мне рассмотреть в норе. Я догадывалась, что узкий ход, по которому спускались мы с водяной крысой, был не что иное, как ход самой выдры, сделанный из-под воды в занятую ею нору барсука. Конечно, для всякой водяной крысы было безрассудством выбираться обратно в озеро тем ходом, которым привыкла возвращаться с озера сама хозяйка жилья. Одна из них и поплатилась!..

Дней через пять, когда я увидела нору выхухоли, мои предположения и соображения о норах с входом из-под воды подтвердились.

Раздумывая о самой выдре, я поняла, что лапа выдры казалась широкой благодаря перепонкам между пальцами, как у утки. Особенно красива была ее мягкая, бархатистая и, к удивлению моему, сухая шерсть, как-то странно отливавшая во время змеевидного бега выдры. Я вспомнила, между прочим, что люди, смеясь, зовут выдрами худощавых, костлявых людей. С этим мнением я не согласилась, так как виденный мною далеко не тощий зверь был при этом положительно олицетворением гибкости.

Право, люди часто бывают несправедливы и неостроумны в своих сравнениях. Я в этом впоследствии не раз убеждалась, когда слышала, как они бранили друг друга свиньями, ослиами, баранами (почему-то безмозглыми), даже индюками, гусями лапчатыми, мокрыми курами и, увы, иной раз крысами (почему-то гарнизонными, канцелярскими и церковными)...

Хоть и случайно, но я видела выдру, и этого было уже достаточно, чтобы вернуться коротать эту ночь к себе. Я тронулась в обратный путь, дорогой раздумывая о

причине того, почему ход, в котором я притаилась, был заткнут. Об этом я догадалась гораздо позже: это было делом какого-нибудь барсука, располагавшегося на зимовку, когда он еще жил в своей норе. Ведь нора была, наверное, барсучья. Тогда же я напрасно ломала себе голову.

Добежав до ветельника, я свернула к избе и залезла в свой, признанный даже стариком, угол за печкой.

Приключение с выдрой не отняло у меня охоты экскурсировать, но заставило быть более осмотрительной в своих исследованиях, чтобы не попадаться врасплох и вдумываться возможно глубже в разные обстоятельства.

Вскоре я надумала новую экскурсию: разыскать ту “хохулю”, про которую упоминал старик и которую другие люди зовут выхухолью.

С высокого места бережка, где удил старик, я видела вершинки ветельника, окаймлявшего огромную поляну по той стороне реки, за перелеском. То было, как оказалось, усыхавшее к концу лета озеро. По словам старика, оно когда-то было заводью реки. Река очень, очень давно уклонилась в сторону и покинула так называемую старицу, т.е. бывшее русло, изогнувшееся дугой.

Но видеть было — одно, а добираться — другое, и мое новое путешествие не следовало предпринимать, не обдумав многого обстоятельно.

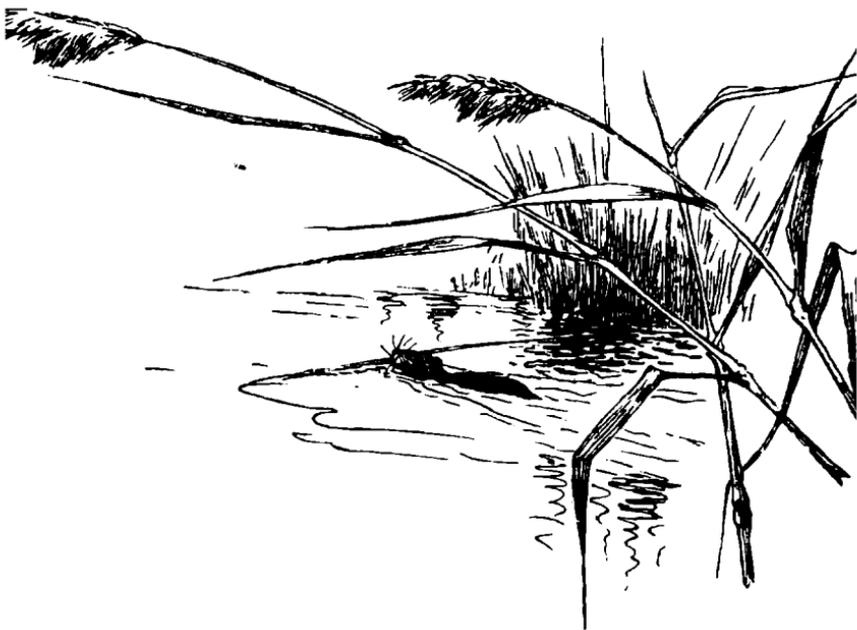
Я запомнила хорошо один куст противоположного берега, от которого легко могла найти направление к нашему месту ужения. Это наблюдение имело значение при возвращении домой. Вот от этого куста на противоположном берегу и надобно было мне начать свою экскурсию, умело выбирая дорогу и запоминая пройденную местность.

Переплыв реку и обсушившись на другом берегу, я бодро направилась сквозь чащу кустов, стараясь не сбиться с прямого пути. Это мне удалось, так как озеро было очень велико, и небольшое уклонение в сторону не

помешало мне выбраться-таки к его берегу. Но все же я приписываю это теперь своей сообразительности, так как впоследствии однажды слышала, что один человек, плутая по лесу, как-то умудрился, идя по прямому направлению, прийти к тому же дереву, от которого пустился в путь. Люди это как-то объясняют, но я этого не понимала и не понимаю по сие время.

Подойдя к озеру, я добралась до такого места на берегу, где осока и камыш были как будто вырваны и образовали просторную дорогу к открытой воде озера. На пути моем то и дело раздавалось своеобразное бульканье прыгающих зверьков. Так как я немного изучила эти звуки еще ранее, по реке, то догадывалась, что все это были водяные крысы. Меня удивило только их изобилие. Впрочем, самих крыс сквозь чащу прибрежных порослей я пока не видела.

Дойдя до прогалины в камышах, я задумалась. Вот и вода, а что толку? Где тут искать или наблюдать за выхуляями?

Солнце уже наполовину село, и из-за деревьев леса виднелось одно только багровое зарево. Но наступающая темнота не могла меня пугать: видела я все очень хорошо. Досадно было только то, что густота зарослей затрудняла мне поиски зверя, быть может, даже не выходящего из воды.

Пока я с огорчением раздумывала об этом, верхушка одной из прибрежных тростинки вдруг зашаталась, и сам тростник, словно подрезанный, как-то сел сразу в воду. Это было ново, и я решила последить. Верхушка не осталась неподвижной, но плавно двинулась куда-то в сторону мимо меня: кто-то тащил срезанную часть в воде.

Действительно, в светлой водяной прогалине я увидела выплывшую из-за тростника мордочку водяной крысы, тащившей сгрызенный тростник. Выбравшись из чащи, животное поплыло скорее, а его ноша, склонившись и не поддерживаемая соседними травинами, опустилась почти к самой воде.

Хотя недавний опыт с выслеживанием крысы был еще очень памятен мне, но я и на этот раз не удержалась от искушения узнать: что будет делать крыса с отрезанной травинкой? Но это было не легко, так как, переплыв чистое пространство, крыса поплыла вновь в густой заросли. Интересный предмет исчезал, и, если я хотела что-либо узнать, медлить было нельзя.

Я решилась...

Смело войдя в воду, я поплыла вслед за колеблющейся в воздухе верхушкой тростника.

Плыть пришлось очень недолго, так как верхушка, в которую я уставилась глазами, вдруг остановилась, зашаталась и затрепетала: крыса, очевидно, взбиралась на берег какого-то островка среди чащи прибрежных порослей. Тем лучше!

Я подплыла к ожидаемому островку, но вместо него увидела какой-то небольшой плот из зеленой и сухой осоки, прочно стоявший, словно на столбах, на подрезанных стеблях камышин и тростника.

Тихонько подобравшись к нему, я попридержалась за край и глянула поверх сквозь крайние камышины помоста. На плоту сидела пара водяных крыс, из которых одна была та, за которой я следила.

Обе они, очевидно, занимались едой. Одна доедала верхушку тростника, другая только еще добиралась до своей, выволакивая ее из воды. Это был какой-то уютный уголок, какая-то удивительная крысиная столовая, а, может быть, и самое жилище крыс.

Взглянув на их мордочки, я прочла очень простую думку:

— Недурная тростниковина! Надобно будет сплавать и за другой, — думала одна.

— Ишь, какая длинная хворостина: и до верхушки не скоро доберешься, — думала другая.

Вид их был вполне мирный — обе были меньше меня ростом, поэтому я предпочла более не мокнуть в воде и решительно взобралась на плот.

Увидя меня, крысы сначала было поспешно заерзали своими носиками, прервав свои занятия, но вдруг, как по команде, плюхнулись с плота в воду и... были таковы.

Мне это было даже неприятно: свой брат — и так гнушается или боится, все равно. Неужели в жизни моей мне будет суждено постоянное одиночество или близкое знакомство только с животными не из моей родни.

Так думала я, чистясь на оригинальном обеденном плоту крыс.

Но, очевидно, судьба нарочно направила меня на этот помост, чтобы вознаградить мою прогулку неожиданным успехом.

Не успела я как следует привести в порядок свой туалет, как сама чуть было не кувыркнулась в воду: под плотом кто-то сильно возился и лазил между травинами тростника, служившими ему опорой.

Через минуту на краю его появилась какая-то удивительно подвижная морда, быстро ощупывавшая своим длинным носом стебли помоста. Я заметила при этом, как своим хоботком она словила несколько водяных личинок и сцепила крупного прудовика, прилипшего к мокрому травяному полу помоста. Все схватываемое тотчас исчезало во рту животного, которое каждый раз издавало какое-то не то гоготание, не то крякание. На лице было ясно написано:

— Ужасно мало ела! Есть, есть, есть без конца! — и подвижный хоботок усердно работал в тростниках плота.

Не знаю почему, но я не испытывала особенного страха, хотя продолжительного соседства с этим чудным зверем, пожалуй, и не пожелала бы: он был величиной с кролика. Судя по описаниям старика, я имела дело с выхухолью.

Выхухоль вошла на плот и, не поднимая головы, шарилась вокруг, не замечая меня. Но еще не дойдя до половины плота, она повернулась ко мне задом и собралась вновь уйти под воду.

Я чуть не задохлась от сильного запаха, который вдруг обдал меня! Я тогда и не знала, что у этого диковинного зверя — да и не у него одного — сзади, у корня хвоста, имеются две железы, испускающие сильный запах, зовется мускусом и употребляется, как лекарство и духи. Духи! — Благодарю покорно! Воображаю гримасы

соседей человека, надушившегося содержимым желез моего случайного соседа на плоту...

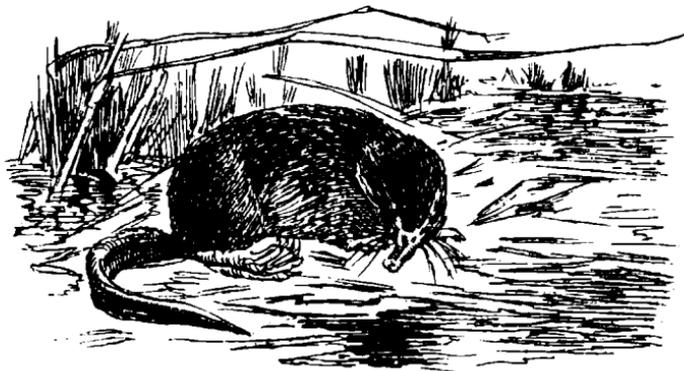
Выхухоль неслышно ушла в воду, показав свой длинный, сжатый с боков хвост.

Я успела заметить, что он был также чешуйчатый и покрыт редкими волосками. Пересиливая отвращение, вызванное запахом, оставленным животным, я вглядывалась в воду, стараясь увидеть там выхухоль. Я увидела туманное пятно, бегавшее проворно по дну. Внезапно оно исчезло.

Всматриваясь в это место, счастливо освещенное ровным лунным светом и заметное, пожалуй, только нашему крысиному глазу, я увидела, что та часть, где скрывалась выхухоль, была чем-то вроде темного отверстия среди белесоватого откоса берега, уходившего под воду.

— Нора! — подумала я и более в этом не сомневалась.

Действительно, скоро из того же места вновь вылезло то же существо и принялось снова бегать по дну, направляясь к камышам. Один раз выхухоль выплыла было наверх, но показала только кончик своего носа, полагаю, чтобы подышать. Так я судила по себе и теперь знаю, что судила правильно. Смутное бегающее пятно на дне мало-помалу исчезало в чаще стеблей, и я боль-

ше не видала выхухоли ни этой, ни другой. Подождав немного, я тихонько сползла в воду и поплыла к берегу против норы.

Выхухоль ушла, а потому я могла исследовать ее жилье, пробравшись через один из наземных отнорков. Но, сколько я ни бегала на пространстве, окрестном с подводной норой, — я не встретила и признака даже мышинного отверстия и, отчаявшись найти в этот раз такое, решила идти в обратный путь.

Позднее, когда мои знания о животном мире пополнились из других обстоятельств жизни, я узнала, что у выхухоли нет нор наружу, хотя ее логово под землей и лежит выше воды. В то время я очень досадовала, что не довела до конца своего исследования относительно местообитаний такого диковинного зверя.

На обратном пути со мной случилось событие весьма печального характера, заставившее меня просидеть дома несколько дней.

Я благополучно, хоть и не без труда, добралась обратно до замеченного мной куста той стороны и, отдохнув немного, спокойно вошла в воду, намереваясь держать путь прямо на куст стариковского ветельника. Сначала пришлось плыть прибрежной полосой редкой травы, затем местами, покрытыми большими плавучими листьями кувшинок, после которых начиналось уже чистое место.

Я беззаботно работала своими четырьмя лапками, в спокойствии своем даже обдумывая события ночи, как вдруг почувствовала, что кто-то схватил меня за одну из лапок и сразу увлек в глубь речки.

Казалось, сотни мелких зубов вонзились мне в ногу. Я чуть не захлебнулась и в смятении начала сильно рваться из стороны в сторону. Кто-то делал то же самое в обратном направлении и, будучи сильнее меня, тянул на дно, где было темно и страшно. Схваченная нога моя уходила куда-то в рыхлое тело, словно усыпанное острыми зуба-

ми. Я рвалась и металась, как бешеная, чувствуя в то же время какое-то удушье от невозможности вдохнуть глотка целительного, бодрящего воздуха. Наконец, выбившись из сил после очень непродолжительной борьбы, я хлебнула раза два тяжелыми глотками грязной, донной воды, вбирая ее и носом и ртом. У меня помутнело в глазах и рассудке, и я начала впадать в бессознательное состояние. Никакие мысли, даже ужас смерти, не шли в голову. Наступал конец моей жизни, какой-то тяжелый, бессознательный. Так туманны были под водой все ощущения близкой смерти.

Однако я не могла бы писать этих воспоминаний, если бы то был конец моей скитальческой жизни.

Как произошло дело, — я не имела понятия, но, когда я внезапно очнулась, то оказалась уже на поверхности воды у большого водяного лопуха нашего берега. Нога моя была сильно помята и опухла. Бросил ли меня водяной хищник сам, не удовлетворившись моим мясом, или кто-либо другой помешал ему, или его самого словили, — осталось навсегда для меня загадкой. Но, что это был никто иной, как щука, — я теперь не сомневаюсь.

Я отдышалась и отдохнула, придерживаясь за благодетельный зеленый плотик и, когда почувствовала себя немного оправившейся, тихо поплыла к встельнику, еле двигая больной ногой и ужасаясь возможности нового нападения. Два раза побывать в когтях или зубах хищника — это много, но я и за то должна была благодарить судьбу, что она дважды выручила меня из смертельной опасности.

Вылезши на берег, я поплелась домой, волоча свою ногу, и кое-как добралась до уютного уголка за печкой.

На другой день нога сильно опухла, и я еле приплелась, по обычаю, к столу, когда старик садился есть. Старик мне очень обрадовался и тотчас же увидел мою беду.

— Кто это тебя, беднягу, цапнул? — недоумевал он, осторожно поднимая меня с полу.

— Вот оказия: за заднюю ногу!

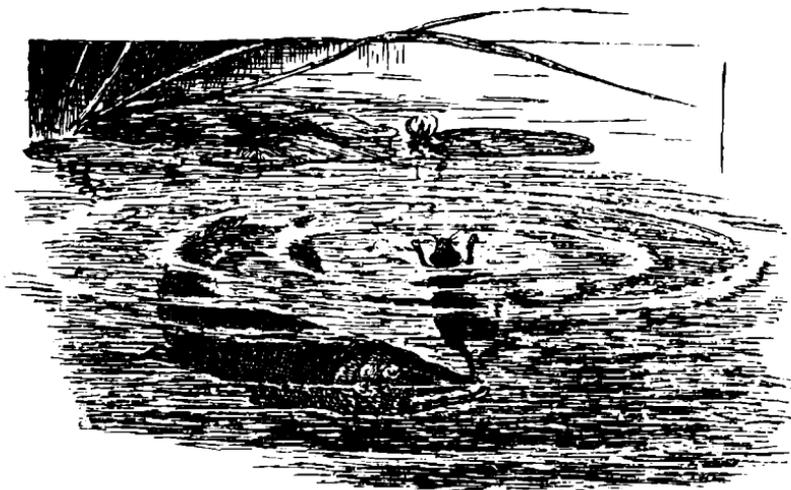
Да и ранок никаких больших нет. Так, ровно царапина круговая! И в ум нейдет: что с тобой приключилось?.. Ведь, вот был бы ты говорливым зверем и сказал бы, а теперь: мекай да разумекай. Эх, ты, бедная зверюга!.. Что, больно? Ногу дергаешь... Ну погодь, я тебе полечу пухлость-то. Ничего — пройдет, внучек: не такие раны проходят! Намедни тебя в спину как шарнули — сова, должно быть, — а и то только две маленькие метины остались.

И, гуторя себе под нос различные утешительные слова да советы, старик достал откуда-то тряпочку, натер ее густо сальной свечкой и, обернув вспухшее место, осторожно привязал тряпочку вокруг ноги и на спинку, чтобы повязка не спала. Мне к вечеру же стало много лучше, но ногой я смело ступать не могла и день-два не решалась выходить, пока совсем не прошли все ощущения боли и спала припухлость. Все время мой болезни старик, не переставая, беседовал с мной, когда был в избе, а, уходя, всегда оставлял мне у печки что-нибудь поесть. Жалостливый был старик...

Сидя дома, я становилась Хрупом-мыслителем. Припомнив прошлую свою жизнь, начиная с момента оставления клетки в кабинете, я невольно удивилась обилию приключений, которые мне привелось претерпеть. Что это? Простая ли удивительная случайность или естественный ход событий в жизни свободного зверька? Я склонялась ко второму. Еще старик мудро сказал, что на всякого умницу найдется умница поумнее. Да! — жизнь

свободного зверя есть сплошное увертывание от опасностей, расставляемых ему судьбой повсюду. Должно быть, редкий дикий зверь кончает свою жизнь естественной смертью, чаще же гибнет виной своей неосторожности или рокового случая. Мне в такой жизни до сих пор посчастливилось избегать гибели благодаря своей рассудительности, а несколько раз даже только по счастливой случайности. Что-то меня ожидает в дальнейшем будущем? Страшно подумать!

ХІІІ

Жажда приключений. — Старые друзья. —
Пикник. — Снова "Хруп". — Клева нет

транное дело: переживая одно приключение за другим, я, сама того не замечая, укореняла в себе желание иметь их еще и еще, точно в этом был весь смысл моей скитальческой жизни. Я положительно воспитывала в себе страсть любителя приключений, увлекающую и властно охватывавшую всю меня страсть...

Я стала просто играть своим слепым счастьем и смело отправлялась в разные стороны от нашей избушки в погоню за приключениями. Но то, чего ждешь, редко случается. Так было и со мной: дни проходили за днями, ночи за ночами, и я не встречала ни одного случая, который бы вызвал во мне опасение за жизнь. Лес, словно, освободился от крысиных врагов и превратился в чудный парк для моих прогулок.

Но нет! Лес был по-прежнему лесом с его тысячами зорких глаз, сонмом крадущихся лапок, острых зубов и ужасных когтей. Только я, должно быть, была счастливицей, отбившей уже свои злоключения чуть ли не все подряд. Судьбе угодно было обождать, а пока послать мне приключение совершенно другого, безопасного, даже глубоко мирного характера. Занесу и его на страницы своих старческих воспоминаний.

Я сидела раз дома и ждала только, когда старик сядет за стол, чтобы вскочить своевременно к нему на лавку. Мое присутствие старик очень любил и всегда горевал, когда я пропадала. Я сужу об этом по его же речам.

— Экой ты, внучек, нехороший! — встречал он меня

после долгого отсутствия. — Где это ты, болезный, пропал? Тебе, видно, меня, старика, не жаль. Один, ведь, ты у меня, дареный! И я — один на свете, как перст. Родня-то, какая малая была, и та померла. Стало, бобыля-то ты и пожалей!..

Так вот сидела я за печкой и ждала знакомого звука уставляемой чашки и резки хлеба. На дворе послышался шум, точно кто-то подъехал, и раздалось несколько голосов. Я прислушалась из своего уголка.

— Ну, старче, принимай гостей! — проговорил чей-то очень хорошо знакомый мне голос.

— Мы к тебе на побывку, — продолжал тот же голос, и говоривший вошел в избу.

— Закидывай сети, и здесь, у себя на бережку угощай ухой! Мои девочки непременно требовали, чтобы мы провели денек на твоей полянке.

— Сейчас, сейчас, родимый, — заторопился старик, убирая обратно то, что поставил было на стол.

— Э, да ты, никак, есть собрался? Так ешь, ешь, старче: старику силы-то побольше, чем кому-либо, нужны! Обедать, а мы подождем...

Судя по звукам, вошедший насильно усадил старика за стол.

— А коли так, сударик, так я уж и внучка́ своего позову, если только он дома.

— Внучка́? Откуда у тебя внучек? Я о таком у тебя ни разу не слышал.

— Это так, — шутя. Крыс у меня тут завелся. Я его и прикормил. Вот мы вместе и живем. Да вы не бойтесь: он ручной. Крыс, а, крыс! — позвал старик меня. — Вылезай-ка из-под печки, покажись барину: каков ты есть?

Я, конечно, вылезла...

Каково же было мое изумление, когда в барине я узнала своего прежнего хозяина, от которого я убежала!

— Да, ведь, это — Хруп! — воскликнул тоже удивленный хозяин, но тут же засмеялся.

— Эк, и я тоже — прибавил он, точно спохватившись:

На притоптанной траве расположилось веселое общество...

— во всякой крысе Хрупа стал видеть! Знаешь, старик! Была у меня ручная крыса... славная... понятливая и... пропала. Чистил я как-то клетки и, видно, плохо затворил за ней: она и ушла и исчезла. С тех пор, как увижу крысу, все мне Хруп чудится. Вот и твоя-то — точь-в-точь мой Хруп.

— Слышь, крыс, не ты ли это? — спросил у меня старик.

Я, разумеется, молчала.

— Такого слова “крыс” нет, старче! — сказал мой бывший хозяин.

— Оно, пожалуй, и верно, что нет, а я так уж... Легче оно... звать-то эдак. Ну, подь сюда, внучек, на, прими долю твою, — и старик собрался было кинуть мне корку.

Но я опередила его намерение и быстро вскочила на лавку.

Бывший хозяин пришел в восторг.

— Да она у тебя совсем ручная, ручнее моего Хрупа. Жена, дети! Вера, Нюта! Идите скорее сюда: у дедушки ручная крыса, да какая еще славная, лучше Хрупа.

— Покажи, покажи, — закричал кто-то на полянке и послышался топот детских ног.

— Лучше Хрупа ни одной крысы нет! — торопливо прибавлял на бегу другой голос.

Оба были знакомы мне и оба заставили затрепетать мое сердце. В избу вбежали мои славные маленькие хозяйки, а за ними вошла их мать.

— Где крыса? — разом воскликнули они и, увидев меня, бросились к лавке.

— Вы его не бойтесь, — сказал мой старик.

— Погладьте его вот так, — прибавил он, проводя рукой по моей шерстке.

Дети осторожно последовали его совету, и я вновь ощутила знакомое мне прикосновение детских ручек. Я тихонько, тихонько притронулась зубами к пальчикам гладивших меня девочек и в знак признательности и радости не больно куснула.

— Дедушка, отдай ее нам, — сказала вдруг старшая.—

Мы ее кормить, ласкать будем. Ей будет хорошо у нас...

У меня закололо в сердце, и я насторожилась. Как? Опять клетка, опять одни и те же стены кабинета, голоса пяти, шести знакомых вместо чудного лесного хора? Нет, этого не будет, что бы ни ответил старик: я сумею убежать... хоть сию минуту. Но бежать не пришлось.

Старик прожевал взятый в рот кусок и вразумительно ответил:

— Коли на то будет желание ваше и барина, я прекословить не смею. Только я привык к ему, крысу. Он, вроде, как бы внучек мне. Почесть, что за крысу не считаю. Возьмите, коль желаете, только я загрузчу по нем — это верно.

— Нет, дедушка, — вмешался вдруг отец. — Крысу мы оставим у тебя. Нам с детишками она на потеху, а тебе на утеху, стало — и разговаривать не о чем. А вот теперь ты позволь детям поиграть с ней, возьми ее на бережок, если она тебя слушает.

— Слушает, батюшка, слушает, — заторопился старик. — Да и как еще слушает: человеческим ухом слушает. Я вот рыбку ловлю, а он сидит и слушает, что я про свое быттьё—життьё ему рассказываю, али про рыбу или тварь лесную. Слушает, как есть разумная тварь, слушает.

— Ну, внучек, ешь свою долю-то, да будем собираться, — прибавил, вставая, старик.

Мне настолько дороги были все эти минуты, что я постаралась изложить их подробнее. Никогда настроение моего духа не было так хорошо, как в этот день и в этот вечер. Остаться у старика и прове-

сти время со старыми друзьями: есть от чего ликовать даже и крысиному сердцу! Но вы поймите, я думаю, мой особенный восторг и радость, когда я, выбежав за стариком на полянку, услышала с одной из телег:

— Скажите, пожалуйста, вот новости! — за которым следовало:

— Черт знает, что! Опять путешествие! Дома лучше, дома гораздо лучше!

Последнее было сказано уже на другом, попугаячьем языке. Попка был, очевидно, постоянен в своих убеждениях.

Через час или менее на берегу нашей речки был разостлан ковер. На ковре появились стаканы, чашки, блюдечки, самовар. А часа через два с лишним неподалеку у берега трещал веселый огонек под хорошеньким котелком, в котором варилась рыбка, выловленная на этот раз сетью. Старик и кучер для этого оба лазили в воду и ходили с бреднем по камышовым местам.

Чудную картину представлял из себя в этот день уголок старого лесника. Представьте себе: синее небо с легкими клочками облачков расстилось над полянкой, речкой и недалеким озером. По нему медленно катился ослепительный шар летнего солнца, посылавший ласкающую теплоту на лес и поляну. Речка, искрясь, бежала по мягкому ложу, обрамленная бахромой прибрежного камыша и кружевами из листьев и цветов желтых и белых кувшинок. Высокие деревья, столпившиеся у поляны, шепчась, кивали тихонько своими верхушками старой избушке, словно сочувствуя ее случайному празднику. Из лесу и с речки несся смешанный гул обычных лесных голосов, веселый, задорный дневной гул...

А на притоптанной мураве берега на шалях, пледах и коврах расположилось веселое и радостное общество, состоявшее из весьма разнородных существ: людей, собаки, попугая и... крысы. Лошади паслись невдалеке у камышей реки. Собака и попугай были в неволе: попугай в клетке, собака на веревке (боялись за меня!).

Сидя на подстилке, все общество занято было едой и питьем. Люди пили чай и кормили сахаром попугая, собака грызла кости, а крыса — печенье. Возле нее, ласково на нее поглядывая, стояла девочка. Другая, постарше, став на колени, усердно угощала крысу, предлагая ей самые отборные куски печенья.

Все были довольны и веселы. Даже Ворчун курлыкал, покусывая сахар:

— Это еще ничего: сахар кушанье недурное! Погрызем, пока крепок клюв.

Меня звали все Хрупом, и даже старик, сидевший поодаль

на траве, откуда он сообщал хозяину различные мысли свои о лесе и лесном хозяйстве, на предложение детей звать меня Хрупом ответил:

— Хруп, так Хруп, пуцай будет Хруп. Все равно я имени ему никакого не дал. Стало, будешь “Хруп”, — кивнул он в мою сторону.

Мне это было несказанно приятно, и вы, конечно, понимаете почему.

Только вечером, когда солнце только что надвинулось на верхушки отдаленного по реке леса, мои старые приятели собрались домой. Все расставленное и разложенное было вновь собрано, связано, уложено. Клетка с ворчливым попугаем установлена обратно в телегу, а Гри-Гри, о которой вы, надеюсь, догадались, отвязана, так как меня поспешили водворить опять в избу, куда собака не допускалась.

Поблагодарив старика за гостеприимство и сказав ему еще какие-то ласковые слова, хозяин простился и повел девочек к тарантасу, на котором они приехали с отцом и матерью.

Мать села рядом с клеткой попугая. Все это я видела из оконца стариковой избушки.

— Прощай, Хруп, до свидания! Мы еще не раз приедем повидать тебя и привезем тебе много, много печений, — кричали милые, серебристые голоса!

Ветер приотворил дверь, и я выскочила вон. Добежав до придорожного деревца, я еще успела увидеть вдали катившуюся повозку с моими друзьями.

Ах, зачем эти милые существа не обладали даром проницаемости и не слышали моего тайного голоса:

— До свидания славные, хорошие, дорогие мне существа! Хруп сегодня пережил несколько драгоценных в жизни часов.

— А что, Хруп! — буду уж тебя так звать, — сказал старик. — Не пойти ли нам половить рыбку по-своему: удой? Время тихое, спать не хочется. Не будет ли на наше счастье ночного клева?

Я знала из старикова опыта, что ночного клева не бы-

вает, да и старик, наверное, знал это, но у него, как и у меня, вероятно, слишком волновалось в груди от слов доброго хозяина, и он искал занятия, которое успокоило бы его волнующиеся чувства.

Мы пошли и провели на берегу время чуть не до полночи.

Месяц уже ярко светил на небе, когда старик, окончив длинную речь о своих былых делах по лесничеству, которую я, признаться, мало слушала, собрал удочки и промолвил:

— Ну, Хруп. Теперь спать: не до свету же нам вековать тут перед поплавками. Нет нам сегодня счастья...

Старик ошибался: счастья в минувший день выпало очень много!..

Змея. — Два хищника. — Противоя-
дия. — Отъезд старика. — Неприятная
дорога. — Новое бегство

бещанью угостить меня пе-
ченьями так и не пришлось
осуществиться: в ближайшие
дни девочки не приезжали, а
вскоре и сам старик выехал
вместе со мной с своего наси-
женного места. Как и куда,
— скажу ниже, а теперь опи-

шу мое неожиданное знакомство еще с одной и, пожалуй, опаснейшей для крысиного семейства тварью, в особен-ности же для их маленьких сородичей, мышей.

Это было в лунную ночь, вскоре после радостного свидания со старыми хозяевами. По обычаю своему, я бродила по окрестным рощам, прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что считала достойным внимания крысы, ошибочно полагая при этом, что все то только и достойно ее внимания, что обладает шерстью или пером. Впрочем, это не совсем так: к рыбам, например, я стала относиться снисходительнее после речей старика.

Старику не представилось ни одного случая погово-рить со мной об одних опасных врагах всего живого, не исключая человека, — змеях, поэтому я равнодушно от-носилась к встречам со всякими чешуйчатыми гадами, как ящерицами, так и змеями. Если со мной до того вре-мени не было особой беды от этих встреч, то я объясняю это тем, что ящерицы — существа вообще безобидные, а змеи, встречавшиеся мне до тех пор, были все безвред-ные, с огромными желтыми пятнами на затылке. Я не раз видела, как эти большие, длинные существа, стреми-

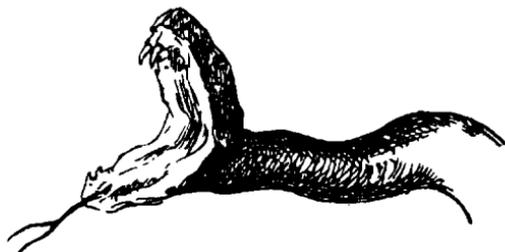

тельно бросаясь, ловили только лягушек. Поймав, они понемногу заглатывали их своей широкой пастью, становившейся необыкновенно просторной, когда добыча втягивалась в рот. Случайно передо мной не было примеров нападений этих животных на мелких зверьков, например мышей, поэтому я была совершенно спокойна не только за свою шкуру, но даже за шкурки моих крошечных родственников. По мимолетным наблюдениям, зубы этих змей казались мне, хотя и

острыми, но очень короткими. Кроме того, я видела иногда этих животных на тропинках растерзанными каким-то хищником, что уже положительно не говорило об опасности со стороны каких-либо родственников этих ужасных, как я теперь знаю, пресмыкающихся.

Но вот в описываемую мной прогулку я натолкнулась на следующий случай. На небольшой лесной опушке, у старого заплесневелого пня, покрытого опенками, играла парочка лесных мышей. Я залюбовалась отливом их бархатистых спинок, казавшимися ночью почти черными, и мелькавшей белизной их брюшка и лапок. Притом у них были прехорошенькие крупные ушки.

В кустах послышался легкий шорох. Он, очевидно, не был услышан моими зверьками, но меня заставил насторожиться. Однако я тотчас же успокоилась, когда увидела, что это была простая змея, вроде тех, которых я уже встречала,

только у нее хвост как-то скоро суживался, не образуя длинной плети, да и по спине шла, не прерываясь, зигзаговая полоса поуже к концам, пошире в середине тела. На затылке тоже не было желтых пятен, и сама голова показалась мне более угловатой, чем у других змей, виденных ранее. Но, повторяю, я не испугалась и, отвернувшись, продолжала смотреть на веселье мышей.

Змея, направившаяся было в мою сторону, свернула вдруг тоже по направлению прыгающих зверьков. Мельком взглянув на нее, я, к удивлению своему, заметила, что взгляд ее блестящих глаз вдруг загорелся каким-то особенным, недобрый красноватым огоньком. Не понимая причины этого взгляда, я стала следить одинаково как за змеей, так и за резвившимися мышами. Последние и не подозревали присутствия своего, как оказалось, врага. Чуть слышно извиваясь телом, словно перебирая, как многоножка, массой невидимых ног, длинная тварь придвинулась к мышам на расстояние одного мышинного скачка и, затаив дыхание, остановилась, как вкопанная, в куче высоких желтых опенков. Раз или два из ее морды выскочил длинный, раздвоенный язычок и, словно свер-

кнув в лунном свете, скрылся обратно в сомкнутую пасть.

Вдруг неподвижно стоявшая на приподнятой шее голова метнулась, как молния, к мышкам, и мой зоркий глаз ясно увидел блеснувшие белизной два выставленные острые крупные зуба. Раздался слабый писк, и одна из мышек, схваченная, но через секунду снова брошенная, как-то вдруг присела и задрожала.

Другая скрылась в мгновение ока. Мышка, очевидно, раненая, сделала два или три слабых скачка, упала и медленно задвигала всеми четырьмя лапками, лежа на боку. Затем она сделала попытку подняться, что ей удалось. Еле, еле поползла она в кусты, но, пройдя несколько шагов, вновь остановилась, словно от усталости. Змея, казавшаяся мне теперь ужасной тварью, неподвижно следила за своей жертвой, которую кольнула еще раз ужасными зубами верхней челюсти.

Мышка на моих глазах умирала. Через две минуты еле заметное колебание брюшка ее свидетельствовало, что жизнь от нее отлетает.

Тогда змея схватила свою жертву за морду и, широко раздувая пасть, начала всасывать тело мышки в рот, обливая его сильно выступавшей изо рта слюной.

Не знаю — отчего, но я смотрела на это с заметной дрожью и не могла оторваться от этого отвратительного зрелища ужасного пожирания.

Однако хищник напрасно торжествовал. В кустах раздался явственный шорох, и из них выбежал... мститель.

Это был мой старый знакомый, еж, когда-то так счастливо для меня заблагорассудивший свернуться.

— Это что? Паф! — сказал он хрюкающей скороговоркой и морща брови. — Змея! Гадюка, да еще за едой. Нет, это не ладно-с! Не ладно-с, сударыня! Я вообще не долюбливаю встреч, ну а таких — и подавно.

И, говоря это, еж спокойно схватил гадюку зубами поперек тела. Бросив мышь, змея яростно накинулась на врага, но ее разинутая пасть встречала всюду одни только колючие иглы. Наконец, извернувшись, она цапнула зубами ежа в шею и даже, как мне показалось, в морду. Однако того это совершенно не смущало, и иглистый приятель принялся самым спокойным образом пожирать свою неожиданную добычу.

Кости змеи захрустели. Еж перегрыз змею надвое. Вьющиеся движения гадины сразу как-то ослабли, но продолжались все-таки в двух отгрызанных друг от друга кусках. Кусок с головой все еще продолжал яростно бросаться из стороны в сторону. Еж на все это не обращал ровно никакого внимания.

— Не особенно важное кушанье, — ворчал он, а есть можно. И я съем из вас, сударыня, ровно столько, сколько нужно, а ваши укусы эти мне положительно... ни к чему-с. Да-с, именно — ни к чему-с...

Я тихонько повернула и помчалась домой. Омерзенье

и ужас перед ядовитой гадиной у меня смешивалось с чувством страха и какого-то уважения перед бесстрашным ежом. Впрочем, я скоро начала считать его безрассудным, так как, укушенный змеей, он, очевидно, должен был вскоре погибнуть. Однако на третью ночь я вновь встретила этого ежа, спокойно ловившего некогда роковых для меня ночных бабочек. Это был несомненно он: я была очень приметлива на лица и фигуры зверей. Стало быть яд гадины не действует на ежа!

После этого случая я стала опасаться змей, особенно тех, у которых хвост кургузый, на спине зигзагозая полоса, а на затылке нет желтых пятен. Впрочем, я и других змей тоже обегала: подальше-то лучше.

Говорят, что люди умеют вылечиваться от укуса змей, выпив порядочно водки, высасывая рану и прикладывая какие-то травы, настоянные или разжеванные, наконец, вспрыскивая в рану какую-то жидкость,* но, во-первых, я знаю это только теперь, а во-вторых, — сами посудите: возможно ли все это для нас, бедных зверей. Впрочем, я часто видела, как волки, лисы и даже Гри-Гри ели какие-то травы на лугах и в лесу. Может быть, и они лечились или предохраняли себя от какой-нибудь напасти или болезни. Встреча со змеей была последним событием в лесу старика, которое сколько-нибудь было достойно моих воспоминаний, так как скоро я переселилась в совершенно иную местность, где было больше шири да глади.

В один прекрасный день старик, любивший обо всем мне сообщать, куда-то съездив, заявил мне следующее:

— Ну, родненький Хрупушка, нужно, братец ты мой, нам с тобой отселера уехать. Живы будем — вернемся опять. А пока — в путь-дорогу надо собираться. Хозяин на участок посылает за уборкой хлеба присмотреть. Послужим-ка ему. Чай, на что-нибудь старик Петрович еще погодится. А тебя оставлять, самому одному ехать, малый,

* Речь, очевидно, идет о луговой герани и растворе двухромовокислого калия. — А.Я.

не годится. Перво-на-перво — ты тут напроказить можешь: дыр везде понагрызешь, понапачкаешь, а главное — тебя самого здесь, за милую душу... того... слопает без меня либо лиса, либо хорь. Так вот я и решил, Хрупушка, взять тебя, значит, с собой. Я тебе и клетку сооружу, чтобы не сбег, пока к месту приживешься, а там, небось, выпущу. Эдакого молодца, да взаперти держать — не гоже. Ну, ладно, как сказал, так и будет, а теперь, пока что — поснедаем.

Из этой речи я узнала, что мне предстоит клетка и путешествие в новое место. Признаться, первое мне было не по душе. Ну — да будь, что будет: старику верить можно.

Через несколько дней я была посажена в клетку. Старик и не чуял, что я об его клетке знала еще раньше. Это было пренеудобное помещение: маленькое, тесное, низкое. Это был просто деревянный ящик, обитый изнутри старой ржавой решеткой. С двух боков в ящичке старик в дереве проделал оконца, прикрытые только решеткой, а сверху наладил деревянную открывающуюся крышку. В ящичке густо наложено было сено.

Самое неприятное было в моей новой тюрьме — полное отсутствие свободного местечка: все было завалено сеном.

Наконец, ожидаемый — и не могу сказать желаемый — момент настал. Старик вынес мою клетку из избы и поставил ее на телегу, в которую уже была запряжена лошадь. Рядом со мной он поместил свой сундучок, принес откуда-то какой-то сверток одежды, мешок, из которого на меня пахло съедобным и, прихлопав место своего сиденья, забрался на телегу. Лошадь тронулась...

Скоро мы за поворотом дороги уже не могли видеть нашей избышки, замкнутой стариком огромным висячим замком.

Скоро мы за поворотом дороги уже не могли видеть нашей избышки, замкнутой стариком огромным висячим замком.

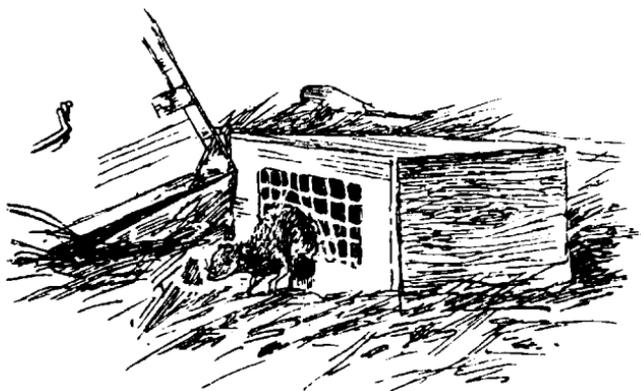
Дорога мне была немного знакома. Это была та самая, по которой я бежала следом за телегой, когда, поплутав в лесу, искала человеческого жилья. Мое тесное помещение было очень неудобно для осмотра окрестностей, и притом в нем так трясло всю дорогу, что у меня все время кружилась голова.

Преглупое было состояние! Я — ни спать, ни думать, ни даже просто сидеть спокойно не могла, но... всему бывает конец. Не помню — сколько раз мы останавливались и где были эти остановки, на которых я, несмотря на угощения старика, почти совсем не ела и смотрела на него одурманенными от дороги глазами, но я все же в конце концов услышала самую приятную весть от старика:

— Вот мы и дома, Хруп!

Но я нигде и признака ни дома, ни даже избышки не видела. Среди ровного, покрытого травой пространства, на холмочке помещалась одна только крыша, точно снятая с избы, да и крыша-то была вся сделана из прутьев и соломы. Возле этой крыши трава была смята и точно нарочно утоптана. Это был, как я теперь догадываюсь, ток, подготовленный для молотбы разных хлебов. Неподалеку от этого удивительного для меня тогда места я увидела какие-то огромные кучи соломы, оказавшиеся впоследствии полными прекрасного зерна в колосьях. Поблизости серебрилась узенькая речка, выглядевшая очень печальной после нашей чудной и тенистой лесной реки. Но самое удивительное было то, что это унылое место было прекрасно населено.

По крайней мере, о том можно было судить по массе народа, обступившего моего старика. Это были, должно быть, все его знакомые, так как между ними и стариком завязалась длинная, мало интересная мне беседа о погоде, хлебе и каких-то машинах. Я была рада, что приехала и освободилась от несносной тряски. Заговорившись с знакомыми, старик не скоро вспомнил обо мне и только к вечеру положил мне в клетку хлеба и втиснул какую-то жестянку с водой.

Это мне не понравилось. Очевидно, я уже не занимала старика так, как раньше; у него было дело поважнее ухаживанья за мной. Полагаю, что этой одной мысли было достаточно, чтобы я на-

чала придумывать, как выйти из такого неприятного положения: отсиживать какой-то срок привыкания к месту в неуклюжей и неудобной клетке.

Я переисследовала подробно всю тюрьму и нашла, что она не из крепких: что-нибудь надумать можно... Я вовсе не имела намерения расставаться со стариком и вовсе не думала о бегстве. Мне хотелось только освободиться. Но все произошло иначе, чем я предполагала.

Изучая клетку, я заметила, что решетка у моего оконца была вся поломанная, заржавевшая. Я попробовала отогнуть один надломившийся прутик; для этого я зацепила его своими резцами и, упершись лапками, потянула к себе. Прутик легко подался, и отверстие решетки стало вдвое шире. Это меня ободрило, и я начала искать другого такого же надломленного места в моем оконце. Я их, действительно, скоро обрела, но они были как-то неудобно расположены. Отверстия, правда, увеличились вдвое, но я не могла наотгибать прутьев так, чтобы все отогнутое пришлось на одно место и образовало бы одну общую дыру. В моей работе помог случай, которого я совсем не могла ждать.

Ящик мой все еще стоял на телеге. Кто-то, роясь в ней, двинул сундуком старика. Сундук стукнул по ящику и своим углом попал прямо в мое окно. Я еле успела отскочить, иначе получила бы неприятный удар в нос. Угол сундука вошел частью в клетку, прорвав решетку, уже

надломленную моими подготовлениями. Вслед затем тот же человек, взясь у сундука, вновь выдвинул угол его из оконца ящика, затем... все успокоилось. Мне оставалось только расширить прорванное углом отверстие новыми отгибаниями, что я с успехом и выполнила.

Итак, выход был для меня свободен, и я решила воспользоваться этим, чтобы сделать маленькую разведочную прогулку. Повторяю: у меня и мысли не было бежать.

Тихонько выбравшись из ящика, я пролезла между ним и сундуком и выползла на край телеги.

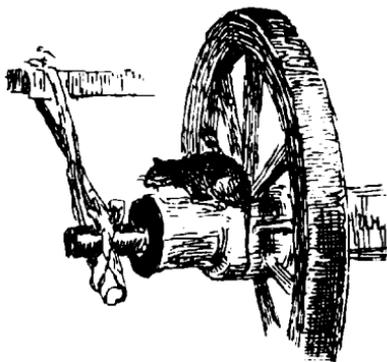
Вечер кончался... Никогда небо не казалось мне таким огромным, а закатывающееся солнце таким красным, как в эту минуту. Кругом было много простору, и во все стороны, даже за резко выступающими кучами, расстилалась одна только ширь и волнистая даль. Ни признака дерева или кустика даже возле потемневшей речки. Но это был только обман, так как речка, как оказалось, текла в оврагах, где я потом нашла и кустики и даже хорошие кусты.

Откуда-то всяло теплым ветерком, но нет-нет и его сменяла струя прохладная.

Дневной шум стихал. Люди, раньше толпившиеся и ходившие кругом с делом и без дела, теперь забрались под крышу и, должно быть, ложились спать, судя по тому, что я видела мало сидящих фигур.

Неподалеку тлели угольки под торчавшими рогульками обгоревшего, воткнутого в землю, сломленного сука.

Я повела носом и стала медленно пробираться по краю телеги, ища места спуститься. Удобнее всего было это сделать у колеса, на холодный железный обод которого я и спрыгнула. Спустившись кое-как по одной из спиц, я сползла к середине колеса, а оттуда соскочила на землю.

— По возвращении таким же образом поднимусь наверх! — подумала я и, оглянувшись на телегу, чтобы лучше ее заметить, побежала по ровному месту к кучам соломы.

Там я нашла большое оживление, которое перешло вдруг в смятение при моем неожиданном прибытии. Всюду сновали мои родственницы-мышки, такие же, как и лесные, только с более короткими ушками и с полосками по спинке.

Я застала мышей за спешной работой: они ловко шелушили зерна из колосьев, надерганных ими из куч и куда-то их утаскивали. Впрочем, большею частью они тащили целыми отгрызенными колосьями. И такую деятельную работу я встретила в каждой куче и почти в каждом ее углу. При моем приближении маленькие создания или бросались врассыпную, или притихали, оставаясь на месте.

Видя, что я мешаю этим крошкам заниматься безобидным делом — а на самом-то деле они занимались грабеджом, — я покинула кучи и, запомнив их положение, двинулась далее. По моему расчету я не могла заблудиться, так как кругом был полный простор.

Ночной бродяга. — Двоюродный брат кроликов. — Земляная белка. — Крошечный хищник. — Мысли о жизни. — Мыши-малютки. — Неравная борьба. — Возвращение отрезано!

Мне было угодно, чтобы даже в этом чистом месте, где, казалось, я не могла рассчитывать ни на каких врагов, моя первая ночь прошла очень беспокойно.

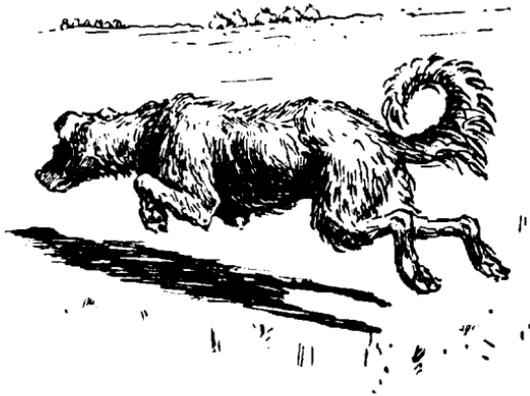
Началось с того, что, когда я тихо брела между подсыхшими стеблями травы, думая о только что происшедшей встрече с родственницами, наводившей меня на приятные мысли о распространенности крысиной породы, из-за небольшого холмика передо мной мелькнула темная фигура какого-то животного, похожего на собаку. Встреча не из приятных, даже для находчивой крысы!

Я присела и, отсидевшись, тихонько побежала в обратную сторону. Однако собака неожиданно вновь появилась передо мной из-за другого холмика. Животное просто рыскало без толку по этим местам. Признаться, весьма затруднительно то и дело укрываться от предполагаемого врага, намерения которого неизвестны, может быть, и ему самому. Поэтому станет вполне понятным мое беспокойство, когда новое появление животного сбilo меня положительно с толку. Я не нашла ничего

лучшего, как стремглав броситься в обратную сторону и бежать, бежать без оглядки, чтобы выиграть хоть расстояние.

Преследуемая, как оказалось, одним только страхом, я пробежала очень большое пространство, несясь все время по сухой почве, покрытой высохшей травой. Вся трава на всем протяжении была ровно подгрызена. Полагаю теперь, что это был или покос или сжатое поле.

Остановилась я только тогда, когда добежала до места, где пошла снова высокая и густая растительность. Неясный шелест ее наверху доказывал, что я попала на место, где густо росла колосистая трава с неопавшим еще зерном. Это было недожатое хлебное поле, но я приняла его за поле дикой травы, и еще очень удивилась, что на далеком пространстве росло все одно и то же растение, вдобавок вызревшее везде одновременно.

Из белевшей, волнистой равнины этой травы вдруг выметнулся большой ушастый зверь и, сделав несколько огромных скачков, присел на задние ноги. Я сразу узнала его: то был двоюродный брат моих приятелей кроликов — большой заяц.

Обнюхав воздух и поводя длинными ушами, заяц мысленно говорил:

— Жизнь — вечный страх! Понюхаем воздух... Чисто! Понюхаем... Ничего подозритель-

ного! Посмотрим... Никого! Все благополучно, а все-таки страшно, удивительно страшно, — и заяц, медленно сваливаясь на передние лапы, побрел назад в шумевшую траву.

Мне почему-то припомнились еще раз мои три сожителя-кролика, ерзавшие по клетке, когда их несли в новое помещение и безмолвно говорившие:

— Любопытно, но страшно, любопытно, но страшно...

Внезапно неподалеку кто-то пронзительно свистнул, перепугав меня до смерти. Вторичный свист, уже не так испугавший, заставил меня повернуть голову направо. Вблизи, на очень маленькой горке нарытой земли сидела какая-то удивительная короткоухая крыса, уставившаяся на меня глазами. Ее передние ноги были подняты.

— Эй, кто там? — засвистел вновь ее голос. — Я на стороже!

— Ну и будь себе на стороже, — подумалось мне. — Чего ради об этом свистеть во все горло? Хорош сторож!

Однако зверек заинтересовал меня, хотя я и не решалась двинуться к нему. Он был величиной побольше меня, другого цвета и с коротеньким хвостом. Если мы и приходились родственниками, то далекими. Памятуя, как пасюки изгнали черных крыс, я могла ожидать, что могут быть места, где и пасюков могли изгнать крысы какого-нибудь иного цвета. Поэтому я решила спрятаться в траве и наблюдать издали за сторожем, так неостроумно себя выдавшим.

Войдя в "хлеб" — буду уж называть настоящим именем встреченное поле, — я получше укрылась за желтыми соломинками стеблей. Животное продолжало сидеть неподвижным столбиком. Мне уже стало надоедать мое

высматривание, как я заметила, что из окрестных нор, у одной из которых и сидела эта желтая короткохвостая крыса, вылезли одна за другой еще пять крыс: одна постарше, другие помоложе. Очевидно, что из-под земли вышло все семейство. Обнюхав и ткнув друг друга мордочками в бок, все потолкались несколько секунд

у норы и побежали ко мне. Я не пустилась наутек, а только притаилась, видя, что семья бежит не прямо на меня. Все шесть крыс пробежали мимо в траву. Только тут я заметила, что они строением тела были больше похожи на белок, чем на крыс. Не теряя ни минуты, я стремглав бросилась к покинутой норе и быстро полезла вниз, чуть не кувырнувшись с непривычки: до того она была отвесна.

Ход вновь круто повернул и стал едва покатым. В обе стороны от него пошли другие, такие же ходы, некоторые косо вверх.

Я быстро дошла до конца хода и нашла на дне его мягкую подстилку из сухой травы. По некоторым признакам, понятным только нам, животным, я убедилась, что на этой подстилке спало только одно животное, следовательно, другие из виденных мной жили отдельно — каждый в своей норе. Вспомнив о боковых ходах, я отправилась исследовать и их. Каково же было мое удивление и удовольствие, когда я нашла в одном из отделений громадный запас разных зерен, корешков и семян. Все это было отборное, чистое. Совершенно не думая о воровстве, я быстро принялась за еду и основательно поела из прекрасного запаса кладовой этих удивительных желтых земляных белок, тем более, что я была уже избалована и привыкла часто есть.

Только я почувствовала приступ благодушия поевшего животного, как начались новые злоключения.

Я уже собиралась отправиться в обратный путь, как услышала, что в нору возвращается ее законный жилец или жилища. Признаться, я сильно перетрухнула, так как сражение в тесной норе с законным ее и, быть может, очень сильным и злым обитателем было очень рискованно. Я притаилась в кладовой. Через несколько мгновений в ходе появилась желтая белка, тащившая в зубах отгрызенный крупный колос, переполненный зернами.

Медлить было нельзя, так как животное уже втиснулось с разбегу между мной и стеной. Я стрелой вылетела из хода, преследуемая разъяренным хозяином. Только крысиная сноровка, помогавшая мне ловко пробираться по извилистому ходу, спасла меня от укусов разгневанного зверька, злобно ворчавшего у самого моего хвоста.

— Негодная тварь! Залезть в чужую нору!.. погоди — я перекушу тебе горло...

И мы летели под землей: я впереди, враг позади.

Таким путем я стремглав вылетела из гнезда, в которое воровски забралась. Но меня ждала еще большая опасность. У одной из нор на насыпанной кучке сидела большая птица — сарыч, как догадываюсь. Она, очевид-

но, подкарауливала выход зверька. Завидя бегущих, она быстро сорвалась с места и ринулась на меня. Я зажмурила глаза, чуя смерть.

Что-то жалобно не то пискнуло, не то свистнуло сзади меня, и я ясно услышала взмахи улетавшего хищника. Бедный, обворованный мной хозяин погиб за меня, его разорителя!

Я поспешила, сколько было сил, от этого места моего двойного преступления.

Но невзгоды ночи этим не кончились. Убегая больше от собственного стыда, чем от опасности, я у речки, до которой неожиданно добежала, была атакована маленьким зверьком, меньше даже мыши. Зверек яростно вцепился мне в шею.

Я еле освободилась от своего крошечного врага и в пылу гнева прокусила ему череп. Передо мной лежала маленькая пухлая мышка, с длинным хоботком, немного напоминавшим выхухолевый. Ее оскалившийся рот показывал острые зубки, среди которых было несколько резцов; они совсем не походили на крысиные или мышинные.

Это была, как я теперь знаю, землеройка, очень злой и прожорливый зверек, яростно преследующий и уничтожающий мелких творений, а подчас и мышей. От нас, грызунов, он существенно отличается именно зубами. В ярости своей землеройки, говорят, бросаются даже друг на друга, пожирают от жадности тела погибших, так как без обилия пищи быстро умирают. Такой зверек лежал передо мной трупом. Но хищник был так мал сравнительно со мной, крупной крысой!

Шея моя ныла. Кроме того, от нее стало пахнуть чем-то неприятным, напоминавшим запах выхухоли. Уж не родственница ли эта мышка диковинному зверю озера? Позднее я узнала, что и она, и еж, и выхухоль,

и даже крот, рывший ходы в саду моего хозяина, — все принадлежат к одному и тому же отряду насекомоядных животных.

После всего случившегося я решила прекратить свои разведки и вернуться домой.

Тут только я сообразила, что убежала от дома слишком далеко, и дорогу назад придется отыскивать с трудом. Оказалось, однако, что это было даже невозможно, так как я уже нигде не видела путеводных хлебных куч и шалаша. Путь

шел также мимо владений желтых белок, которых я опасалась. Я, конечно, не могла тогда еще знать, что суслики — так зовут этих животных — были в сущности безобидными творениями.

Оставив труп землеройки, я побежала сначала на пригорок, потом к речке, затем на другой пригорок, но ничего не видела, кроме равнины, кое-где желтевшей от неснятой травы. Все видневшиеся холмы были однообразны, и нигде не было видно и признака покинутого мною жилья. Приходилось покориться участи и провести остаток ночи в отдыхе, возложив надежды на предстоящий день.

Я приискала себе в обрывистом берегу степной речки поукромнее уголок и прикорнула под свесившимся пучком травы, росшей вдоль осыпающегося берега. И то хорошо, что хоть голод меня не мучил, и я провела ночь настолько не тревожно, насколько может спокойно спать существо с не совсем чистой совестью. Я обманула старика, ограбила и привела к гибели суслика и убила, хоть и ненарочно, маленькую диковинную мышку. Четыре преступления в одну ночь — это слишком много!..

Проснулась я под утро. Выглянув из-за травы, я увидела, что над рекой поднимался знакомый мне еще в лесу белый туман. Было уже светло, хотя солнце не показывалось. Где-то очень близко в траве крякала утка, звав-

шая своих утят. Подальше свистели долгоносые птицы. Еще дальше квакала какая-то одинокая лягушка.

Я выбралась из своего убежища и вступила на траву, еще покрытую росой. Взбираясь на пригорок, я увидела неподалеку убитую мной мышку.

К удивлению своему, я заметила, что мышка двигалась, но при этом как-то особенно, не переставая лежать на боку. Заинтересовавшись новым для меня явлением, я подошла поближе. Мышка — я буду ее так называть, так

как таковой считала ее тогда, — была наполовину уже в земле, и кто-то выкидывал из-под нее в трех-четыре места крохотные горсточки земли. Видя, что такой назойливый хищник действительно мертв, но, опасаясь все же неожиданностей, я очень осторожно подошла к самому трупу зверька.

Пестрые, желтые с черным крылышки и черненькие лапки, торчавшие тут и там в рыхлой земле под мышью, выдали мне присутствие обыкновеннейших насекомых, виденных мной часто на разной лесной падали. Но на этот раз они делали дело, которое я ничем иным объяснить не могла, как желанием спрятать трупик мышки в землю. Что это? Для чего им труп мышки? И зачем столько усилий? Я разрешить этого тогда не могла, но

существование определенной мысли в маленьких созданиях этих я начинала признавать, и мне вновь припомнились речи старика, разубедившего меня в отсутствии мысли у рыб, которых я, ведь, тоже считала бессмысленными.

И тут, у трупа убитой мной землеройки, у меня впервые зародилось сознание того, что все живое и подвижное повинуетя одному общему закону жизни, что у каждой твари, не исключая насекомых и червей, есть своя цель жизни. Все рождается, питается, чувствует, мыслит, растет, множится. Только всякое животное, как малое, так и большое, по-своему чувствует, по-своему и мыслит. Один конец у всех обций — смерть.

Однако мимо, мимо: мне не хочется говорить о смерти. Умереть прежде, чем я переживу вновь свои чудные приключения... это ужасно!

Стоя перед землеройкой, я, разумеется, и не догадывалась, что трудолюбивые жуки-могильщики зарывали с трупом зверька положенные в него свои яички, чтобы вышедшие из них личинки имели около себя готовую пищу для жизни, притом ровно столько, сколько им нужно. Говорят, что больше, чем следует, у трупов мертвых животных жучков не бывает, а — пара, две и больше, смотря по величине трупа.

Если бы я это тогда знала, то, наверное, скорее бы оставила интересное зрелище, а я простояла в раздумии около работающих жуков с час или больше, пока на месте мышки остался только легкий след от зарытого тут животного.

Выскочив на пригорок, я поплелась вдоль несжатого поля, а потом по нескошенной траве, следуя направлению речки. Солнце вышло уже из-за холмов и ослепительным шаром покатилося вверх между таявших облаков.

— Неужели с берега реки я не увижу шалаша или куч? Ведь, с телеги я ясно видела реку, — думалось мне.

Глядя то на самую реку, то в стороны, я продолжала бежать вперед, пока мой пронизательный взор не упал на какое-то круглое гнездо среди осоки. Самое гнездо меня не удивило бы, но я не понимала присутствия около него нескольких созданий, несомненно, из породы мышей. Эти создания, величиной не более наших крысят, когда они еще не умеют, как следует, прыгать, и раза в два меньше мышей, с удивительным проворством бегали по стеблям

осоки, держась не только лапками, но и с помощью своего маленького подвижного хвостика. Разумеется, я приблизилась, но, не желая мокнуть в воде, смотрела на это своеобразное гнездо издали.

Я хорошо видела, как чудные крошки бойко резвились около своего гнездышка. Что это было их жилище, — не сомневалась, так как видела, как в него и из него лазили все мышата и, наконец, из него вылезла мышь побольше, — но все же малая, очевидно — мать. Некоторые из мышат бросались в воду, ловили водяную мелочь и пресуморительно съедали ее, вскарабкавшись на какую-нибудь еле держащую их травинку. Они препотешно держали свою добычу двумя лапками в то время, как задние лапки и хвостик их прочно держали тело в равновесии. Право, после этой славной картины я не удивилась бы, если бы увидела мышь, летающей по воздуху.

Я знала так называемых летучих мышей, но они все не относятся к нашему мышинному или крысиному роду. Однако, повторяю, я бы уже не удивилась порхаю-

щей мышцы. Помилуйте: мышь, вьющая гнездо на стеблях травы, мышь, живущая в дуплах деревьев, мышь, роющая норы в земле, мышь, грызущая ходы в жиле человека, мышь... но оставим это! Если я могла поддаваться тщеславию в то время, то теперь мне, пожившей, дряхлой старухе-крысе делать этого не годится!...

Полюбовавшись славными родственницами, которых люди зовут мышами-малютками, я продолжала свой путь, не теряя надежды найти покинутый угол. Веселье мышек привело меня в более спокойное настроение духа, которое перешло в радостное, когда я, наконец, увидела желаемые предметы: и шалаш, и кучи из колосьев.

Я весело побежала к месту моего тюремного заключения, около которого, однако, всмотревшись, увидела толпившихся людей, о чем-то живо беседовавших. Это меня смутило: являться на народе не входило в мои расчеты. Пришлось поубавить ходу и обдумать, как поступить. Случай помог мне принять решение, но совершенно иное.

В нескольких шагах от меня из бурьянной заросли, островком черневшей на желтом поле срезанной травы, выскочил какой-то рыжевато-бурый зверек, очевидно, нашей же грызущей породы и даже более родственной, чем желтая белка. Несмотря на свою малую величину — он был побольше крысы, — зверек имел очень большую голову и особенно вздутые щеки. Отряхиваясь от приставших к его шерсти былинки, он рысцой побежал вдоль поля по кочковатой черной почве между торчавших соломинок. Вдруг с другой стороны того же бурьяна вылетел крупный зверь, в котором я угадала моего ночного смутителя, бродячую собаку.

Я так и присела с испугу, так как была совершенно на виду. Однако внимание собаки было направлено исключительно на замеченного мной головастого зверька, которого она и догнала в несколько прыжков. Произошло что-то совсем для меня неожиданное.

Бурый зверек тотчас остановился и, выбросив что-то изо рта, стал в боевую позу, слегка присев на задние ноги. Ни малейшего страха не прочла я в его взгляде. Что меня удивило, это то, что голова его сразу стала обыкновенной величины. Очевидно, ее размеры казались увеличенными от того, что он нес и что выплюнул из своего рта. Впрочем, впоследствии он опять раздувал свои щеки. Собака звонко залаяла.

— погоди, мошенник! Ты что тут шляешься? Вот я тебя!

Зверек глухо зарычал и оскалился, не отвечая собаке, он закричал по-своему:

— Эй! Лучше не подходи: я шутить не люблю!

Но собака не поняла его и, подскочив почти к его носу, задорно и голосисто залаяла:

— Как бы это мне тебя поудобнее сцапать? Ну, держись, несчастный зверь!

Однако “несчастный зверь” не струсил и, защелкав зубами, начал грозно бросаться на своего куда более крупного врага, продолжая ворчать.

— Не слушаешься, так раскаешься. Прочь с дороги! Говорю, что шутить не люблю!

Поединок, по мне, был неравный: большая, хотя и не особенно злобная, собака и малый зверек, олицетворенная досада и злость!

Однако собака никак не могла выбрать удобного мгновения, чтобы сцапать свою жертву, так как, несмотря на свои ловкие прыжки около ошестившегося зверька, она всегда встречала его разъяренную мордочку и ляскающие острые зубы.

— Эдакий шустрый негодяй! — подлаивала собака, накидываясь на противника.

— Скверная тварь! — цыкал на нее не смущающийся малыш, злобно раздувая вновь свои объемистые щеки.

Так продолжалось несколько секунд, как вдруг, воспользовавшись неловким движением врага, зверек под-

скочил чуть не на двойную высоту своего роста и вцепился собаке в морду. Собака пронзительно завизжала и начала бешено стряхивать неожиданную ношу. Но зверек плотно пристал к ее морде, повиснув на своих зубах у самого нежного кончика носа собаки, который тотчас же окрасился кровью.

— Отстань, каналья! — визжала собака. — Брось, говорят тебе! — но вдруг, переменив тон, она заметалась на месте и заорала благим матом:

— Помогите, помогите! Этот проклятый зверь терзает меня.

На голос собаки прибежало несколько мальчишек, которые, увидев дело, сразу приняли сторону собаки и палками принялись отбивать вцепившегося зверька с носа собаки. Но зубы храбреца так плотно сомкнулись в мягком теле морды, что, казалось, она и маленький зверь были два сросшиеся тела.

Я была свидетельницей ужасного дела. Учащенные удары палок избили до смерти храброго зверька, но не оторвали его от схваченной им морды собаки. Я видела, как вскоре один из мальчишек сел на собаку, пронзи-

тельно визжавшую и рвавшуюся, а другой с помощью прута разжимал зубы вцепившегося зверька. Сделав это, он отбросил его в сторону. Зверек плюхнулся наземь и остался недвижим: он был заколочен насмерть!

Собака тотчас убежала, а мальчишки, схватив убитого, с криками торжества тоже помчались обратно!

Я не разделяла их торжества, и чувство глубокого уважения и жалости к храброму зверьку невольно наполнило все мое существо. Подбежав к месту поединка, окрашенному каплями собачьей крови, я увидела две кучки хлебных зерен, выплюнутых бурым зверьком перед поединком: он, подобно желтой земляной белке (суслику), нес в свою, вероятно, тоже подземную кладовую провиант для запаса. Позже я, конечно, узнала и название зверька. То был хомяк.

Присутствие собаки и ее защитников, босоногих ребяташек, не обещало для меня ничего хорошего, и я, не медля ни минуты, повернула обратно к речке.

Приходилось волей-неволей расставаться со стариком и вновь начать одинокую жизнь в этих ровных не-

приятных местах, лишенных хороших надежных убежищ для домовых крысы. Но другого выхода не было.

Началось новое скитанье. Несколько дней и ночей тревожно и беспокойно провела я здесь, прячась то в густоте бурьяна, то в старых норках степных зверьков, уже заведомо покинутых, то под обрывами речного берега. Голодать я не голодала, так как в окрестностях валялось много тощих, наполовину осыпавшихся, но все же зерни-

стых хлебных колосьев, служивших пищей другим зверькам, а также грачам и голубям, частенько прилетавшим сюда. Зато я очень страдала от отсутствия хорошо защищенных уголков. Я пробовала рыть норы сама, и это мне удавалось, но на такое занятие уходило много времени, да притом я никак не могла ужиться на одном месте.

Я пугалась всего: и высоко паривших хищных птиц, и страшных ночных пернатых разбойников — лунсей, и желтых белок, в которых видела справедливых мстителей за товарища, и бурых, никого не боящихся храбров-хомяков, и даже одного удивительного существа, похожего на зайца, но величиной, не превышавшей крысы... Последнее уже было совершенно напрасно, так как такими зверьками были безобиднейшие грызуны, тушканчики, обладавшие против врагов одним только средством и то только спасательным: длинными тоненькими и упругими, как пружины, задними ножками, уносившими их от неприятелей.

Однако, разбираясь в своей жизни теперь, я убеждаюсь, что именно эта жизнь в мало приятной для крысы местности закалила мой характер и, незаметно для меня, укрепила во мне умение ладить с невзгодами и приспособляться к чуждым моей крысиной жизни условиям.

Хотя шалаш и кучи, скоро, правда, куда-то исчезнувшие, я видела еще несколько дней, пока жила поблизости, но к ним я не приближалась. Мало-помалу я совсем перестала печалиться разлукой с добрым стариком.

Долго ли помнил этот, милый мне друг, меня, ручного “крыса” Хруп, добродушно слушавшего с редким вниманием его длинную старческую болтовню!..

Вперед, Хруп, за новыми друзьями, за новыми приключениями!..

XVI

Мысли о степи. — Холода. —
Поиски человеческого жилья. —
Новые хозяева. — Странные
чудовища. — Диковинный хлев. —
Путешествие. — Город

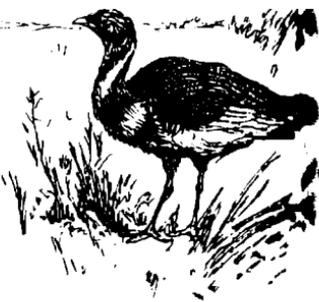
сли я не одичала в степи, то только потому, что продолжала на воле свои чудные занятия

изучения языка животных. Дело подвигалось успешно вперед и укрепляло в то же время мои прежние знания.

Как ни пуста казалась степь при взгляде на ее ровное, широкое пространство, но эта пустота была только кажущаяся. Степь, подобно лесу, имела свой мир, свою жизнь. Правда, многие животные были, как дома, в лесу и в степи, но в то же время у степи были и свои исключительные жители, например, хотя бы тушканчики, суслики и громадные птицы, похожие на кур, — стрепета и дрофы.

Особенно интересным показалось мне, что эти ровные места, не имевшие наземных скрытых уголков, характеризовались, так сказать, подземной жизнью. Хотя и в лесу было немало нор, но не одни только норы леса были хорошим убежищем для зверей: в нем было достаточно и других укромных мест в дуплах, на деревьях, в листве. Норы же степи были единственным надежным убежищем для маленьких зверьков.

Если в лесу лиса могла пользоваться жильем барсука, а выдра — жильем лисы, то здесь, в степи, каждый зверь рыл обязательно себе свою собственную нору, очень и очень редко пользуясь чужой, принадлежащей большей частью какому-нибудь родственному ему зверю. Те же, кто не имел норы, должны были иметь либо быстрые ноги, например, зайцы, либо далеко в даль видевшие, зоркие глаза, как стрепета и дрофы. В лесу же такие ноги и глаза не были большой необходимостью.

Позднее это мнение мое подтвердилось еще тем, что, как я узнала, водные жители тоже не имеют большой

зоркости глаза, так как в воде, которая не так прозрачна, как воздух, излишняя зоркость была бы ни к чему.

Это первое мое сравнение двух разнородных областей, посещенных мной, побудило меня и в будущей жизни глубже вдумываться в окружающую меня обстановку. Поэтому в старости я шлю свое горячее спасибо широкому раздолью степей и всем их обитателям без исключения.

Однако та степь, которая навяла на меня такие чудные мысли, не была, собственно говоря, настоящей степью, так

как большая часть ее была обращена людьми в поля. Настоящие, нетронутые степи, которые мне теперь тоже знакомы, нисколько не изменили моего взгляда, а потому я сохраняю это название и за теми местами, куда попала я после моего второго, почти невольного бегства.

Я бродила по этим степным местам до самых холодов. Очень хорошо помню один утренний мороз, который пробрал-таки меня, когда, выславшись в покинутой норе суслика, я вылезла наружу.

Это было удивительное время для моих наблюдений. Суслики и сурки, близ которых мне приходилось жить, уже давно к моему удивлению, позаваляли и забили изнутри свои ходы, готовясь к зимовке под землей в норах, недоступных холодному воздуху. В то время я бы, пожалуй, не поверила, что эти звери проводят зиму во сне, не притрагиваясь к пище. А сурки, эти великаны сусличьей семьи, — я их всех тогда считала короткохвостыми земляными белками, — спят даже так крепко, что зимой их можно бить, колоть чем угодно: они не проснутся. Не понимая еще тогда истинной причины забивания нор, я все же поняла, зачем подобные зверьки делали свои чудные запасы.

Однако холод настолько стал ощутителен, что я положительно затревожилась. Я знала зиму с ее ужасными холодами и встретить ее в этих равнинах, где ветер свободно рыскает повсюду, значит обречь себя на гибель. Если бы я и знала об удоб-

ствах зимовки сурков, то все же едва ли спряталась бы от холодов в какую-нибудь брошенную сурчину*, так как не сумела бы заткнуть хорошенько выхода, а главное, не сумела бы заснуть на три месяца. Ну, а проводить зиму в полной темноте, хотя и возле еды, но в тесной норе, едва ли согласилась бы даже необразованная крыса.

Надобно было во что бы то ни стало вновь искать сближения с людьми, по крайней мере в смысле поселения в одном с ними помещении.

Я начинала понимать, почему крысы, как сказал когда-то мой хозяин, распространились по свету вслед за человеком. Оказывается, бывают времена, когда домовая крыса не может жить без тех условий, к которым привыкла у человека. Одно из этих условий: теплый угол в студеную морозную зиму.

Удивительно, что даже надвигавшаяся невзгода не вызвала во мне сожаления об утрате сытного угла в кабинете хозяина, несмотря на то, что я чувствовала особую признательность времени моего начального обучения. Но зато, как бы я хотела в то время перенестись в одинокую избушку на лесной поляне, где меня не так еще давно ждали не только кров и пища, но и заботливый уход друга, не отнимавшего у меня свободы.

Во время своих прогулок в поисках лучшего я несколько раз встречала людей, большею частью полевых работников и пастухов. Некоторые занимались злым делом — выливали сусликов из нор** водой и убивали, а раз даже чуть-чуть не затопили и меня. Я успела, однако, вовремя спрятаться от потопа в одну из боковых нор. Обыкновенно я уходила от этих сцен подальше. Когда

* Сурчина — нора сурка.

** Выливать из нор — выгонять водой, выражение местное. — А.Я.

же соседство с жильем человека уже стало просто необходимостью, я начала искать встреч.

Ожидания мои были успешны: в один прекрасный день я увидела одного из обыкновенных посетителей степной речки — человека с ружьем за плечами. Впрочем, это оружие я тогда принимала за палку и очень удивлялась, когда из нее по временам вылетали огонь и дым, лишь только человек направлял ее на какую-нибудь летящую или сидящую птицу. Чаще всего такой посетитель, пугавший всех нас грохотом своего оружия, сопровождался собакой, и эта парочка поистине наводила на все панический страх. Но со временем я привыкла и к этому и только своевременно пряталась подальше от взоров и чутья собаки.

На этот раз новый посетитель был один, почему часто раздевался и сам плавал за убитой птицей, которую другим охотникам приносили обыкновенно собаки. Завидя такого одинокого охотника, я стала следить за ним и тихонько побрела вслед, держась все же в почтительном отдалении.

Он порядком таки помучил меня, бродя по окрестностям, пока, взглянув на опускавшееся солнце, не проговорил:

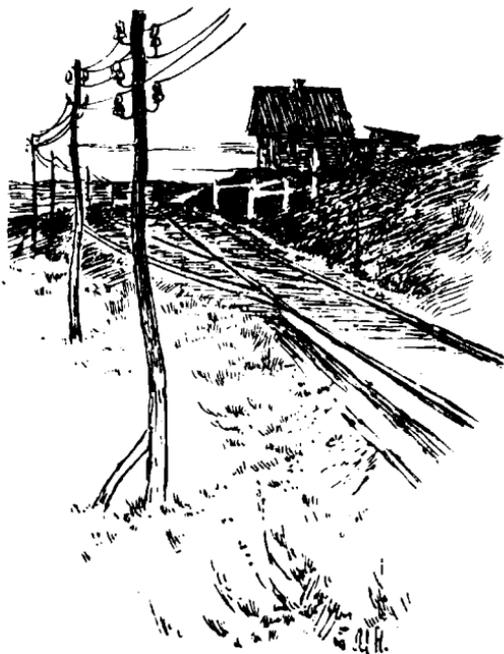

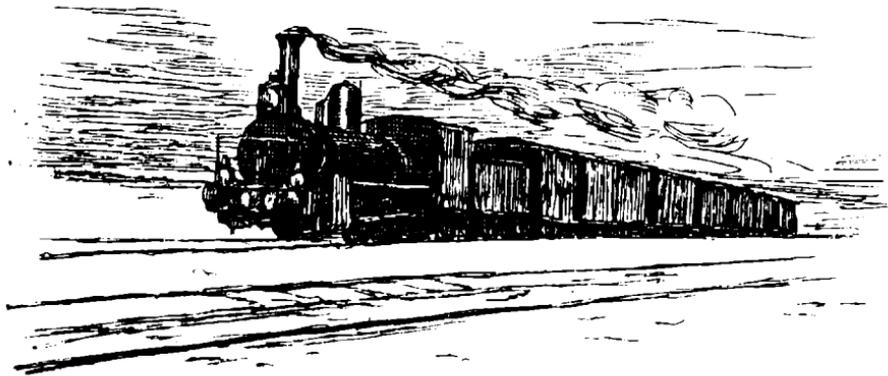
— Пора!

Моего знания языка и выражений лиц людей хватило, чтобы догадаться, что он собирается возвращаться домой.

Мы отправились, но не по речке, а куда-то напрямик. Так шли мы, один за другим, очень долго, проходя разные новые для меня местности, но все же одного и того же равнинного вида с небольшими холмами и оврагами. Кое-где, впрочем, прошли мимо опушек небольших рощиц, выйдя, как теперь помню, около одной из них на торную, проезжую дорогу, судя по выбоинам и колеям, уже знакомым мне. Однако я скоро покинула своего путевого, так как заметила невдалеке у какой-то далеко тянувшейся насыпи, обставленной длинными столбами с белыми стаканчиками, небольшую, очень красивую избушку рыжего цвета. Это было, несомненно, человеческое жилье, и я мигом метнулась в кучу сложенных у избушки дров.

Не могу сказать, чтобы мне стало дурно жить в моем новом помещении, в углу небольшого курятника, под корзиной, в которой валялось старое сено, но я, конечно, не могу сравнить этого жилья с моими чудными, чистыми уголками у прежних хозяев. Ела я довольно недурно, но приходилось довольствоваться тем, что я находила в одной сорной куче отбросов. На глаза людям я старалась не показываться, так как ясно слышала раз гневный голос хозяйки — в избушке жило двое: какой-то старик и женщина.

— А у нас здесь, я вижу, завелась где-то крыса, — ворчала старуха. Уж, и попадет же ей от меня поленом! Только бы увидеть...

Это был один из тех случаев, когда я убеждалась в великой пользе знания языка людей. Ведь, привыкнув к бывшему хорошему обращению со мной, я могла бы, не зная характера моих новых хозяев, прямо явиться к их столу, по обычаю в избушке лесника. И быть бы беде!

Так как мне, во что бы то ни стало, надобно было пережить в тепле суровую зиму, то я терпела все относительные неудобства и считала их временными.

Дни моей жизни на этом новом месте были настолько нерадостными, а сама зима нескончаемой и однообразной, что я опускаю описание всей этой части моей жизни и перехожу прямо к тому случаю, когда я в один из ранних весенних дней покинула мало гостеприимное убежище и отправилась в новые странствия, на этот раз уже совершенно неожиданные.

Всю зиму я каждый день, и притом почти в одно и то же время, слышала какой-то грохот, который глухо приближался к избушке, внезапно достигал ее и затем, умчавшись, замирал где-то вдали. Конечно, я скоро узнала причину его. По дороге насыпи, которая в противоположность прежним, виденным мной, имела по бокам не впадины, а выступы из твердого железа, то и дело неслись огромные чудовища, напоминавшие видом огром-

ных змей, но явно состоявшие из целого ряда избушек на таких же колесах, как у телег. Голова таких чудовищ торчала вверх, имела какой-то угловатый вид, дышала дымом и огнем и пронзительно свистела. В этом свисте, сколько я ни прислушивалась, я не могла разобрать ни-

какого значения. Все, что можно было допустить, судя по некоторым признакам, это слова: “Это я, берегись!”

Обыкновенно этим грохотом и свистом все и оканчивалось. Спустя значительное время, появлялось, иногда с противоположной стороны, вновь такое же чудовище с таким же грохотом, свистом и иногда шипением.

Но вот в один из весенних дней, когда я сидела у дороги возле куста, одно из чудовищ, зашипев, вдруг остановилось, и передо мной предстала знакомая мне картина коровьего хлева со стоящими в нем коровами. От хлева шел характерный запах; наружу выглядывали рогатые головы, жалобно мычавшие:

— У-у-у... какое мучение!..

Живя долго в своем курятнике в терпеливом ожидании лучших времен, я затаила в себе чувство любопытства, которое словно проснулось от этого жалобного мычания. Мне страшно захотелось узнать: что так мучает этих обыкновенно покорных животных? Но попасть в хлев было не так-то легко, и я обошла его, высматривая, куда можно было бы влезть.

На мое счастье, какая-то корова сбила загородку стояла, которая скатилась вниз и уперлась одним концом в землю. Я воспользовалась случаем и мигом взобралась в помещение коров.

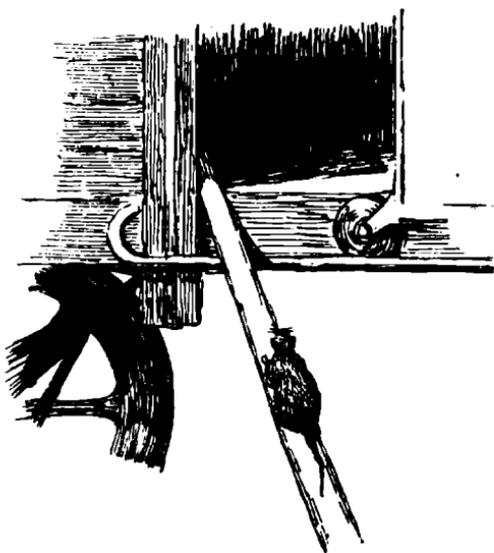
И было время... так как кто-то, крикнув — я не разобрала что, — бросил загородку вновь в хлев и задвинул плотнее дверь.

Прижавшись к стенке, я живо пробралась в угол, где были устроены ясли, в которых мой нос быстро учуял приятный аромат отрубей. Разумеется, я вскочила в них.

Вдруг что-то свистнуло пронзительной трелью. Точно в ответ послышался громкий свист чудовища... еще трел, новый ответ, — и весь хлев с коровами дрогнул. Коровы токнулись друг о друга и жалобно замычали хором:

— У-у-у! Какое мучение!..

Я сама почувствовала себя не особенно твердой на ногах. Кругом что-то затрещало, заскрипело... внизу раздался не то стук, не то визг, где-то хлопнули, слышались отдаленные шаги, — и через несколько мгновений я почувствовала, что и я, и коровы, и

хлев, — все это тронулось и поехало куда-то прямо, в неведомую даль.

Впечатление от непривычного шума было настолько ново, что я ощутила какой-то смутный страх и недвижимо сидела на дне деревянного корыта с сеном поверх отрубей.

Конечно, первой мыслью моей, когда я немного опомнилась, было бросить все свои расследования и выбраться поскорее из этого удивительного, странного хлева. Поэтому я тихонько пошла обратно по дну яслей и, соскочив вниз, стала пробираться по трепещущему полу, увертываясь от топтавшихся коровьих копыт, к дверям, через которые вошла.

Моего моста вниз уже не было: задвижка лежала брошенной под ногами коров, а в щель от неплотно захлопнувшейся двери я увидела какие-то бегущие кусты, столбы, а вдали мерно проплывающие группы деревьев. Со страхом, но и неудержимым любопытством я высунула мордочку и глянула вниз. Меня обдало сильным ветром, смешанным с дымом, а внизу замелькала какая-то однообразно желтая, сплошная странно трепещущая дорога. Я отскочила назад в недоумении: хлев с непонятной для меня быстротой мчался все вперед и вперед...

Не сразу догадалась я, что это было новое, неожиданное для меня путешествие в неведомые страны. Однако животным, должно быть, свойственно быстро привыкать к обстоятельствам. По крайней мере, для меня чувство безотчетного страха и недоумения прошло — я принялась обдумывать свое положение и устраиваться в новом помещении. С прежними предосторожностями я пробралась между беспрерывно переставлявшими ноги коровами в свое прежнее место к яслям и прикорнула в уголке, стараясь не обращать никакого внимания на тряску и дрожание всего этого случайного убежища.

Вскоре я решила даже попробовать вкусных отрубей, для чего пролезла в ясли под сено. Две или три коровьих

морды ворочали надо мной се-
но, стараясь добраться до дна,
но я как-то приспособилась в
углу ящика и начала урывками
выхватывать мягкую, вкусную
труху. Еда еще более успокои-
ла меня, и я понемногу пере-
стала видеть в совершившемся
что-либо необыкновенное. Хо-
тя изредка, я все еще слышала
жалобное:

— У-у-у! Какое му-у-че-
ние...

Но иногда кое-какая из коров мычала и—успокои-
тельное:

— У-у-спокойтесь, соседка...

Среди общего шума слышался хруст перетираемой в
зубах коров пищи.

Поев, я умудрилась заснуть в своем отрубном угол-
ке, а проснувшись, без долгих дум решила покориться
новым условиям жизни.

Через некоторое время после моего пробуждения я
услышала знакомый свист и почувствовала, что наш хлев
поехал тише, а через несколько минут и вовсе остано-
вился. Выглянув в щель неплотно затворенной двери, я за-
метила, что возле нас стояли такие же хлевы, но уже без
коров. Между ними ходили люди. Один согнувшийся че-
ловек ходил и стучал по колесам, наливая в некоторые
из них какой-то жидкости.

Скоро соседние хлевы куда-то поехали, а на их место
подкатывались другие, стуча и гремя по жесткой дороге.

Потом началась вновь бешеная езда нашего хлева,
сменившаяся новой остановкой у таких же хлевов. И так
далее.

Иногда наше жилище проходило мимо или стояло
около каких-то людских построек с широким наружным

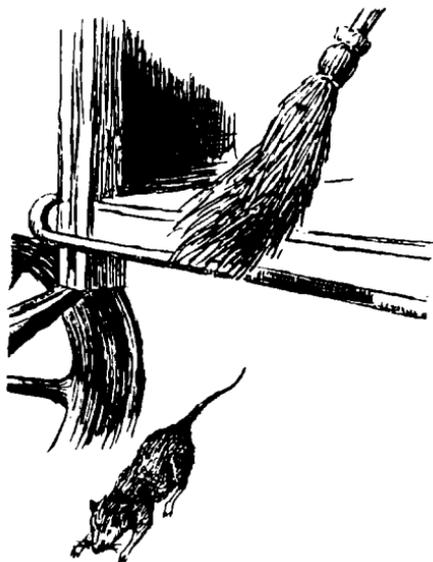
полом, по которому, куда-то торопясь, бегали люди, та-кая всевозможные вещи. Было много интересного, но мало понятного. Где же было понять тогда мне, полудо-машнему, полудикому зверьку, что я попала на поезд же-лезной дороги, кативший меня вместе с моими рогатыми соседками в далекие новые места.

Но и этому путешествию наступил конец.

Через несколько дней на какой-то остановке моих со-седок вывели за рога из хлева по покатоному полу, а самый хлев увезли и поставили в ряду других, тоже пустых хле-вов. Какие-то люди пришли с метлами и начали чистить помещение. Один из них, заметя меня, притаившуюся в углу яслей, с криком кинулся с метлой. Это заставило ме-ня стрелой выскочить на пол, а оттуда на землю. Падая с высокого порога на песок дороги, я слышала дикие крики:

— Лови, держи, бей крысу!..

Мне не было времени рассуждать о разнородности людских отношений к бедным крысам, и я быстро по-мчалась вперед, шныряя между колес самых разнообра-зных хлевов.

Выбежав из этих родов одинаковых построек, я очу-тилась на шумной дороге. Взад и вперед со скрипом ез-дили какие-то особенные черные телеги с сидевшими на них людьми. Сама дорога состояла из круглых поло-женных рядами камней и шла около каменных домов с ок-нами и дверями. Дома были большие, гораздо больше, чем дом моего хозяина, где помещался наш звериный ка-бинет.

Две собаки спокойно бегали по каменной дорожке у домов, обнюхивая углы и столбы.

Но не время было удивляться окружающему: среди этой диковинной для меня обстановки на меня пахнуло страхом неволи и даже смерти. Вспомнив быстрое, я быстро домчалась до ближайшего дома и понеслась вдоль

стены, ища дыры или щели, чтобы скрыться от людских глаз, пока еще не замечавших меня.

Впрочем, я раз услышала голос ребенка:

— Смотри, дядя: крыса! — на что последовал спокойный ответ:

— Что ж такого? Их здесь разве мало?..

И голоса замерли, увозимые одной из черных телег с высоким передом.

Эти слова действовали на меня весьма благотворно, и в моем мозгу пронеслась старая мысль:

— Мир наполнен крысами!

Значит, жить можно.

Ожидаемое спасительное отверстие было найдено. Оно было узенькое с решеткой, вроде окна нашей кладовой. В нем были вставлены стекла, но одно было разбито, и я, мигом проскочив в эту брешь, очутилась в сыром полутемном подвале. Я была спасена — по крайней мере в данный момент.

Подвал, в который я попала, хоть и напоминал видом нашу кладовую, но существенно отличался одним: в нем не было ни одной крысы. Это я узнала в первый же день своего вступления в него потому, что не нашла в нем и признака обточенной или изгрызенной доски.

— Если нет крыс, то нет и ничего съедобного для них, — подумала я и была совершенно права, так как это

помещение оказалось складом железного товара. Я нашла даже связку капканов, совершенно новеньких, а потому, для незнающих или малоопытных крыс, и самых опасных.

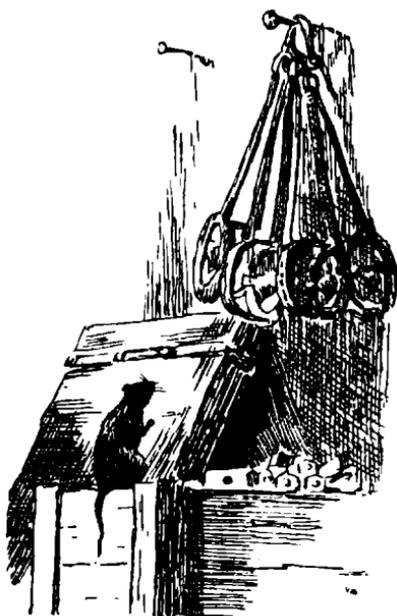
Итак, приютившая меня кладовая могла быть только убежищем для временного отдыха, и в ближайшую ночь, когда снаружи стих шум езды, беготни и говора, я вынуждена была искать лучшего помещения.

Я вышла через то же отверстие, через которое вошла, так как ни в одном углу, ни в двери не нашла ни малейшей щелочки,

а грызть наудачу не хотела: время было дорого, да я к тому же сильно проголодалась.

Ночью местность, куда занесла меня судьба, не показалась мне такой ужасной, как ранее. К людским постройкам я уже издавна привыкла, и здесь я только нашла, что их было очень много. Одного, впрочем, я могла сильно опасаться, это — кошек, но на мое ли счастье, или они здесь мало покидали самые дома, только снаружи я не встретила ни одной.

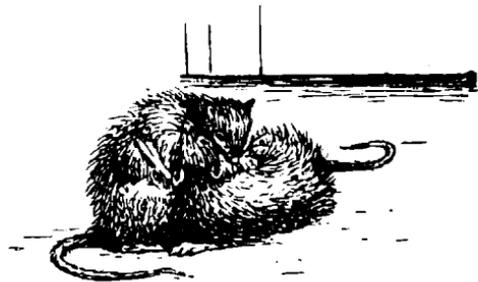
Пробираясь, по обычаю, у стен, я вновь принялась искать подходящую лазейку. Ночные прохожие мало пуга-

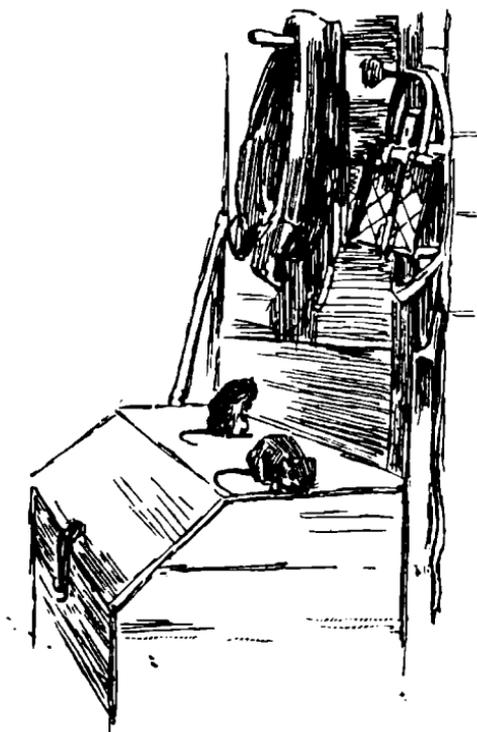

ли меня, так как это были большей частью люди, от которых крысы ночью легко спасаются, просто на время приседая и оставаясь неподвижными. Часто мне приходилось пробегать мимо широких входов на двор, и крысиная привычка влекла меня войти в них, но моя собственная, исключительная сообразительность заставляла меня быть очень осторожной и не позволяла вступать в эти загадочные дворы прежде, чем не уверюсь, что я не встречу там своих врагов — кошек. Я искала несомненных признаков присутствия крыс, о множестве которых я недавно случайно услышала. Конечно, их присутствие могло сопровождаться и присутствием кошек, но, ведь, отсутствие сотоварок говорило в то же время и об отсутствии необходимой для нас пищи, если судить по только что покинутой мной кладовой с железом.

Так брела я по пустынным, широким дорогам, которые в некоторых местах со страхом, но все же с решимостью перебегала. Наконец, я добежала до большого дома с длинным забором, из-за которого виднелись деревья. Это мне напомнило дом и сад моего бывшего хозяина, и на этот раз я решила пробраться внутрь, будучи уверена, что в таком месте найду все, чего искала. От дороги около дома шел длинный скат, кончавшийся берегом огромного озера, блеснувшего серебристой гладью в лучах светившей луны. На озере, оказавшемся впоследствии рекой необычайной ширины и длины, стояло много удивительных своеобразных сооружений с высокими столбами на плоских крышах. Из тех столбов, которые были пониже и пошире, у некоторых шел дымок с мелкими огненными искрами. Около таких домов, которых было много, виднелись фигуры бодрствующих людей.

Я принялась за тщательное выискивание подходяще-

го входа в ограду дома и вскоре, со многими предосторожностями, пробралась на внутренний двор, где действительно и разыскала хорошую и настоящую крысиную лазейку в одну из дворовых построек. Она оказалась конюшней.

Вступив в нее, я почти столкнулась с бежавшей мне навстречу крысой. Это был молодой настоящий мой родственник, т.е. крыса-пасюк. Наша встреча была далеко не дружелюбной. Дорогой родственник встретил меня холодным взглядом, в ко-

тором я прекрасно прочла недоброжелательство.

— Это еще что за пришелец? — говорили его глаза.

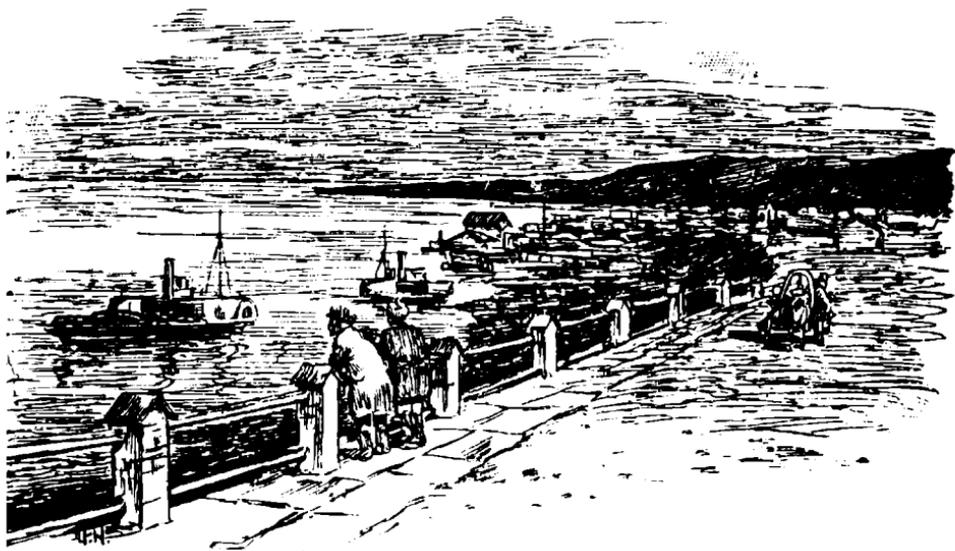
Встав в боевую позу, крыса щелкнула зубами и ринулась на меня с самыми враждебными намерениями, которые были настолько решительны и несомненны, что мне ничего другого не оставалось, как пустить в дело и свои прекрасные зубы.

Противник должен был со стыдом бежать, но это было вовсе не утешительно. От кого же мне было и ждать истинной приязни, как не от представителя своего рода. И вот...

К великому моему горю, дальнейшие встречи мои в этом доме были почти сходны с только что описанной. В лучших случаях я встречала полное равнодушие соотече-

ственниц. Приходилось покориться судьбе и брать необходимое с боя.

В конюшне я нашла все нужное для жизни. В больших ларях насыпан был овес, к которому вели искусные крысиные ходы, в дощатом полу стоял были хорошие щели и тоже крысиные ходы в подполье с сырым, землястым дном.

Жажда знания. — Я изучаю людских захребетников. — Мысли о могуществе человека и о городе. — Странные звуки. — Диковинные звери. — На исследование!

поселилась на новом месте и жила хоть и среди сотоварищей, но все же одиноко.

Я вновь невольно погрузилась в свои старые мысли и снова поставила себе диковинные для крысы задачи моей жизни: изучать всех встречаемых мне животных. Простого удовлетворения жизненных потребностей, свойственного всякому зверю, для меня уже не было достаточно. Такова сила образования!..

Людей в это время я совершенно чуждалась: не доверяла им.

Так началась моя жизнь в городе, как называли люди эти места, уставленные их громадными домами. Дни я проводила в сыром подzemелье конюшни, ночью ела овес и все, что находила съедобного в других местах, когда совершала свои научные прогулки по двору, саду и дому.

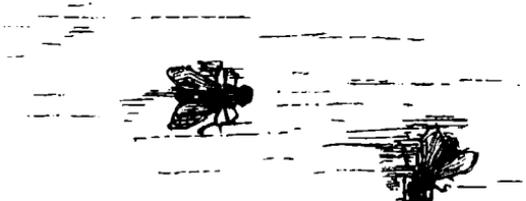
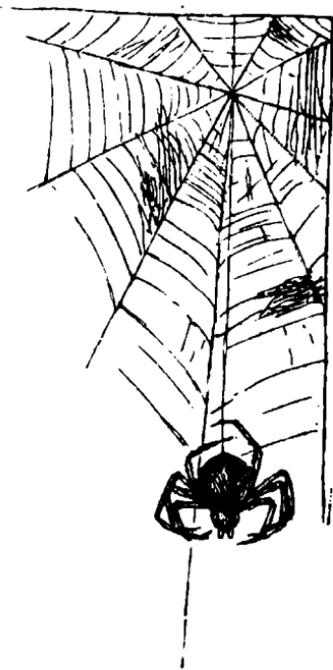
Конечно, я не находила здесь такого разнообразия живых существ, как в лесу и даже степи, но кое-что заинтересовало меня и здесь. Между прочим, я внимательнее отнеслась к жизни таких мелких творений, как пауки, тараканы, мухи и другие крошечные жители человеческого жилья, на которых в былые времена не обращала ни малейшего внимания. Уроки старика-рыболова и случай

с землеройкой оставили во мне глубокий след.

Проникнуть в тайну языка этих крошечных созданий мне не удалось, но все же жизнь их была для меня интересна.

С каким удивлением смотрела я на ловкость и хитрость паука, сплетавшего где-нибудь в углу или поперек окна свою замысловатую сеть. Кто его научил этому искусству, — я разрешить не могла, но, что он был искусником, — то было вне сомнения. Я сама видела, как он справлялся со всякой добычей, попадавшей к нему в тенета. Если он был голоден и добыча была мала, он тотчас же схватывал ее, слегка опутывал нитями и, приняв поудобнее позу, начинал медленно и безостановочно сосать жертву. Если он был сыт, то ограничивался тем, что старательно пеленал в нити добычу и уходил назад в свой сторожевой пункт — в угол или в середину сети. Там он неподвижно сидел, уцепив каждой лапой особую нить. Иногда он цеплялся коготком лапки только за одну паутину; это была сигнальная нить, по дрожанию которой паук догадывался, что в тенета кто-нибудь попался. Если ему в сеть попадала крупная добыча, вроде ос, которые залетали в комнаты из сада, паук поспешно отгрызал паутину с пленницы, и та падала на пол.

Восьминогий же хозяин быстро слегка подправлял испорченное место сети. После нескольких наблюдений я поняла, что паук боялся ос и,

вероятно, имел на то серьезные причины. Удивительное творение, хотя и малое...

В других крошечных жильцах дома и конюшни я уже не встречала такой смышлености. Тараканы, например, по целым дням огромными толпами неподвижно сидели в каком-нибудь, непременно теплом, местечке. Ночью вся компания расползлась и бродила всюду, разыскивая пищу и препотешно шевеля своими усиками. Интересно было смотреть, как все эти ночные бродяги сразу кидались врассыпную, лишь только в помещение, где они хозяйничали, входил со свечой кто-нибудь из людей. Некоторые тараканы от страха валились даже с потолка. Упав, они тотчас же поднимались и спешили прочь: очевидно, ушибы им были совершенно незнакомы.

Следила я и за мухами. Эти — наоборот: днем бесцеремонно хозяйничали, нисколько не стесняясь людей, а ночью спали, держась, подобно тараканам, на теплых местах. Эти крылатые творенья обладали удивительным обонянием и очень скоро узнавали — где лежит что-нибудь сладкое.

Наблюдала я и за другими животными городских построек, но в большинстве случаев это были те же, которых я прекрасно изучила, проживая на окнах в кабинетах моего первого хозяина. Что меня поразило, так это — разнообразие городских домашних животных. У моего деревенского хозяина они были под одну статью. Я помню, лошади, жившие в его конюшнях, были все почти одного роста и фигуры, а здесь я видела всяких: огромных и ма-

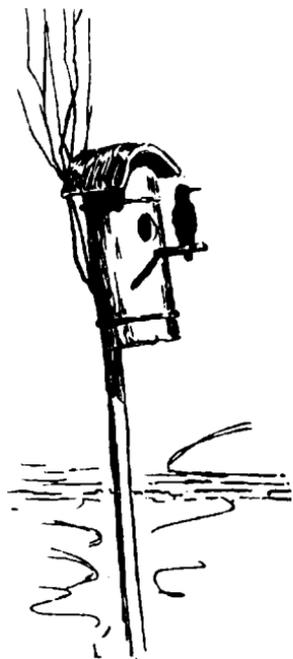
леньких, стройных и коренастых, хвостатых и почти бесхвостых. Особенно большое разнообразие встретила я у собак. Каких только пород не бегало в городе мимо нашего дома: не стоит даже и перечислять... Только наши враги — кошки были все на один лад, отличаясь друг от друга только цветом.

Впрочем, жизнь, мысли и речи этих животных были те же, что и встреченных мною раньше, поэтому они мало нового давали моему уму.

Пожив в городе, я в конце концов додумалась до мыслей, которые, как сумею, постараюсь занести на страницы своих воспоминаний.

Город, это — царство людей, которых в нем больше, чем я могла бы ожидать. Я бы даже сказала больше, чем остальных существ, если бы не видела, что такие зверьки, как крысы и мыши, а в особенности всякая запечная мелкота, несравненно многочисленнее своих двуногих соседей. Однако днем в городе видно все-таки больше всего людей.

Животных, населяющих город, я разделяю на две группы: одну, состоящую из тех, которых человек держит нарочно при себе и иногда даже холит, и другую, состоящую из тех, которых он преследует всякими способами. К первым принадлежат крупные животные: лошади, ослы, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки и кошки, а из птиц: гуси, утки, разные куры или похожие на них птицы — индейки, цесарки, а из других — голуби. Ко вторым — наша братия: крысы, мыши и разная мелочь, вроде разных насекомых, пауков, мокриц и т.д., ютящихся за печками в щелях и мусоре. Впрочем, есть еще и третья группа животных, к которым человек относится безразлично: не пресле-

дует их, но и не покровительствует им. Это — почти исключительно птицы: вороны, галки, воробьи, скворцы, ласточки. Однако впоследствии я выделила из них скворцов и ласточек, как птиц, к которым люди относятся с некоторыми признаками забот, устанавливая подходящие для скворцов домики, а у ласточек не уничтожая гнезд, хотя бы они были вылеплены и не у места.

Я тогда еще слышала, что люди одних покровительствуемых ими и не отлучающихся далеко из дому звали домашними, а непрошенных гостей или самостоятельно живущих — домовыми.

Хищных птиц, летающих над городом, я видела, но это были случаи редкие. Крупных хищных зверей я совсем не видела и понимала, что им здесь не место.

Город оказался интересным обиталищем животных, где среди царства людей могли жить только некоторые животные, имевшие определенные отношения или к самому человеку или к его запасам провианта и пищи, разумеется, сюда я не отношу таких зверей, которых люди держат у себя в кабинетах, как в былое время Бобку, Ворчуна и кроликов.

Все это, вместе взятое, навяло на меня мысли о могуществе человека. И мне, хотя смутно, представилась картина порабощения человеком леса и степи и превращения их в то, что он зовет, как я теперь знаю, “культурной страной”. Появление города я себе представила в таком виде:

Пришел человек, начал преследовать и убивать опасных и вредных животных — волка, лису, змею, ястреба и др., разводить выгодных ему — лошадь, корову, кур и др.

Безвредных животных, вроде ласточки, голубя и др., он не тревожил. Быть может, он то же самое делал и с растениями и камнями, выбирая полезное и удаляя ненужное. Расчистил он лес, настроил своих домов, и вот — на месте леса появился город с его настоящим царством людей. Такая же участь могла постигнуть и степь.

Но, словно в возмездие за погубленное, явилась маленькая поправочка. Природа не позволила человеку торжествовать и блаженствовать безгранично и послала в соседи ему новых вредителей — нас, крыс с нашими родственницами мышами, да разных других непрошенных гостей, вроде тараканов, клопов и пр. А до того времени все мы, вредители, наверное, жили несколько иначе и вовсе и не думали когда-либо об обязательном соседстве с человеком. В этом меня убеждают мои лесные и степные родственники, живущие вдали от людей.

Впрочем, в такой форме рассуждения в полной мере укладываются в моей голове только теперь, когда мысль моя богаче от знаний, приобретенных в путешествиях, тогда же, как я сказала, мне все это представлялось в каком-то тумане.

Одно событие чуть не перевернуло вверх дном все мои представления о городе, как о таком месте, где живут животные, имеющие очень близкое отношение к человеку и преимущественно им покровительствуемые. Уместно рассказать про это, так как оно находится в тесной связи с моим отъездом из города.

Свои экскурсии я совершала преимущественно ночью, редко днем, так как дни в городе — время для крыс опасное. Светлое время я почти всегда проводила в подполье конюшни, реже в другом месте там, где заставало меня утро, опасное для возвращения из отдаленной прогулки.

Один раз я забралась далеко в сад в надежде найти каких-нибудь интересных садовых зверьков. Но я нигде не находила никого, кроме крыс-пасюков и домашних

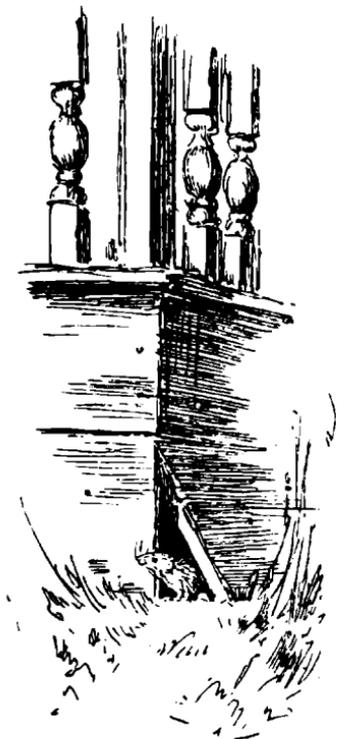
мышей. Это было как раз то время, когда в голове моей смутно сложилось представление о городе, как о царстве людей с упомянутыми мною характерными сожителями. Начинаясь утро застало меня возле садовой беседки, вдали от дома, и я волей-неволей провела день за досчатой обшивкой беседки.

Прослав некоторое время, я была разбужена непонятными для меня криками. Это была не людская речь, хорошо мне знакомая, а целый гул отдаленных голосов, говоривших на всевозможных наречиях, одних — мне хорошо понятных, других — мало знакомых и многих — совсем непонятных. Из своего отдаленного уголка под конюшней я слышала уже раньше этот странный гул, но, во-первых, он смешивался с шумом городского движения, во-вторых, был настолько в отдалении, что я не различала в нем речей. Да, и вообще к странным, новым звукам я уже начала привыкать.

Но на сей раз мое любопытство было возбуждено, так как, благодаря близости, неясные звуки перемешивались с речами, мне понятными. Особенно удивляло и, должна сознаться, пугало меня то, что среди этих звуков я слышала крики кошек, но кошек с громовым, рокочущим голосом. Впрочем, сидя в хорошо защищенном уголке, такие крики слушать можно.

Смешанный гул голосов на разных языках доносил до меня разнообразные крики. Некоторые я теперь припоминаю.

— Есть, есть... — рычал какой-то, очевидно, кошачий голос.

— Эх, теснота, тоска! — мяукала на ином наречии какая-то другая с зычным голосом кошка.

— Отстань! — И без тебя тошно! — шипела одна воображаемая кошка другой.

— Есть, есть! — слышался прежний рыкающий голос.

И вдруг, среди этого кошачьего концерта, вырывались иные звуки, летевшие как будто из другого конца:

— Хорошо, хорошо, но дома лучше, дома лучше!

За ним целый хор таких же голосов начинал кричать:

— Дома лучше, дома лучше!

Я невольно припомнила попку Ворчуна, так как это была почти что его речь.

Издали доносились на языке, похожем на вой Гри-Гри:

— Эх, сте-е-е-пъ, сте-е-е-пъ!.. — а ему кто-то вторил грубее:

— А ле-е-с, ле-е-с!..

Потом вновь раздавался кошачий концерт, перебиваемый речью Ворчуна и самым невообразимым хором чуждых мне звуков.

Разрешить эти недоумения могла только экскурсия, которую я и решила провести в ближайшую ночь, предварительно утолив свой голод, так как, проведя день в засаде, я ужасно проголодалась.

Решившись выследить причины или найти авторов кошачьих концертов и других хоров, с наступившей темнотой я поспешно промчалась по направлению к беседке и оттуда быстро, но осторожно, начала пробираться к местам, откуда слышались странные звуки.

На пути моем оказалась высокая каменная стена. Нечего делать, пришлось терять время — идти в обход.

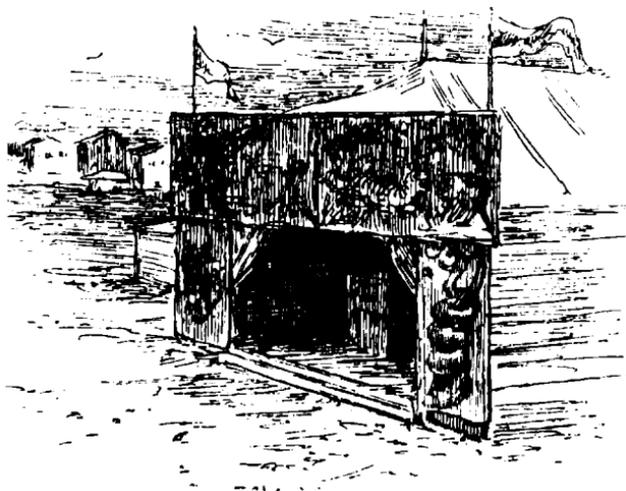
Вскоре я нашла калитку с прекрасной подворотней. Калитка вела прямо на большую площадь, посреди которой стояло какое-то большое деревянное здание, очень длинное и довольно широкое.

Первое, что мне бросилось в глаза, это — изображение диковинных зверей, вроде тех, которые я видела в книге моего бывшего хозяина, когда он показывал ее девочкам. Только эти звери были громадных размеров.

Одна из картин изображала разъяренную громадную полосатую кошку, сидевшую в кустах и огрызавшуюся

на человека с палкой, вроде того, который вывел меня из степи к избушке.

Другая картина изображала огромного, сплошь волосатого человека, державшего в одной руке и в одной ноге по дереву и яростно отбивавшегося

от целой кучи наступавших на него людей с палками.

Лицо этого волосатого человека было очень свирепое и дикое, так что я только по рукам догадалась, что это был человек.

Надеюсь, что мне, до того времени еще мало путешествовавшей, простительно было за человека принять изображение человекоподобной обезьяны.

Стоя у калитки, я недоумевала. Неужели эти изображения издавали слышанные мною звуки? Но недоумение быстро прошло, когда из длинного здания до меня донесся сдержанный шепот, в котором я ясно услышала речь, похожую на курлыкание моего сожителя, попугая Ворчуна.

— Разгадка внутри здания! — сообразила я и двинулась вперед.

Попасть в большое здание не представило для меня никакого затруднения, так как снаружи во многих местах видны были большие щели. Пройдя в одну из них, я очутилась среди вороха всевозможных досок, каких-то обломков, сенных куч и опилок. На меня пахнуло каким-то странным воздухом, в котором мое острое чутье разобрало запах от присутствия разных животных. Это было что-то, немного похожее на запах жилой лисьей норы, но только здесь он был гораздо гуще.

Прокравшись между каких-то ящичков, я вышла на чистую утоптанную дорогу, оказавшуюся полом странного здания. Мрак ночи дал мне решимость выйти на середину этого земляного пола. Присев на задние лапки, я оглянулась кругом, и мне представилось удивительное зрелище.

Вдоль обеих стен тянулись большие деревянные клетки с крепкими железными прутьями, между которыми, потеснившись, могли пройти рядом две крысы. В этих клетках лежали и спали разные звери.

Но, что это были за звери! Таких я еще ни разу не встречала в своих скитаниях по лесу и степи. Здесь были разные огромные кошки: желтые, черные, полосатые, пятнистые, разные собаки: остроносые, серые, горбатые и тоже пятнистые.

Далее виднелись по клеткам разные длинные животные, напоминавшие хорьков, наконец, диковинные звери, имевшие близкое сходство с людьми, только бывшие гораздо меньше ростом и снабженные хвостами.

Но более всего меня поразили три огромных зверя: один — величиной чуть не с трех лошадей, похожий на свинью, имевший на носу большой тупой рог, другой такой же — без рога, но с огромной головой и третий — самый большой и высокий — величина его меня прямо поразила, притом же он имел длинный висячий нос и два блестящих длинных зуба, торчавших изо рта наружу на длину, по крайней мере, детской руки. Зубы эти были словно обрезаны.

Из этих трех зверей только длинноносый был наружи, привязанный толстой цепью за ногу к кольцу в деревянном стойле, оба другие помещались в клетках, очень тесных, настолько, что, мне казалось, они не могли бы в них повернуться.

Более мелкие звери имели клетки с более узкими решетками.

Перед рядом клеток вбиты были колья с перилами, за которыми пол не был так утоптан, как посередине здания. В самом конце здания, а когда я обежала его, то увидела, что и в самом начале, в небольших клетках помещались разные пестрые птицы невиданных мною пород, а на высоких качающихся насестах сидели, покачиваясь, привязанные за ногу, несомненные родственники Ворчуна, только одетые в более яркие и пестрые наряды, чем он.

Какая-то огромная черная кошка, почему-то не спавшая, вытянула шею и взглянула в мою сторону. Я отскочила от помещения этого страшного зверя. Вообще не могу передать полностью впечатления, произведенного на меня зрелищем таких диковинок. Я была ошеломлена, подавлена и даже, сказала бы, переспугана, так что не нашла ничего лучшего, как стремительно умчаться тем же путем в сад и оттуда в свою конюшню.

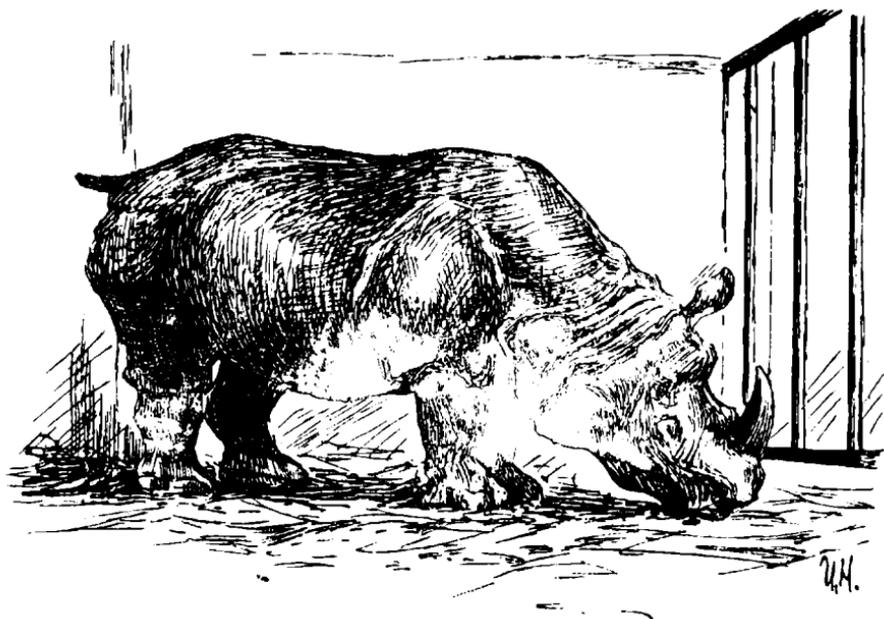
Только уже дома, сидя под полом, по которому топали стоявшие надо мной лошади, я принялась спокойнее обдумывать встречу с новым миром животных, собранных в одном большом деревянном здании.

Значение клеток я, конечно, очень хорошо понимала, но — откуда взялись все эти странные звери — был вопрос, решение которого было не по моим силам. Одно только я вывела сгоряча: все эти звери водятся по-соседству с городом, окрестности которого, таким образом, являются для моих экскурсий весьма опасными.

А, может быть, даже некоторые из виденных мной животных, например кошки, с которыми так дружат люди, живут и в самом городе, но пока еще не были мною встречены. Наконец, человекоподобные существа уже несомненно городского происхождения. Это изменяло, как я уже говорила, весь мой установившийся было взгляд на характерные области местопребываний животных, и, признаюсь, это обстоятельство было мне очень не по душе. Посещение зверинца — назову его теперь по имени — уничтожало всю суть моих выводов. Однако отступать от них я решила не иначе, как после очевидности

их неверности, почему и задумала посетить диковинное собрание зверей еще раз и, если можно, провести в нем и день и ночь, спрятавшись где-либо в уголке.

Я имела в виду узнать что-нибудь из разговора людей и из немого языка животных.

XVIII

Наблюдательный пост. —
Утро в зверинце. — Поучительный
день. — Мои наблюдения. —
Неудобное путешествие. — В путь

ак и раньше, в следующую ночь я пробралась в здание и, пересилив безотчетный страх перед близостью опасных зверей, выбрала местечко: забралась в один из ящиков с пучком соломы на дне, стоявший в проходе между большими клетками. В щелку от выпавшего из доски сучка я могла видеть почти все, что происходило внутри здания.

Расположившись поудобнее, я принялась грызть кусок моркови, который дорогой захватила у клеток с удивительными людьми. Еда всегда меня успокаивала, и я, поев, задремала.

Ожидания мои исполнились, и с появлением утреннего света я действительно могла начать свои наблюдения над зверями. Прямо против моей щелки помещалась клетка с огромным животным, которое напоминало кошку, но имело коровий хвост и удивительно волосатую голову. Я мирно спала, но еще сквозь сон услышала что-то ужасное сопение. Быстро открыв глаза и глянув в щелку, я увидела потягивающуюся огромную тварь. Ее выразительное лицо ясно говорило:

—Эх, жизнь! Каждый день одно и то же... Прошли времена, прошли! Где-то они?..

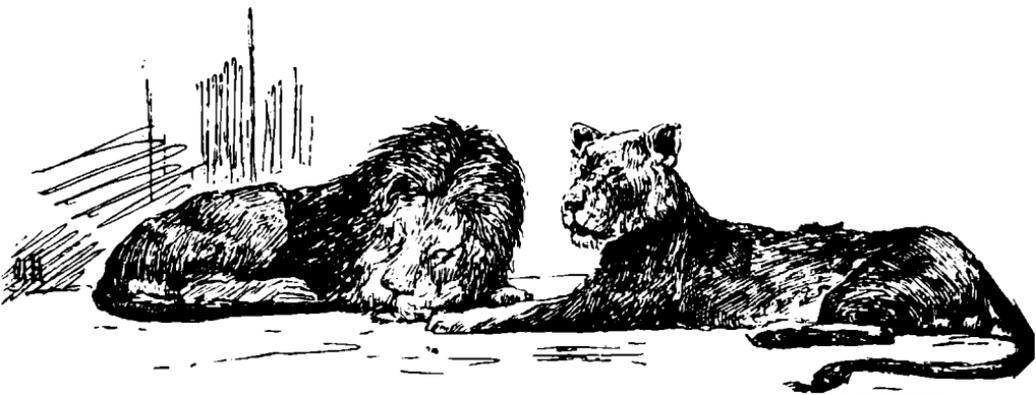
Громадный рот, точно нехотя, позевывал. В той же клетке лежала такая же кошка, но без пучка шерсти на

голове. У нее была одна только маленькая бородка. Разбуженная соседом, она также потягивалась и сладко мяукнула, словно пропела:

— Неважная постель! Кажется, пора вставать.

Она лизнула раза два одну из лап, повернув ее подошвой вверх. Из рта выполз огромный язык, покрытый жесткими бугорками, характерными для кошачей породы.

Соседние звери также начали просыпаться и, видя их морды, я уже была в силах понять хоть сколько-нибудь их думы. Кошки, которых здесь было, очевидно, несколько пород, все почти мяукали о тесноте, о былом каком-то приволье, но скоро, оправившись от сна, переста-

ли жаловаться и принялись за туалет. Неподалеку в одной из таких же, как у кошек, клеток заворочался какой-то крупный мохнатый зверь, показавшийся мне свиньей. Однако я увидела, что ошиблась, когда животное повернуло ко мне морду, похожую больше на собачью, чем на свиную. Встав на все четыре огромные лапы, это большое животное начало медленно раскачивать свое тело, точно желяя размять свои отекавшие члены. Такой же зверь в соседней клетке, вывернув свою морду из мохнатых лап, принялся усердно сосать одну из них.

Другие звери тоже просыпались. Откуда-то я услышала ворчливый, почти собачий голос:

— И это называется жизнь! Встань и ходи, ходи, ходи все по одному и тому же месту. Ха, ха, ха....

Я, действительно, услышала что-то похожее на хохот. Сквозь прутья

клетки, из которой раздался голос, замелькали какие-то черные пятна по грязно-серому телу. Это проснулась горбатая собака. Ей сейчас же ответили таким же ворчаньем и подвываньем соседки-родственницы.

— Вставать, опять вставать, — лаяла одна из них.

— А есть скоро? — пробормстала она же немного спустя, и лякнула зубами.

В других клетках слышался пока только шум, но он был непродолжителен. В помещениях с хвостатыми людьми пробуждение как-то произошло сразу. Неясный шорох разворачивающихся тел и шуршание скидываемой соломы и сена вдруг сменились пронзительными визжами и криками.

Но это была вовсе не человеческая речь, а совершенно незнакомые мне звуки. Я прильнула к щелке и впи- лась глазами в лица тех животных, которые были мне видны.

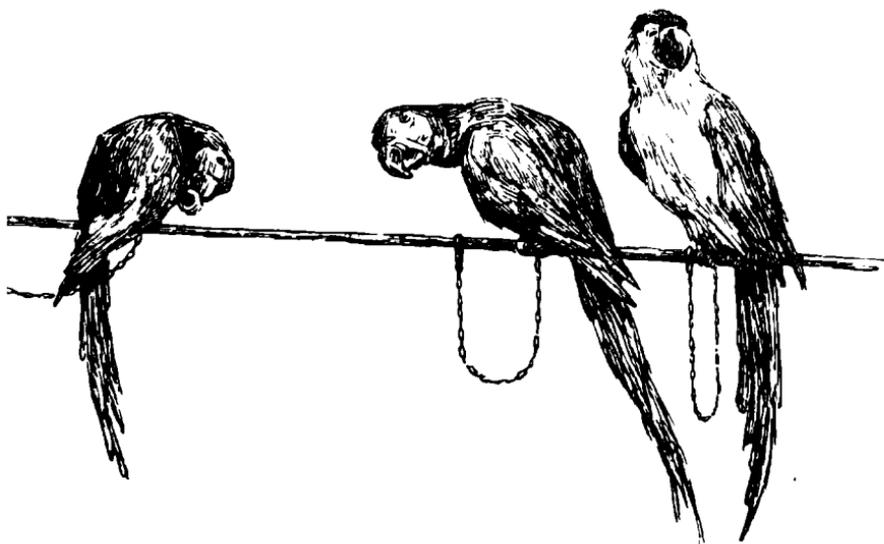
Что это были за лица! Какие-то старые, морщини- стые! И они сидели на молодом живом теле!.. Положи- тельно, это не люди, хотя руки у них удивительно похо- жи на человеческие. Взглянув на ноги, я совсем удиви- лась, так как на месте их увидела те же руки. Что это за четырехрукие существа, обманувшие меня своим видом?

Вскоре все они принялись за разные дела. Одни нача- ли усердно чесаться и разглядывать свои ногти; другие искали чего-то в сене и, как будто невзначай, вытаскива- ли оттуда хвост соседа, который при этом взвизгивал и цокал зубами; третьи, вскочив на какую-то качель, выры- вали ее друг у друга.

Все это сопровож- далось такими гримаса- ми и ужимками, что я пасовала со всеми сво- ими знаниями языка движений. Одно из та- ких существ в другой клетке, с лицом, уже не похожим на челове- ское, а немного напо- минавшим морду Гри- Гри, вдруг залаяло, но все же не собачьим ла- ем; другое, соседнее с ним, раздуло под гор- лом какой-то рыжий шерстистый мешок и огласило здание дики- ми ревущими звуками.

Какая-то маленькая

такая же зверушка, просунув руку в чужую клетку, схватила за хвост соседа и принялась изо всей силы тащить его хвост сквозь прутья. Сосед заорал благим матом и так пронзительно, что маленький родственник его, бросив хвост, умчался на какую-то верхнюю полку клетки, а все пестрое население здания ответило ему смешанным общим гулом голосов.

В клетках и на насестах давно уже возились и кричали птицы. Одна из них полкиным голосом вдруг заорала:

— Меня зовут Ара! — Другие отвечали:

— И меня Ара, и меня Ара!

А кто-то, не поняв, спокойно заметил:

— Конечно, пора, давно пора! — полагая, что речь идет о вставании.

Наконец, появились люди: два человека обходили клетки между прутьями и загородкой и какими-то орудиями выскребали из-под прутьев со дна клеток мокрые опилки и сор. Некоторые звери подпрыгивали и хватали палку зубами и лапами. Тогда один из убравших кричал:

— Ну, что! Чего там! Я тебе!

Другой тоже кричал, по догадке моей, что-то похожее на это же, но он говорил на каком-то ином языке.

Иногда следовало наказание. Человек вытаскивал откуда-то железный прут и больно бил или колот им сквозь прутья клетки какого-нибудь крупного рассерженного зверя. Зверь схватывал прут лапой и злобно фыркал, а иногда и бросался по направлению к человеку. Но все же в конце концов побеждал человек.

Когда один из убиравших клетки подошел к мохнатуму чудищу, сосавшему лапу, он ласково потрепал его по шее, что, видимо, доставило животному большое наслаждение, и сказал:

— С добрым утром, Мишка!

Уже давно я слышала какие-то хрюкающие звуки, сменяемые звонким рожком или трубой. Это был носатый гигант, который почему-то тоже стоял и раскачивал свое грузное тело.

Человека, подошедшего к нему почистить стойло, он встретил чрезвычайно ласково. Захлопал ушами, склонил голову и обвил шею его своим подвижным носом.

— Ну, довольно, Набоб! Довольно, дай убрать у тебя! — сказал человек, и Набоб, действительно, оставил его в покое, принявшись снова раскачивать свое тело. Его соседи, такие же огромные, как он, были молчаливы и, казалось, все еще спали.

День начался. Запертая добровольно в своем ящике, я принялась за усердные наблюдения и кое-что запримети-

ла и запомнила. Одного дня, разумеется, было мало для изучения такого разнообразного собрания животных.

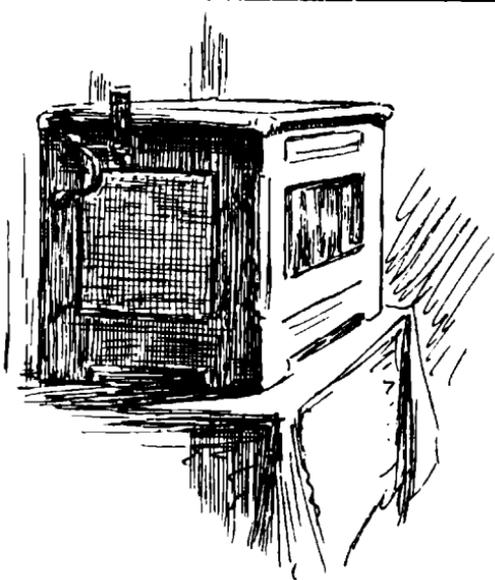
Около полудня где-то у входа заиграла музыка. Я слышала такие же звуки из ящичков, приносимых к нам на двор людьми в широких, круглых шляпах.

Музыка эта неприятно подействовала на многих животных. Начался настоящий концерт воя, рыканья и мяуканья.

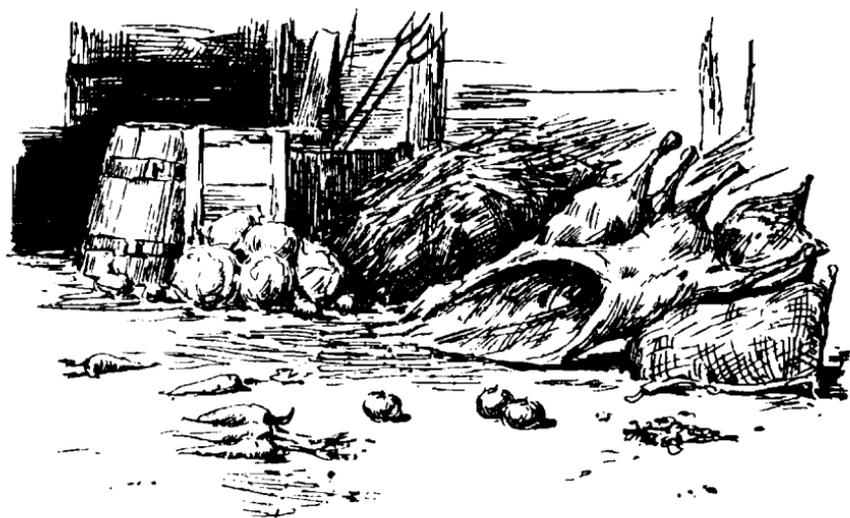
В здание начали входить с улицы люди по одному, парами и целыми кучками, причем я заметила, что больше было детей.

И вот тут начался для меня интереснейший урок, потребовавший всего запаса моего внимания и весь тонкий слух моего уха. Многие приходившие вступали в беседы со своими детьми и объясняли им названия животных и — где какие звери водятся. Точь-в-точь, как один из вечеров моего хозяина с его девочками.

Название животных я узнала почти все. Где они живут, — не узнала, поняла только, что не около города, как я думала, а где-то далеко, в жарких и холодных странах. Привычки их и жизнь поняла настолько, насколько это меня интересовало, и очень обрадовалась, когда, например, среди жертв крупных кошек не были указаны крысы. Сидевший в клетке против моего ящичка зверь, по названию лев, ест, оказывается, сразу чуть не целого теленка, а утащить может даже корову. На такую мелочь, как крыса, конечно, он и внимания не обратит. Но, увы, впоследствии я узнала, что это не совсем верно, и крупные кошки иной раз не гнушаются задавить и пообедать крысой.

Вертявые и морщинистые животные с человеческими руками, как я узнала, называются обезьянами, населяют очень многие страны, причем в одних живут все с простыми хвостами, в других — все с цепкими; питаются они растениями и плодами, большие проказницы, а некоторые очень яростны и сильны. Я вспомнила картину у входа, но нигде не нашла той обезьяны, с которой та картина была срисована.

В общем я получила очень много сведений, которые нужно было получше вместиť в мою крысиную голову. Пребывание в этом помещении со зверями было настолько интересно, что я решила поселиться здесь совсем, ради дальнейших познаний.

В следующую ночь я принялась за собираніе провизанта, которым должна была запастись на случай. В нем недостатка не было. После ухода дневных посетителей на полу и между ящичками валялось много кусков булок и другого хлеба, который люди бросали животным в клетки. Возле клеток обезьян и около попугаев можно было найти закатившиеся куда-нибудь орехи. Тут же валялись огрызки овощей. Но все это было ничто в сравнении с

одним отделением здания, куда привозилась огромная партия провизии для всего зверинца — в минувший день я узнала это название. Посещая упомянутое отделение, я каждый раз ловко утаскивала к себе и сырые косточки с мясом, и овощи, и хлеб. Правда, я ни разу не нашла там любимой моей ветчины, но горевать было не о чем: и мясной, и растительной пищи было более чем достаточно.

Таким образом, я прекрасно устроилась на новом месте, питаюсь, так сказать, и телесной и умственной пищей. Дни шли за днями. Я быстро совершенствовалась в своих способностях и знаниях. Одно было огорчительно для меня: то, что скоро моему примеру последовали и другие крысы, откуда-то набравшиеся в зверинец. Это привело не только к стеснениям со стороны владельца зверинца, принявшего за капканы и отравы, но и к крупным недоразумениям между мной и сотоварками. Я очень решительно отстаивала свой наблюдательный пост от ночных нападений других пасюков. Днем они, конечно, не решались пробираться в мой ящик, боясь людей.

В капканах и от отрав крысы гибли почти ежедневно, и, правду говоря, я тогда мало о том жалела. Пойманные в капкан отдавались обыкновенно горбатой гиене, отравленные же выбрасывались. Сама я почти не подвергалась опасности, так как из разговоров людей знала решительно про все их уловки.

Изучение зверей я довела до такой тщательности, что забиралась в клетки крупных животных и даже кошек. Конечно, я это делала ночью, когда звери спали, и всегда принимала меры на случай бегства. Раз только, проснувшись, какая-то обезьяна схватила и потащила меня за хвост, но я быстро извернулась, укусила ее в палец, и умчалась к себе. Крик обезьяны вызвал переполох среди всех зверей, и этот переполох долго не мог улечься.

Конечно, мои способности и знания помогли мне скоро выучить также языки всех диковинных зверей, и я смело могу заносить их полную речь.

Интересно было следить за этим разнородным собранием, когда наступал час общего обеда зверинца. Звери очень хорошо его знали и задолго уже высказывали нетерпение. Всех спокойнее были медведи, больше всего волновались обезьяны.

Павиан подходил к самой решетке и грозно сотрясал ее, подлаивая:

— Есть давайте, противные люди!

Другие обезьяны мурлыкали что-то под нос и пресмыслительно прижимались к решеткам, чтобы посмотреть, не несут ли еду. Впрочем, если за день было много посетителей, большинство обезьян относились равнодушнее к еде, так как наедались доброхотными подачками булок. Удивительные творения эти обезьяны: — портят больше, чем едят! Возьмет какая-нибудь булку из рук посетителя, сядет поудобнее, состроит гримасу и начнет щипать булку руками и ртом. Щиплет и вы-

плевывает и съест что-нибудь из серединки.

Увидя, что другой обезьяне тоже дают, она бросает свой кусок и кидается перехватить у товарки. Если отнять не удастся, она снова отыскивает прежний кусок, если его только уже не стащили другие, и продолжает прерванную еду, мурлыча себе под нос:

— Это прочь, это в рот, это тоже прочь и это прочь, а это в рот... — и

вдруг сама себя перебивает обращением к соседке:

— Ты что? Смотри!.. Я тебя! — и снова начинает:

— Это прочь, это в рот, это прочь...

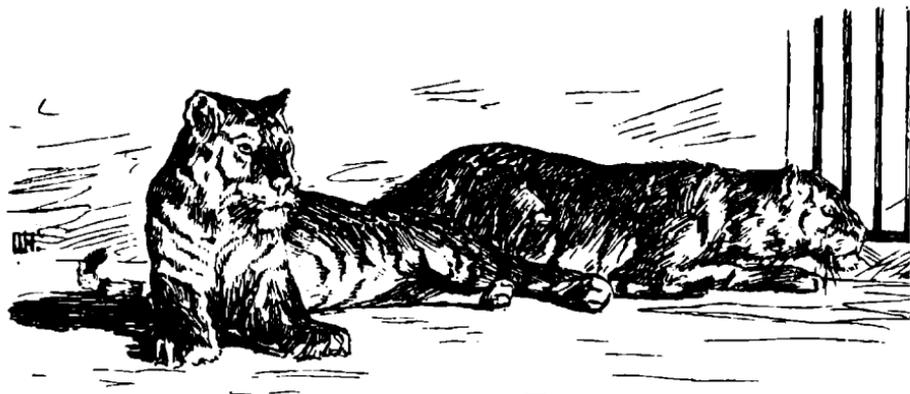
Забавные твари!

Когда выносили мясо для хищных зверей, по зверинцу пробегал какой-то смешанный вой. Мясо было разрублено и раздавалось порциями. Более опасные звери получали свою долю с железных вилок. Кошки в это время особенно волновались.

— Ну, что же? — хрипло мяукал тигр.

— Скорее! — рычал лев и широко размахивал своим коровьим хвостом.

— Ха, ха, ха! — раздавался голос пятнистой гиены, — есть несут. У-у, негодные твари, люди, с каким наслаждени-

ем съела бы я и вас вместе с кожей, костями и волосами.

Оба волка уже выли не "лес" и "стель", а "есть, есть" и притом очень согласно.

Наконец, мясо роздано. Повсюду слышится хрустение и чавканье.

Тигрица унесла свою кость в угол и там гложет ее, аппетитно облизывая мосол своим широким языком. Тигр, не доев своего, подходит к ней.

— Прочь! — фыркает она, и встает на ноги.

Тигр медленно отходит и посматривает на подругу, шевеля кончиком своего хвоста.

Лев и львица едят рядом, не ссорясь, но каждый свое.

Рысь тоже ушла в угол клетки и ест, мурлыча себе под нос:

— Н-да.., чтобы там ни говорили, а лучшее в мире, это вкусный обед и непременно из самой свежей провизии.

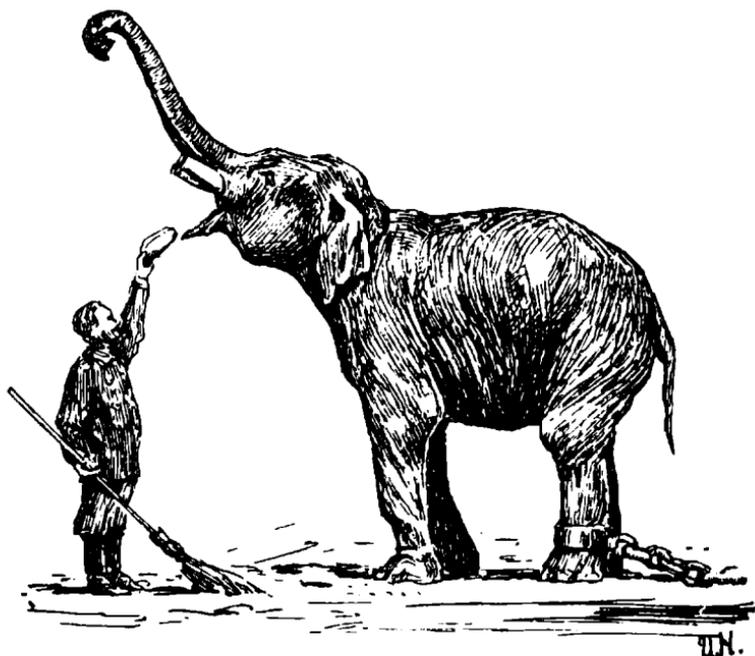
Волки, выказывавшие большое нетерпенье, теперь заняты каждый своей порцией и едят, косясь на соседние клетки, откуда раздается чавканье.

Медведь почему-то не ест, а только оближивает свою порцию мяса.

Слон, бегемот и носорог мясной пицци не получают.

Слон и носорог — большие обжоры. И тот и другой могут есть, когда угодно и сколько угодно. Стоит только посетителю или служителю сделать вид, что он хочет кормить их, они широко разевают свои пасти. В эти пасти посетители швыряют булки, которые быстро исчезают во рту гигантов, и пасти снова отверзаются. Слон, кроме того, берет и своим носом; он делает это удивительно ловко и осторожно. Носорог ест молча, и я почти ничего не могла читать на его толстой мало выразительной морде. Но слон любитель болтать. Он непрерывно трубит:

— Славные люди, прекрасные люди! Ей, ты, рыжая девица! У тебя, я вижу, в руках булка. Давай-ка ее сюда. Так! Спасибо... Эх ты, рохля: и подать не сумеешь! — обращается он к какому-то господину, неловко бросившему ему хлеб.

Набоб опускает хобот и шарит им по полу. Из хобота вырывается его дыхание и сдувает сухие крошки и травинки. Слон нашел кусок и трубит дальше:

— Ну-с! Прошу еще. Ну же! Что же вы?.. Благодарю... Вкусный кусочек! Прошу еще... Ей ты, большеголовый, отламывай скорее! Так!.. Благодарю и т.д. и т.д.

Бегемот болен. Он мало ест. Его огромная морда выражает постоянную грусть. Его еда — капуста и какое-то месиво. Я жалела его, но наблюдала мало.

Птичье население определенного времени для еды не имело. Оно было всегда оживленно, всегда ело, когда было что, и больше интересовалось беседой друг с другом, чем едой. Некоторые бранились, некоторые, особенно какаду, наоборот: нежно щипались клювами, курлыкая:

— Я люблю, вас, дружок!

— А я — не меньше, — отвечает подруга.

— Дураки! — кричит им зеленый ара.

— Не обращай на него внимания! — курлыкает какаду своей подруге.

"Крак!" — раздастся рядом. Это красный ара разгрыз орех.

— Вы что? — обращается к нему зеленый сосед и, не получив ответа, начинает лазить по подвешенному насекомому, цепляясь клювом и ногами.

А издали несется разнообразное ворчанье, среди которого слышится хруст дробимых костей.

Посетители толпятся около клеток и, беседа друг с другом, поучают, сами того не замечая, одно малое существо, жадным глазом прильнувшее к дырке в ящике...

Хотя пребывание среди такого редкого по разнообразию общества и давало ежедневную пищу моему уму, но мне, может быть, в конце концов и наскучила бы такая жизнь. Что я предприняла бы тогда, -- сказать не могу. Судьба, как всегда, сама подумала за меня и послала мне новое событие, имевшее следствием мое новое путешествие.

В один прекрасный день случилось то же, что некогда в доме, где я жила рядом с белкой Бобкой и попугаем Ворчуном: пришли рабочие и начали все таскать и заколачивать. Каждая клетка была тщательно осмотрена и заставлена какими-то деревянными щитами или завешена большими пологами. Появились какие-то дроги на колесах и на них уставлялись эти запакованные клетки, откуда неслись иногда испуганные, иногда сердитые крики. Особенно негодовала гиена, кричавшая по-собачьи, что "она кончит тем, что изгрызет все доски и прутья своей поганой клетки и перекусит горло всем надоевшим ей людям".

К удивлению моему, крупные кошки были тихи. Они безмолвно кидались только по клетке из стороны в сторону и вопросительно глядели на все окружающее. Но особую покорность проявили самые крупные звери. Слон, сначала было заупрямившийся, пошел спокойно за проводником, тихонько трубя в свой хобот, а носорог и бегемот, везомые в своих клетках, не произнесли ни одного звука. Впрочем, гиппопотам — так звали бегемота некоторые посетители, — как я уже сказала, давно был очень болен.

Из разговоров посетителей я узнала, что это животное любит очень воду, из которой вылезает по ночам попасть на берегу. В тесной же клетке оно умирало от сухости, несмотря на частое обливание его тела водой из ведер.

Этот увоз клеток куда-то из длинного здания свидетельствовал, что зверинец уезжает. Удивляюсь, как это я не узнала об этом заранее. Я была слишком занята своими исследованиями.

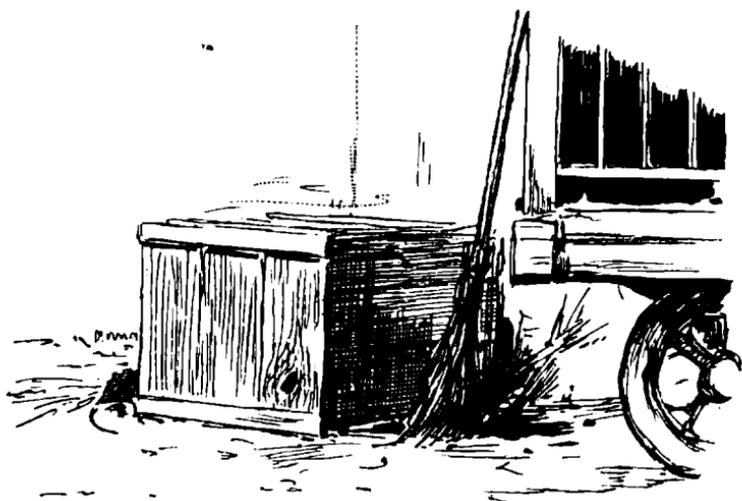
Со мной случилась пренеприятная история, которой я довольна только теперь, когда вижу всю прожитую жизнь целиком.

Ящик, в котором я проводила дни около своих запасов, вдруг кто-то взял и, перевернув, поставил на земляной иол. Я услышала следующий разговор:

— А с этим ящиком что делать? — говорил один рабочий.

— Этот ящик пойдет запасным. Положите в него хоть ту оставшуюся кучу опилок и заколотите.

— Хорошо, — сказал первый голос, и я услышала, как с ящика стали сбивать слабо прибитую у одного края доску, около которой я обыкновенно пролезала.

Что мне оставалось делать? Ждать — что будет и действовать в последнюю минуту? Однако кто-то отвлек моего рабочего в сторону, и он, наполовину отодрав доску, куда-то отвернулся.

Через минуту я услышала снова его голос:

Тащи сюда, сыпь! Тут, кажись, кроме соломы, ничего нет.

И на мою голову вдруг посыпался целый ушат крупных опилок. Это было ужасно неприятно, но я была и тем довольна, что малая охапка оставшейся в ящике соломы спасла меня и мой небольшой провиант от глаз недоброжелателей. Эта же солома выручила меня от полной засыпки, и я право не знаю, как бы я себя чувствовала без нее, прижатая к углу сплошной массой опилок. Впрочем, и так мое помещение было не из завидных, так как не могу сказать, чтобы было удобно быть замурованной в деревянный ящик с опилками.

Вскоре по ящичку застучали молотки, бившие точно по моей собственной голове. Затем ящик заколыхался... я перевернулась вверх ногами, и меня куда-то понесли. Вывернувшись кое-как обратно и приняв, сколь можно, удобную позу, я увидела, что прижата к моему светлому окошечку от выбитого сучка. Приняв во внимание, что я очутилась наверху кучи опилок, когда ящик перевернули и, следовательно, груда их уже не давила меня, а равно и то, что у меня имелось достаточное освещение, — положение свое я уже не сочла безнадежным.

Мой ящик вместе с другими предметами сопровождали люди, которых я видела в свое отверстие, и предпринимать что-либо решительное было пока опасно.

Внезапно стало очень светло. Это ящик вынесли наружу и понесли по улицам города. Вскоре я увидела знакомую уже мне картину широкой реки, ког-

да-то принятой мной за озеро, и стоявших на ней странных человеческих жилищ,

Мой ящик несли к реке к одному из таких жилищ. На нем не было широкого дымящегося столба.

Скажу теперь короче — весь наш зверинец поместили на одну баржу, которую на другой день потащил один пароход.

Мой ящик поставили в числе других таких же ящиков на самую крышу удивительного строения, т.е. на палубу баржи. Некоторые наглухо запертые звери были помещены, как я после узнала, ниже. Одним словом — все находившееся в большом здании площади было размещено здесь также в одном месте, но гораздо теснее, и, если бы не свежесть от близости воды, то все звери-затворники наверное страдали бы от духоты.

Странное чувство испытала я в первые минуты установления моего ящика. Я чувствовала какое-то покачивание. Но это не было дрожание пола, когда я ехала с коровами, не было также и теми колебаниями, которые совершала моя клетка, когда хозяин нес ее из одного здания в другое. Это было что-то особенное,

мало ощутимое, но все же неприятное. Впоследствии я узнала, что это было ощущение качки.

По-видимому, новых случайностей опасаться было нечего. Мой ящик поставили на определенное место. Я принялась обдумывать дальнейший ход моих действий, одновременно закусывая частью из моих собранных запасов, которыми была, в силу случившихся обстоятельств, просто обложена. Кусочка черствой корочки было достаточно, чтобы мои мысли пришли в образцовый порядок.

Бежать из этого помещения — ничего не было легче! Ведь ящик не железный, а зубы мои не картонные! Но был ли смысл бежать из этого ящика теперь, когда мой угол перестал быть особенно тесным: опилки снизу уплотнились, и мое помещение походило уже на уютное гнездышко без выхода. Если устроить из него вход, то этим уголком можно пользоваться, как надежной норой.

Все это мне показалось весьма подходящим, и я решила для исполнения такого плана дожидаться только ночи.

О том, что, откладывая решение, я обрекала себя на новое путешествие, я, конечно, как следует, не догадалась. Я вообразила, что неудобное жилье у воды, это и есть то новое помещение, куда люди сочли нужным увести своих пленных зверей.

Ночью я принялась за дело и, конечно, прекрасно выполнила его, проделав дыру не прямо наружу, а туда, где сходились углы четырех ящиков, как я видела из своего оконца, приставленного почти к соседнему ящику.

Но когда, выйдя из своего заточения, я пробралась из ящиков на свободу, я была удивлена, не найдя знакомой картины берега и стоящего дома с оградой: все наше новое помещенье плыло по середине огромной реки, позади одного из виденных мной пароходов с

черным широким столбом на крыше, испускавшим целый рой сверкавших искр.

Думать о возвращении куда-либо, вроде подполья конюшни, было уже поздно, как всегда, приходилось покориться судьбе. Однако я не испугалась, даже не огорчилась. Любовь к странствованию пускала во мне все более и более глубокие корни.

Это было моим новым невольным путешествием.

Здесь, на палубе этой баржи, занятой зверинцем для переезда в другой город, — я услышала об этом уже в дороге, — я порешила в будущем пользоваться всяким удобным случаем посетить новые страны.

Кто знает, — может быть, таким образом я увижу все области, куда пробрались еще до меня другие паюки, а, может быть, проберусь и туда, куда еще не попадала ни одна крыса.

Вперед, Хруп, вперед! Покоряйся настоящему и надейся на лучшее будущее!

По реке. — Добровольный путешественник. —
 Невольный акробат. — На посудине. —
 Море — Ужасная встреча. — Одна!

то сказать мне про эту дорогу по длинной реке? — Я думала, у нее и конца не будет.

Открывавшиеся передо мной по обеим сторонам баржи виды были для меня очень новы. Это были или красивые луговые или высокие обрывистые берега с красивыми рощами. Наша баржа проезжала мимо различных людских поселений, наминавших то покинутый мною город, то нечто, вроде огромной усадьбы моего хозяина; то в прибрежных кустах или рощах мелькало что-то, похожее на избушку моего старика. По самой реке плыли такие же, как наша, баржи, такие же пароходы и даже еще крупнее, много других плавающих строений, высоких, с избушками на палубах, плывших, словно нехотя, и низких, плоских, почти не высовывавшихся из воды, неуклюжих, несомых, по-видимому, одним только течением.

Наша баржа не раз останавливалась, и я имела случай бежать, хотя бы вплавь, но остановки приходились у людских селений, которые были похожи на уже посещенные мною и мало интересовали меня.

Так мы проехали много городов и других поселков, проехали мимо высоких, закутанных в леса гор, куда я очень бы хотела пробраться, но, как на зло, нигде возле этих гор баржа не останавливалась. Пуститься же вплавь — я не ре-

шалась. За этими лесистыми горами пошли горы пониже и менее обросшие. Далее пошли какие-то сероватые, почти совсем оголенные скалы, от которых веяло безжизненностью и жаром. Наконец, наш путь пошел мимо широкого водного пространства, разбивавшегося на массу мелких рукавов и покрытого лесистыми низкими островами, чащей камыша и осоки у берегов.

Из слов людей я узнала, что мы едем в город Астрахань, где река кончается и начинается какое-то огромное водное пространство, называемое Каспийским морем. Разумеется, я решила в самый город не забираться, а направить свой путь по берегу этого ожидаемого моря. Увидим — так ли все произошло, как я хотела?

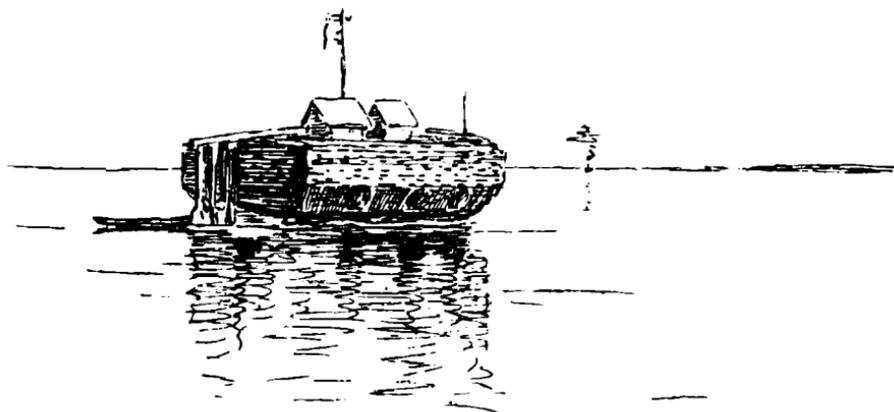
Несмотря на то, что новые знакомые мне звери чуждых стран были взаперти, я нашла возможным продолжать свои наблюдения и изучения, иначе я сбежала бы на любой остановке просто от скуки.

На животных было положительно жалко смотреть. Слон, стоя в своем полутемном помещении, уныло трубил, покачивая своим огромным телом:

— Неужели это называется жизнью? Неужели эта полутьма не рассеется и никогда не наступит свет?

Куда делась его когда-то добродушная веселость!

Носорог все время спал или слезливо смотрел в одну точку, пожевывая свою пищу. Бегемот был настоящим

страдальцем. В его глазах я всегда читала только один вопрос:

— Когда же смерть?

Но в других клетках происходило совершенно иное. Помещение с разного рода собачьими зверями оглашалось неистовым лаем, воем и хохотом.

Гиена гневно и насмешливо хохотала:

— Ха-ха-ха! Это называется жизнь! Лукавая тварь, человек, запер нас в какие-то ящики, а другие такие же лицемеры ходят смотреть и дразнить нас. Ух, как бы я вас всех перекусала!

Волки, лесной и степной, каждый на свой лад завывали:

— Ле-е-с!

— Ст-е-е-п!

Лиса, как-то хихикая, тьякала:

— Все это вздор, простая ловушка. Выберемся, выберемся. Не из таких обстоятельств умели выбираться. Подождем — увидим.

Невысокая коровка с горбом на спине, зебу, мычала, обращаясь к стойлу с мериносами:

— Как себя чувствуете, приятели?

Мериносы же, глупо на нее поглядывая, обращались к ней тоже с вопросом:

— А нет ли у вас, невзначай, чего-либо... того... поесть?

Пума, довольно живая прежде, теперь подолгу просиживала на одном месте в каком-то раздумье, чуть шевеля кончиком своего подвижного хвоста.

Какаду, ара и другие попугаи, попавшие случайно рядом с обезьянами, всю дорогу дразнили друг друга.

— Я Ара, — кричал желто-зеленый ара.

— Дурак! — отвечал какой-то ученый попугай.

— Ара, Ара, Ара! — кричали тогда все ара хором.

— Не стоит разговаривать, — говорил попугай на своем родном языке и начинал усердно чистить свой клюв.

Какаду сидели парочками, нежно перешептывались или принимались с каким-то усердием лазить по клетке, повисая на своих клювах.

У обезьян было то же самое.

— Кто хочет подраться? — кричала одна из мартышек.

— Цыц, слышалось из другой клетки, где сидел павиан.

— Хочешь подраться? — обращалась мартышка через стену к павиану.

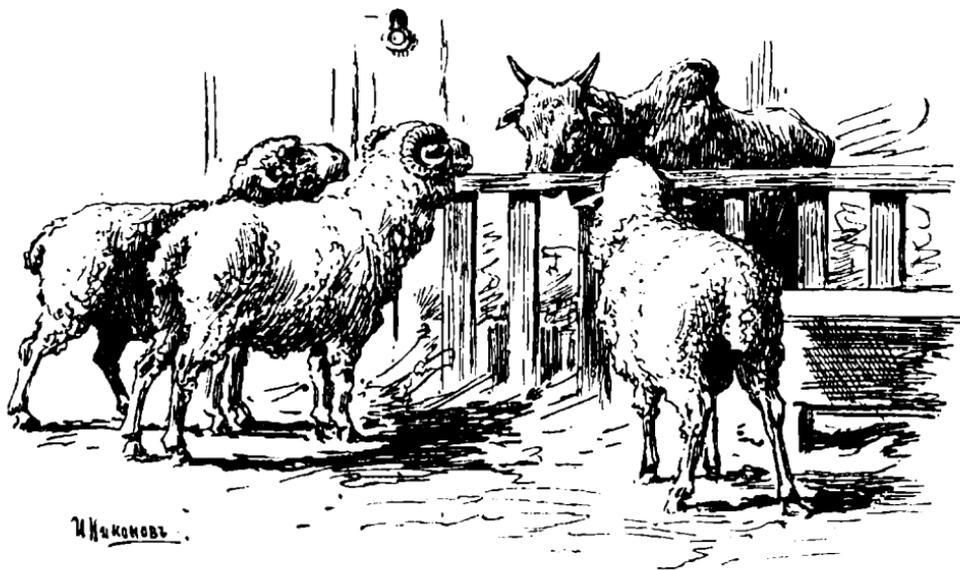
Последний сердился, стучал в стену кулаком, а иногда и тряс свою клетку, вцепившись в нее всеми своими ногами.

Одна из мартышек ловко подхватывала другую за хвост и, гримасничая, тащила на верх клетки. Последняя визжала и отбивалась.

Это была та самая, которая предлагала подраться.

Некоторый мир и спокойствие восстанавливались, когда наступали часы кормления. Тогда по всей барже рев и рыканье становились как-то благодуще и всюду раздавались мурлыканье, чавканье, щелканье зубами и хруст дробимой и разгрызаемой пищи. Однако и

этих однообразных сцен, наблюдаемых мной в щели щитов, а иногда прямо в раскрытые клетки, было по-прежнему достаточно, чтобы мои знания языка движений и звуков быстро пополнялись. Покидая вскоре зверинец, я была уверена, что постигла все языки мира, но моему тщеславию был дан справедливый урок в очень непродолжительном времени. Однако расскажу теперь, как я покинула свой зверинец или, вернее, баржу, на которой мы ехали в новый город.

По поведению и словам сопровождавших нас людей я догадалась, что мы приближамся к нашей последней остановке у города. Клетки и ящики то и дело осматривались, некоторые выносились наверх, другие чаще проветривались, т.е. с них снимали щиты и полога. Мне показалось, что в последний день дороги даже пища была предложена животным обильнее.

Нужно было и мне подумать, как поудобнее улизнуть с этого плавучего жилища.

Наконец, мы прибыли. Но баржу нашу остановили не у самого города, а где-то дальше, у других баржей. Возле них, насколько я могла окинуть взглядом, виднелись только столбы, веревки да висели огромные тряпки. Впрочем, я тогда уже знала, что все это имело свои особые названия: то были мачты, канаты и паруса. Так простояли мы почти целый день, но из разговора я узнала, что рано утром нас подвезут к городу и что остановка эта сделана нарочно, чтобы перевезти клетки и крупных зверей на берег тогда, когда в городе еще будут спать. Это делали для того, чтобы ни наши звери, ни городские жители друг друга не пугались. Мне это показалось странным в особенности по отношению к людям.

Однако дожидаться подвозки к берегу мне не пришлось. Ночью на одной из соседних барж я услышала следующую негромкую беседу, которая хорошо раздавалась в тихом ночном воздухе. Передавая ее, я, конечно, пользуюсь уже, кроме своей памяти, приобретенными мною знаниями разной людской речи.

— А что, паря, коли наш-то на море идет?

— Завтра, чуть свет поутру!

— Тэ-э-к-с! Значит, неча и в город проситься?

— Да и просись — не пустит!

— Ну, а как ты чашешь, дойдем што ли до Петровска?

— Надо полагать, дойдем: путь-то не велик.

— Да посудина-то не больно крепка. Ишь — старая, вся в заплатах!

— Пустое! До Петровска большой крепости не надо.

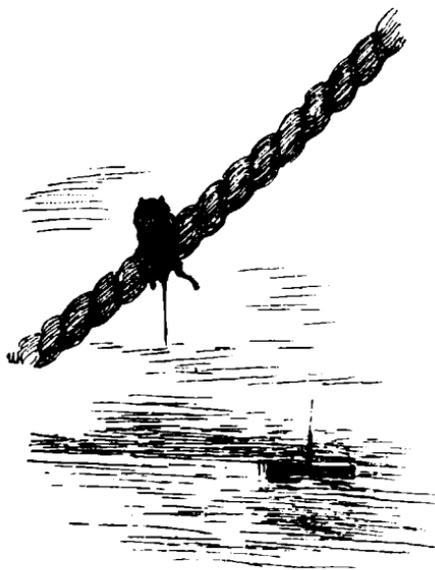
— Ну и ладно, а таперя, значит, спать. Если спозаранку тронемся, то оно хватить два-три часика сну не мешает.

И говоривший сладко зевнул.

Из этой беседы, сохранившейся целиком в моей памяти, я вывела одно главное, что баржа эта, названная почему-то посудинной, рано утром плывет в море, поэтому я тотчас же и составила план своих дальнейших действий.

Посетить какое-то “море” мне захотелось с той еще поры, как я о нем услышала, но бежать берегом моря или ехать с удобством на барже по самому морю — было две вещи разные. А так как, вполне понятно, я не могла не предпочесть удобства всяким возможным превратностям судьбы, то и решила перебраться на ту баржу, откуда слышала голоса. Для этого я, на всякий случай, заприметила ее вид, что было вовсе нетрудно, так как ее мачты и поперечные палки с парусами были как-то особенно налажены. Сначала я думала перебраться на это судно, переходя с борта на борт, но это оказалось невозможным, так как суда стояли друг от друга на расстоянии большем, чем хороший прыжок крысы. Оставалось одно: добираться вплавь. Я думала недолго и принялась выискивать способ спуститься в воду. Но, обжевав кругом всю баржу по борту, я не встретила ничего, что бы могло способствовать моему спуску: ни единой хорошей доски. Я начала уже отчаиваться в возможности исполнения своего намерения, как взгляд мой упал на толстый канат, тянувшийся от нас к пароходу. Канат этот, не будучи натянут, серединой своей окунался в воду. Конец его, лежавший на нашей барже, переваливал за борт неподалеку от носа.

— Рискнуть или не рискнуть? — мелькало в моей голове. Я решила рискнуть.

Выбравшись на борт, я ступила на толстую снасть, охватывая своими цепкими лапками мохристую пеньку. Непривычный для меня спуск начался. Тихонько перебирая своими ногами, я начала сползать к черневшей подо мной воде, помогая себе даже своим упругим хвостом. Дело шло на лад, несмотря на крутизну каната. Только у середины я как-то неловко шагнула и, не рассчитав, сорвалась задними ногами. Однако, уцепившись пе-

редними лапками, я удержалась на месте и только перевернулась, став мордой вверх, хвостом к воде. Но в таком положении спуск для меня оказался уже не трудным, и я мигом добралась до мокрой части каната, а по ней до воды. Через секунду я уже окунулась в холодную влагу и, кинув канат, поплыла по предполагаемому направлению.

Однако то, что легко было различить сверху, трудно и даже невозможно было разобрать снизу, и каждая из стоявших кругом баржей казалась совершенно одинаковой с соседской: все они были черными от ночи и все громадами поднимались из воды вверх к небу. Я даже потеряла представление того пути, который совершила от своей баржи, и теперь плыла в непонятной толпе стоявших судов. Но судьбе было угодно направить меня туда, куда я стремилась.

С одной из барж, как раз с той, нос которой вырисовывался передо мной черным выступом на небе, послышался знакомый уже мне голос:

— Так не утонем, паря, ась? — за которым послышался другой, ответный:

— Да спи ты, косой! Экий навязчивый!

Баржа была найдена, — оставалось на нее взобраться. Я оплыла ее кругом и увидела такой же канат, как тот, которым к нам был привязан пароход, но только этот свешивался в воду совсем круто.

Однако думать было нечего, и я принялась карабкаться. Вспомнив былые уроки и проделки в нашей родной кладовой, я заработала всеми четырьмя лапами и хвостом. Восхождение удалось так же, как и спуск.

Взобравшись на нос, с которого свешивался канат, я увидела две человеческие фигуры, лежавшие в армяках на палубе. Поодаль от них виднелась какая-то дверь, видимо, вход под палубу. Я тихонько соскочила с борта и осторожно начала пробираться к двери. Но вдруг одна из лежавших фигур закричала во все горло:

— Эй, паря! Смотри: крыса!.. Ей же ей, крыса!..

Я, как безумная, метнулась в дверь и уже как-то смутно позади себя расслышала сердитый голос:

— Да спи ты, черт! Крыс что ль не видал?

Я влетела в темное помещенье, пропитанное запахом веревок, дегтя и рыбы, и мигом забилась в теснину между сложенными канатами. Больше мне ничего не было нужно.

Не слыша сверху никакой погони, я обчистилась, вылизалась, прикорнула и задремала самым мирным сном.

Проснувшись я уже тогда, когда наверху шел какой-то шум и топот. Шуршали по борту, судя по звуку, какие-то веревки, звенели, падая на палубу, какие-то железные

цепи, отчего палуба вздрагивала, наверху же, в воздухе, слышалось какое-то хлопанье, точно на мачтах сидели огромные птицы.

Все это меня только радовало, так как я чувяла новое путешествие, — первое, надуманное мной самой.

Разумеется, я не могла оставаться на месте и, пользуясь темнотой помещения — кто-то запер дверь наверху, — отправилась на разведку. Мне важно было найти провизию, чтобы не нуждаться в будущем. Однако, несмотря на дразнивший меня запах, я не скоро добралась до желаемого, так как в помещении, куда попала я, были только следы чьих-то обедов, самой же провизии не было.

Но чутье мое не могло меня обманывать, и я была уверена, что где-нибудь, да помещается большой склад рыбы.

Обежав несколько раз небольшую комнатку вдоль и поперек, вскочив раза два на широкие тянувшиеся по бокам скамьи с какими-то сбившимися, сплюснутыми настилками, очевидно, служившими для спанья, я, наконец, бросила попытки отыскать что-либо в этой комнате и задумала перебраться в соседнее помещение: быть может, запах шел оттуда, через какую-нибудь щель.

Конечно, в этом случае я руководствовалась уже врожденной крысиной привычкой и выбрала местом для устройства хода один из темных углов и притом тот, который, на первый взгляд, казался наиболее годным для грызения. Ляскнув зубами, я начала усердно скрести по-

черневшие доски внутренней обшивки. Зубы мои были в великолепном состоянии, и дело быстро заспорилось. Через час около меня лежал целый ворох мельчайшей щепы, а черный угол забелел от свежепрогрызенной дыры. Несколько расплзшихся в этом месте доски-перегородки — я прогрызла нетолстую перегородку — облегчили мне работу по расширению отверстия, и я, наконец, юркнула в соседнее помещение, где, действительно, в воздухе точно стоял тяжелый и, несомненно, рыбный запах. В этом помещении, очевидно, лежала где-нибудь кадка с соленой или сушеной рыбой. Мой нос, действительно довел меня до желаемой цели: я увидела несколько пучков сушеной мелкой рыбы, но это, видимо, были только остатки, так как весь пол так пахнул рыбой, что я не могла сомневаться в ее частом пребывании на нем в соленом или сушеном виде.

Впрочем, мне было все равно: была ли здесь рыба в огромном изобилии и часто ли, — так как того запаса, который я нашла в большом углу просторной комнаты, было пока вполне достаточно для скромной путешественницы.

Утолив голод, я приступила к необходимым дальнейшим расследованиям.

Под шум и скрип, раздававшийся сверху, я смело скакала по большой комнате-трюму — это название я узнала впоследствии — и на всякий случай решила прогрызть дыру и в противоположной стенке.

Следующее помещение оказалось каким-то складом веревок, сетей, якорей и было для меня приятно тоже тем, что заключало в себе много чудных крысиных уголков. Я тотчас же разыскала среди этого хаоса связку старого растрепавшегося каната и мигом устроила в нем самую удобную постель. Я заслужила право на хороший отдых.

Когда я вторично проснулась на моем судне, то считала себя уже вполне дома. Однако мне что-то нездорови-

лось. Хотя мой желудок прекрасно варил всякую провизию, как бы и чем бы она ни пахла, но на этот раз я решила, что причиной моего нездоровья была рыба, и я немало огорчилась: неужели придется вновь рыскать по судну в поисках другой провизии?

Однако головокружение и одновременно какая-то неловкость в желудке, впервые мною ощущаемые, хоть не сразу, а начали проходить, а вместе с тем я догадалась о причине моего начинавшегося и так быстро исчезавшего нездоровья: судно сильно качалось, точно подвешенное к чему-то за веревку. Это качанье и расстроило было меня, но, повторяю, я понемногу и к нему привыкла и перестала обращать внимание, так как никаких дурных последствий от него больше уже не ожидала. А качало сильно, так что иной раз я должна была крепче цапаться коготками.

Зная теперь расположение комнат, или, вернее, кают, я отправилась обратно в первую комнату, чтобы из нее, если можно, пробраться наружу. Пролезая через первую проделанную мною щель, я уже видела, что дверь наверх была отперта и даже заметила, как в ней мелькнула нога

поднимавшегося по лестнице человека.

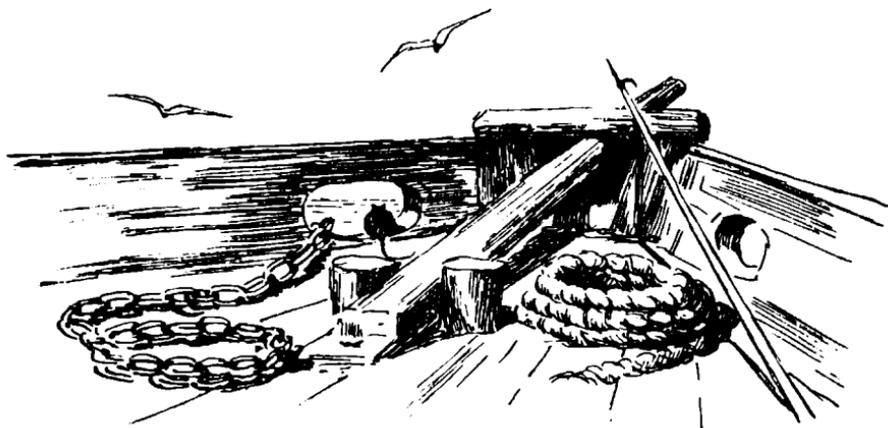
Сама комната была пуста, и я смело запрыгала вверх по той же лестнице, будучи, конечно, на страже, в случае чего — юркнуть обратно вниз. Однако ничего подозрительного не случилось, и я благополучно вылезла на палубу.

Пронесясь стрелой ближе к встречным предметам, я кинулась прежде

всего в кучу сложенных на палубе канатов, откуда выглянула не раньше, как уверилась, что меня никто видеть не может.

Затем я пробралась к какой-то большой дыре в стенке — так звала я борт палубы, через которую сползала к воде тяжелая цепь, а на конце ее большой якорь. О нем я уже знала из своего предыдущего путешествия. Якорь

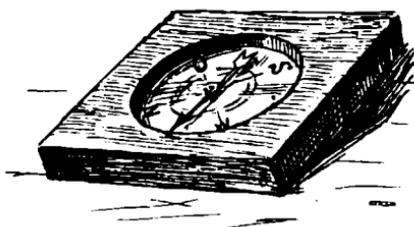
был подтянут канатами к самой стенке снаружи судна. Мое положение было таково, что я видела через дыру всю воду, а, обернувшись, все, что делалось на судне.

Новизна картины меня поразила, и теперь я не могу отказать себе в удовольствии воспроизвести перед своими глазами эту картину, как я ее вспоминаю.

Широкое водное пространство ошеломило меня своей необъятностью, и с застывшей вытянутой мордочкой, едва пошевеливая усиками, я не могла оторваться от необозримого зеленого полога воды, изборожденного белыми кружевами падающих гребней. Чем дальше, тем море становилось как бы ровнее, белые борозды становились тоньше и смешивались с зеленью, а еще дальше, ближе к светлому, голубому небу, вода казалась успокоившейся и постепенно прини-

мала нежно-лиловую окраску. И куда я ни глядела через широкую якорную дыру, везде мой взор видел одну и ту же воду, колыхающуюся и волнующуюся с белым узором вблизи и ровную, с цветными переливами — вдали. Белые узкокрылые птицы, перекликаясь, плавно летели возле судна, то отставая, то перегоняя его. С неба глядело ослепительно желтое солнце, плывшее по чистой голубой дороге среди редких встречных, точно таявших облаков.

— Так вот что такое море! — подумала я, и, сказать по правде, я ему не обрадовалась. что-то страшное для одинокой крысы было в этом подавляющем величии однообразия.

Наше судно, сильно качаясь, представилось мне огромной птицей с многими странными гладкими крыльями,

надувшимися вперед; оно, точно птица, пыталось спорхнуть с воды, но в то же время словно прилипло к ней.

На палубе ходили и сидели люди. Один из них стоял на одном месте и держал в руках длинное бревно, прикрепленное другим концом к задней части судна.

Мне припомнились такие же люди и на пароходах, плывших по реке мимо нашей баржи. У всех у них было одно общее: они не обращали, видимо, никакого внимания на других и больше глядели вперед, куда-то не то на небо, не то на воду.

Иногда я слышала какие-то строгие крики, приказывавшие людям то отвязывать, то привязывать какие-то веревки, которые звали почему-то другими именами. Впрочем, как я заметила, человек, стоявший у бревна, больше обращал внимание не на эти крики, а на какой-то ящик, лежавший перед ним.

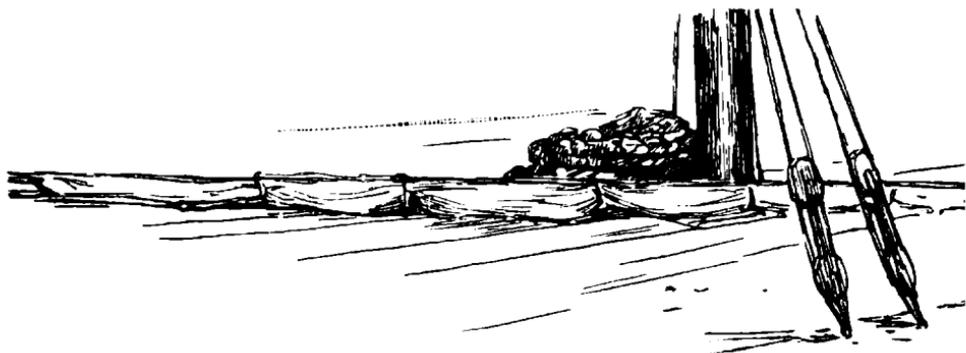
В следующую же ночь, пользуясь темнотой, я неза-

метно успела рассмотреть этот ящик с качающейся в нем стрелкой. Разумеется, ни тогда, ни теперь я устройства этого ящика не поняла, да он меня с этой стороны мало и интересовал. Мне было достаточно того, что я разрешила вопрос: куда это часто глядят люди, стоящие у руля, — так зовут подвижное бревно.

Когда такой человек подвигал руль, крылья паруса начинали слегка волноваться, потом опять надувались, если поправляли веревки от поперечных палок, к которым паруса были привязаны. Палки эти люди иногда звали реями. Самое же судно вдруг начинало поворачиваться, и я чувствовала, как боковая качка менялась на продольную.

Так прошли день и ночь. Наступил второй день. Не много времени прошло, а я уж заскучала и собиралась бранить себя за свою выдумку отправиться в путешест-

вие. Лучше было бы продолжать свою жизнь среди диковинных зверей. Все-таки там было общество, а здесь — кроме опасных для меня людей да белых вялых птиц, летавших возле, я не видела ни одного существа.

В молчаливых взглядах птиц я читала простое любопытство, а речи людей касались предметов, мало мне интересных. Правда, я из этих речей слышала, что мы куда-то придем, но при этом не могла дознаться, будет ли это что-либо вроде людского селения или какое-либо новое море.

Один раз слышала даже разговор про себя:

— А что, паря, куда таперя эта самая крыса задевалась? — спрашивал знакомый голос.

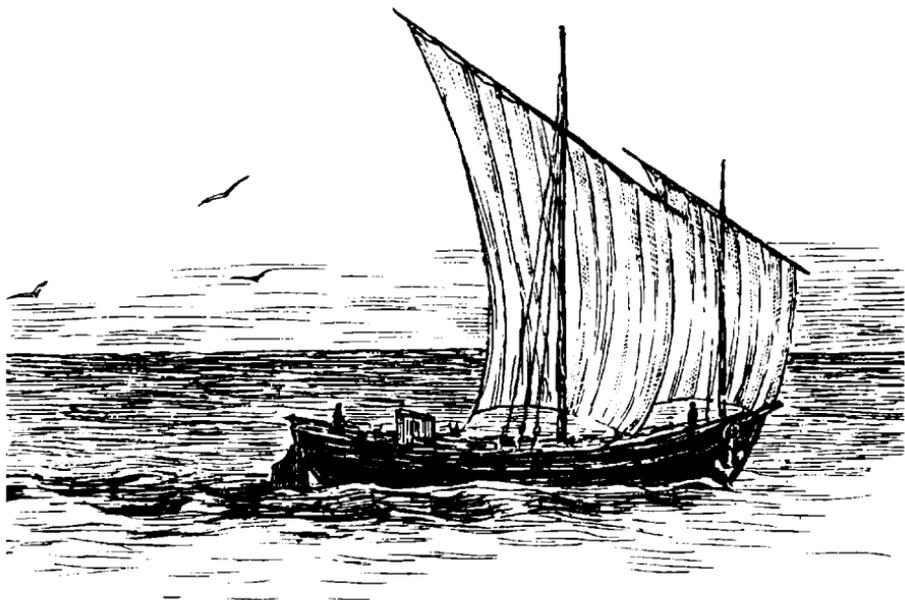
— Знамо, в трюм, куда еще? Одно им место. Ну, да ладно, не больно ей там сладко будет одной-то. Мы, это, недавно с хозяином всех, поди, крыс перетравили. А которые живы остались, чай со страху на берег ушли.

Каким образом эти злые люди перетравили моих со-товарок, за какие их провинности и действительно ли сбежали все с судна, — я не узнала, хотя и пыталась вслушиваться в разговор.

Больше о нас, крысах, на палубе речи не было, а ночью случилось то, что не только исключало всякую возможность расследований в этом направлении, но привело к ужасной по событиям разлуке моей с моими спутниками.

После слов, слышанных наверху, я, конечно, занялась разыскиванием следов присутствия на судне крыс. Я и раньше видела эти следы, но мало обращала на них внимания. Кроме того, после последнего уничтожения крыс владельцем судна, должно быть, многое было зачинено и поправлено, иначе я могла бы пользоваться ходами своих предшественниц. Мои изыскания привели только к открытию, что крысы бродили, действительно, по всему судну и не только наверх и по комнатам трюма, но и куда-то ниже под пол, где слышалось странное бульканье воды. Разыскав один из таких заделанных людьми ходов, я вновь его расчистила и спустилась вниз. Там было темно, как ночью, и страшно сыро. Я могла идти на разведку только уж под руководством своих ушей и носа.

Стены, сначала сухие, ниже становились сырими и имели мягкий, слегка подгнивший наружный слой. Пуская в ход свои когти и хвост, я сползала все ниже и ни-

же, и, наконец, добралась до уровня воды, налитой на самом дне.

Здесь, внизу, не так качало, но вода все-таки то и дело мочила меня, когда я пробиралась вдоль стенок. Вдруг я ощутила что-то мягкое, ударившее меня по всему боку. В страхе я отскочила, но неловко, и получила новый слабый удар. Его было достаточно, чтобы узнать ужасную истину: это был труп моей родственницы, большой крысы-пасюка!

Я еще не встретила ни одной живой сотоварки, а уже так скоро напала на холодный труп. Мне тогда от ужаса и в голову не пришло вдумываться, отчего я не слышала наверху характерного запаха трупа, который, конечно, остановил бы мое путешествие вниз? Я теперь только от людей знаю, что причиной нескорого разложения трупа была соленая морская вода. Тогда же я, полная трепета и ужаса, заметалась, боясь снова натолкнуться на страшную соседку. В страхе я заскочила куда-то в сторону и потеряла след съезженной дороги наверх.

Везде я встречала влажные сырые доски, и всюду меля оплескивало соленой грязной водой, в которой плавала какая-то труха. Выбравшись на авось повыше, я вцепилась в какое-то поперечное бревно и посидела так несколько минут, собирая растерянные от перепугу мысли.

Как только голова моя начала соображать, я мигом решила, что делать. Со мной, ведь, всегда неразлучно чудное оружие — мои зубы, для которых никакое дерево не со-

ставляет преграды. Что значит для меня проделать лишний ход навверх из этого мрачного сырого плавучего кладбища! С этими здравыми мыслями я полезла навверх и, найдя угол между потолком и стенка-

ми днища, начала свою плотничью работу. Трухлявые щепки так и полетели в стороны, отлетая и падая, некоторые — в мутную колыхающуюся воду на дне судна. По ту сторону досок слышался звук словно шуршащей воды, но в пылу работы я не обращала на это внимания. Я была поглощена желаньем скорее выбраться из этого царства мрака и смерти.

Проход уже начал обозначаться. Отсыревшие части были сгрызены, и я врезалась своими резцами в твердые крепкие слои. Я грызла кругом, по крысиному обычаю, кусая и стену, и бок, и потолок.

Разгоряченная трудом, я не заметила, как сухая древесина боковых досок стала вдруг влажнеть, и по-прежнему яростно впивалась в дерево. Кругом меня шел хруст и треск. Но скоро к этому шуму прибавился еще один звук, сначала едва уловимый. Это был звук слабого, едва заметного журчанья. Испробовав только что ванну, я уже не обратила внимания на то, что неожиданно стала мокнуть еще больше. Под зубы мои попался какой-то упорный сучок, который я всячески старалась выгрызть или вытащить. Наконец, усилия мои увенчались успехом, и я, дернув головой, вытащила упрямый кусок дерева. Но в то же самое время кто-то пустил в меня сильную и меткую струю соленой воды, попавшую мне даже в рот. Струя была настолько

неожиданна, а может быть, и сильна, что я отпрянула. Из моего угла полилась потоком вода, и я вынуждена была бежать.

Но это бегство было ужаснее первого. В то время я поняла только одно: о моем существовании узнали люди, и вот теперь я, подобно моим товаркам, попала в одну из их ловушек. Меня, очевидно, решено залить водой! Не так ли погибла и та, чей труп встретился мне в этом трюме?

С силой, приданной отчаянием, я перенеслась через холодную лужу дна и, бросившись в другой угол, начала грызть новый ход. Может быть, я еще успею выбраться. С удесятеренной силой я вгрызлась в доски, не обращая внимания, куда вгрызаюсь. Вскоре и в этот злополучный угол направил человек свою отвратительную трубу с соленой водой, окатив меня ей с ног до головы.

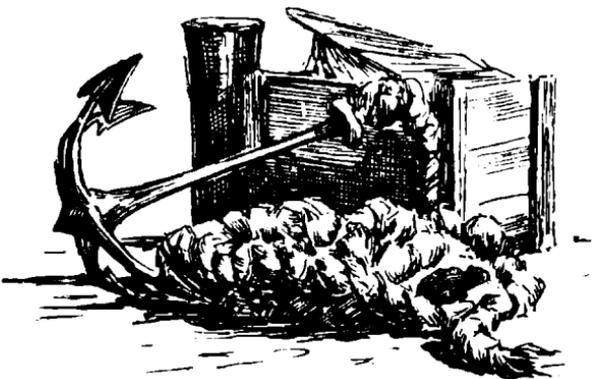
Спасенья не было, и я заметалась. Вода шумно вривалась в два угла и слышно было, как ее напор становился все сильнее и сильнее. Вода подошла к моим ногам и поднималась все выше и выше. Я уже не остерегалась встречи с мертвой товаркой; я бросалась из стороны в сторону, скача и в воду и из воды, плавая, прыгая, волочась и карабкаясь, носилась повсюду, иногда судорожно вгрызаясь в деревянные стенки.

И вот, когда всё было уже против меня, когда я потеряла всякую надежду выбраться наверх, когда я, натолкнувшись еще несколько раз на трупы товаров, принимая, может быть, за новый все один и тот же труп, решила, что больше мне уже не увидеть не только неба, но даже и земли, — я неожиданно была спасена: я наткнулась на старый ход, расчищенный мной для спуска вниз.

Еще мгновение... и я была наверху, промчалась стрелой в свое логовище и там, еще дрожа и не сознавая спасения, трепетная прикорнула в размочаленной пакле каната.

Судно сильно качало, и по звукам наверху я чувство-

вала, что на море свистел ветер, разыгравшийся к ночи. Но что мне было до ветра, что до ночи, когда я, наконец, сидела в своем углу, в тепле, на мягком ложе, неподалеку от запаса пищи, способного сразу вернуть мне мои силы! Я

заснула, даже не почистившись, в той позе, какую приняла, когда прыгнула в свою постель.

Пробуждение было полно новых испытаний. Рядом в комнате трюма слышалось топание шагов людей, смешанное с шлепаньем, словно, по луже. Люди говорили скороговоркой, очень озабоченно и даже с испугом. Я решила не выходить, так как была уверена, что это была все та же погоня за мной.

Однако беготня не прекращалась. Где-то застучал топор. Знакомый голос прокричал:

— Что же таперя делать будем, паря? Неужели помирать?

Другой голос, раздраженно ответил:

— Чего труса празднуешь? Бог даст, и не помрем.

Но и в ответе мне послышался страх.

Возня ни на минуту не переставала, но я не могла понять ее причины.

Слышала я про какие-то гнилые доски, заплаты, даже про крыс, но общего представления о чем-либо не получала, а между тем чувствовалась какая-то новая беда.

Ветер гудел наверху на все лады. По палубе тоже кто-то бегал.

Наконец, мне пришлось выбраться из своего убежища, так как я ясно почувствовала приближение снизу воды. Метнувшись к своему ходу, я нашла его затопленным

и таким образом вторично попала в какое-то замкнутое кругом помещенье, в которое снизу поднималась вода. Но на этот раз я уже не могла обвинить людей в погоне за мной, так как из их слов убеждалась, что они и сами были в какой-то тревоге.

Влезая на канаты, бочонки и еще что-то, я убежала от поднимающейся воды, не чувствуя страха, но вполне недоумевая.

Наконец, в помещение ворвался слабый свет. Наверху кто-то открыл спускную дверь и, быстро вбежав, схватил что-то из груды лежащих предметов. Взяв это, человек так же быстро убежал наверх, оставив люк открытым.

Я мигом выскочила вон и спряталась на палубе среди каких-то ящиков и бочонков. Тут только разобрала я, что с судном творится что-то неладное.

Оно сидело теперь наполовину в воде, было совершенно оголено, так как на месте когда-то расправленных крыльев-парусов виднелись только палки, да веревки, да какие-то прикрученные к палкам

свертки. Все люди судна были наверху и возились над большой лодкой, которую старались спустить сбоку судна на воду.

Раздавались отдельные резкие крики и сдержанный пугливый шепот. Кто-то пробежал мимо меня и решительно захлопнул дверь люка, закрепив ее

Судно качало меньше,

чем раньше, но волны

и ветер были ужас-

ны. Только тут

взглянула я на мо-

ре и была пора-

жена. Горы воды

то и дело шли на

судно и поднима-

ли его на себя, а

оно, тяжелое,

словно осевшее,

кряхтя взбира-

лось на них и вдруг снова оседало куда-то вниз. Небо было все затянуто темными облаками, и только местами виднелись светлые клочки с мерцавшими звездочками.

Ветер глухо шумел среди сети веревок, а высокие мачты, скрипя, качались из стороны в сторону.

Наконец, люди спустили лодку и как-то перекарабкались в нее один за другим. Судно осталось одно. Мое недоумение возрастало.

Большая волна вдруг разом подняла и судно, и лодку, и, когда она прошла, лодка уже отделилась. С ее боков взмахнулись какие-то плоские жерди, и она, словно громадное насекомое, поползла по горам воды, то взбираясь на них, то спускаясь в ямы между ними.

Я осталась единственным обитателем судна, притом запрятавшимся среди ящиков и бочонков. Страх не было

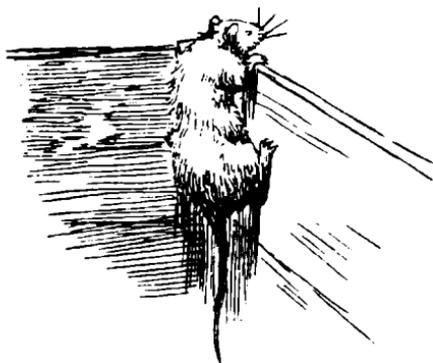
ни капли, удивлением же я была переполнена: отправляясь в путешествие, я его не собиралась совершать в полном одиночестве среди необозримого моря.

Лодка и люди скоро были далеко, и я вышла на палубу, решась провести хоть какие-либо расследования.

Всюду валялись различные предметы, словно нарочно поваленные. Тут и там виднелись следы рубки топором. Особенно много было перерубленных канатов. Все ходы вниз были заперты и даже заколочены.

Палуба, сырая от налетавших с волн брызг, слабо покачивалась, и я спокойно обегала все ее углы. Наконец, мне это осматривание надоело, и я залезла от холода и ветра в какой-то ящик, связанный с бочонком, один из тех, которые люди спускали в лодку перед оставлением судна. Однако спать я не могла, так как кругом был шум, треск и вой.

Вдруг я почувствовала, что мой ящик куда-то подняло очень высоко. Я выглянула в щель доски и ясно увидела, как вся половина судна, как раз та, где был люк, ушла в воду, а тот конец палубы, где лежал среди других и мой ящик, подняло выше. Я почувствовала, как мое помещение поползло вместе с судном куда-то вниз, к воде, но никакое соображение не приходило мне в голову, и я медлила что-либо предпринимать. Наконец, совершилось нечто, что я объяснить себе никак не могла. Что-то сразу потянуло

вниз и судно, и ящик, и меня. Ящик перекувыркнулся, и я полетела в один из его углов; откуда-то ворвалась вода и подхватила его на себя; кто-то вновь рванул его, обмакнул в соленую воду и вдруг, с силой бросив, завертел с бешеной, головокружительной быстротой.

Я вцепилась всеми четырьмя лапами в шерша-

вые, занозистые доски и, потеряв всякое сознание, не то повисла, не то прилипла в углу ящика. Помню, что он ушел куда-то глубоко в холодную черную воду; потом его оттуда кто-то вышвырнул, и он, наполненный на две трети водой, закачался на высоких волнах моря. Вода оторвала меня от угла, и я, как труп, плавала в затопленном ящике. В таком непривычном положении я пришла в себя.

Первым долгом я, конечно, снова вцепилась в ящик и, погруженная наполовину в воду, то и дело окачиваемая, старалась, хоть сколько-нибудь, собраться с мыслями.

Как только глаза мои приобрели способность видеть, я заметила, что ящик был не один. Он был как-то странно привязан к бочонку, плывшему тут же, а рядом плыл другой ящик, разломанный. Он был тоже привязан к тому же бочонку. Одним словом — понять нельзя было ничего. Я потом делала кой-какие предположения насчет того, что все это проделали люди нарочно, для какой-то цели перед оставлением судна, но зачем — сообразить не могла. Мысль же о крушении судна, конечно, не могла прийти в голову крысе, не имевшей о таких событиях никакого понятия.

Кругом была одна вода, бурная, колыхавшаяся вода. Судно и палуба, на которой стоял мой ящик, исчезли самым непонятным образом. Я могла догадываться, сколько угодно, что судно ушло в воду, но как и почему — все это было неразрешимо.

Конечно, если бы я ожидала чего-либо подобного, то постаралась бы прислушаться к речам людей судна, но разве кто-нибудь может предвидеть, что с ним будет даже в очень непродолжительном времени?

Оставляя в стороне всякие рассуждения, я должна просто сказать, что рассвет застал меня на волнах успокаивающегося моря сидевшей или, вернее, только уцепившейся за край ящика, так как хвост и задние ноги мои то и дело полоскались в воде внутри ящика. Мой ящик и

его разбитый сосед болтались оба около небольшого бочонка, к которому были привязаны.

Смею вас уверить, что это мое первое морское путешествие я более уже не осмеливаюсь назвать добровольным.

Среди безбрежного моря. — Миролюбивые тюлени. —
 Берег. — Тягостный путь. — Спасение. — Мальчики.
 — Опять дорога. — Три спутника

атрудняюсь представить, как разнообразны были способы путешествий моих предшественниц, выселившихся из Азии и распространившихся после завоевания Европой по всему свету; но не хочется перить, чтобы какая-либо крыса до меня совершала такое странное путешествие, каким было мое плавание по водам Каспийского моря.

Если бы на другой день в яркую солнечную погоду кто-нибудь заглянул в эти места, он увидел бы следующую картину. Успокаивающееся море давало одни только ровные гладкие зеленые волны без белых гребней. Волны эти, качаясь, уходили далеко в лиловую и голубую даль. Небо без единого облачка с одним только солнцем разостлалось так далеко, как только видно было море. И посередине этого зеленого перекатывающегося полога, взбегая на волны и опускаясь в ложбины, но в то же время едва-едва подвигаясь вперед, плывет бочонок с двумя ящиками по бокам. На одном из ящиков, на выдавшихся из воды досках сидит единственное живое существо для всей широкой и далекой окружности. Это живое существо был ваш покорнейший слуга, ученая и образованная крыса, Хруп-путешественник.

Не думайте, чтобы существо это имело удрученный вид. Если бы вы подольше посмотрели невидимкой на эту картину, вы, наверное, увидели бы почтенного Хрупа

Это был ваш покорнейший слуга...

не только умывающимся и приглаживающимся, но даже аппетитно кушающим что-то из своего дорожного запаса. Очевидно, перед вами настоящий путешественник, знающий, что он делает и куда он едет.

Все это чистейшая правда, кроме последней фразы. Да! Не прошло суток, как я была уже покойна и покорна своей судьбе, так как начинала понемногу проникаться здравым рассуждением: “во всяком, даже скверном, деле нужно уметь устраиваться с возможным благополучием”. Не знаю говорил ли кто так из мудрых людей, но пусть это будет историческим суждением крысы Хрупа.

Ящик, в котором мне так не повезло, а, пожалуй вернее, что повезло, я покинула и перебралась было на бочонок. Но он оказался чрезвычайно неустойчивым, и я тотчас же перебралась, правда осторожно, на другой ящик. У него по крайней мере была цела крышка и он был сносным плотом, у моего же крышки или вовсе не было или ее сорвало, и он представлял из себя просто огороженный бассейн морской воды. Разумеется, я скоро проголодалась, и солнце застало меня сначала в самом удрученном виде, главным образом вследствие этого голода.

Однако, когда теплые лучи солнца не только умили ветер, успокоили разбушевавшееся было море, но и просушили мне шкурку от хвоста до носа, первое, что учуял мой, так сказать, протрезвившийся от удручений нос, это — знакомый запах рыбы.

Надеюсь, что вместе со мной, уже старой крысой, выдавшей виды, ты, благосклонный читатель, не заподозришь морскую рыбу в особом запахе, если она находится не в лавке, а свободно плавает в своей стихии, но в то время я склонна была думать и это, почему начала серьезно внюхиваться кругом в воздух, подозрительно, но с вождением поглядывая на воду.

Однако вода была чиста, и в ней не только не показывалась ни копченая, ни сушеная, ни соленая рыба, но

даже не было видно и живой. Следовательно, нужно было искать причины запаха где-нибудь ближе, а не в самом море. Это, впрочем, было неверно, так как приятно щекотавший и раздражавший мой нос запах шел из моря, но только из той его части, которая была замкнута в ящике, на выступающей из воды крышке которого я сидела. Короче... в ящике, хотя и разбитом, что-то было, и это что-то было съедобное.

К счастью для меня во время моего крушения я не потеряла своих зубов, и они мне оченьгодились. Я живо прогрызла пошире одну из щелей и, засунув морду в соленую воду, вытаскала ни больше ни меньше, как хвост одной из сушеных рыб, лежавших в ящике целой связкой. Я, вероятно, очень походила в это время на неловкого рыболова, так как, несмотря на свои ухищрения, никак ни могла протащить целую рыбу на свой плот и только прыгала на одном месте, не давая рыбе упасть опять вниз. Делать было нечего. Уцепившись за рыбу передними лапками около заднего плавника, я с аппетитом принялась выгрызать ее сухое мясо. А через полчаса я уже сидела с некоторым равнодушным видом перед остатками сухих косточек, разбросанных по плоту. Вот уж правду сказал кто-то из людей: “Много ли животному надобно? Поело и благодушно”!

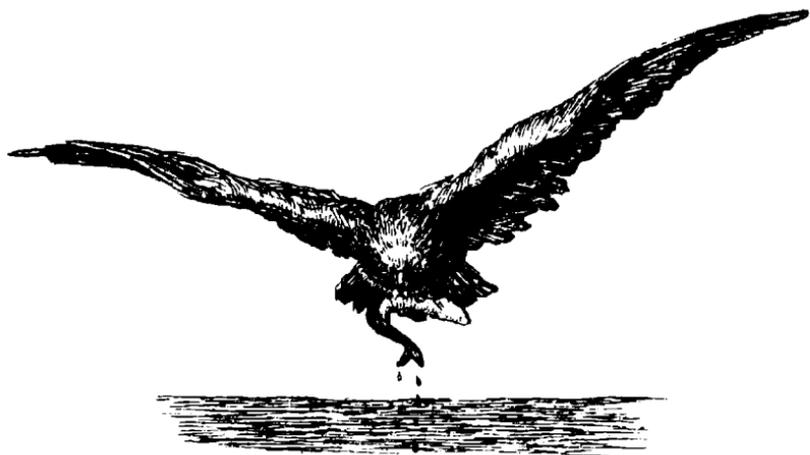
Итак — я вновь сыта, имею нечто вроде помещенья для жизни, бочонок и два ящика для прогулок и целое море для свободного обозревания.

Но что можно обозревать в море? Белые птицы, чайки, и те почему-то не летали возле меня, ну, а других я и сама бы не желала: неравно накликаешь что-нибудь, вроде совы, луны или даже ястреба! Я тогда не знала, что эти птицы жизнью своей связаны с землей. Однако, как теперь знаю, существуют и морские пернатые хищники, например, альбатросы и орлы, которые одинаково не побрезгуют ни рыбкой, ни, пожалуй, крысой, если, конечно, они попадут им на глаза.

Однако мое одиночество было прервано неожиданным и даже неприятным образом. В тот момент, когда я, вполне покорясь судьбе, спокойно и невозмутимо сидела на своем плоту, слегка приглаживая свои усики и мордочку, из волн моря у самого моего ящика вдруг высунулась огромная голова какого-то зверя и сверх всякого для меня ожидания — четвероногого. Голова эта была величиной с голову собаки, но видом своим была чем-то средним между кошкой и собакой, а глаза ее я даже назвала бы прямо человеческими. Посмотрев на меня с удивлением, животное проплыло немного около ящика и, прищуриль глаза, вновь погрузилось в воду. Через минуту или даже меньше оно вновь вынырнуло, но уже по другую сторону ящика и опять кинуло на меня такой же полуудивленный взгляд. У меня захолонуло в сердце, так как я почему-то решила, что это была выдра. Мне даже показалось, что было что-то общее в фигуре, действиях этого зверя и виденной когда-то мной выдры. Только лицо этого животного было гораздо благодуще и голова была совершенно лишена ушей.

Но делать было нечего: никакой покрывки, норы или какого-либо другого надежного убежища поблизости не было, и я вынуждена была ограничиваться одним неподвижным сиденьем. Однако нырявшее и вновь появлявшееся существо, видимо, не думало ни о каком нападении, хотя упорно носилось возле моего странного плота. Иногда оно уплывало подальше и тогда, словно, принималось играть, ложась по длине всего тела на воду. Когда после этого оно уходило вновь под воду, я видела его странный задний конец тела. Хвоста как будто совсем не было и обе задние ноги, сложен-

ные друг с другом, являлись чем-то похожим и заменяющим рыбий хвост.

Ничего подобного я в зверинце не видела, и тут пришлось сразу разочароваться в совершенстве моего знания языка животных. Этот случай ясно показал мне, насколько я заблуждалась и была тщеславна. С этого времени я перестала мнить о себе много и уже больше не гордилась своими знаниями: я поняла неисчерпаемость богатств и разнообразие природы.

Однако упрямец не уходил далеко от моего плота и держал меня в понятном страхе. Только к вечеру он куда-то исчез и так же внезапно, как по-

явился. При этом я только успела заметить, как он высоко выбросил из воды какую-то серебристую живую рыбку и, в мгновение ока проглотив ее, ушел в потемневшую влагу. Больше он не показывался. Разумеется, теперь я знаю, что это был безобиднейший рыболов — каспийский тюлень.

Ночь я провела тревожно. Я давно уже перестала считать ее покровительницей крыс. Поднялся легкий ветерок и погнал мой плот куда-то в неведомую даль. Я и спала и не спала. Было очень холодно; иногда, ударившись о бочонок, волны обдавали меня брызгами, и от ветра и влаги по мне пробегал мороз. Несмотря на ветер, волны все же уменьшались и море становилось все спокойнее. Оно тоже словно готовилось ко сну в эту темную ночь, опустившуюся над утихавшей гладью и глядевшую сверху тысячами мигающих глазков.

Тихо кругом... Ни единого крика, ни единого звука, кроме слабого, едва уловимого журчания воды о края ящичков да нежного щекотанья моей шерстки ветром, дувшем все в одну и ту же сторону. Я задремала крепче только с появлением зари, да и то — ежась и вздрагивая от утреннего холода.

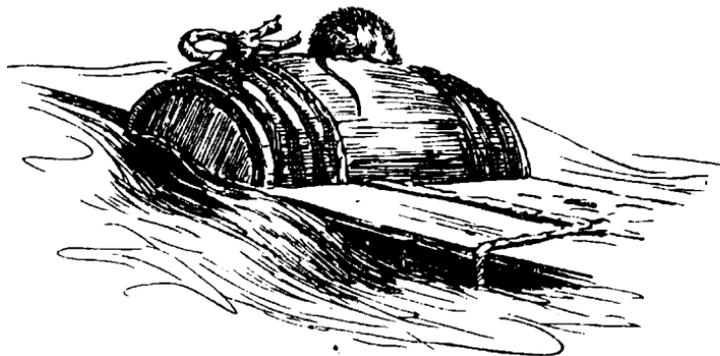
На другой день та же картина безбрежного моря, синего неба и полной безжизненности кругом. В то время я не была так сведуща, чтобы знать, что жизнь этой обширной стихии кипит и бурлит не на поверхности, а под ней, внизу на глубинах, где рождаются, живут, чувствуют и множатся тысячи и миллионы разных существ, начиная от всевозможных рыб и кончая незримым миром микроскопических животных. В жизни мне пришлось познакомиться и с ними, но об этом еще в далеком будущем.

Опять мой обед сушеной рыбой, снова палящее солнце, умываемое только прохла-

дой близкой воды, бесцельная прогулка на бочонок и по ящикам и вновь темнеющий вечер с приближающимися ночными страхами. И так еще день и ночь, и еще, и еще...

Соль, которой была пропитана рыба, вызвала во мне сильнейшую жажду, которую я попыталась было утолить морской водой. Ух, что это была за гадость! Я тотчас же бросила пить ее и с ужасом подумала о возможно-

сти умереть от жажды среди этого моря влаги. После морской воды, взятой в рот, жажда моя только увеличилась. Что было делать?

Вдруг бочонок, покачнувшийся от набежавшей воды, издал звук, точно внутри его была налита какая-то жидкость. Я насторожилась. Вторая волна вызвала такой же звук. Сомнения не было: в бочонке что-то налито.

Я вскочила на него и начала искать, нет ли отверстия. Такого не оказалось, но в одном месте из бочонка торчала плотно забитая пробка. Изловчившись, я принялась выгрызать ее, что и сделала с полным успехом. Вынув или, вернее, выгрызая ее, я увидела, что в бочонке действительно было что-то налито и это что-то ничем не пахло. Неужели судьба мне благоприятна и люди, вместо других напитков, налили этот бочонок простой водой? Да, это было так, и через некоторое время я добралась-

таки языком до воды и напилась ею досыта. И так, водой я тоже была обеспечена...

Почему люди запасли в бочонок этой обыкновенной жидкости, я в то время не думала: не до того было.

Я умудрилась так управляться с рыбой, что верхняя в связке, вытащенная немного на плот, держала остальные, пока я ее не подъедала. Тогда я вытягивала другую рыбу и вновь вытаскивала ее частями. Грустное было все-таки путешествие.

В одном из ярких солнечных дней возле меня появилось снова, но на этот раз целое стадо странных животных. Назову их уже прямо — тюленями. Они резвились, перекликались друг с другом, ловили рыбу и с любопытством посматривали на мою, наверно, диковинную им фигурку.

Я, успокоенная их миролюбивым отношением, принялась было за изучение их языка, но мало успела в этом, наметив только кое-что.

Так, мне казалось, что, глядя на меня, они, словно, говорили:

— Н-да, фигурка! Откуда, куда и зачем?

Ловя рыбу, они, видимо, приговаривали:

— Раз, два, три..., — и каждый раз ловили по штукс.

Гонясь за рыбой, они очевидно, беседовали между собой о том, как весело заниматься подобной охотой. Вот и все мои исследования. Но среди этого морского однообразия довольно и таких.

Однако и этому, казавшемуся нескончаемым, путешествию настал конец. На мое счастье, море больше не волновалось, ветер гнал мой плот все вперед и вперед, притом почти все время в ту сторону, где восходило солнце.

Не помню, сколько времени я пробыла в дороге, но, наконец, вдали показалась желтая полоска, которая, хотя медленно, все же становилась шире и шире. Можете себе представить мое нетерпенье, когда мой плот, гони-

мый слабым ветром, подходил к берегу (это был он) ни больше, ни меньше, как два дня и две ночи. Плот подогнало к берегу днем. У меня хватило терпения не слезать с плота, пока ящики не стали на мель: я все надеялась, что они подплывут к самой земле.

Покинув свой чудный и оригинальный корабль, я бросилась в воду и тотчас же выплыла к плоскому песчаному берегу.

Итак, я на твердой земле, на той самой, где крыса, если не поленится, всегда сумеет или отыскать, или сделать себе надежное убежище. Так я, по крайней мере, думала.

Место, куда я пристала, представляло широкий песчаный залив с слабыми признаками растительности. Но этого нельзя было сказать про животный мир. По берегу бегали разные птички и птицы. Невдалеке расхаживали какие-то грузные толстые фигуры с удивительными длинными и широкими носами. У берега и на берегу там и сям валялись ракушки, под которыми иной раз что-то копошилось.

Я побежала искать прикрытия, но, кроме кустика, присыпанного кучкой песку, ничего не нашла подходящего. Спасибо и за то. Я прикорнула и сладко выпалась, грезя широкой водной гладью, одиночеством и благодушными водяными жителями, весело гонявшимися и нырявшими возле моих ящиков.

После сна меня ожидали новые приключения.

Должно быть, я крепко спала после удивительной и трудной дороги, так как, когда проснулась, то уже не видела на берегу ни одной птицы. Разумеется, я почувствовала прежде всего потребность подкрепиться. Ящик с остатками моей провизии был невдалеке на мели, но, чтобы пробраться к нему, я должна была плыть, а это мне было уже не по душе; я слишком удовлетворена была только что окончившимся плаванием, чтобы повторить хотя бы незначительную часть его. Выйдя из-под кустика, я стряхнула насыпавшиеся на меня песчинки и, почистившись, отправилась вдоль берега, не выбирая направления.

Однако по дороге я не встречала никаких признаков жизни: чахлые кустики и травка поодаль от прибрежной песчаной отмели кое-где приютили только разных, не интересовавших меня насекомых, а в воде неглубоко на песке виднелись изредка ракушки. Я даже не сочла бы их за живые существа, если бы в былые времена не видела нечто вроде них в прудах и по берегам посещенных мной

речек и даже на земле, где эти твердые скорлупки таскались на спине какими-то мягкими червяками с подвижными рожками. Я так и считала их тогда за червяков, хотя теперь, конечно, стыжусь за былое незнание.

Как я ни была голодна, но мне на этот раз в голову не приходило утолить свой голод какими-либо букашками или ракушками. Первые были слишком малы и тощи, а ракушки лежали совершенно как безжизненные гладкие фигурные камешки.

Да, признаться, на земле я не допускала мысли, что есть места, лишенные крысиного провианта, тем более, что мысль о вездесущии нашего рода прочно засела в моем мозгу.

Таким образом, не удручаясь особенно, я бежала по берегу и надеялась напасть на что-нибудь, соответствующее моим потребностям. Однако мне пришлось бежать очень долго. Странно — казалось даже, что я бежала все по одному и тому же месту: все время справа от меня было далекое ровное зеленое море, а слева холмистый желтый берег с редкой растительностью. Это однообразие было утомительно, тем более, что сверху сильно припекало. Хотя это было совсем не в обычае у крыс, но несколько раз, ради освежения, я вбегала в воду и полоскалась в ней. Пить ее я не могла: она была и у берега очень солоня и горька.

Холмы становились все выше и выше и, как мне сначала показалось, словно пожелтели еще сильнее. Это,

как я убедилась потом, объяснялось тем, что растительность на них стала еще скуднее, а скоро и совсем исчезла. В самом деле, к удивлению своему, я вдруг увидела, что бегу по чистому сухому песку без всякой примеси, который таким же был и под водой, где на нем не виднелось ничего постороннего, никакой даже ракушки. Хотя это и удивило меня, но, конечно, я не придавала этому никакого значения и, влекомая какой-то неясной для меня потребностью бежать в раз принятом направлении, скакала вприпрыжку все вперед и вперед. Странная была, вероятно, эта простая картина ровного зеленого моря, ополаскивающего однообразные желтые берега и небольшого существа, несущегося одиноко по берегу под палящими лучами солнца и голубым небом. Однако все было именно так, как я описываю.

Наконец, жара сделала свое: я стала заметно утомляться и чувствовала, как ноги мои, обжигаемые береговым песком, устают с каждым лишним скачком. Бежать по воде было прохладительнее, но труднее. Я волей-неволей стала засматриваться налево, ища хоть какой-либо тени, чтоб передохнуть. Отдохнув где-нибудь сначала, я была не прочь уничтожить десяток-другой даже насекомых, чтобы хоть чем-нибудь заморить на время голод и сколько-нибудь поддержать свои силы. Но, увы... ни признака тени, ни следа какого-либо, хотя бы крошечного, насекомого: один песок и соленая вода!

Я кончила тем, что взяла влево и, насколько оставалось сил, начала карабкаться на песчаный холм. За ним я рассчитывала найти хоть какое ни на есть изменение картины.

Но с вершины холма я увидела только вершину другого, за ним третьего, а направо и налево четвертого, пятого и так далее — все вершины таких же ровных и однообразно желтых песчаных холмов. Но я все же была на земле и ужаса безысходности положения не испытывала, несмотря на крайнюю усталость. Однако бежать

вперед и вперед было уже необходимостью для того, кто ищет кров и пищу. И я бежала или, вернее, неслась вперед и вперед, под конец не сознавая, куда и зачем я иду... Но вот, вконец истомленная, я остановилась в ложбине между двумя холмами.

Один из них поднимался полого, другой как бы скапывался неглубокой выемкой и имел наверху острый гребень. С этого гребня от ветра иногда несся мелкий дымок песку, а более тяжелые песчинки слегка катились вниз, толкая и подгоняя иногда лежащие пониже. Более инстинктивно, чем сознательно, я начала рыть себе нору, чтоб укрыться от палящих лучей. Но, или я очень устала, или таков уже песок, мои усилия были тщетны: воронкообразная, вырытая мною ямка тотчас же осыпалась, когда я собиралась углублять ее наискось. Песок был сух, как пыль, и подвижен, как вода. В изнеможении я перестала работать и упала в ямку с распростертыми лапками. В голове у меня закружилось, и я впала в состояние какого-то отчаянного равнодушия.

Между тем солнце все катилось и катилось по небу и, пробежав почти над моей головой, начало опускаться к морю. Я ни о чем не думала: мыслей не было; но я была жива и понимала это, будучи в каком-то тумане.

Так пролежала я до тех пор, когда солнце стало быстро заходить за ближайший холм, и в левый глаз мой брызнули его покрасневшие лучи. Мне было все равно; я даже не закрыла глаза, который был ослеплен почти до потери чувствительности. Наконец, и эти красные лучи скрылись. На небе быстро стало темнеть, и сумерки, словно, куда-то пробежав, исчезли, сменившись темной ночью. С холмов дунул сухой ветер, потом потянул еще сильнее, и вскоре мое тело почувствовало его уже ровное дуновение. Вместе с темнотой распространилась какая-то свежесть. Песок начал быстро остывать, и мои лапки почувствовали, как его жар постепенно таял, словно уходя в воздух. Так же бессознательно, как ранее упа-

ла, я шевельнула передними лапками, потом дернула задними и затем единым слабым усилием подобрала ноги под себя, ловко усаживаясь поудобнее. Прохлада шла откуда-то все сильнее и сильнее, а вместе с ней в мое тело возвращалось и сознание. Наконец, жар спал, и в мозгу моем понемногу стали приходить в порядок все перепутанные мысли. Я оживала к разумной деятельности и вскоре ясно представила себе все случившееся. Мысль о моем настоящем положении заставила меня оглянуться кругом.

Стояла тихая ночь. Под тем же темным, искрящимся от звезд шатром, что был надо мной в море, расстилась однообразная, унылая, неподвижная, холмистая площадь, уходившая вдаль. И, кроме меня, ни одной живой души, ни одной былинки...

В море было, по крайней мере, его движение и три немых спутника моих: ящики и бочонок. Здесь же не было ни единого звука, ни единого движения и тихо, тихо, до безотрадности тихо!..

Холод ночи придал мне бодрости, в которой я отчаялась, и я вновь поплелась вперед по песчаным холмам, оставляя за собой следы, заметаемые песком. Удивительное дело: никакого страха я положительно не чувствовала, и желание добраться до питья, вероятно, изгна-

ло из меня все другие ощущения. Упершись взглядом в мерцавшую вдали звездочку, я шла прямо на нее и даже мало обращала внимания на то, что звездочка поднималась все выше и выше.

Но это была, наверное, моя счастливая звездочка, так как она привела меня и к воде, и к пище, и к крову.

Как ни бодряще действовала на меня ночь, но отдохнувшие ноги мои не были все же ограждены от усталости, и я вновь начала утомляться и притом быстро. Поспешно сбегая, почти скатываясь с высокого холма, я только с большим усилием могла взбираться на соседний, правда, еще более высокий. Его почерневшая от безлунной ночи вершина казалась недосыгаемой, тем более, что бок его был обыкновенно обрывист. Песок выскальзывал из-под моих лапок, и, сделав два скачка, я иногда на один опять спускалась вниз. С большим трудом, но все же я одолела это восхождение и, забравшись на гребень, присела на секунду отдохнуть перед новым спуском.

Так пробиралась я вперед, пока не забралась на один холм, показавшийся мне самым высоким.

Мой взор, упорно направленный было на звездочку, невольно скользнул по холмам, чтобы на минуту глянуть в открывшуюся новую ложбину. И вдруг передо мной промелькнуло что-то новое, непохожее ни на звездное небо, ни на черные холмы песков!

Это новое были красненькие огоньки, кучками и порознь сверкавшие вдали за ближайшими холмами, оказавшимися ниже того, на который я забралась. За этими огнями мой, хоть усталый, но зоркий глаз увидел нечто, напоминавшее отдаленное озеро, а на нем ясные черточки мачт.

Этого уже было достаточно, чтобы я воспрянула духом и мигом скатилась с своего холма. Увы! Воспрянувший дух не придал мне сил, и я немощно полезла на преградивший мне дорогу новый холм.

С ужасными усилиями я взобралась на него: ведь, это было вопреком всего моего существования! Я видела воду и суда. Если это так, то я найду все, что мне нужно.

С тревожным ожиданием глянула я с вершины нового холма и радостно увидела огоньки и черточки. Я снова скатилась вниз с тем, чтобы вновь чуть не ползком добраться до преграждавших мне дорогу вершин.

Впрочем, буду описывать короче, так как все равно в воспоминаниях не переиспытасшь того, что я испытала в действительности. Я вынуждена была предоставлять себе хотя бы временный отдых, и каждый новый холм при восхождении отнимал у меня, кроме сил, и много времени. Силы я кое-как восстанавливала, отлеживаясь чуть не часами на дне ложбин, времени же восполнить я не могла. Но все же страшно медленно, и быстро только на спусках, я приплелась-таки... не к огонькам, которые были еще подальше, а к каким-то темным деревянным строениям. Мне было не до расследования их значения, и я, изнеможенная до крайности, поспешила залезть, как могла, в ближайшую щель между досками. Найдя защи-

щенный приют, я уже потеряла всякое сознание и... не заснула... нет..., а впала в какое-то оцепенение, тяжелое, похожее на смерть.

То солнце, которое чуть не испекло меня в песках, оказалось моим благодетелем на другой же день. В широкую щель моего убежища оно ударило своими утренними лучами и мигом пробудило меня от сна-кошмара. Я кое-как оправила свои ноги и оглянулась.

Я сидела или лежала, как хотите, под каким-то деревянным зданием. Пол его был выше меня, но подполья не было, а просто внизу оно было огорожено досками. Сквозь щели этой весьма неплотной загородки я в лучах утреннего солнца увидела море с людскими судами и лодками, а на берегу — ряд деревянных строений, среди которых были настоящие дома, правда, невысокие.

Неподалеку стояли рядами те самые строения на колесах, которые я все еще называла хлевами. У некоторых, впрочем, не было никакой постройки; это были просто полы с колесами. На них помещались огромные чаны.

Всюду сновали люди. Слышался говор, свист и шипенье. С любопытством, хотя и усталая, я смотрела на эту радостную для меня картину людского жилья и мало-помалу персвела свои мысли на необходимость позаботиться, наконец, и о том, что было для меня самым важным: у меня жгло и во рту, и в желудке. Может быть, от этой жгучей потребности освежить внутренность моего тела моя внимательность обострилась до крайности, и я не пропустила ни одного явления, которое могло бы быть мною пропущено при других обстоятельствах.

Я увидела, как к одному из вышеназванных чанов подошел человек и помыл руки, подержав их иод чаном. Очевидно, в чане была вода, хоть и мало, так как я видела, что человек не был доволен ее количеством: он затряс головой и отошел, чтобы проделать те же действия руками под другими чанами.

Но того, чего было мало человеку, было, может быть, слишком достаточно истощенной крысе, и я, недолго думая, собралась в путь... к благодетельному чану.

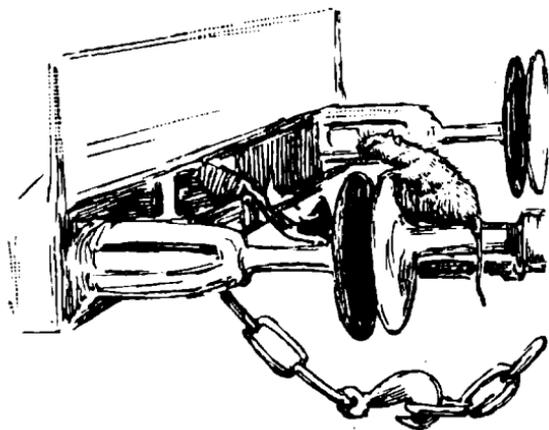
Я собрала свои силы, которых после живительного сна у меня оказалось достаточно. Лавируя между ящиками, какими-то огромными пучками белой рваной ваты и другими предметами, я добралась до телеги с чаном. У меня хватило уменья и силы влезть по колесу на какую-то нижнюю доску, с нее, чуть не вися, перебраться на огромную цепь, с цепи — на большой крюк, а с крюка — на помост с чаном. На мое счастье, никого из людей поблизости не было, хотя наступил день. Чан был, действительно, с водой, и она слабо сочилась у дна из того места, где было нечто вроде крана. Я побежала к живительной влаге и пила, пила, пила без конца...

Вдруг невдалеке послышались человеческие голоса. Я бросилась назад, ища прикрытия. На счастье на той же платформе у чана лежала тряпка, вся пропитанная каким-то маслом. Я мигом зарылась в ней: у платформы шли два мальчика и, шаля, постукивали по самому борту. Не скройся я вовремя, они, наверное, заметили бы меня, так как даже остановились у чана:

— Ну-ка, Боря, угадай: что за штука этот чан? — спросил один из них.

— Это вода для паровоза, — отвечал другой.

— А вот и нет! Вода для паровоза в другом: он отдельно стоит и к нему паровозы подъезжают. А это, братец ты мой, вода для питья. Ее сюда привозят из тех мест, где есть хоро-

шая, пресная вода. А здесь уже разбирают, кому нужно. Ведь воду-то морскую нельзя пить, а здесь другой нет.

— А опреснитель-то зачем? Ведь ее же вон в эдакой машине опресняют?

— Да! Одного опреснителя все равно не хватит. Для чего же здесь и “водяные поезда” существуют?

— Это какие такие водяные поезда?

— А вот поезд, вместо вагонов, все такие платформы с чанами везет, а воду в чанах по местам, где ее нет, развозит.

— А разве есть места, где ее нет?

— Эво, что сказал! Вот поедешь дальше, сам узнаешь, какие места здесь бывают. Да вот гляди: видишь эти огромные холмы песку, что подступают к морю и тут и там за селеньем. Это “барханы” по-здешнему, а по-нашему, школьному, дюны. Отсюда вон в ту сторону, да и сюда вот, они идут на несколько десятков верст, и на них, братец, то есть ни капельки воды нет, а потому — ни куста, ни травочки. Туда никто летом и не ходит: опасно! Заблудишься, — и пиши пропало. Только весной ничего, когда на них трава растет, да лужи от снега стоят.

— Как же вы здесь живете?

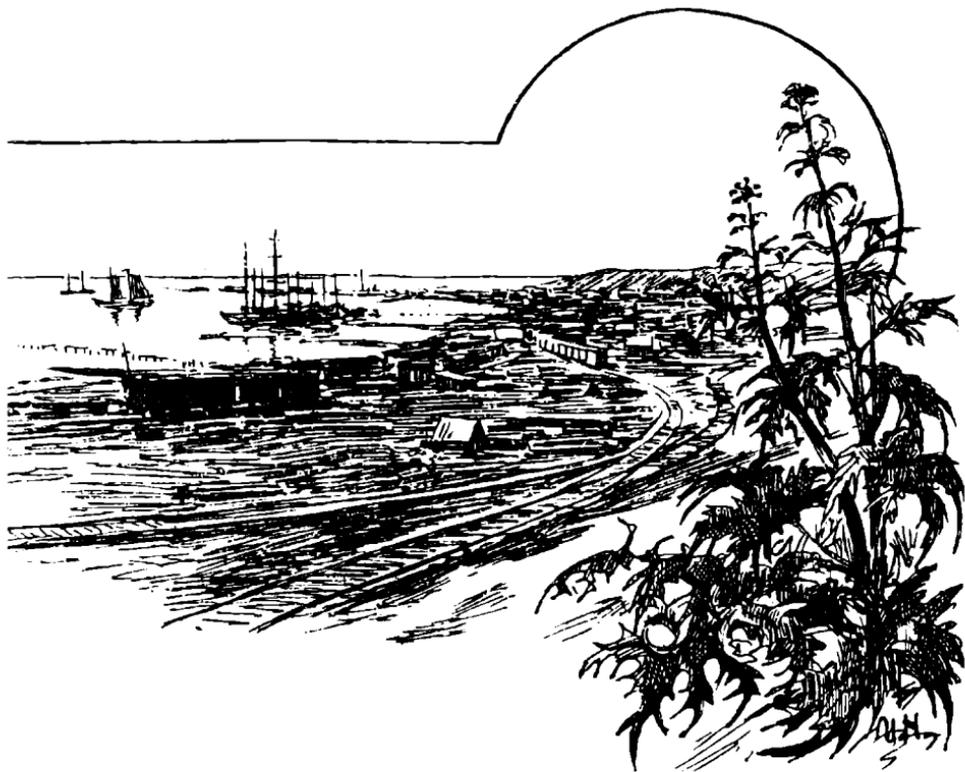
— Да так и живем, если папина служба велит. Нам морем все сюда привозят, что нужно, а воду и еще там чего здешнего — поездами оттуда, где, кроме песку, есть и вода, и зелень, и звери, и птица всякая. Ну, да вот поедешь, — сам увидишь.

— А ты к нам приезжай! Тебе ведь здесь скучно.

— Если папа пустит, приеду, а только я пока не скучаю. Здесь тоже есть кое-что интересное. Ну, да пойдем! Чего мы здесь стоим у чана-то, — и он, постучав почему-то палкой о чан, добавил:

— Пустой! За водой, значит, поедет: воды только что крысе испить и то, поди, не хватит...

— Кто это здесь тряпку оставил? — вдруг спросил он и потрогал ее палкой.

— Должно быть, машинист, либо смазчик забыли. Да в ней что-то завернуто! — И он начал тыкать в меня палкой.

Я обмерла и не знала, что делать. Вдруг послышался вдалеке чей-то женский голос:

— Мальчики! Дети, идите домой!

И оба собеседника, оставив меня в покое, вприпрыжку побежали прочь от платформы, судя по звуку шагов.

У меня отлегло от сердца. Но выбраться из-под тряпки все-таки не пришлось, так как возле вагонов — теперь только я узнала это название — стали ходить новые люди, и показываться наружу было опасно. Нечего делать, — приходилось ждать удобного момента, сидя под масляной тряпкой, и, чтобы с пользой употребить это время, я начала обстоятельно обсуждать

все только что слышанное. Хотя, обладая необыкновенной для крысы памятью, я помнила весь разговор от слова до слова, но самыми важными для меня сведениями были только некоторые. Именно — я сразу поняла, что, хотя жизнь в этих местах и вполне доступна крысе, но все же место, куда возят воду и еще что-то парходами и вагонами, не может быть привлекательным для постоянной жизни. Уразумела я также, что мой чан отправится скоро в дорогу за водой. Относительно прошлого мне стало ясно, что я избавилась от страшной опасности заблудиться и погибнуть среди страшных песчаных холмов, прозванных здесь “барханами”. Все эти мысли легко входили в голову, освеженную утолением жажды, но желудок мой настоятельно требовал и более существенного подкрепления, и, признаться, это мешало мне несколько сосредоточить свои мысли на одних рассуждениях. Вдруг в голове моей мелькнула как-то сама собой пречудесная мысль, на которую, вероятно, натолкнул меня никто иной, как мой освеженный нос. Под давлением общего страха от близости беседовавших мальчиков мое обоняние, вероятно, тоже забыло служить свою службу, но, когда опасность миновала, оно немедленно вступило в должность, как говорят люди, и я распознала аромат, если и не совсем питательного вещества, то все же с голодухи съедобного. Тряпка, под которой я лежала, очевидно, служила своему хозяину очень долго и насквозь была пропитана, кроме каких-то незнакомых мне масел, еще и настоящим мясным жиром. Мне нечего было вдумываться, какого животного был этот жир. Пошарив в тряпице, я нанюхала место, пахнувшее им посильнее, и принялась осторожно выгрызать рыхлую ткань. Конечно, это нельзя было назвать даже приблизительным завтраком, но все же я успокоила, как могла, мой огорченный продолжительным голодом желудок. Короче — я на время примирилась с

этой более, чем скромной, едой и скоро превратила тряпку в такой вид, что ее хозяин, наверное, отказался бы от дальнейшего пользования ею. Нужно отдать справедливость: я ловко действовала под своим покрывалом, ни на секунду не обнаруживая своего присутствия!

Во время такой оригинальной трапезы случилось обстоятельство, решившее мою судьбу помимо моих рассуждений. Поезд — я и это слово теперь знала — тронулся, и я начала новое неожиданное путешествие. Конечно, я могла, улучив момент, спрыгнуть на землю, но, вспомнив слова мальчика о том, что поезд должен ехать в места, обильные водой и другими прелестями жизни, я не отказалась от новой дороги.

Я не буду описывать обстоятельств, сопровождавших ее, так как они напоминали время, когда я странствовала со своими мычавшими соседками, и, скажу кратко, что, будучи единственной пассажиркой на платформе с чаном, я чувствовала себя покойной и вскоре принялась даже за свое любимое занятие — обозрение мест, которые проезжала.

Вначале это были знакомые, но уже более не спасные для меня высокие песчаные барханы. Путь лежал словно в огромной канаве среди песчаных насыпей. То и дело мы проезжали мимо каких-то смуглых людей с ослепительно белыми зубами, одетых в рваную одежду и стоявших у дороги с метлами. Песок и эти люди — вот был весь невеселый вид вначале. Но потом холмы сделались пониже, на них замелькало какое-то подобие растительности, впрочем, вид был все тот же унылый и безжизненный. Бродя по платформе, я несколько раз подбиралась к чану и пила капли воды, которые помогали мне бороться с жарой полуденного солнца. Вскоре по одну сторону дороги местность выровнялась и превратилась в далекую равнину, очевидно сухую, по которой кое-где торчали такие же сухие былинки. За этой равниной вда-

ли потянулись какие-то горы.

В одном месте я вдруг приобрела неприятных соседей. Поезд зачем-то остановился среди дороги, и на мою платформу взгромоздились три странных человека в длинных одеждах, напоминавших халат моего первого хозяина. Перепуганная, я вновь забилась под спасительную тряпку. Однако люди меня не заметили и, забравшись на площадку, уселись чинно рядом, поджав под себя ноги. Это были такие же смуглые люди,

как и встреченные мною на пути у песков, только вместо круглых высоких и гладких шапок на головах двух были надеты огромные шапки из овечьей шкуры, а у одного намотано какое-то пестрое полотенце. Каждый из них вскоре порылся в имевшемся у него мешке, и, вытащив оттуда что-то съедобное, принялся заниматься тем, что я недавно проделывала со своей тряпкой. Мешки свои они бросили прямо к чану возле моей тряпки.

Если бы не величавое спокойствие лиц моих троих спутников, я бы умерла от страху, имея таких соседей, но, понимая уже выражение лиц, я прочла в них одно только успокоительное.

— Все обстоит благополучно. А коли так, то никто не мешает нам и поесть, — говорили их лица, и, конечно, в этом не было для меня ничего страшного.

Поев, они заговорили, но... на совсем непонятном для меня языке. Еще один удар для моих знаний, хотя я уже была готова встречать такие разочарования. Я могла по-

нимать моих соседей только по выражению их лиц, и этого было пока довольно. Изучать что-либо более — было тогда неуместно.

Во время беседы один из спутников, тот, который был с полотенцем на голове, кивнул головой на мою тряпку, и я, сразу догадалась, что речь идет о ней. Положение стало вдруг критическим. Рисковать я не могла и, прочтя во взгляде другого туземца любопытство, мигом перебралась на время в один из брошенных возле мешков. Моя тряпка почти в то же мгновение очутилась в руках любопытного, завертевшего ее в своих мозолистых пальцах. Он передал ее соседу, сосед другому, а тот, поворочав моим, так сказать, гнездом, кинул тряпку на са-

мый край платформы, куда пробираться было для меня равносильно риску быть непременно замеченной. Таким образом, я неожиданно вынуждена была поселиться в мешке, который, не сейчас, так вскоре, должен был очутиться на спине одной из этих удивительных фигур. Положение более чем незавидное, но... в таких ли я еще не

была за время моей протекшей жизни! Сидеть не шелохнувшись, вот все, что мне оставалось, и я проделывала это с искусством, соперничавшим со спокойствием металлических фигурок, стоявших когда-то на столе моего первого хозяина.

Где-то ты, добрый человек? Где твои милые девочки? Думаете ли вы о вашем любимом Хрупе, покинувшем вас ради превратностей путешествия по свету. А, может быть, вы уже обзавелись другим другом? Нет, этого не может быть: второй такой крысы я не допускаю на свете. Может быть, в вашей клетке и сидит новое существо, ручное и смиренное, забавляющее вас своей подвижной мордочкой и умывающейся фигуркой, но в вашем новом приятеле, если он есть, не может сидеть такой же точащий его червь знания, какой в былое время сидел во мне, да и теперь еще сидит. Это мое преимущество, и, пока я жива, я никому не уступлю право на звание ученойшей из крыс...

Старуха, пишущая эти воспоминания, и поныне хранит эту думку, только... она мало успокаивает ее старость. Ведь с ее смертью все исчезнет, как дым, и поверит ли кто-либо тому, что пишется здесь? Да и прочтет ли кто?

Но прочь, прочь тяжелые мысли, старый Хруп! Сначала кончай свое повествование, а затем уже предавайся, какому хочешь, унынию. Молодей, Хруп, и возвращайся к прерванному рассказу.

На спине человека. — В хижине туземца. — На разведку! —
 Стрела-змея. — Озеро и его обитатели. — Ужасное зрелище. —
 Мысли о врагах. — Возвращение

так, я сидела в мешке, полная одной мыслью: как выпутаться из новой беды? Поезд пошел медленнее, точно подходя к месту своей остановки, и я начала приготовляться, при случае, удрать куда-нибудь из мешка прежде, чем соседи будут слезать. Но я не успела еще как следует пораскинуть умом, как вдруг очутилась на спине спутника, по соседству с его потной шеей и высокой бараньей шапкой. Мешок оказался двойной и я даже услышала его название: “хуржун”. Другая половина его, которая была тоже чем-то нагружена, свесилась на грудь туземца. Я должна была еще благодарить судьбу за то, что она не загнала меня именно в ту половину с более опасным соседством бороды и мускулистых рук туземца.

Все три приятеля, не дождавшись остановки, поскакали с платформы и, перекувырнувшись несколько раз на

мягком песке, встали, улыбаясь и отряхиваясь. И ушиб же меня при этом мой незванный носильщик! Если бы я была не из крысиной породы, то не поздоровилось бы мне от этого ужасного кувыркания, во время которого туземец давил меня всей тяжестью своей широкой спины. Но... ничего! Помяло немного, но тут же я и оправилась.

Слетевшая было моя соседка, высокая шапка, была водружена хозяином вновь на место. Сквозь прозрачную ткань хуржуна я увидела уходящий поезд, а несколько сбоку вдали какую-то ложбину, поросшую травой.

Мои спутники, залоптав какой-то скороговоркой, двинулись вниз по откосу, вдоль травянистой ложбины.

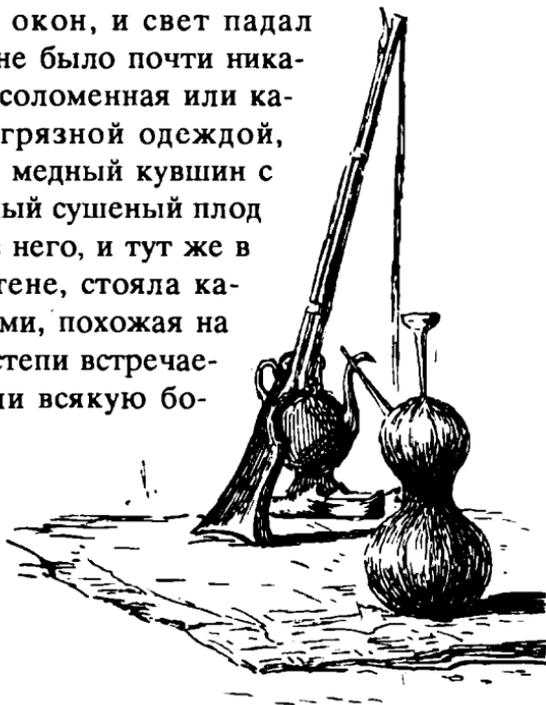

Положительно нет предела разнообразию способам путешествия, но все же я никак не ожидала совершать его на спине незнакомого человека! Должна сказать, что я, хоть и не сочла это очень неудобным, но повторить этого бы не решилась.

Все трое, изредка перекидываясь словечками, вскоре пришли к какой-то желтой, как будто глиняной, постройке, без крыши, около которой мой носильщик остановился, а оба другие, простившись, ушли дальше. Оставшийся скинул мешок и, взойдя в какую-то дверь, закрывавшуюся грязным пологом, кинул его в темный угол, причем снова порядком-таки ушиб меня об стену. Но я была готова ушибаться еще несколько раз, только бы покинуть свой опасный экипаж.

Хозяин странного жилища пошарил что-то в комнате и тоже вышел. Я могла уже действовать самостоятельно и, конечно, первым долгом, вылезла из мешка.

В комнате не было окон, и свет падал только в дверь. Утвари не было почти никакой. Валялась какая-то соломенная или камышовая подстилка с грязной одеждой, сбившейся на бок, стоял медный кувшин с ручкой, какой-то огромный сушеный плод с трубкой, торчавшей из него, и тут же в углу, прислоненная к стене, стояла какая-то палка с рогульками, похожая на те палки, из которых в степи встречаемые мною люди убивали всякую болотную и водяную птицу. Стояло и лежало еще что-то, но мне прямо надоело смотреть на эту убогую обстановку, тем более, что я попала сюда совсем не добровольно и

притом все же... несытая. Может быть, это главным образом и остановило мои расследования, так как во второй половине хуржуна я учуяла настоящее съедобное. Это был сухой особенный хлеб и какие-то плоды. Прежде всего — пищи телесной, а потом уже пищи для души и мысли, решила я, и тут же занялась без укоров совести обворовыванием моего неожиданного хозяина. Впрочем, запас хлеба у него был большой, и я, как разумная крыса, не испортила всего запаса: поела только с краю одного большого куска.

Вот при каких условиях пришлось мне восстановить те силы, которые я затратила при переходе через ужасные приморские барханы!

Поев, я выбралась из хижины. Хозяин ее куда-то ушел. Почувствовав жажду, я начала искать воды, но ее нигде не было.

Бегая около стены, я наткнулась на сосуд из глины (что-то вроде графина); нижняя часть его была на ощупь влажной. Я вскочила повыше и, схватив за горлышко, кувырнула вместе с ним и пригнула его к земле. Оно оказалось заткнутым тряпкой, которую я, разумеется, легко вытащила. Маленькая струйка прохладной влаги тотчас же полилась из сосуда, и я жадно напилась. К стыду своему, должна сознаться, что я, напившись, не

заткнула кувшина, и воды вылилось столько, сколько позволяло наклонившееся горлышко. Проходя мимо столба небольшого навеса перед входом в хижину, я увидела другой такой же сосуд, привешенный к столбу на самом солнцепеке. По потемневшему цвету глины, я решила, что в нем есть вода, почему тотчас же обвинила хозяина в неразумии.

Помилуйте: вешать на здешнее солнце такую живительную влагу!

Только впоследствии я узнала, что от этого вода в сосуде становится только холоднее. Тут, оказывается, действует какое-то охлаждающее испарение. Мой крысиный ум, впрочем, никогда этого понять не мог.

Хижина, в которую меня загнала судьба, была вблизи густой камышовой растительности с редкими, но все же развесистыми кустами там и сям. Утолив жажду тела, я решила, что пришла пора утолять жажду знаний. Если здесь есть живущие люди, есть растения, значит, где-нибудь есть и вода, должны быть животные и, конечно, должны быть... мои родственницы, крысы.

Я столько времени не жила настоящей свободной жизнью, что во мне было вполне понятно то чувство, которое меня охватило.

Не могли же меня удовлетворить одни наблюдения над морскими тюленями. Земля мне была роднее.

Хруп отправляется на экскурсию! Хруп, поевший, оправившийся, а потому вновь полный энергии и во всеоружии своих знаний!.. Пойдем за ним.

Пробежав несколько шагов по песку, поросшему редкой травой, я добралась до густой растительности, в ко-

тору упирались эти песчаные места. Почва стала чернеть, и там, где росла высокая трава и кусты, казалось, песку было гораздо меньше. Однако, добежав до заросли, я задумалась: доверяться ли вновь слепому року, углубляясь в неведомую чащу? Правда, до сих пор я как-то выбиралась из всяких бед, но... кто может предвидеть будущее! Раздумывая так, я в нерешительности расхаживала около зарослей, поглядывая изредка, как на маяк, на покинутую мной странную хижину. Я более склонялась пользоваться ей как временным жилищем и пугалась мысли потянуть к ней обратный путь. Но моим со-

мнениям не пришлось долго длиться, так как скоро появился соблазн, который быстро решил дело. Среди густой заросли я высмотрела поодаль хорошую тропинку. Кто ее протоптал: люди или звери, — пока меня это не интересовало. Весело, вприпрыжку помчалась я к путеводной тропе: по ней я могла всегда, в случае чего, вернуться обратно к воде и пище. Тропинка оказалась очень широкой для такого маленького зверька, как я. Следуя ее направлению, я бежала между двумя стенами камыша, росшего в сухой почве, и когда присмотрелась, то увидела, что и самая растительность не отличалась свежестью. Очевидно, солнце уже кое-что сделало и здесь. Однако моих знаний и опытности было достаточно, чтобы не допускать мысли о произрастании такой густой растительности без присутствия значительного количества влаги, и я не сомневалась, что впереди найду более свежие растения и питающие их запасы воды. Мое предположение увенчалось успехом, и я действительно выбежала на берег какого-то озера.

Но что это было за озерко! Берег был настолько вязок, что я почти не могла добраться до воды, не провали-

ваясь по брюшко в жидкую грязь, притом же озерко было очень маленькое, а вода в нем, увы, настолько солоная, что я принуждена была сильно отфыркаться после первой же попытки напиться. Однако это не мешало озеру быть заселенным. По крайней мере я увидела несколько голенастых птиц, расхаживавших, нисколько не увязая, по тине. На той стороне стояла на одной ноге небольшая цапля, отличавшаяся от цапель моей родины ярко-белым цветом и косматым ожерельем.

Это привело меня к мысли, что в воде или в тине живут какие-нибудь мелкие твари вроде различных плавунцов, червей и прочей водяной мелочи.

Жадным взором искала я присутствия какого-либо четвероногого существа, но о них и помину не было. Я не находила и следов присутствия здесь хотя бы водяной крысы. И все-таки я старалась уверить себя в их присутствии здесь. Ведь крысы живут всюду, где есть человек, а я только что пришла из человеческого жилья! Нужно иметь только поболее терпенья.

Но увы! Я бродила по берегу, забиралась осторожно в чащу, обыскивала около каждого кустика, но не встретила ни малейшего признака четвероногих творений. Не помню, сколько времени я странствовала в этой научной экскурсии, но только что-то очень долго. Почувствовав приступы голода и страдая от жары, я разыскала свою тропу и вернулась в хижину туземца.

Он еще не приходил, и я без помехи закусила и напилась из его запаса, после чего, выбрав уголок потемнее, прикорнула вздремнуть под куском старой брошенной камыпевой настилки. Я была разбужена приходом хозяина.

Войдя внутрь, этот человек подошел к хуржуну и что-то из него вытащил. На лице его я прочла изумление, когда под руку ему попался закусанный мной хлеб. Впрочем, этим изумлением он и ограничился, вероятно,

найдя какое-нибудь подходящее объяснение пропажи части своего запаса. Срезав закусанную часть, туземец принялся спокойно есть остальной кусок.

Гораздо более он был огорчен, увидя опрокинутый сосуд с водой. Вытерев горлышко, он напился и тщательно закупорил вновь сосуд тряпкой, после чего подвесил его высоко на какой-то крюк. Покончив с едой и питьем, он взял сухой плод, в котором я тоже услышала бульканье воды, и что-то зажег около верхнего его отвер-

ствия. После этого он вставил в рот трубку от сосуда и начал пускать клубы синеватого дыма.

Очевидно, это было ничто иное, как курение, которым занимались многие из виденных мной людей; они только не пользовались для этого таким удивительным сосудом. Курение доставляло туземцу, по-видимому, больше удовольствия, чем еда и питье. Наконец, это занятие тоже окончилось, и туземец разлегся на подстилке у самого входа в жилище. Это мне было неприятно, так как он преграждал мне выход, и я была некоторым образом взперти. Впрочем, я и сама не рассчитывала повторить своей прогулки ранее захода солнца.

Вконец, однако, туземец так засопел своим носом, что я не сомневалась в его крепком сне.

Я тоже последовала его примеру и сладко заснула...

Проснувшись, я услышала все тот же богатырский храп. Я тихонько выбралась вон, пробежав мимо ног и сухой, мускулистой руки туземца.

На землю спустилась уже ночь, а на небе выплывала крупная и яркая луна.

Я отправилась по прежней тропинке к озеру, лизнув предварительно несколько капель воды с того мета, где стоял прежде сосуд и где каким-то образом сохранилась маленькая лужица; впрочем, она была защищена дном от палящих лучей солнца тенью от навеса у входа.

Мое первое вступление на тропу сопровождалось легким испугом: через дорогу стрелой пронеслось какое-то длинное существо, имевшее полное сходство со змеей. Меня удивила только необычайная тонкость тела сравнительно с длиной. Впоследствии я узнала, что это была действительно змея, которую туземцы звали “ок-илян”, а люди, говорившие на понятном мне языке, — стрелой-змеей. Я даже раз видела, как такая змея охотилась, и очень удачно, за маленькими ящерками и насекомыми.

Встретив впервые такое быстрое пресмыкающееся, я было раздумала идти далее, но потом любознательность

взяла верх над страхом, и я осторожно пустилась в дальнейший путь и вскоре вышла к озеру.

Птичья жизнь на нем не только не прерывалась, но я даже увидела новых пришельцев. Это были высокие длинноногие птицы. Их здесь было, впрочем, меньше, чем других. Пока я смотрела на тех, которые бродили по озеру, погрузив чуть не до колена свои ноги, на озеро село еще несколько этих удивительных птиц. Они винтообразно спускались сверху и, садясь, словно отряхивались. Некоторые, побродив, останавливались и, как-то удивительно изогнув свою шею, запрягивали голову на спину под крыло. Тогда они становились настоящими истуканами. Те, которые опускались, на лету издавали не то карканье, не то гусиное

гоготанье, но, усевшись, издавали эти звуки уже гораздо реже.

Пока я разглядывала этих диковинных птиц с их еще более диковинными, изогнутыми клювами, в камышах вдруг раздался сильный шум и треск, перепугавший меня насмерть. Я притаилась у какой-то кочки и увидела, как из чащи вскочили три больших свиньи дикого вида и тотчас же залезли в самую грязь соленого озера. Впереди шел крупный кабан с ярко сверкавшими при луне четырьмя поднятыми вверх клыками.

— Вот и прекрасно, — прохрюкал передний на языке, мне знакомом еще по скотному двору.

— Расположимся здесь, а потом опять в камыши, — он погрузился еще глубже в грязь.

Странно, что птичье население несколько свиней не испугалось, и только некоторые птицы уступили им свое

место, отлетев немного в сторону. Такую доверчивость одних животных к другим, не причиняющим им никакого зла, я замечала и раньше в своем лесу и в степи, но меня удивило, что птицы не испугались даже того шума и треска, которые предшествовали появлению кабанов. Впрочем, я должна прибавить, что одна из длинноногих птиц, стоявшая на одном месте с поднятой головой, прислушиваясь к этому шуму, издала негромко звук “крак”. Я даже заключила из этого, что птица исполняла обязанности сторожа и, вероятно, в эту минуту этот крик ее значил:

— Ничего опасного! Оставайтесь на месте...

Но воображаю, как всполошились бы все эти пернатые господа, если бы появился какой-нибудь крылатый хищник или большая кошка, вроде тех, которых я видела в зверинце!

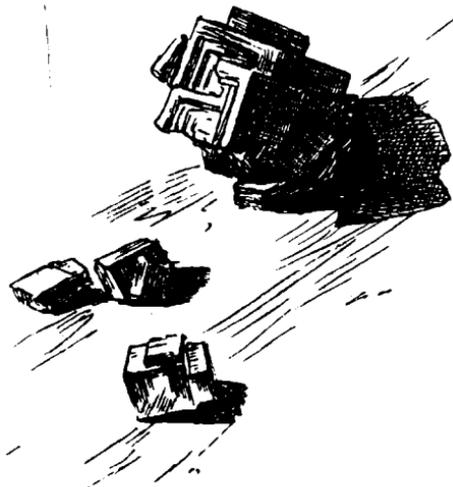
Около озера я провела с час, но так как за это время ничего не изменилось в мирной жизни гостей озера, то я решила продолжать свою экскурсию далее. Следуя открытым местом, лежавшим около озера, я заметила, что общий характер местности напоминал собой положи-

тельно степную речку, только... без воды. Озеро являлось точно лужей от скрывшейся куда-то речки. А что она была, об этом я сужу по берегам: один был обрывистый и невысокий, другой, противоположный — пологий.

Обрывчики, когда-то подмытые водой, если судить по виду, и полоса растительности тянулись вдаль, сохраняя определенное направление. Вдоль таких обрывчиков

я и пошла, держась на опушке окаймлявших исчезнувшую речку камышей и кустов. В кустах и зарослях слышался сдержанный шум, в котором мое ухо отличало не один только шелест ветра. Из этого я заключила, что и здесь царит таинственная ночная жизнь. Страх потерять свой путь для обратной дороги не позволял мне углубляться в чащу, да она

и страшила меня непредвиденными опасностями.

Пробираясь таким образом вдоль берега, я вышла на ровное место с песчаными пологими берегами, которое меня удивило. Оно было покрыто сильным белым налетом, среди которого я увидела во множестве какие-то белые сверкающие, правильно оббитые кусочки. Мое удивление стало еще сильнее, когда, лизнув один из них, я убедилась, что они напоминали вкусом чистейшую соль кладовой моей родины. В этом месте былая река становилась значительно шире. Пробежав это удивительное место, в котором тоже было несколько широких луж, но уже менее топких у берегов, так как они были преимущественно песчаные, я вновь пробралась в камышовые заросли с топким болотцем. Здесь я опять встретила птиц, среди которых заметила знако-

мые мне фигуры обыкновенных цапель и уток. В одном месте камыши прерывались, и я увидела песчаные барханы, подступавшие вплоть к берегам. Эти барханы однако были лишены растительности. Уже не опасаясь заблудиться, так как с этих холмов я легко могла видеть болотце с цаплями по отблеску луны и звезд, я пустилась вверх по песчаным склонам.

Вдруг мое внимание было привлечено появлением около одного кустика маленького зверька, в котором я узнала несомненного родственника. Сердце мое забилось от радости. Это была положительно крыса, но только удивительная по своему цвету, сходному с цветом песка. Спрятавшись за ближайший кустик, я с любопытством смотрела на этого маленького зверька, ростом чуть-чуть поменьше меня. Животное стало за задние лапки, почтило мордочку и, подскочив к какой-то травке, пригнуло ее вершинку. Я ясно увидела, как эта желтая песчаная крыса отыскивала на верхушке какой-то маленький тощий колосок и быстро вышелушила его своими резцами. Прodelав это, она побежала повыше к другому кусту. Из него вдруг выпрыгнул такой же славный зверек. Обе

крысы обнюхали друг друга мордочками и побежали, не торопясь, в разные стороны, — каждая к новому кустику, где принялись проделывать с травинками только что описанные мною действия. Неподалеку на другом холме мелькнули такие же фигурки. Я попала, очевидно, в маленькую колонию этих животных.

Нельзя себе представить того отрадного чувства, нахлынувшего на меня, когда из этой встречи я лишний раз убедилась в правоте моего предположения о вездесущии крыс. Пусть эти крысы другой породы, но, ведь все же это — наша сестра, крыса, следовательно, было от чего почувствовать нечто вроде гордости.

Однако я недолго засматривалась на своих родственниц, так как вдруг мимо меня проскакало еще одно существо, тоже хорошо знакомое мне. Это был маленький тушканчик, выскочивший из ближайшей норки. Он в несколько скачков взобрался на песчаный пригорок и, усевшись, начал озиаться, изредка помахивая своим длинным хвостиком с беленьким пушком на конце. Странно, что и его шерстка была одинакового песчаного цвета. Оглядевшись, животное маленькими скачками начало спускаться с песчаного холмика. И вот тут я была свидетельницей ужасной истории.

Вблизи зверька, остановившегося как бы в раздумье, песок вдруг осыпался, и из него показалась отвратительная голова небольшой змеи, шея и туловище которой были еще зарыты в песке. Гади́на метнулась к тушканчику, неосторожно приблизившемуся к этому месту, и быстро, как молния, схватила его за горло. Бедное животное попробовало было скакнуть, но тотчас же упало, и змея мигом закрутила его своим телом в какой-то длинный клубок. Тушканчик слабо пискнул и замолчал. Через несколько секунд весь клубок скатился с горки прямо к моему кустику. С ужасом смотрела я, как змея, сжимая свои кольца, давила крошечное тельце зверька и слышала, как захрустели его ребрышки. Как в былое время,

когда гадюка убивала несчастную мышку, я и теперь, словно прикованная, глядела на это новое убийство.

А змея все давила и давила. Наконец, тушканчик как-то рванулся и задрожал своими задними ножками и хвостиком в последней предсмертной агонии. Тогда змея распустила свои кольца и отползла от трупа убитой и раздавленной добычи. Но это было всего на минуту, так как она тотчас же раскрыла свою пасть, безобразно ши-

роко раздавшуюся в щеках, и, схватив труп за голову, начала втягивать его в рот, увлажняя его слюной. Пересилив столбняк, я, как угорелая, бросилась вниз к воде болотца, еще позлащенного лучами луны.

Вот она безжизненность этих мест днем! Она мертва только для того, чтобы ожить ночью со всеми ужасами борьбы сильного со слабым!

Перепуганная насмерть, с обрывками разумных мыслей, я неслась старой дорогой и опомнилась только тогда, когда добежала до мирной картины первого болота, где паслись длинноногие птицы и хрюкали еще купавшиеся в грязи дикие свиньи.

Остановившись в тени развесистого куста, я собрала свои разбежавшиеся мысли. Я уже была далеко от места ужасной гибели тушканчика, и, следовательно, можно

было прийти в себя. Ведь, для меня опасности больше не предвиделось; притом крыса, желавшая изучать мир, как он есть, должна приучать себя относиться хладнокровнее как к зрелищам мира и радости, так равно и к картинам ужасов и смерти.

Прочь чувствительность, и дай место, Хруп, своему рассудку! Будет спокойнее...

Очевидно, всюду живут враги и друзья. Это закон природы, не постигаемый простым умом. Ведь этот песчаный удав в тушканчике видел только вкусный обед и вовсе не пылал к нему ненавистью.

А умерщвление гадюки ежом, чему я была когда-то свидетельницей, — разве не столь же ужасно оно, если принять во внимание, что еж живьем поедает извивавшуюся хищницу?! А наши крысиные походы на кладовую, — не есть ли это грабеж добра, скопленного человеком? А мое воровство из запаса туземца?

Всюду — убийство, грабеж, воровство, по мнению жертв; всюду — простое удовлетворение потребности жизни, по мнению победителей. Мыслитель, кто бы он ни был, человек или крыса, должен спокойнее разбираться в этом хаосе ужасов и радостей жизни.

Эти мысли, пришедшие мне в голову, да еще под звуки благодушного хрюканья кабана вожака:

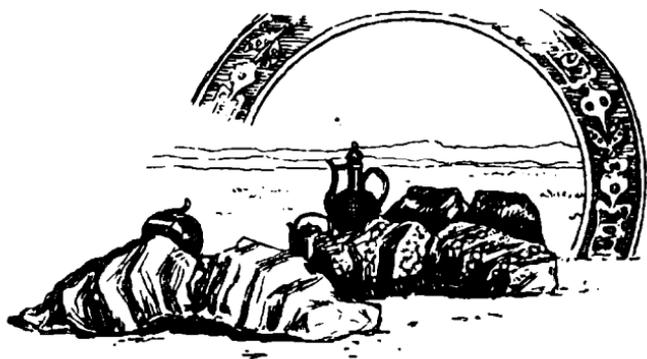
— А не пора ли нам... тово... покушать? — своевременно успокоили меня, и я принялась думать о другом.

Отчего это здешняя крыса и здешние тушканчики песчаного цвета, а свиньи темные?

Я бы не задала себе этого вопроса, если бы меня не натолкнуло на него то обстоятельство, что, подбегая к болоту, я сама не сразу заметила огромные туши хрюкающих животных, незаметных среди грязи, а когда успокоившись, подумала о песчаных крысах и тушканчиках, то вспомнила, что они удивительно сливались с цветом песка. То же самое можно было сказать и про змею-удава.

Разрешение этого вопроса я, однако, оставила до дневных экскурсий, так как пока я могла объяснить все ночной путаницей. Мне почему-то даже вспомнилось выражение моего первого хозяина “ночью все кошки серые”. На сей раз довольно и того, что я видела. Я побежала в хижину туземца дожидаться там конца ночи. Однако я не решилась войти в нее, так как туземец все еще лежал поперек входа, и спряталась возле хижины в куче камыша, сложенного снаружи около одной из стен.

На утро меня ожидали новые события, точно сговорившиеся разнообразить мою и без того удивительную крысиную жизнь.

- Прибытие каравана. —
 Странные занятия. —
 Снова в плену! —
 Ужасное помещенье. —
 Новые друзья. —
 Чудные уроки. —
 Прибытие в город

Меня разбудил шум, раздавшийся позади хижины. Хруст песка и сухих камышин доказывал, что к хижине приближается много народу. Солнце вставало и уже было совсем светло. Вскоре из своей камышовой засады я увидела появившихся из-за угла двух ослов, подгоняемых каким-то новым туземцем, а за ним — двух людей, говоривших на знакомом мне языке.

— Полагаю, Константин Егорович, — говорил один из них, невысокий, сухощавый, с черными усами, редкой бородкой и блестящими выразительными глазами, — что вы ничего не будете иметь, если мы с вами до станции сделаем здесь маленький утренний привал?

— Полагаю, Николай Сергеевич, — ответил другой высокий ростом, пожилой мужчина с большими седыми усами и такой же головой.

— Ей, Джума-бай, — крикнул первый ушедшему было туземцу. — Стой, братец, развьючивай ишаков: здесь мы будем пить чай! А, кардаш, — обратился он к вылезшему на голоса хозяину хижины.

— Салям алейкум! Чурек у нас есть, а су — иок. А у тебя-то су бар?

— Барми,* — отвечал мой туземец.

Записываю эти речи так, как я представляю их теперь, когда в своей скитальческой жизни я познакомилась с некоторыми новыми наречиями людей. Тогда же моя острая память только запечатлела общий тон этой, на первый взгляд, странной беседы. Может быть, я и не совсем точно передала разговор, но от этого мои воспоминания нисколько не теряют в правдивости, почему и заношу, как пишется, со спокойной совестью.

— А, коли барми, так и давай ее сюда.

Туземец снял со столба второй кувшин с водой и подал его черному господину. Очевидно, речь шла о воде.

— Бик якши, чох якши!** — проговорил смуглый господин, попробовав воду из горлышка. — Джума! Тащи сюда чайник, да разводи камышовый костер.

Между тем седой господин помог снять хуржуны и какие-то ящички со спины ослов и высвободил из ремней около одного мешка объемистый железный чайник. Между всеми присутствующими начался разговор, пересыпаемый у новых моих двух знакомых среди понятной мне речи незнакомыми словами. У двух туземцев наоборот, то и дело среди чуждой речи слышались изредка знакомые слова. Где нужно, вместо слов объяснялись знаками. Беседуя таким образом, все прекрасно понимали друг друга. Я же понимала все, благодаря часто попадавшимся знакомым словам и понятным жестам и знакам.

Речь пошла главным образом о том, каковы места вблизи, далеко ли море, есть ли поблизости другое туземное жилье и как пройти на станцию железной дороги. Между собой новоприбывшие беседовали о пройденном

* Кардаш — приятель; салям-алейкум — здравствуй; чурек — хлеб; су — вода; иок — нет; бар, барми — есть.

** Бик, чох — очень; якши — хорошо.

пути, о животных, населявших эти места, и о планах будущего путешествия. Все это было чрезвычайно интересно для меня, и я старалась не проронить ни одного слова. Я очень скоро узнала, что новоприбывшие собираются после только что совершенного путешествия по длинной ложбине, которую они звали Узбоем, отправиться на ближайшую станцию железной дороги, по которой я, очевидно, и ехала. Они собирались ехать в какой-то город; остановившись в нем, предполагали совершить поездку в какие-то горы; все это — ради изучения разных местностей и населяющих их животных.

Вот были планы, которые вполне походили на тайно питаемые мной! Как я завидовала и досадовала, что родилась крысой, а не человеком! Но, увы, изменить то, что было в руках властительницы судьбы, не было по силам даже для такой исключительной крысы, как я, и приходилось ограничиваться одними сожалениями!

Однако я рано начала огорчаться, и из последующего будет видно — почему.

Скоро поспел чайник, т.е. из него зафыркала горячая вода. Тот, кого звали Джумой, взял его какой-то палочкой, чтобы не обжечься, и принес под навес, где уже была разложена подстилка из камыша и сидели два незнакомца. Серые ослики, ишаки, покорно стояли поодаль, помахивая своими хвостиками и поводя длинными ушами. Вдруг один из них, задрвав свой хвост и заложив чуть не на спину уши, заорал благим матом. Я была уверена, что его кто-нибудь сильно укусил. Но, поорав, он успокоился и принял прежнюю равнодушную позу; вслед за ним буквально то же самое проделал второй осел. Присутствующие люди, к удивлению моему, не обратили на эти крики ровно никакого внимания. Позже и я перестала удивляться таким крикам, так как они оказались такими же обыкновенными у этих длинноухих животных, как, например, крики у знакомых мне петухов. Но я никогда не могла разгадать смысла такого ужасного орания ввиду

чрезвычайного разнообразия случаев, при которых оно совершалось. Впрочем, я видела в них какое-то подобие тех переключек, которые свойственны разным диким животным, подающим друг другу вести о себе. Вернее всего можно было бы передать эти крики словами:

— Вот и я! Слышит ли кто-нибудь?

Напившись чаю, грызя при этом сахар и такой же жесткий хлеб, чурек, новоприбывшие закурили знакомые мне еще по городу папиросы и принялись за удивительные занятия.

Смуглый вытащил из сумки — вроде тех, какие я видела у степных охотников, — несколько убитых птичек, достал откуда-то ножик и пузырек с пенящейся жидкостью и принялся ни более ни менее, как снимать с птицы шкурку. Он делал это так, что не терялось почти ни одного перышка. Разложив птичку на своем колене и прорезав на брюшке шкурку, он ловко начал работать ножом и пальцами. Временами он брал щепотку песка и сыпал его на те места, где появлялись капли крови или вываливались внутренности.

Седой товарищ его вытащил из хуржуна красивый, гладкий деревянный ящик и, раскрыв его, начал осторожно перекладывать в него из каких-то стеклянных баночек разных мертвых насекомых, укладывая их рядком на настилку из ваты. Уложив таким образом все дно ящика, седой господин покрывал насекомых бумагой, кастилал новый слой ваты и на него вновь клал ряды насекомых из других стеклянных банок.

Во время этих занятий, бесконечно заинтересовавших меня, я так увлеклась, что, высунувшись, хрустнула камышиной. Смуглый человек быстро обернулся в мою сторону, и его пронизательный взор тотчас же открыл меня среди моего сквозящего убежища.

— Эге, Константин Егорович! Да здесь крысы водятся. Это для меня новость!

Я так и обомлела. Я сразу прониклась мыслью о необходимости быстро что-либо предпринять. Но, заметив, что взор моего соглядатая, несмотря на блеск, не был угрожающим, я ограничилась тем, что также неподвижно уставилась на него парюю своих черных глаз.

— Что тут удивительного, что и сюда забрался па-сюк, — сказал спокойно седой. — Какая-нибудь случайность!

— Разумеется, здесь им не место разводиться, — сказал смуглый, — но все же удивительно: встретить такой экземпляр в хижине здешнего туркмена, затерянной среди песков и камышей исчезающего Узбоя!

— Не пугай ее, — крикнул он вдруг Джуме, собиравшемуся какой-то палкой пустить в мою сторону. — В случае чего, я всегда успею убить ее из ружья.

Благодарю покорно! Я попала в такое славное положение, что жизнь моя во всякую минуту была в полном распоряжении этого черномазого человека!

На этот раз мной овладел уже не страх, а ужас, к которому, словно насильно, примешалось крайнее удивление. Но вскоре ужас исчез, осталось одно удивление: чернявый господин отложил в сторону птицу, т.е., вернее, птичью шкурку, так как тушка ее уже лежала отдельно, взял огрызок чурека и бросил его к камышам, у которых я сидела.

В этом поступке было столько миролюбивого, что я, немного подумав, сделала то, на что не решилась бы, пожалуй, при других, менее угрожающих обстоятельствах. Я вышла из камышей и взяла осторожно кусок.

— Э, да ты не из пугливых! — продолжал чернявый господин. — Или, брат, уж очень проголодался!

Хозяин хижины что-то залопотал на своем ломаном языке, который был черномазым тотчас же переведен.

— Ты говоришь, она у тебя ашала* чурека? Пожалуй, значит, не голодна. Да она ли поела-то? Может, не она ашала? А? Может быть, тот, который ашал, ушел туда: барам* туда? А этот иок ашал? — допрашивал он туземца, указывая на камыши.

* Ашала — поела; барам — иду, идем; яман — плохой, гадкий; якши — хороший.

Но туземец ухмылялся, тряс головой и пальцем указывал на меня.

— Ашал тут, там иок! — ответил он по-своему, подтверждая мое воровство.

— Ну, значит, ты, братьей, вор-крыса! — заявил мне чернявый и бросил мне кусок сахара, что вовсе не вязалось со сделанным мне только что выговором.

К сахару я привыкла еще во времена знакомства с двумя девочками, поэтому я легко поддавалась искушению и, оставив закусанный было чурек, взяла сахар.

— Что за оказия, Константин Егорыч! Ведь это интересный экземпляр крысы. Совсем, как ручная. Да ты, кардаш, не врешь ли? Может быть, эта крыса твоя, ручная. Якши крыса? — старался он объяснить туземцу свою мысль.

— У-у-у! Яман!* — затряс туземец головой и сделал вид, что он с удовольствием убил бы меня.

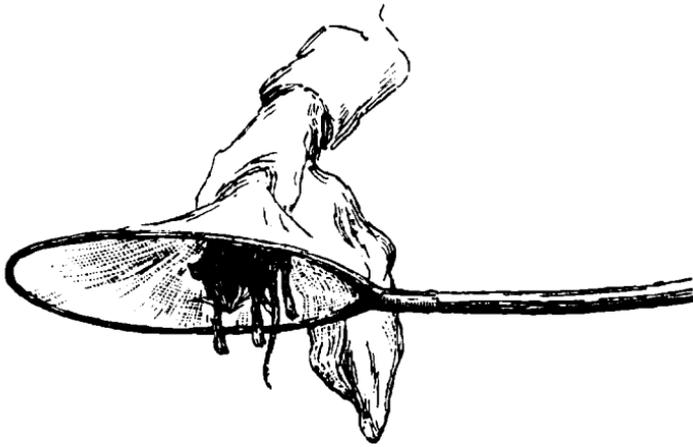
— Ну, нет, брат! Насчет этого — шалишь! Я тебе не дам! Крыса моя, и в ее жизни и смерти волен я. Уж если она и впрямь ручная, то быть ей членом нашей экспедиции, и Джума будет за ней так же ухаживать, как и за нами.

Джума оскалил, улыбаясь, свои зубы, но ничего не сказал.

— Стойте, Николай Сергеевич! — сказал вдруг седовласый. — Я сейчас ее поймаю, а там уже узнаем: ручная она или не ручная.

— Ловите, но только не упустите. Впрочем, в случае чего, я ей, нечего делать, пуцу заряд: не воруй припасов. Однако привезти нашего пасюка из песков Узбоя, — ведь, это, как хотите, что-нибудь да значит! Ведь, это своего рода географическое распространение.

Между тем высокий осторожно, не желая, вероятно, меня испугать, встал и, вынув какой-то предмет из сумки, свинтил его со своей палкой. В руках у него образовалось что-то вроде тех инструментов, с какими мои девочки в былое время гонялись за бабочками.

Заложив весь прибор за спину, седовласый господин тихонько приблизился ко мне сбоку и вдруг, взмахнув, накрыл меня каким-то белым колпаком. Чернявый тоже мигом встрепенулся и, быстро подскочив ко мне, ловко схватил меня за шиворот сквозь покрывшую меня материю.

Сердце мое билось так, как будто готово было выскочить, но я, пересилив естественное желание вырваться, осталась неподвижной, покорно вися в руках чернявого господина.

— Давайте скорее банку, Константин Егорович, — закричал он.

— Зачем банку? Не надо банку, мы ее и так оборудуем. Вы только подержите ее на весу. Минут пять! Авось, руки не затекут.

Седой не спеша подошел к одному из хуржунов и вытащил из него какой-то мешок. Из этого мешка он достал проволоку и нечто вроде тупых ножниц. Затем он оттуда же достал длинную железную цепочку.

— Я вот на ней и не таких зверьков приручал, — сказал он, показывая ее чернявому.

Затем он подошел ко мне и обвил мою шею проволокой, стараясь не делать мне больно. Я висела так же покорно, как висит мышь в зубах у кошки, только задние

ноги мои и хвост невольно делали круговращательные движения. Сделав мне подобие свободного ошейника, седой прицепил как-то цепочку и сказал:

— Ну, теперь пускайте.

Я очутилась на земле, свободная в своих движениях, но прикованная на цепь.

”Хруп, Хруп!.. Неужели ты оставил свою клетку, чтоб кончить свои дни несчастным прикованным пленником! Это было бы ужасно...”

Я не билась и не пыталась бежать, что еще более удивило моего нового хозяина, каким я с этой поры считала Николая Сергеевича, — буду уж его звать человеческим именем, тем более, что за свою долгую жизнь я уже достаточно привыкла к этим особенным двойным кличкам каждого русского человека.

— Ну, как же мы теперь тебя звать будем, удивительный пасюк? — обратился Николай Сергеевич ко мне.

— Зовите его Узбосм* по месту нахождения, — сказал его спутник.

* Узбой — высохшее русло древней реки, впадавшей в Каспийское море; по мнению некоторых, это была Аму-Дарья, повернувшая потом в Аральское море.

— Ну, ладно. Ну, Узбой, будь умником, а теперь посиди немного один: мне, брат, еще много дела, — и новый хозяин привязал мою цепочку к столбу навеса.

Оба туземца с любопытством посмотрели на нового плекника, по-видимому, тоже удивляясь его покорности.

Да и мои два новых спутника долго беседовали, каждый за своим занятием, об удивительном случае нахождения пасюка среди песков, да еще такого смиренного.

Константин Егорович сделал предположение, что я, вероятно, сильно удручена была неподходящим местожителем, оттого во мне и притупилась природная дикость. Зачем судьба не даровала вам, люди, проницательности? Впрочем, оно, быть может, и к лучшему...

Наконец, мои хозяева покончили со своими делами: Николай Сергеевич выпотрошил еще штук шесть птичек и приготовил удивительные подобию их трупов из снятых с них шкур, а седой упаковал в ящики всех выбранных им из банок насекомых.

— Джума! Собирайся, и — в путь! — крикнул Николай Сергеевич, отцепляя меня от столба.

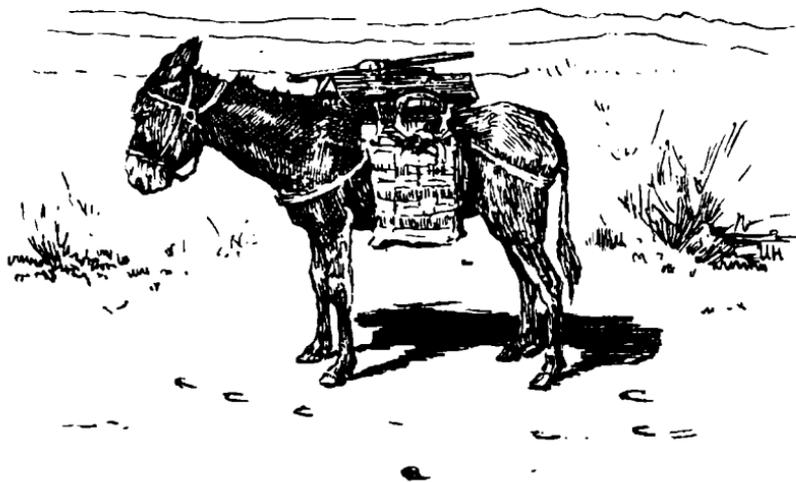
Он это сделал как-то неловко и ошейник подпер мое горло. Я метнулась.

— Ну, ну, дикарь! Опомнись. Теперь, брат, шалишь. Иди на новую квартиру.

И я, действительно, пошла на новую квартиру, как упрямая собачонка, так как никак не могла приноровиться к походу на цепи. Это объяснялось хозяевами моим нежеланием идти.

Меня упрятали в какую-то огромную стеклянную банку, которую сверху прикрыли деревянной крышкой того ящика, в котором она стояла, только крышку захлопнули не плотно, а оставили щель, вероятно, чтобы я не задыхнулась. На этот раз это была тюрьма и тюрьма ужасная, так как она имела гладкое стеклянное дно, гладкие округлые стены и узенькую щель наверху, в которую я видела только кусочек голубого неба. Это даже

не могло быть местом для уединенного обсуждения протекших событий, так как всякая рассудительность и обдумывание мне были доступны только при условии покоя и уюта. Итак, мои хозяева, которые вовсе не имели вида мучителей и, судя по их разговорам, даже не собирались огорчать меня, заставили бедного Хрупа-Узбоя провести несколько часов в ужасном состоянии. Ошейник с непривычки сильно раздражал меня, и я делала тщетные попытки освободиться от него; банка, помещавшаяся вместе со своим ящиком на спине одного из ишаков, стояла неровно; ее покатоое дно мешало мне даже удобно сидеть, и я всю дорогу сползала в какой-то

стеклянный угол между дном и гладкой стеной. К довершению неудобства самое дно было какой-то горкой. Никогда ни одна крыса не путешествовала с таким полным неудобством, как я, и — уверяю вас — это был, наверное, единственный случай подобного переселения крыс с Узбоя в культурные места. Остальные крысы, если таковые здесь существовали, наверное, были гораздо счастливее меня.

Я очнулась от ошеломления только тогда, когда Николай Сергеевич, добравшись, наконец, до желаемой станции, вынул меня за цепочку из банки и показал каким-то людям в белых костюмах с блестящими пуговицами.

— Вот вам пример, господа офицеры, — говорил он при этом — несомненного расселения домовых крыс за человеком. Этот господин, которого мы с Константином Егоровичем прозвали Узбоем, пробрался даже в хижину бедного сторожа туркмена.

— Удивительно! Говорили те, которых он звал офицерами.

— Но, неверно! — прибавила я мысленно, когда голова моя, больше уже не удручаемая несносной банкой, приобрела способность понимать. Впрочем, если хотите, мой хозяин был отчасти прав: ведь, хотя и против воли, а я попала на Узбой, действительно, за человеком, даже в буквальном смысле слова, если принять во внимание, что я пробралась туда на спине туземца.

Некоторые офицеры очень осторожно пытались гладить меня, но я так была озлоблена последней дорогой, что не хотела даже быть ручной, поэтому очень сердито бросалась на каждого, кто протягивал свою руку.

— А вот там был какой смирный! — удивлялся Николай Сергеевич. — Видно, почуял свои злачные места, вот и сердится.

На этот раз я с какой-то озлобленностью радовалась, что он не знает истинной причины моей дикости. Если бы не предстоящая поездка в места с новыми животными, я бы с ума сошла от одной мысли сидеть на привязи. Но как я буду совершать дальнейшее путешествие? Неужели в этой ужасной банке? Нет, я не хочу допускать и мысли об этом.

Я не старалась особенно запоминать ничего из того, что совершалось на станции, на которую прибыл наш караван. Помню только, что возле нее сильно пахло керосином, неприятный запах которого я очень хорошо знала.

Опять началась знакомая мне езда в вагоне. Вагон, в котором помещалась я и мои спутники, был совершенно такой, как тот, в котором ехали коровы, только по стенам шли скамеечки да с двух сторон были сделаны настоящие окна. На этот раз моим логовом был тот же ящик, из которого, однако, была вынута ненавистная мне банка. Пользуясь длиной цепи, я могла свободно бегать по скамейке, даже спрыгивать с нее.

Но самое важное было то, что, вскочив на самый ящик, поставленный боком (так, что крышка являлась чем-то вроде двери), я могла смотреть в окно просто сквозь вставленные в него стекла. Это было моим спасением, так как после всего испытанного я бы не перенесла разлуки с внешним миром. Мои хозяева за мной просто ухаживали и, очевидно, только неведение мешало им дать мне полную свободу. Они не знали, что я не убежала бы от них. Или они, или их слуга, Джума, всегда давали мне есть и пить, и в этом отношении у меня недостатка не было. Стол мой был роскошен: не только хлеб и кусочки мяса не сходили с моего стола, но я часто получала чудные ла-

комства, вроде ломтиков разных плодов, которых названия я теперь могу привести. Это были дыни, арбузы, урюк*; а из других вкусных яств, я с удовольствием ела виноград и душистую ягоду тутового дерева, видом напоминавшую малину, только она была плотнее и подлиннее. Оба сорта и белые и лиловые были одинаково вкусны. Одного, но очень многого, мне недоставало — свободы, за которую я отдала бы все яства, выговорив, пожалуй, только хлеб и воду, которая, как я уже слышала, в этих местах имеет особую ценность.

Очень часто наш вагон останавливался на станциях, и мои хозяева надолго скрывались, вероятно, отправляясь на экскурсии. В таких случаях я оставалась на попечении Джумы, который тоже ласкал меня и пытался учить разным штукам. Но мой диплом образованной крысы не позволял мне нисходить до проделок, достойных обыкновенного пасюка, и я упорно отказывалась выучиваться скаканьям через палочку, кувырканиям и тому подобному. Впрочем, я любила Джуму за ласку и иногда, словно случайно, проделывала, к его удовольствию, какую-нибудь штуку. Тогда он приходил в восторг, как ребенок, и выкрикивал радостно:

— Ай, байяй!.. Ай, байяй! — что я объясняла словами: “Молодец, молодец!”

Возвращаясь в вагон, мои хозяева обыкновенно занимались уже знакомым мне делом — выделыванием птичьих и зверьковых шкурок и расправлением и укладыванием насекомых. Производя свои наблюдения, особенное внимание уделяла я четвероногим и пернатым существам; но мое изучение ограничивалось просто осмотром их внешнего вида, так как они приносились, как я уже сказала, в виде трупов.

* Урюк — местный плод вроде абрикоса; туговое д. — шелковица.

Зато из бесед двух моих новых приятелей я многому научилась. Я узнала, что бросившееся мне в глаза сходство тушканчика и песчаной крысы с песком — не случайное явление, а было одним из примеров так называемой покровительственной окраски. Окраска животных, не исключая и насекомых, большею частью соответствует условиям их жизни и в особенности походит на общий тон окружающей обстановки. Оказывается, это сходство тонов цвета шерсти — у зверей, перьев — у птиц, чешуи — у пресмыкающихся и крылышек — у насекомых с тоном местности, в которой они живут, является прекрасным средством избегать врагов. Последние не замечают животного среди сходной обстановки. С другой стороны, их собственная окраска, походя по цвету на окружающую местность, помогает им подкрадываться к добыче, которая тоже не догадывается о приближающемся хищнике, так как его легко смешать с неодушевленным предметом: камнем, комком глины или земли, или куском древесной коры.

Я узнала, что желтый или буланный цвет окраски животных песков и глиняных местностей зовется “цветом пустыни”, которая таким образом, по выражению Николая Сергеевича, “зорко охраняет от постороннего глаза своих крупных и мелких обитателей”. Раз я услышала очень интересную новость, которую, впрочем, передам словами Константина Егоровича, сказанными им одному офицеру, посетившему наш вагон.

— Существует остроумное предположение, — говорил он среди разговора, — что полосы тигра, пятна пантеры и однотонность шкуры льва объясняются характером тени, падающей на этих животных в местностях, ими обитаемых. Тигр, живя в камышах, имеет полосатую шкуру, с которой ему легко скрываться среди камышей, где тени падают тоже полосами; пантера имеет пятнистую шкуру и живет там, где падают крапчатые тени древесной

листвы; лев, житель солнечной пустыни, где мало тени, снабжен шкурой, лишенной какого-либо рисунка.

— Если это и не вполне точное объяснение явления узорчатости шкур, — прибавил Константин Егорович, — то все же это одно из остроумных.

Но я вполне с этим объяснением соглашалась, так как только

этим и объясняла песчаный цвет моей пустынной родственницы, песчанки. Подтверждение же моему убеждению я видела в буланых зайцах, антилопах и многих птицах “цвета пустыни”, трупы которых приносились в вагон Николаем Сергеевичем.

Из своего окна я видела мало, так как все интересное наблюдала только тогда, когда вагон мчался от станции к станции. Я радовалась тогда всякому новому животному. Помню, я с любопытством гляде-

ла впервые на маленькое стадо быстрых антилоп, бегущих по гладкой песчаной равнине прочь от промчавшегося нашего поезда. Я еще долго видела вдали их мелькавшие белые “зеркальца” около хвоста. Николай Сергеевич говорил, что, по его наблюдениям, эти зеркальца, т.е. белые пятна шкуры у хвоста, играют интересную роль

в жизни животного.

Именно — вожак стада, опытная антилопа-отец, становится где-нибудь на виду у стада так, чтобы морда его была обращена туда, куда дует ветер, т.е. по ветру. Таким образом врага он может впереди видеть, сзади — чуют по запаху, приносимому ветром. Зеркальце же служит в это время сигналом: по расширению и суживанию его от распускания и собирания складок шкурки и волосков остальные антилопы судят об отсутствии или приближении чего-либо подозрительного.

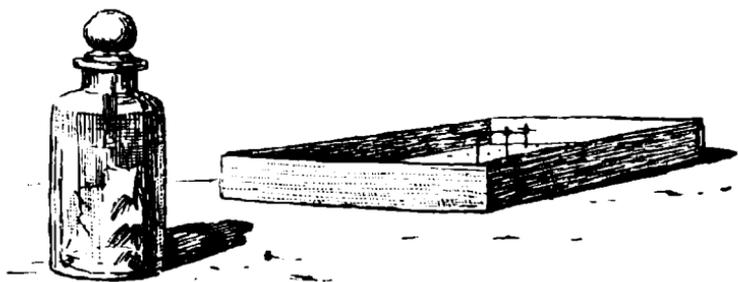
Иногда и в вагоне я испытывала особенное блаженство. Это случалось тогда, когда Константин Егорович темными вечерами открывал окно вагона, стоявшего на какой-либо станции, обращенное в сторону интересной ему местности. Он устанавливал на составленные ящики яркую лампу, направленную светом на окно. Ящики чаще всего предва-

рительно покрывались белой материей. Тогда в окно с наступлением темноты начинали лететь самые разнообразные насекомые: жуки, ночные бабочки, мухи и пр. и пр.

Николай Сергеевич и Джума обыкновенно в это время спали, а я и Константин Егорович проводили добрую половину ночи, бодрствуя. Я, разумеется, делала это в качестве простой зрительницы, Константин Егорович действовал. Руками и щипчиками он брал садившихся на освещенные места насекомых и ловко, не раздавив и не помяв, клал пойманных в какие-то банки с особыми пробками. В эти пробки вставлен был маленький сосудик вниз горлышком так, что оно приходилось внутрь закупоренной банки. Сосудик был в свою очередь заткнут ватой и в нем виднелись кусочки какого-то белого вещества. Как-то раз я понюхала такую баночку, когда она была откупорена, и почуяла приятный ароматический запах. Увидя это, Константин Егорович отобрал от меня пробку и глубокомысленно сказал:

— Тут, почтенный Узбой, лежит штучка, которую нюхать вредно, а лизать или кушать опасно для жизни. Разве ты не видишь, что я запахом этого вещества, коего имя цианистый калий, отравляю насекомых? Если ты желаешь попасть в коллекции шкурок Николая Сергеевича, то можешь быть по-прежнему неосторожным.

Должна сознаться, что я не имела в виду увеличивать собою коллекции Николая Сергеевича и потому больше не интересовалась вблизи белыми куточками сосуда. Сам не зная того, Константин Егорович оказал мне большую услугу.

Поймав на скатерти какого-нибудь жучка, Константин Егорович сажал его в банку и закупоривал. Сквозь стекло банки я видела, как жучок, ползая по

каким-то напи-
ханным в банку
бумажкам, на-
чинал усиленно
дышать своим
брюшком. — О
том, что насе-
комые дышат
дыхальцами на
боках брюшка,
я уже была
осведомлена из
бесед двух прия-
телей. — Жу-
чок пачкал бу-
мажку своими
выделениями и
затем медленно

замирал, иногда подпрыгивая ножками. Обратно он вынимался уже мертвым.

Видя мою внимательность, Константин Егорович иногда дарил меня объяснениями.

— Ты становишься очень любознательным, Узбой, — говорил он мне. — Можно подумать, что ты интересуешься, для чего я наложил в банку бумажки. Затем, братец, чтобы слабые насекомые в этих бумажках могли спрятаться на время от хищ-

ных соседей, положенных в эту же банку. Это во-первых, а во-вторых, — потому, что насекомые имеют привычку пачкаться или от огорчения, или же защищаясь едкой жидкостью. Их выделения и всасываются положенными бумажками и таким образом не марают ни их нежных покровов, ни других насекомых. Понял?

Я, разумеется, поняла, но Константин Егорович не догадывался о моем понимании, иначе, наверное, чаще дарил бы меня своими объяснениями.

Иногда он принимался сообщать мне некоторые сведения о насекомых.

— Вот это одна из летающих жужелиц, — говорил он — это ужасный хищник для других жуков. Смотри!

Она и здесь на скатерти гоняется за своей добычей, не думая о том, что является сама прекрасной добычей для меня. Вот этих бабочек мы с тобой, Узбой, сегодня брать не будем: они здесь обыкновенны, а вот, если они попадутся нам в горах, там мы их наберем, а потом и узнаем, отличаются чем-нибудь эти горные жители от жителей пустынных кустиков или нет. Смотри-ка, Узбой, какой прекрасный экземпляр прибыл. Это один из представителей усачей. — Видишь, какой усатый. Эти длинные усы-сяжки помогают ему исследовать вокруг себя. Они очень чувствительны. Ты это

должен понимать, потому что и сам усами не зря двигаешь. А! Почтенная ночница! И вы прилетели! Интересно, — какое пахучее растение манит вас своим ночным ароматом? Ведь, ночью, Узбой, яркость цветов и растений не причем, вот и приходится этим ночницам руководствоваться в поисках за пищей или запахом, или белым цветом, который ночью резко выделяется. Иногда, впрочем, насекомых привлекает фосфорическое мерцание некоторых растений — цветов или растительного гнилья...

Слушая это повествование, я невольно вспоминала поляну с благоухающими ночными цветами, где моя охота за ночными бабочками чуть не стоила мне жизни.

— А вот этот субъект, — продолжал мой учитель — попадается мне впервые. Хоть он и неказист с виду, но займет почетное место в моей коллекции. Мы его непременно отошлем с некоторыми другими для определения в Германию, где живет специалист по этим интересным паукам. А тебя, сударыня, придется отослать в Англию для той же цели, — сказал Константин Егорович, излавливая какую-то странную ночную бабочку.

— А! Почтенные знакомые! Пожалуйте, пожалуйста! Мы вами лично займемся по зиме: вы по моей части. Надеюсь, среди вас и мне удастся найти новый вид. Назвал бы я его в честь тебя, Узбой, *Clerus Usboji*, или *Clerus Usbojenzis**, но это введет, пожалуй, других натуралистов в заблуждение: подумают, я нашел его на Узбое, а их как раз там-то я и не находил.

И говорил, и говорил мой учитель. — Словно ручей текла его тихая речь, точно он, действительно хотел поучать меня.

* Латинские названия; первая половина есть научное наименование рода насекомого, к которому оно относится, вторая — вида, т.е. его личное прилагательное. По-русски приведенные названия можно было бы перевести Пестряк с Узбоя или Пестряк Узбойский. Удивляемся, как могло попасть такое трудное слово в воспоминания крысы, хотя и необыкновенной.

Скажите же по правде, разве не интересны были эти беседы среди ночного мрака, разбитого лучами ярко горящей лампы, в одиноком вагоне, стоявшем на запасном пути какой-то станции по дороге в Ашхабад?

Наконец, Константин Егорович оканчивал свое занятие, тушил лампу и укладывался спать, к великому моему огорчению: я же готова была не спать всю ночь, лишь бы не прекращались эти чудные, поучительные уроки.

На утро обыкновенно вагон после какой-то возни и катанья взад и вперед устанавливался в ряды других таких же вагонов, и поезд мчался дальше.

Наконец, мы прибыли в город, о чем я могла судить по восклицанию Джумы:

— Ашхабад!

XXIII

“Хоромы” натуралиста. —
Убийцы или друзья? —
Хруп Узбоевич. — В горы! —
Уроки продолжаются

ум и толкотня, сопровождавшие наше прибытие, были невообразимые. Весь багаж моих хозяев был вынесен из вагона и уложен на две большие телеги о двух колесах, которые звали здесь “арбами”.

Я их потом не раз видела в разных городах здешних краев. Я не сказала своевременно, что багаж моих путешественников, лежавший на вьюках в Узбое, был только частью большого экскурсионного запаса, который поджидал двух натуралистов на той станции, к которой мы в свое время добрались после приключений на Узбое.

Арбы доставили багаж и меня с Джумой в какое-то просторное здание города. Натуралисты прибыли раньше в четырехколесном экипаже. Это здание видом напоминало хижину туземца, то есть было без крыши или, вернее, с плоской крышей, но, кроме этого общего признака, оно значительно отличалось от хижины туземца чистотой отделки и значительными размерами. Возле него виднелся боль-

шой сад, усеянный лиственными деревьями. Сад был окружен гладкой глинобитной стеной, а внутри его виднелись выкопанные рядами каналы с какими-то воротцами, перегородившими их местами.

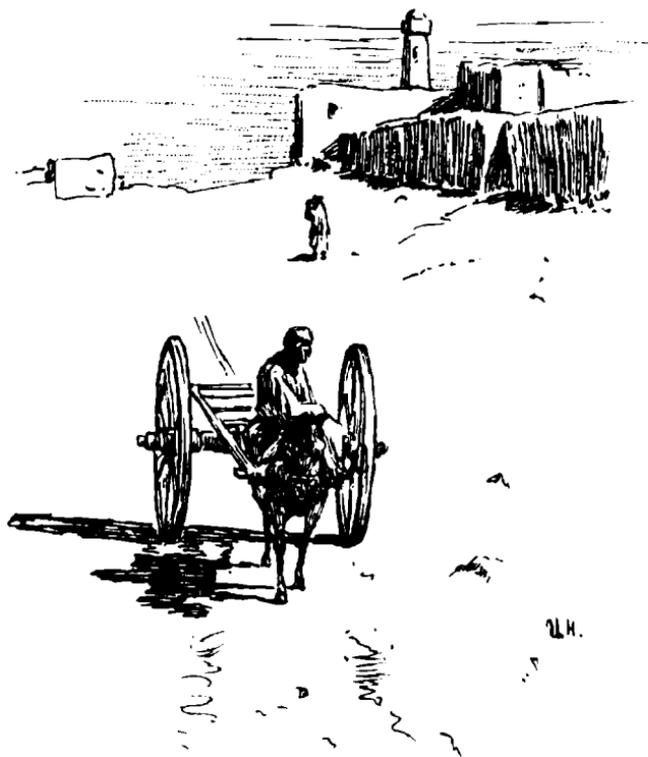

Это, как я узнала, были маленькие искусственно выкопанные каналы, арычки, сообщавшиеся с более значительными, тоже копанными, каналами города — арыками. Из последующих бесед я узнала, что вся древесная растительность здешних мест являлась человеческим насаждением, без которого город имел бы унылый вид, каким отличались другие селения в плохо орошенных местах пустыни.

Остальные здания города были большею частью схожи с строением, где мы поселились, и только не-

которые дома напоминали обычные для меня городские постройки*.

— Ну, как вам нравится мое логовище? — спросил Константин Егорович своего спутника.

— Ничего, жить можно! — ответил Николай Сергеевич.

— Экий вы избалованный, посмотришь! Хотел бы я послушать ваше мнение о здешнем обитании, если бы я вам показал его в мое первое появление здесь, когда я прибыл чуть не с первыми верблюдами. Нет-с, батенька мой, это настоящие хоромы, пожалуй, даже слишком важные для такого натуралиста-коллектора, как я.

* Очевидно, дело происходило в первые годы заселения Ашхабада русскими.— А.Я.

Я нашла помещение также заслуживающим названия “хором”, так как оно состояло из прихожей и двух прекраснейших комнат с прекрасным деревянным полом. Впрочем, нетребовательность их хозяина видна была сразу, по отсутствию какого-либо признака мягкой мебели. Все было просто, но чрезвычайно аккуратно и чисто. Во второй комнате, очевидно, рабочем кабинете хозяйна, перед большим просторным, светлым окном стоял большой деревянный белый стол, уставленный разными банками с мелькавшими в них всевозможными мелкими животными. Тут же лежали ящики с насекомыми, наколотыми на булавки.

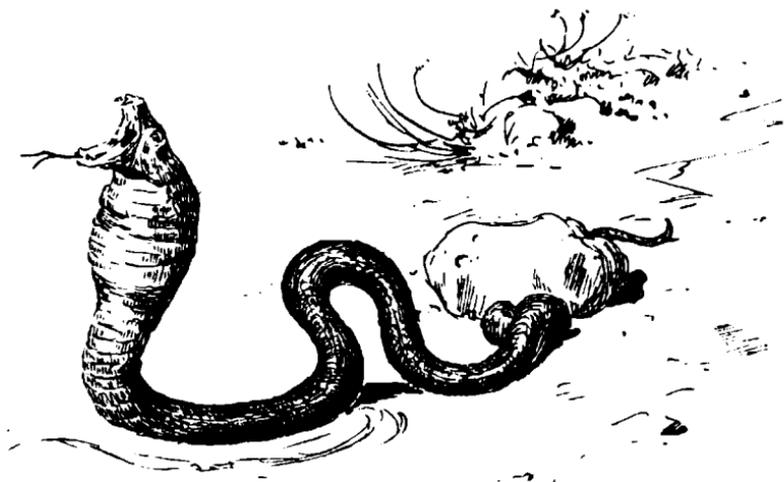
— Откуда у вас эта наяя? — спросил Николай Сергеевич, разглядывая разинутую пасть отвратительной змеи, пристроенную в качестве комнатного украшения на деревянной висящей дощечке.

— Вы говорите про здешнюю очковую змею? — переспросил Константин Егорович. — Это памятка моего приключения, которое могло окончиться весьма неприятно для меня. Я бродил в одном из здешних ущелий с одним сачком, как вдруг видел ползущую по откосу оксианку*. Я тотчас же начал бросать в нее камни, но, не попадая хорошо, только раздражил эту полтора-аршинную гадину. Она повернулась и с откоса поползла прямо на меня. Нечего греха таить: я повернулся и, бросив тяжеловесный камень, побежал прочь. Однако тут же споткнулся и упал. Разумеется, я не мог ждать ничего хорошего от разозленной гадины и считал себя уже погибшим от предстоящего смертельного ее укуса. Но, вскочив, с радостью увидел, что был спасен: змея яростно извивалась около камня. Последний бросок мой был так удачен, что камень придавил змею около хвоста, и она старалась из-под него выбраться. Конечно, я не стал дожи-

* Научное название этой закаспийской очковой змеи — *Naja Oxiana*, т.е. наяя из окрестностей бассейна реки Оксуса (древнее имя Аму-Дарьи). — А.Я.

даться и тут же добил змею другими камнями. Вот теперь она в качестве трофея и красуется на моей стене, напоминая мне о необходимости быть всегда осторожным.

— Славный экземпляр! — сказал Николай Сергеевич. — Посмотрите, какие чудные ядовитые зубы и эти запасные рядом с ними.

— Чудного в них мало, а что крупные — это верно. Я полагаю, что они и теперь еще страшны, так как яд и высушенный не перестает быть опасным.

Все это я слушала, сидя у своего ящика, поставленного в груде других вещей в углу комнаты. Наконец, и на меня обратили внимание.

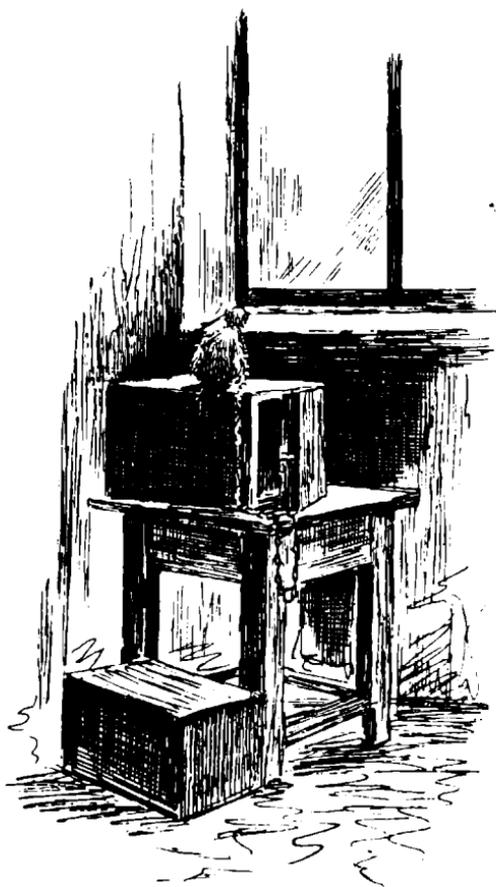
— Ну, Узбой! Где же тебя поместить? — сказал Николай Сергеевич и, подумав, приладил возле окна какой-то большой табурет, отодвинул стол немного в сторону и поставил на табурет мой ящик, в котором, кстати сказать, я путешествовала уже без банки. К табурету он приставил еще какой-то ящик, и получилось нечто вроде лестницы: новый ящик, табурет, мой ящик и подоконник. Цепочку мою приладили к петле замка от ящика. Таким образом я могла, по желанию, спрыгивать чуть не на пол

и забираться на окно. В мой ящик подстилки не клалось никакой, так как внутри его, где помещались когда-то круглые банки, было все подбито войлоком.

Вскоре все мы водворились каждый в своем месте: мои хозяева — в другой комнате на кроватях, я — у окна, а Джума — где-то в передней. Здание, таким образом, стало жилым повсюду.

Началась новая для меня жизнь, продолжавшаяся, впрочем, не более недели, так как вскоре наступили новые события, о которых скажу ниже.

Мои приятели, хозяева, занимались обыкновенно переборкой материала из собранных животных, и я

тут впервые узнала, что те убийства и умерщвления, которыми они занимались, были далеко не то, что можно подразумевать под этими названиями. Я даже начала смотреть потом на такие поступки моих хозяев с каким-то почтением, так как скоро поняла, что оба натуралиста не переставали любить тот мир, где они занимались как будто уничтожением. Они даже относились с какой-то любовью, сначала мало-понятной мне, к трупам убитых ими животных. Мне скоро уже не казалось странным, что Николай Сергеевич, рассказывая кому-нибудь про добычу какой-либо птички, любовно глядел на трупик се,

лежавший в его руках, и нежно перебирал какие-нибудь ее перышки. Иногда он входил в какое-то особенное одушевление и восторг и даже целовал головку пташки.

— Ах ты, моя славная скотоцеркочка! — говорил он иногда, поглаживая обработанную им шкурку крошечной птички. Это уж были собственные названия Николая Сергеевича, вроде оксианка, мотацилка, взятые им из чуждого мне языка*.

— Ведь вот, Константин Егорович, — продолжал он, — не могу я равнодушно слышать милого щебетанья “та-та-циррр, та-та-циррр”, когда эти малютки скачут по ветвям саксаульного куста или другого кустарника и, распутив веером свои хвостики, забавляются играми. Если бы не необходимость иметь несколько экземпляров из этой местности, кажется, никогда бы не решился убить эту славную пичужку.

— Или вот хоть эта филоскопочка, — он брал другую птичку. — Как их трудно разглядеть в ветвях высокой джидды, несмотря на постоянное “пи-ю, пи-ю”, раздающееся в ветвях. Только истинный любитель природы поймет нас с вами, решающихся четвертными зарядами сбивать этих птах с их родных веток, ради желанья иметь несколько экземпляров, как памятку о милой с ними встрече, о их родине и их интересной таинственной жизни. Ведь, если бы не наш брат-натуралист, много ли бы знали другие люди о жизни этих созданий? А, ведь, если не убьешь ее, не изучишь тельца и шкурки, то и век не узнаешь, что за удивительные творенья живут своей маленькой жизнью в густых ветвях порослей здешних степных рек и пустыней...

* Это и следующие названия, очевидно, созданы из латинских научных наименований разных животных: *Scotocarca*, *Matacilla* (трясогузка), *Phyloscopus* (пеночка) птицы, (*Naja*) *oxiana* — змея. Саксаул — невысокое дерево-кустарник закаспийских пустынь. Джидда — густое прибрежное дерево по рекам Средней Азии. — А.Я.

— Помню я, — говорил Николай Сергеевич в другой раз, разглядывая чучело какой-то красавицы, белой чапурки, — как я простаивал часами, чуть не по горло в болотах Оренбурга, наблюдая за жизнью и гнездованием одного маленького родственника этой цапли, нашей цапли — “волчка”. Не один фунт крови скормил я полчищам комаров, докапываясь до тайн и секретов ее болотной семейной жизни. А вот теперь приходится тоже проделывать с этими косматыми приятельницами. Эх, ты, славная цаплюжка! — добавлял он, поглаживая по молочно белой грудке цапли.

Я, пожалуй, еще более ужасный хищник, — отвечал ему иногда Константин Егорович, потому что, кроме ужасного удушения своей добычи запахом цианистого калия, иной раз вынужден бываю чуть не живьем прикалывать жуков к пробке расправилки. Впрочем моя любовь к своим убитым насекомым, в которой вы, надеюсь, не сомневаетесь, не распространяется до поцелуев, которые вы расточаете своим птицам и зверькам. Поцелуй, да еще моих губ с шатром таких усов, пожалуй, нанесут существенный ущерб красоте этих созданий, стирая налет или чешуйки их нежных покровов.

Кроме пересмотра добычи и более тщательного укладывания ее в ящики и банки, оба натуралиста еще занимались и письменной работой. Из их разговоров я убедилась, что они вели дневники своих экскурсий, а равно отмечали время и место добычи того или другого экземпляра. Один раз я даже узнала одно интересное обыкновение отмечать животных особыми значками. Это явствовало из слов Константина Егоровича:

— Николай Сергеевич, вы ошиблись: поставили кружок с крестом вниз а ведь, это молодой петушок.

Речь шла о какой-то куропатке.

Николай Сергеевич подошел и подрисовал крест наверх, а нижний зачеркнул. Когда я издала взглянула на один из брошенных листков, то, действительно, увидела

кое-где какие-то значки, состоявшие из кружков, и стрелок (♂ ♀*).

Однако занятия моих хозяев не ограничивались только собиранием четвероногих, пернатых и других творений. Они часто возились еще с какими-то ящиками и банками, из которых вытаскивали завернутыми в тряпки рыб, ящериц и змей. Эти животные сохранялись в жид-

костях, из которых одну я знала по ее запаху водки, знакомому мне еще по кладовой, другая же отличалась противным запахом: ее звали формалином, — и я, памятуя речи Константина Егоровича о пахучих белых кусочках, не решалась даже близко подходить к банкам с пахучей жидкостью. Оказалось впоследствии, что запах этой жидкости не был опасным. Между прочим, я уразумела, что мое обиталище было не что иное, как ящик, служивший помещением той банки, в которую складывалась добыча дня, требовавшая сохранения в спирте или другой жидкости. Разумеется, я не желала более попадать в такую банку, ни в пустую, ни с жидкостью.

Иногда хозяева мои куда-то уходили, и я оставалась одна. Они уходили не на экскурсию. Это было видно из того, что они оставляли принадлежности охоты —

* ♂ — петух, ♀ — курица, juv — птенец, цыпленок. — А.Я.

ружья, сачки, сумки и т.д., да к тому же я узнавала многое из разговоров. Они уходили в это время к кому-нибудь из знакомых в городе. Я не упомянула бы об этом, если бы эти прогулки моих хозяев не привели к одному событию, которое имеет большое значение для моих воспоминаний. Мне вернули мое имя “Хруп”, и вот как это случилось.

Как-то раз, вернувшись из подобной прогулки, Николай Сергеевич обратился ко мне с такой речью:

— Ну, Узбой, твое имя приходится менять, так как один знакомый посоветовал мне назвать тебя более подходящим именем, оказывается, уже существующим в крысином календаре имен. Он сказал, что у одного его дальнего приятеля была умная крыса, которую он сам видел, когда ездил в Россию. Эту крысу, которой все удивлялись, звали Хрупом. Это имя мне нравится! Полагаю, что и ты не менее удивительный экземпляр, если сумел попасть на Узбой, поэтому отныне твое имя Хруп, а чтобы ты не огорчился потерей старого имени, то пусть ты будешь Хруп Узбоевич.

После этого оба приятеля меня звали или Хрупом, или Узбоичем, или Хрупом Узбоевичем, и только Джума упорно звал меня Узбоем. Это название ему нравилось больше, да, видимо, было ему и роднее. Что касается до меня, то я чуть не подпрыгнула от радости, когда узнала, что вести обо мне — я не сомневалась, что речь шла именно обо мне — достигли и здешних краев. Как широко распространяется слава!

Слава! Пригодно ли это слово для существа, не имеющего и признака возможности заявить о себе открыто. О, как мне хотелось в это время крикнуть человеческим голосом:

— Да, ведь, это я — тот Хруп, о котором пошла так далеко молва, это я — тот удивительный “крыс”, который услаждал присутствием старость седого лесника. Это — все тот же Хруп, которого судьба загнала на

Узбой, и, может быть, еще загонит куда-нибудь далее, даря все новыми и новыми именами!

Но... мне оставалось только радоваться возвращению законного имени, а теперь остается это запечатлеть в своих воспоминаниях.

Будь же философом, новорожденный Хруп Узбович, и учись переносить в молчании такие трогательные моменты, как весть о распространении твоей славы!..

Наконец, из разговоров двух приятелей я узнала, что они собираются в горы. Что же будет со мной? Если потеря свободы не была мне слишком тягостна, то это объяснялось чудными уроками, за которые я считала всякую беседу близ меня о живых существах и о их положении в природе. Но с уходом моих хозяев эти уроки должны были прекратиться, и я обрекалась бы на одиночество, на полное одиночество, так как, кроме моих приятелей, да Джумы, из живых существ жила здесь только в сетчатом ящике одна ядовитая змея “Эхис”, привезенная живьем с Узбоя.

Ни крыс, ни даже мышей я не видела и объясняла это только тем, что здание было недавно выстроено, и мои родственницы, не видя в нем ничего привлекательного, еще не успели его заселить. О существовании здесь домашних животных — крыс, мышей и даже обыкновенных тараканов, прибывших с людьми из России, я, впрочем, слышала, но от этого мне не было легче.

Какова же была моя радость, когда я подслушала разговор в другой комнате, где пили чай мои приятели! Этот чудный разговор я привожу целиком.

— Как же мы поступим с Хрупом? — спрашивал Константин Егорович.

— Я думаю — отдать его здесь кому-нибудь на время.

— Да кому?

— Этого я еще не решил, да, ведь, найдутся же люди?

— А по-моему — взять его собой: все же Джуме развлечение, когда будет один на бивуаке!

— Взять — отчего не взять! Да где держать-то будем: баул-то, ведь, теперь будет нужен?

— А, что-нибудь да придумаем, — сказал Константин Егорович.

— Ну, придумайте, — тогда возьмем.

Как же мне хотелось, чтобы Константин Егорович что-нибудь да придумал! Я охотно помогла бы ему в этом, если бы была в силах.

Весь этот день — разговор был утром — я провела в трепетном ожидании и вслушивалась в беседу моих хозяев, которые, увы, упорно говорили о совершенно иных вещах.

Наконец, сомненья кончились: я еду! От этой мысли, застигнутая врасплох, я так возликовала, что в полном смысле свалилась на пол с крышки ящика, где сидела, подслушивая разговор.

На шум вошел Николай Сергеевич и сказал:

— Что это с вами, Хруп Узбоевич? Неужели на вас так подействовало наше решение взять вас с собой? — и он, поправив мою цепочку, усадил меня на место.

Ах, как он был прав!

Меня решено было посадить на вьюк, в чадежде на мою достаточную прирученность. Конечно, цепи с меня не снимали, и мне надлежало быть прикрепленной к деревянному выступу вьючного седла.

Хоть опять в противной банке, но только бы в новые места и с вами, дорогие учителя!

Приятели занялись приготовлениями. Решено было ограничиться двумя ишаками под вьюки и одним запасным на случай. Провизии взяли на неделю. Между прочим, я услышала, что берут баранью ногу, “крепко посоленную и прожаренную”, так как, по словам Константина Егоровича, иначе в этих местах мясо быстро испортится. И эту ногу рассчитывали съесть не позже трех дней. Появились опять сумки-хуржуны и ящики. Мой ящик приобрел вновь свою банку, которую неполно на-

лили спиртом. Меня временно “приковали” к какому-то вбитому в стену гвоздю.

Еще солнце не всходило, и свет чуть брезжил, как наш караван тронулся в путь.

Стоит занести на эти страницы наше шествие. Впереди рядом шли оба приятеля в полном вооружении и со всеми приспособлениями для соответствующих занятий. За ними шел вьючный ишак с ящиками-баулами, положенными поверх хуржунов, с паклей, запасным бельем, порохом и дробью, — все это я хорошо знала; затем следовал ишак с хуржунами, в которых лежала провизия: тут же привьючена была складная палатка, употребление которой я, впрочем, узнала впоследствии, и ящики с какими-то инструментами. Мои хозяева с ними обходились особенно тщательно и осторожно.

Сбоку седла болтались: чайник, котелок и еще что-то. Впрочем, из слов Николая Сергеевича я узнала, что каждый хуржун заключал в себе, кроме главной клади, понемногу еще и запасов для охоты. Это — на случай непредвиденной гибели ишака со всем его багажом. Тогда на оставшемся в живых ишаке все же будет все необходимое для продолжения экскурсии или беспрепятственного возвращения домой. На втором ишаке, на верху клади сидела я. Вполне оправдывая надежды моих хозяев, я сидела смирно и даже, к великому удовольствию друзей, перед отходом в путь немножко умылась.

— Смотрите, смотрите, Константин Егорович, — кричал в это время Николай Сергеевич, — Хруп Узбойч чувствует себя на осле, как дома. Славно, ей Богу, славно!..

На последнем осле, болтая одной ногой, сидел Джума. Сидел он как-то боком, задев одной ногой за верхний выступ (луку) седла. В таком порядке мы прошли по широким улицам города, обрамленным невысокими глиняными стенками с верхушками выглядывавших из-за них лиственных деревьев, и вступили в ту равнину, на которой этот город стоял. Приятели беседовали, Джума мур-

лыкал какую-то песню, покусывая толстую соломинку и помахая здоровенной ногой, данной ему Николаем Сергеевичем вместе с ружьем, которое он надел за спину. Я с большим любопытством глядела на эти новые места, и, верьте, взгляды эти были взглядами настоящего натуралиста. Уроки моих друзей не могли не иметь последствий для такой удивительной крысы!

Однако пока для хвостатого натуралиста было, очевидно, мало умственной пищи, так как даже мои два учителя шли спокойно, не разглядывая ничего по сторонам.

Наш путь к видневшимся вдали горам шел сначала около каких-то колодцев, вырытых неподалеку один от другого. Когда мой ишак прошел близко от одного из них, я увидела, что по дну его бежит вода; значит, колодцы были просто отдушинами подземной реки, вытекавшей, по-видимому, из далеких гор, к которым мы направлялись. Теперь мне даже известно не только, что река такая зовется “кяриз”, но и то, что она выведена из далеких гор людьми и что первые горные колодцы-отдушины очень глубоки...

Вдоль этой оригинальной реки мы шли очень недолго и оставили ее у места, где рос небольшой куст и было приспособление для водопоя животных. Джума тут наполнил ишаков. Потянулась однообразная равнина, скудная растительностью. Мой глаз усматривал только бегающих жаворонков и ползающую мелочь. И иногда откуда-то прилетал чекан — имена я все узнавала из речей Николая Сергеевича, — птица, очевидно, не здешняя. Окраска его тела, похожего, когда он сидел, на черный уголек с белой опушкой, не могла быть родственна желтовато-сероватому тону здешней глинистой и песчаной местности. Я твердо помнила речи о покровительственной окраске.

Ишаки торопливым шагом, словно все время к чему-то подбегая, шли и шли вперед за двумя фигурами беседовавших приятелей. Наконец, мы подошли к тому, что

Николай Сергеевич назвал предгорием гор. Это была просто та покатость, которою горы оканчивались в равнине. Она отличалась только некоторой каменистостью и следами от протекавших когда-то с гор ручьев. В это время оба мои хозяина подошли зачем-то к хуржуну, на котором я сидела и, порывшись в нем, пошли рядом.

— Посмотрите, Константин Егорович, что наделали эти весенние горные ручьи, — сказал Николай Сергеевич. — Еще издали видны их расползшиеся пути. А по ущелью, к которому мы идем, видно, бежал значительный поток: сколько он намыл и притащил песка и гальки!

— А у самого ущелья еще больше их будет, — ответил Константин Егорович.

Действительно, когда мы подошли к той черной прогалине, которая виднелась издали, мы вступили в область настоящего царства отбитых, наломанных и измельченных камней. Копыта ишаков стучали об это твердое ложе, хрустевшее под их ногами. Растительность тоже значительно погустела и появились целые заросли кустарника. Он окаймлял брошенное русло и в его расширенных частях покрывал нечто вроде островков.

— Здесь, должно быть, много подпочвенной воды, — сказал Николай Сергеевич.

— Хватит для этих зарослей, чтобы они дожили до новых снегов и горной воды, — сказал его сосед. — А вот к концу лета и они сильно подсохнут по этим склонам, опаленным здешним солнцем.

— Я думаю, продолжал Николай Сергеевич, — здесь много животных по вашей части.

— Где их нет! Впрочем здесь, действительно, много насекомых. Да и вы жаловаться не станете, так как ваших пичуг да зверьков тут тоже немало. Есть и зайцы и лисы, я уже не говорю про ползающих тварей. Чуть где посуше — найдем и скорпионов, а посуше — ящериц и змей.

Караван наш мало-помалу углублялся в ущелье, поднимаясь сначала по пологим склонам все выше и выше. Бывший некогда здесь поток шел в ущелье извилистой линией. Скоро начались небольшие скалы, обмытые потоком и частью разрушенные им и жаром здешнего солнца. В одном месте я увидела, как бегающий взор Николая Сергеевича вдруг уставился куда-то между лежавших впереди скал.

— Кокелики! — процептал сзади Джума.

— Молчи, — ответил тоже шепотом Николай Сергеевич, — и скинув ружье, подкрался вперед и несколько в сторону. Я всматривалась, но ничего не видела.

— Покровительственная окраска! — мелькнуло у меня в голове.

Скоро я увидела, как Николай Сергеевич прицелился из ружья, и по ущелью вдруг раздался грохот его выстрела. Белый дымок взвился от ветра с кончика его ружья, и я тут только увидела какие-то желто-серые комки, побывавшие и полетевшие вверх по скалам. Два из них покатились вниз вместе с двумя—тремя мелкими камушками.

Николай Сергеевич поднял эти скатившиеся комки и подошел к нам.

— Красноклювые куропатки — петух и курица. Удачно пришлось! — сказал он и прибавил:

— Славные экземпляры в чистом оперении и не разбиты выстрелом.

— Их здесь много, — прибавил Константин Егорович. Подождите ключа: там настреляете всякой твари, живущей здесь.

— А далеко ключ?

— Еще с час пройдем. Хоть немного воды там, всего ведра два в день накапливается, да для нашего каравана хватит. По утрам к такой луже кто только не приходит: и птицы, и зверьки, и даже бараны, но только тех едва ли мы укараулим: слишком они пугливы!

— Я очень доволен, что добыл такие два славные экземпляра, — сказал Николай Сергеевич.

К моему крайнему удовольствию, приятели пустились в ученый разговор о разнице внешнего вида у животных одной и той же семьи, одного и того же гнезда; разнице, которая замечалась во всем животном мире, включая насекомых и прочую мелочь. Я с удвоенным вни-

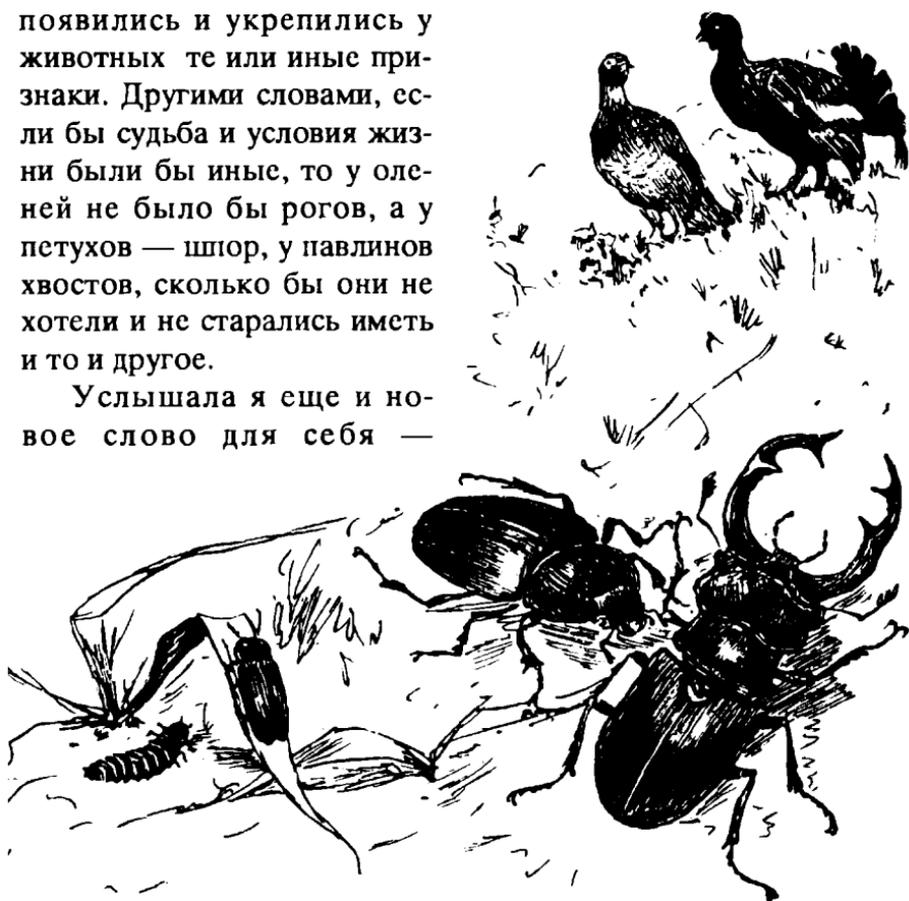
манием вслушивалась в беседу, из которой узнала, что эта внешняя разница в украшениях тела проявляется иногда очень резко. Так, например, у кур, уток, у скворцов, у иволг и других птиц легко отличить петуха от курицы, селезня от утки, скворца от скворчихи, все это по оперению или более яркому или более пышному. У других птиц, например, у ласточек, особенно же у камышовок, пеночек, канареек и т.п. это сделать труднее, так как оперение у них всего гнездового выводка одинаковое. То же самое наблюдается и у насекомых, где среди жуков, например, встречаются такие различия, как рога у жука-оленя, которых у жучихи нет. У жука-носорога есть рог, которого жучиха лишена. У бабочек, оказывается, разница выражается в неодинаковой величине крыльев и иногда неодинаковой окраске их. Не без удивления узнала я, что есть жучки, зовущие Ивановыми червячками, у которых жучиха имеет вид не то мокрицы, не то червячка, но при этом она снабжена светящимся брюшком, горящим ночью зеленым фосфорическим огоньком. Жук же такого фонарика не имеет и похож на всякого другого жука.

Вообще примеры мои учителя приводили очень много и я, конечно, не могу их здесь выписывать. С своей стороны, я припоминала подобную резкую разницу между гривистым львом и безгривой львицей, между воробьем с темным горлышком и серенькой воробьиной. Должна сознаться, что мне все же в голову шли больше примеры сходства, а не разницы. Помню, на ум приходили волки, ежи, крысы, мухи и многие другие животные.

Причин такого сходства или разницы мои приятели не приводили, а просто гадали. В одном случае, по их мнению, величина и статность хозяина семьи объяснялась необходимостью защищать ее от врагов. Поэтому и льву следует быть крупнее львицы и кабану — крупнее свиньи. В других случаях они объясняли это какой-то необходимостью для животного быть красивым, чтобы

его предпочитали среди других ему подобных. А так как, споря за красоту, они иногда доводят дело до ссор, то обыкновенно они бывают снабжены и орудиями борьбы. Поэтому-то у оленя завелись рога, отпадающие после времени ссор, у петухов — шпоры и вообще поэтому олени, петухи, фазаны, павлины красивее своих оленей, кур, фазанок и пав. Я должна сказать правду, что приятели мои не объясняли это усердием самих животных, а все приписывали времени и условиям жизни. Они говорили, что в течение очень, очень долгого времени и благодаря самым разнообразным условиям жизни появились и укрепились у животных те или иные признаки. Другими словами, если бы судьба и условия жизни были бы иные, то у оленей не было бы рогов, а у петухов — шпор, у павлинов хвостов, сколько бы они не хотели и не старались иметь и то и другое.

Услышала я еще и новое слово для себя —

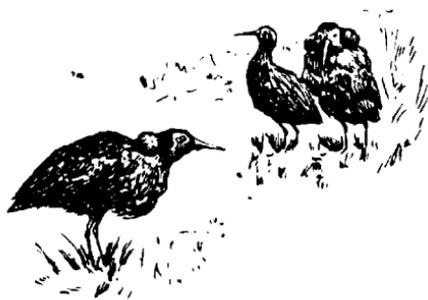

“брачный наряд”, когда Николай Сергеевич говорил про турухтанов. Оказывается, весной, когда эти кулики собираются обзаводиться семьей и им предстоит искать себе гнездовья, то у петухов-турухтанов появляются пышные воротники из перьев, выпадающих к лету. Я совершенно согласна, что это украшение люди вполне подходяще называли “брачным нарядом”.

Итак, к моим думам и к моему представлению о пользе покровительственной окраски прибавились еще два понятия о двойственности внешнего вида в семьях животных, не исключая мелкоты, и о весеннем, брачном уборе.

Мне становилось теперь как будто чуточку яснее, почему на свете так разнообразна окраска живых существ.

Путь до обещанного Константином Егоровичем ключа явился рядом чудных уроков, которые для моих воспоминаний являются еще более трогательными.

Первый бивуак. — Драгоценная влага. — Ложная ли тревога? —
 Путевые встречи. — Мысли о приспособляемости и защитных средствах. —
 Возвращение

й, Джума-бай! — крикнул вдруг Константин Егорович. — Прибыли, слезай с ишака и устраивай нам чай.

— Кайда-бар-су,* — обратился к нему Джума, лениво останавливая своего ишака.

— Су, да су! Слезай говорят! Вот она, твоя су, видишь, возле скалы у кустика.

— Э-э! — ответил, словно пропел, Джума, слезая.

Этот звук у него означал слово “да”. Возле скалы, у кустика, действительно, сразу нельзя было рассмотреть родника, но, приглядевшись, можно было заметить, что желтая скала потемнела в основании, как бы отпотела, а в каменной ложбинке у кустика тогда легко различалась и небольшая лужица с темным илистым дном. Никакой ручеек от лужицы не тек. Это объяснялось тем, как я скоро узнала, что все количество притекавшей воды испарялось от жары.

* Кайда — где. — А.Я.

Зато вечером от лужицы пошли легкие потеки, но все же вода прибывала так незаметно, что не было и признака какого-либо течения, да и лужа, вероятно, потому и хранила около двух ведер воды, что была в тени нависшей скалы.

Так вот оно, место водопоя различных животных! Как важна должна быть для всего живого вода, если эта лужица привлекает к себе самых разнообразных животных из окрестностей!

Сидя у своего хуржуна, я была свидетельницей особого почтения, проявленного Джумой к источнику. Он осторожно приблизился к нему с чайником и тихонько начал наливать в него воду, черпая чашкой только с поверхности и отстраняя плававших по ней насекомых. Налив чайник и наполнив еще какой-то сосуд, он осторожно напился, приложив свои губы к воде.

После этого он подвел к источнику ослов, всех трех разом. Животные вытянули свои морды и потянули животильную влагу. Скоро на дне осталась только какая-то мутная, черная жижица.

— Молодец, Джума! — сказал Константин Егорович. — Ладно устроил: и воды не взбаламутил, и скотину напоил. А то раз я был вот тоже здесь, так мой курд, не подумав, пустил ишака напиться первым, а потом мне пришлось пить чай со всякими зверюгами, живущими в этой тине, да и чай был похож более на какой-то соус, чем на чай. А пил! Ничего не поделаешь: в этих местах иной раз грязь — и ту выпьешь.

Обо мне забыли, но, пользуясь тем, что мой хуржун был близко от лужи, я дотянулась до грязной жижи и слизнула в ней несколько капель с места, которое мне показалось наиболее чистым. Хорошо, что я принадлежала к небрезгливой породе животных, а то я, наверное, почувствовала бы себя неладно, втянув эту настойку и смесь из всевозможного рода крохотных существ.

Около источника мы провели все время до следующего утра. Оба приятеля, конечно, скоро ушли, и мы остались с Джумой вдвоем. Даже ослов Джума пустил, и они ловко закарабкались по скалам повыше щипать росшую там в изобилии горную траву и кустики.

Был поздний вечер, а моих хозяев еще не было. Джума лениво лежал на двух шерстяных хуржунах, закинув руки за голову. Ослов он пригнал жзад и привязал на длинных веревках к соседним кустам. Я сидела в раздумье на каком-то камне, в сотый раз окидывая взором нависшую скалу, ущелье, с которого мы сошли в сторону к источнику, и все прибрежные и дальние кустики.

К вечеру с первой прохладой окрестности начали оживать. По кустам зачирикали откуда-то незаметно пробравшиеся

птички, а с высоких скал слышались карканье и шорох. Вот из-за недалекой скалы показалась голова красноклювой куропатки. Это был красивый петух. Но язык его был мне все же понятен.

— Тише! — говорил петух... — Тут кто-то есть.

Из-за его головы показались головы других куропаток. Они с любопытством смотрели, но не издавали ни малейшего звука. Джума

также заметил птиц и лежал, как истукан.

— Что-то новое! — говорил пернатый вожак, — но, видимо, не живое! Осторожнее...

Но так как Джума и я оставались неподвижны, а ишаки были поодаль и, кажется, своим мирным видом совершенно не пугали птиц, то небольшое стадо куропаток, подергивая головками, тихо подошло к налившейся уже лужице. Окружив ее, куропатки стали по-куриному пить воду, закидывая при каждом глотке голову кверху. Вожак, однако, не пил, а тихонько клохтал:

— Да, да, видимо все тихо, но осторожность никогда не мешает. Хоть здесь замечается какая-то перемена, но все же пока не вижу ничего опасного...

Когда его спутницы напились, он подошел сам, но пил урывками, то и дело озираясь.

В это время неподалеку за скалой послышались шаги, и вся стайка сразу присела. Вожак вытянул кверху голову и вдруг заклохтал:

— Я говорил, что здесь что-то есть. Летим и бежим. Спасайся, кто как может, а потом собираться вместе обычной переключкой. — И он, взлетев с криком “прочь,

прочь!”, полетел низко над скалами. Его спутницы тоже бросились прочь; одни побежали, другие полетели.

— Прочь, прочь! — кричали и они, но не все и гораздо тише.

Впереди еще мелькали отставшие птицы, когда из-за скалы показались оба мои хозяина, видимо, где-то встретившиеся, так как с бивуака они ушли в разные стороны.

Джума поднялся и начал поправлять костер. Оба приятеля пришли нагруженные каждый своей добычей, которую спешно уложили в баулы и свертки. Николай Сергеевич при этом вытаскивал из своей сумки бумажные сверточки, уже с отдельными птичьими шкурками. Я это узнала потому, что он одну птичку вынул и, показав ее Константину Егоровичу, опять опустил в бумажную трубочку и завернул. Таких сверточков, напоминавших мне те, из которых меня мои девочки угощали ягодами, у Николая Сергеевича было много. Значит, он и на охоте присаживался за свою работу очищения шкурок от мяса. Я долго не понимала, зачем это надобилось ему, но потом узнала, что мясо обязательно испортилось бы, снятую же шкурку при работе смазывают особой пенящейся жидкостью, которая не дает шкурке гнить. Как все у людей предусмотрено!

За вечерней трапезой, в которой принимала участие и я, доглядывая косточки, грызя сахар и хлебные корочки, приятели вели беседы о минувшей охоте, и я, разумеется, слушала их внимательнее, чем они друг друга.

Николай Сергеевич сказал, что натолкнулся на логовище гиены, забившейся в какую-то расщелину, и я

Сверкающими глазами глядела она на трех ишаков

вспомнила злую хохотунью. По описанию моего хозяина, здешняя была полосатая и, что странно, трусливая. Значит, она не была так храбра, как та, которую я видела в клетке.

Беседа была долгая, но она вся состояла только из описания различных уголков пройденных мест и встреченных животных, причем о самих животных говорилось мало, почему я в этот вечер не прибавила к своему запасу сведений ничего существенного.

Наконец, наступила лунная ночь. Приятели и Джума разлеглись на хуржунах в одежде, прикрывшись, кто чем: Джума одним из своих халатов, которых на нем было одето всего около пяти, а приятели черными плащами и тоненькой беленькой кошемкой. Я поуютнее уселась у мешка с паклей для набивки шкур и тоже задремала.

Среди ночи я была вдруг разбужена: слышались тихие крадущиеся шаги какого-то животного. Недаром я была представительницей одной из чутких пород. В ближайшем кусту появилась тень, загородившая дорогу свету полной луны; я выглянула из своего уголка и увидела огромную крапчатую кошку, осторожно ползущую с горы к источнику. Ее длинный хвост слабо извивался у самого кончика. Сверкающими глазами глядела она на трех ишаков, привязанных у самого бивуака возле места, где спал Джума, но взгляд брошенный ею на спящую человеческую фигуру, вдруг заставил ее как-то съежиться и, собрав в комок все свое длинное тело, она присела в позе, готовой к быстрому прыжку. Лицо ясно говорило об удивлении.

— Вот тебе раз, — думал изумленный зверь, — крадся к длинноухим, а наткнулся на двуруких. Что тут будешь делать? Неужели удирать?

В это время одна из его предполагавшихся длинноухих жертв, должно быть, почуяв врага, повела ушами и, захрапев, издала одну из нот обычного крика.

Весь лагерь сразу всполошился, но когда все трое людей, отвернув покрывала, оглянулись кругом, поблизости уже ни-

кого не было, и только я одна была свидетельницей, как за секунду до этого в лучах луны метнулось длинное крапчатое тело, скрывшееся во мраке ближних зарослей. Легкое колебание ветвей и листьев свидетельствовало, что зверь быстро убегал прочь.

— Ложная тревога, — объявил, зевая, Николай Сергеевич, и, завернувшись, опять улегся на месте.

— Джуль-барс? — прошептал вопросительно Джума.

— Ну вот уж и джуль-барс! — сказал с сомнением Константин Егорович. — Станет он тебе бродить так низко в ущелье. И гиены — и той, вероятно, не было! Спи-ка, пока ночь не прошла!

Джума, успокоенный, пошевелил палочкой костер, отчего в нем засверкали потухшие было искорки и тоже, накрывшись, лег.

Это был не джуль-барс (тигр), которого я знала по зверинцу, но, очевидно, кто-нибудь из его ближайших родственников вроде барса, пантеры или леопарда, знакомых мне по тому же зверинцу. Во всяком случае, я была рада его исчезновению, а еще более тому, что моя дружба с людьми защищала меня от опасностей близкой встречи с большими кошками. Я их все же побаивалась и, конечно, не без основания.

Остаток ночи прошел благополучно и спокойно, если не считать различных шорохов от приближавшихся, очевидно, к источнику животных. Шорохи эти, однако,

скоро останавливались где-то не-вдалеке, и новый шум уже свидетельствовал об удалении. Крадущееся существо скоро замечало присутствие людей, а, может быть, пугалось легкого дымка от горевших прутьев костра.

Под утро появились новые, неопасные гости. Сверху спускались летом какие-то черные птицы, но вскоре, не долетев, убрались назад, а на самой вершинке гор показались какие-то движущиеся точки.

— Э-э! Микулай-баяр, — так звал Джума Николая Сергеевича — Тякя! Атмак якши*.

— Где ты видишь баранов? — спросил мой хозяин и, достав из сумки двойную трубку, стал разглядывать место, указанное Джумой.

— Ну, друже, никакого тут атмака не выйдет: к ним, брат, не подберешься.

— О чем он говорит? — спросил Константин Егорович.

— Говорит, что хорошо бы стрельнуть вон в ту точку, которую, я думаю, не всякий и в бинокль-то разберет, что это дикий баран, идущий, вероятно, все к этому же источнику. Он теперь, наверное, уже заметил нас.

— Может быть, и нет, а, конечно, подкрасться к нам, да еще по этой круче, нелегко, да и он, разумеется, в конце концов увидит, кто сидит у его водопоя. Это, вероятно, во-жак, ведущий свое стадо.

На этом все и кончилось. Точка, в которой, кроме Джумы, никто, действительно, не признал бы горного барана, вскоре куда-то скрылась.

— Ну, в дорогу! Джума, собирай все и иди по ущелью за нами тропой, а мы пойдем вперед. У второго ключа

* Тякя — баран; атмак — стрелять. — А.Я.

раскладывайся вновь, — сказал Константин Егорович и начал снаряжать себя в дорогу.

Скоро мы с Джумой остались опять одни с тремя ишаками. Выйдя на главную тропинку ущелья, мы направились далее вверх, следуя руслу бывшего здесь весной потока.

Растительность становилась все гуще и гуще. Кустарник сменился древесной растительностью. Даже жар поднимающегося солнца становился как будто слабее от аромата смолистого древесного запаха.

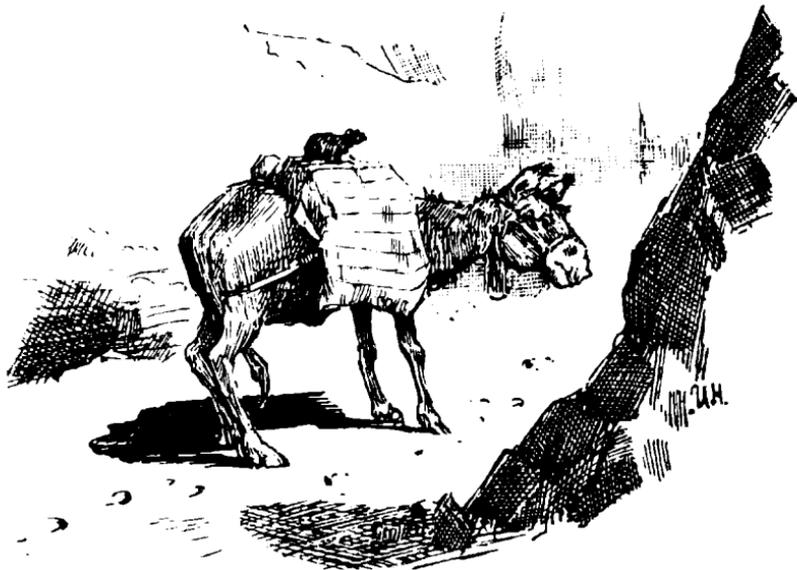
Прикованная укороченной цепью — Николай Сергеевич находил это удобнее — я по-прежнему восседала наверху, между двух отделений пестрого хархуна, наполненных припасами. В одном месте мы просхали мимо куста, на верху которого, раскинувшись по ветвям, лежала длинная змея. Увидя приближающийся караван, она спустилась и скрылась в чаще другого пышного куста. В другом месте, на скале я увидела все признаки пробившегося ключа; но, выбегая каплями на скалу, он только увлажнял ее камни и испарялся от жара солнца, не образуя, хотя бы крохотной, лужицы. тем не менее он приносил очевидную пользу животным низшего порядка, и я видела, как около потной скалы носились разные крылатые насекомые.

Пользуясь медленным передвижением ехавшего сада Джумы, мой ишак, забежав, останавливался и щипал траву. Во время таких остановок я и разглядывала летающих у скалы насекомых. Вдруг с ближайшего большого камня сорвалось какое-то странное животное, похожее на короткий обрубок дерева или длинный осколок камня. Я успела заметить, как летавший около камня шмель вмиг исчез в его пасти. Это была большая чешуйчатая, очень шершавая ящерица, поймавшая шмеля в

своём скачке. Она тут же взбежала обратно на камень, с которого прыгнула, и принялась ждать жертвы из числа порхавших созданий.

Это был новый для меня способ охоты чешуйчатых хищников, и я невольно подумала: не для того ли самого лежала на кусте только что встреченная мной змея?

Джума подъехал, и тронувшийся с места ишак увез меня дальше, лишив возможности видеть продолжение охоты ящерицы. Вдруг осел мой шарахнулся в сторону: у придорожного куста на солнечном припеке медленно ползла по скале толстая змея, в которой я немедленно узнала родную сестру той, чья голова красовалась в кабинете Константина Егоровича. Словно сознавая своё могущество, ужасная гадина ползла очень медленно, как бы нехотя уступая дорогу животному, шедшему к тому месту, где она собиралась погреться на камнях. Ишак уперся на месте и, вытянув уши по направлению к змее, в нерешительности затоптал ногами. Подъехавший Джума тоже увидел змею. Он с непривычной для него быстротой соскочил с вьюка и, выломав какой-то попавший под руку сук, быстро оборвал с него ветви. Подбежав к змее, он хватил плащом по её телу и тотчас же от-

скочил в сторону. Гадина зашипела и свилась в кольца; подняв противную голову и разинув пасть, на секунду она остановилась. Шея ее раздулась до невероятности, но в то же время стала удивительно плоской. Потом, распустив кольца, змея вновь поползла прочь. Джума побежал и снова ударил ее. Гадина мгновенно извернулась и укусила сук. Я видела, как капля ее ужасного яда сверкнула у ее больших зубов. Однако змея не искала борьбы и вновь попыталась уйти. Тогда Джума, бросив сук, сорвал с хуржуна повешенную было нагайку, подскочил и с силой вытянул по кольцам змеи. Удар был очень удачен, так как змея сразу потеряла свою гибкость и ошеломленная осталась на месте. Джума снова ударил и снова отскочил прочь. Очевидно, он переломил ей кости, так как змея вертела только головой да некоторыми частями длинного тела, не будучи в силах передвигаться далее. Увидя это, Джума начал наносить ей учащенные удары и скоро привел змею в состояние, не внушавшее больше опасности. Животное несомненно было убито. Тогда Джума подцепил змею на брошенный было сук и понес ее к своему хуржуну. Змея висела, как плеть. Из головы ее сочилась капельками кровь, а, быть может, и яд. Достав из хуржуна какую-то тряпку, Джума завязал в нее труп гадины и привесил его к моему хуржуну. Признаться, соседство было не из приятных, хотя я не думала, чтобы змея могла очнуться. Короткий хвост ее торчал из тряпки, и я могла вблизи рассматривать крупную и блестящую чешую одного из ужасных пресмыкающихся хищников.

Мы тронулись далее, взбираясь по крутой тропинке, и Джума, усевшись в любимой позе, боком на седло, в сотый раз замурлыкал какую-то песню, должно быть, победную.

Дорога пошла по широкому ущелью, еще более заросшему деревьями и травой. Наконец, чуть заметное журчанье показало нам, что мы находимся вблизи более мощного источника. Действительно, сквозь кусты и камни я увидела черную расселину, от которой несло даже сыростью, столь отрадной в этой стране неумолимой дневной жары.

Джума забежал вперед и остановил переднего ишака, собиравшегося подойти к воде. Он привязал его и других к кустам и начал снимать вьюки.

Моих приятелей не было, но когда Джума все кончил и, разведя огонь, собирался согреть воду, к источнику пришел Николай Сергеевич.

— Ну что, благополучно, Джума? — спросил он.

— Джилян кончал, яман — джилян! — ответил тот, показывая на узелок со змеей, положенный им около меня.

— Змею? — переспросил мой хозяин, поднимая узелок.

— Молодец, Джума! Славная добыча. Ведь, это, братец ты мой, такой зверь, что раз укусит, и — жизнь кончал! Понимаешь?

— Э-э! — сказал Джума утвердительно.

— Здоровая штука, — продолжал Николай Сергеевич, спокойно перебирая змею в руках.

— У-у, Хруп! — крикнул он вдруг, сунув мне ее морду прямо в нос.

Я отпрянула, как ужаленная.

— Что, Узбоич? Испугался? Да, братец, не советую попадаться на глаза этому “джилян”. Она тебя съест целиком, как ты есть, с хвостом и косточками. Говорю без шуток. Э! Да она, никак, с подарочком? Взглянем, взглянем: что изволила покушать почтенная оксиана?

И Николай Сергеевич ножичком вспорол змее брюхо.

— Так-с, — продолжал он, рассматривая ее внутренности. — Цыпленок горной куропатки, съеденный, очевидно, вчера, стеллион — он вытащил яищерицу, подобную той, которая охотилась на шмеля, — съеденный, но еще не переваренный. И только... Мало же вы, сударыня, покушали. Перед смертью следовало бы пообедать получше, и Николай Сергеевич, спрятав очищенные внутренности обратно в змею, понес ее к баулу, где и положил в ту самую банку, которая была когда-то моей тюрьмой.

— Чаю, Джума, чаю, по этому случаю... Экая здесь благодать-то. Воды, я думаю, ведер пятнадцать в день! Прохла-

да, смолистый запах, тень, дичь кругом — просто умирать не надо! Чаю, Джума, чаю нам с Хрупом Узбоичем.

Джума улыбнулся и начал готовить все для нашего чаепития.

— Ну и я не без добычи, — сказал вновь Николай Сергеевич.

Так как поблизости не было других собеседников, кроме меня и Джумы, — напоенные ишаки пущены были в кусты пастись, — то слова моего хозяина относились, очевидно, к кому-нибудь из нас двоих.

— Вот-с эта стенолазочка, а по иностранному тиходрома, мне сегодня дороже туго набитой охотничьей сумы, — он поцеловал добычу. — Не так-то легко сбить выстрелом эту птицу-бабочку, которая бегаёт по крутым бокам скал, цепляясь своими лапками, или порхает, помахивая своими чудными мотыльковыми крылышками. Прежде всего нужно свернуть себе шею, закидывая назад голову, чтобы разглядеть это творение, ютящееся на ужасной высоте. Затем нужно быть готовым попасть под каменный дождь от сбитых выстрелом осколков. Наконец, нужно, черт возьми, попасть в это крошечное создание, чтобы иметь право любоваться и изучить его оперение вблизи. Смотри, Джума, какой тонкий клюв. Ведь это ужасное оружие, если принять во внимание мнение пауков и наскомых недосыгаемых высей, где носится эта птаха, вылавливая добычу из трещин, а то и просто хватая их так, как ласточки, в воздухе. Этим клювом она умудряется обработать и более крупных гусениц, исколотив их о камни и направив соответствующим образом в рот. А этот язык с булавкой на конце! Она славно прикалывает им свои жертвы, утаскивая их затем в рот. Ах ты, тиходромочка, тиходромочка! Славная ты моя. Набьем мы тебя, привезем и разберем, сколько-то окошечек* у тебя и

* Белые пятна на черных крылышках. — А.Я.

сколько перышек, чтобы знать, новое ли ты творение или редкая сестрица тем, что я добывал ранес в других местах.

И, закончив эту речь, Николай Сергесвич вновь поцеловал свою маленькую добычу.

Джума слушал его с невозмутимостью всех встречавшихся мне людей его племени. Но я? Я слушала с жадностью каждое слово учителя... Помилуйте, из его чудных слов я приобрела еще одно важное сведение о приспособляемости форм животных к соответствующей жизни. Так вот почему у одних птиц клюв тонкий, у других плоский, у третьих кривой и зазубренный. Видно, жизнь животных сама вырабатывает их внешний вид, если снабжает кого тонким клювом, кого покровительственной окраской, кого силой, кого ядом! А человека... снабдила самым опасным оружием против всего остального мира и самым чудным помощником в его собственной жизни — высоким умом!

Нет, я положительно счастлива своей новой неволей. Тело заковано, но ум и душа начинают у меня парить все выше и выше под влиянием зарождающихся новых мыслей, новых дум, новых, чудных знаний!..

Думала ли я когда-либо, что такое, хотя милое, но столь крохотное создание, как эта стенолазка, может вести меня на чудные мысли, спящие в уме, поджидая только какого-нибудь толчка. Должно быть, все простое слишком просто, чтобы ум удостоил его внимания, и только случай заставляет всякое думающее существо преклониться перед простым. Право, я теперь думаю, что все замысловатое больше забавляет, а поучает только то, что просто.

Однако для кого все эти речи? Останови перо, Хруп, и направляй его на события твоей жизни, если не хочешь рисковать не дописать своих приключений...

Пока я перебирала в уме своем различные примеры приспособляемости тела и органов животного к условиям его жизни и старалась вдуматься в причины такой приспособляемости, а Николай Сергеевич блаженствовал у чайника, на бивуак пришел Константин Егорович.

— Ну, батенька, и жарница же! У вас здесь настоящий рай. Если в горах так жарко, что делается около них в такырах* и песках? Вы, должно быть, с добычей, коли на лице развели такое благодущие?

— Есть кое-что, — ответил Николай Сергеевич с напускной скромностью.

— Стало быть, будет о чем поговорить. Джума! Стакан и прочие инструменты для чаепития!.. Живо!

Почему Константин Егорович назвал блюда и ложку инструментами, — я и теперь не понимаю.

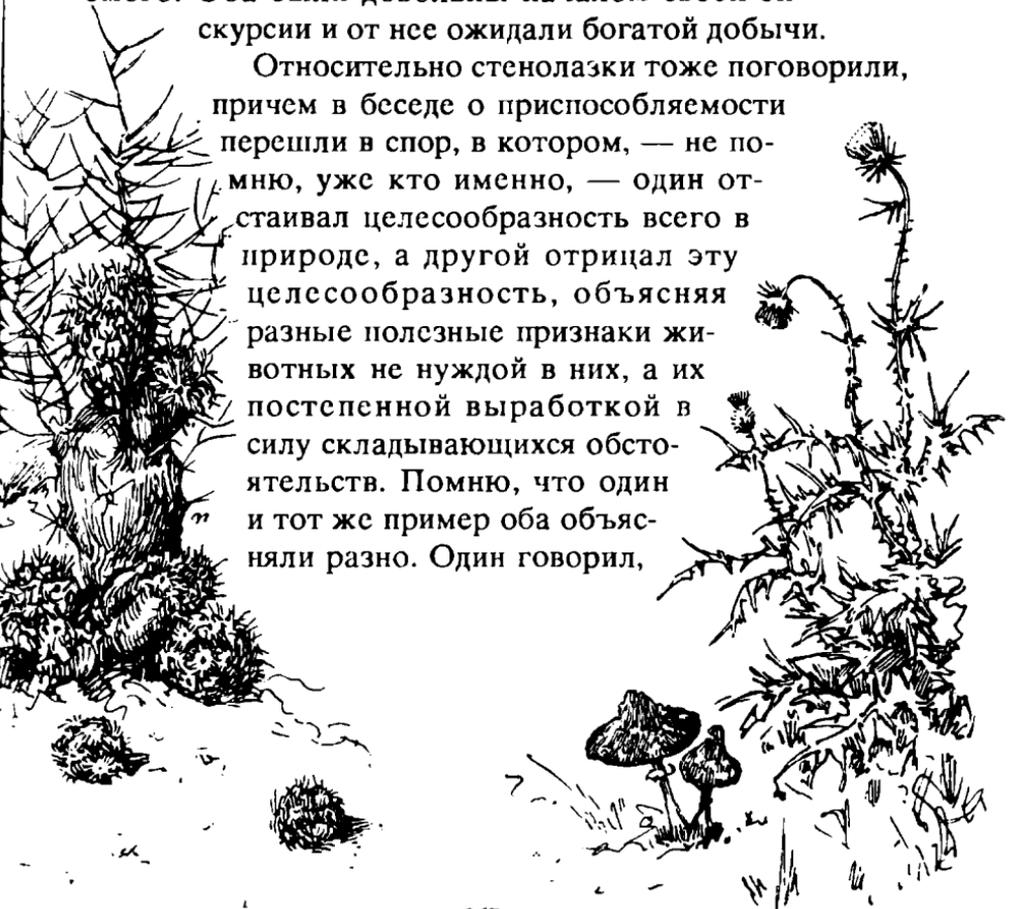
Оба приятеля принялись болтать, к великой моей радости. Из беседы этой я узнала, что мы проведем у источника дней пять, затем вернемся в город, что палатку

* Такыр — глинистая равнина закаспийских пустынь. — А.Я.

раскидывать у источника не будут ради охоты у водопоя: чтобы иметь удачу, месту нужно было придать вид необитаемого. Оба были довольны началом своей экскурсии и от нее ожидали богатой добычи.

Относительно стенолазки тоже поговорили, причем в беседе о приспособляемости перешли в спор, в котором, — не помню, уже кто именно, — один отстаивал целесообразность всего в природе, а другой отрицал эту целесообразность, объясняя разные полезные признаки животных не нуждой в них, а их постепенной выработкой в силу складывающихся обстоятельств. Помню, что один и тот же пример оба объясняли разное. Один говорил,

что защитные средства вроде рогов, когтей — у животных, колючек, игл и жгучести — у растений появились потому, что животным и растениям нужно было чем-нибудь защищаться от своих недоброжелателей. Другой не соглашался и говорил, что были разные породы животных и растений: и рогатые и безрогие, и когтистые и мягколапые животные, и колючие, и совершенно мягкие растения, а уцелели и выжили только те растения и животные, которые были больше защищены.

Откровенно говоря, я это все мало поняла, хотя очень хотела понять. Например, выходило, по одному, что были когда-то всякие коровы и рогатые и безрогие, а теперь остались только рогатые, а безрогие погибли. По другому, было не так: коровам надобно было защищаться чем-нибудь. Вот им судьба и послала помощь: у них понемногу завелись, выросли крепкие и грозные рога. Право, и одно как будто верно, и другое. Разобраться в этом и не крысе, я думаю, трудно. Во всяком случае, после этого разговора я начала еще больше всматриваться в живой мир, пытаюсь разрешить — какие признаки особенно полезны и как можно было бы объяснить их появление.

Палатку у самого водооя так и не раскинули. Я убедилась, что это было, действительно, очень, мудро: по вечеру и утром к водоюю пробирались всевозможные животные. Пробирались тихо, крадучись, ко всему присматриваясь, все примечая. Не примечали они только притаившегося и неподвижно сидевшего охотника, Николая Сергеевича, спрятавшегося возле прибрежного куста с меткой двустволкой, — я и это слово узнала — да еще меня, крысы, которая зорко всматривалась во все окружающее, когда чуяла поживу своему уму. А здесь было так много ему пицци!

Утро и вечер были временем, когда обыкновенно бодрствовал у источника Николай Сергеевич; его друг и Джума в это время спали или отдыхали. Зато часто

ночью, когда становилось очень темно, Константин Егорович опять зажигал свой фонарь и на разостланной скатерке ловил самых разнообразных насекомых.

Пять дней, прожитых у источника, прошли не даром для моих хозяев. Николай Сергеевич умудрился даже подкрасться и убить осторожного горного барана, тихо спускавшегося по скалам к источнику.

И радовался же он!

Меня интересовало не столько разнообразие живых существ, добытых моими приятелями, сколько то, что говорилось по поводу той или другой добычи, того или другого случая. А говорилось всегда много и много поучительного. Однако новых хитростей природы я не усматривала, зато все прежде слышанное и понятое мной подтверждалось чуть не ежедневно.

Шмель

Муха, подражающая ему

Бабочка Калима, подражающая сухому листу.

Паук, цветом и видом сливающийся с одуванчиком

Бабочка, подражающая

Даже насекомые Константина Егоровича и те служили доказательством, действительно, поразительной приспособляемости и подражательности.

Сколько раз Константин Егорович, показывая свою добычу приятелю, обращал свое внимание на то, что насекомые песчаные были большею частью желтого цвета, жившие на коре деревьев — бурого, в зелени травы и листьев — зеленые. Были даже такие, которые, будучи безвредными, видом походили на ядовитых или жалящих. И все это как бы для того, чтобы защищаться от врагов или подбираться к своей добыче. Оказывается, что природа и об этих малых творениях позаботилась. Удивительно!.. Позднее мне привелось увидеть рисунки некоторых подражателей.

Но всему бывает конец. Тронулись и мы обратно: приятели, обогащенные добычей, я — знаниями. Снова, только в обратном порядке, прошел перед моими глазами весь пройденный до города путь. С какой гордостью смотрела я с высоты моего седла на уже знакомые мне картины горных ущелий, на узкую тропинку и на встречных, иногда уже известных мне, шмыгающих, ползающих и порхающих животных! С легким трепетом проехала я и мимо злополучного куста, около которого Джума одержал победу над змеей, но, разумеется, это место уже не грозило более опасностью.

По обычаю, оба хозяина мои то отдалялись, то вновь подходили к свосму маленькому каравану, частенько при этом заговаривая со мной.

— Ну, любезный Узбоич, — говорил иногда Николай Сергеевич — а, ведь, хороша прогулка? Жаль, что вы безголосое создание, а то, надеюсь, не отказались бы подтвердить это.

Николай Сергеевич был близок к истине, словно разгадывая меня. Константин Егорович говорил мне совсем другое:

— Что, Хруп, надоело, братец, с нами шляться-то, да на привязи сидеть? А?

Он был прав только в последнем: быть прикованным — дело пренеприятное! Мой третий и более постоянный спутник, Джума, лепетал мне что-то по-своему, когда был наедине, а при хозяевах обыкновенно твердил одно и то же.

— О, Узбой! Якши Узбой! Умна была: голова вертел, кругом смотрел, смирна сидел. Умна крыса. Якши Узбой! Чох якши!

Все эти речи были мне приятны и на все я отвечала ласковыми взглядами, а, когда можно и нужно было, то и легонькими укусами в протянутые пальцы.

В городе началась разборка привезенного и меня вновь водворили на старое место.

Вдоль Аму-Дарья. — Туземцы. —
 Лошади и верблюды. — Хлопотливые жуки. —
 Ум и инстинкт. — Нежданная свобода! —
 Безрассудное бегство. — В неведомый путь!

орошо только то, что ново, и я балованная уже приключениями, скучала все эти дни, хотя была почти все время в обществе своих друзей. Правда, они мало на меня обращали внимания и были поглощены разборкой привезенного.

Вскоре я услышала о новой поездке и вновь заволновалась от мысли, что меня могут оставить.

Этого, однако, не случилось, и через несколько дней я среди прочего “багажа” была отправлена с Джумой на вокзал железной дороги. Мы отправлялись на реку Аму-Дарью.

На пути к вокзалу и на самом вокзале я была предметом общего удивления. Джума очень гордился мной и, отцепляя мою цепь от ящика, часто водил меня, как собачку, по платформе.

Это было не безопасно, так как раз мне пришлось стремглав броситься в какие-то тюки, спасаясь от кинувшейся за мной собаки. Джума даже выронил от неожиданности цепочку. Отогнав собаку, он развалил тюки, извлек меня и взял для безопасности на руки, что привело всю глазевшую на нас публику в неистовый восторг. Смотревшие, между прочим, два туземных мальчика, одетые в халаты, не выдержали и захлопали себя по бедрам, прикрикивая:

— Ай байяй, ай байяй!*

Наконец, приехали оба приятеля, и я снова очутилась в вагоне железной дороги.

Вновь трескотня и стук дороги, снова мельканье окрестностей в окне и остановка у станций. Впрочем, виды были не однообразные. Желтая пустыня с горами на горизонте сменялась у некоторых станций местностью, покрытой довольно густой растительностью. Мелькали селения людей с домами, похожими на хижину моего туземца; иногда встречались какие-то развалины, когда-то, должно быть, тоже бывшие жильем людей. Теперь они были пусты, и мой зоркий глаз усматривал, когда мы проезжали близко, только желтоватых сов, сидевших, словно сторожа, в трещинах разваливавшихся стен.

А поезд все мчался и мчался, громыхая по рельсам. Хотя мы и проезжали большие селения, но приятели решили ехать до реки Аму-Дарьи, не останавливаясь на пути.

Вот и ожидаемая река Аму. Это была широкая река, но море, на котором я столько претерпела, было неизмеримо обширнее, и я не удивилась величине реки. Все же я была поражена присутствием такой большой реки после необозримых пустынных мест, которыми мы проезжали и которые были так скудны водой. Впрочем, мои мысли очень скоро были отвлечены от подобных размышлений, так как весь наш караван начал выбираться из вагона. Как всегда в этих случаях, на меня мало обращали внимания, и я должна была даже заботиться, как

* Байяй — молодец. — А.Я.

бы меня не зашибли или чтобы меня не сцапала какая-нибудь шальная собака. Уверю вас, что пренеприятная эта вещь: быть на привязи да еще к какому-то ящику...

Однако все хлопоты скоро кончились, и оба приятеля водворились в какой-то комнате с кирпичным полом, составлявшей часть домика, походившего и на городскую постройку присутствием окна, и на туземную хижину своей неряшливостью, нескладностью и небольшим наружным навесом.

Жилище это, как я скоро узнала, было временным, и оба хозяина мои устроились в нем до покупки лошадей для новой поездки.

Разумеется, я была по-прежнему предметом любопытства и расспросов. Мои хозяева, рассказывая про меня, звали меня Хрупом, но Джума, у которого тоже завелось много любопытных приятелей, упорно звал меня Узбоем. Я, между прочим, заметила, что его приятели, такие же, как и он, халатники, относились ко мне недружелюбно и старались всегда сунуть мне кулак, приговаривая:

— У-у, яман!*

Но Джума, очень привязавшийся ко мне, не иначе говорил и обращался ко мне, как: “Якши Узбой, чох якши!”

Но, впрочем, все это вещи мало интересные, и я томила жизнь в нашем временном жилье.

Дня через три лошади были куплены, и новый караван, напутствуемый провожавшими моих хозяев офицерами, двинулся вдоль реки, но не по самому берегу, а стороной.

* Яман — дурной, якши — хороший, чох — очнь. — А.Я.

На этот раз я сидела на той же лошади, где и Джума, впереди, в какой-то корзинке, прикрученной к седлу. Джума мурлыкал песню и изредка ласково посматривал на меня.

Удивительная была эта дорога. То мы ехали краем редкого леса, за которым начиналась песчаная холмистая равнина, бугры которой были скудно покрыты кустиками и чахлой травой; эти бугры, наверное, дальше становились все пустыннее и пустыннее. То мы перебирались через море низкого кустарника, очень густого и колючего, судя по тому, с какой осторожностью ходили по нему босоногие туземцы. Эти места и вообще наш путь часто пересекались длинными вырытыми канавами разной величины; через них были переброшены мосты, иной раз трепещущие под ногами лошадей и даже осликов, иной раз плотные, улежавшиеся. То слева или справа от нас шли почти непрерывно постройки туземцев с домами, напоминавшими просто глыбы желтой глины и с бесконечной сетью высоких и низеньких стен, из которых кое-где торчали стебельки соломы.

Внутри этих стен были или сады, или поля. На полях, всюду изрытых канавками, посеяна была какая-то зеленая, выглядевшая очень свежей, трава, которую Джума

звал “юрунжа”, а мои хозяева клевером; росла тут и другая высокая трава, которую все звали джугурой. Встречались также и знакомые мне еще по родине дыни и арбузы. Наконец, мы часто выезжали к самому берегу реки Аму, и я видела ее берега, поросшие то густым камышом и непролазным кустарником, то высоким и густым лесом. Вода самой реки была удивительно мутная, желтая.

К великому моему огорчению, я очень мало пополняла свои знания, так как на всех стоянках к нам откуда-то набирались туземцы-халатники и очень мешали моему изучению животных и природы; оба хозяина мои, как всегда, уходили на экскурсии и возвращались только отдохнуть и поесть.

Раз Николай Сергеевич принес удивительную птицу, которую он назвал саксаульной сойкой. Эта птица, по словам его, больше спасается бегством, чем летаньем, и на бегу так скачет, что след от следа иногда бывает на расстоянии человеческого шага и больше. Николай Сергеевич был очень доволен своей добычей, так как, по его

словам, эта птица вблизи Аму-Дарьи — большая редкость. Они живут в пустынных местностях, где растут сухие травы да редкий саксаульный лес-кустарник.

По ночам Константин Егорович продолжал ловить насекомых, но это все-таки было уже не ново. Что мне было больше всего неприятно — это то, что после экскурсий в короткое пребывание свое на бивуаке оба приятеля большею частью, вместо беседы о животных, толковали с Джумой и туземцами. Ах, как я ненавидела тогда этих смуглых бородатых туземцев, рассаживавшихся возле наших вещей!

Лопоча с ними на их языке, Джума обыкновенно выковыривал нору в какой-либо возвышенности земли или просто в стене, прокапывал сверху тоже яму навстречу этой норе и ставил над верхним отверстием чайник. В норе он разводил огонь, дым и пламя которого выбивались около чайника. Так кипятилась вода.

Когда приходили с прогулки по окрестностям оба приятеля, они принимались за чай и пили его с сахаром вприкуску. Туземцы смотрели им в рот и иной раз чего-то просили, приговаривая: “Пешкешь!”

Мои хозяева не часто, но все же давали им сахару, который они грызли не хуже любой крысы. Удивительный народ!

Частенько кто-нибудь из туземцев потихоньку ута-скивал или сахар или какуюнибудь вещь, вроде малень-ких ножниц или пузырьков. Об этом догадывались тогда, когда было уже поздно, и, как ни сердился Николай Сер-геевич, взятое обратно не возвращалось, и только тузем-цы да я хорошо знали, у кого и где лежит украденное.

Иногда мы встречали другие караваны все с туземца-ми, которые ехали или шли около ишаков, лошадей и

верблюдов. От нечего делать я занялась изучением этих безропотных друзей человека.

Грустное было это изучение! В криках и взглядах жи-вотных я читала много упреков людям.

— Ну, будет: понимаю! — укоризненно говорил всей своей фигурой маленький ослик, на котором сидели два толстых туземца, из которых один бил все время ослика по шее и ушам тяжелой железной цепью.

— Ну вот, опять! Да ведь сказал, что понимаю, — твердил одно и то же ослик и торопливым шагом тащил свою тяжелую ношу через песчаный бугор, пересекав-ший дорогу.

— Ты чего? — обратился к нему шедший сзади, но догнавший его вьючный ишак.

— Да вот — все дерется! И зачем дерется, — не знаю: иду хорошо, не спотыкаюсь, не останавливаюсь, а он все дерется. Да и норовит-то как: все но уху!

— Н-да! — сочувственно взмахнул головой вьючный приятель и вдруг, остановившись, заорал знакомое мне “и-га-а, и-га-а”, которое я всегда переводила: “вот и я, вот и я”.

Другие ослики ничего ему не ответили, но очень скоро один из них проделал то же самое.

Наш караван шел рядом, так как Николай Сергеевич о чем-то расспрашивал одного из туземцев и ехал бок о бок с его лошадейю.

Я мельком видела, сидя на краю своей корзины, как лошадь моего хозяина кивала соседке, иногда стараясь щипнуть ее за морду.

— Ну что, приятель, как дела?

— Да как всегда! — кратко отвечала соседка.

Шедшая сзади вьючная лошадь, старательно вышагивая со своей ношей громадного пука юрунжи, думала про себя, наверное, такие речи:

— Ну что ж! Скоро и дом... там поем. А теперь нужно идти, идти, идти. Мне бы только поесть да попить... а теперь идти, идти, идти.

И она покорно шла, полная одной мыслью о необходимости вечного труда за пищу и питье.

Только раз мы встретили целую группу верховых туземцев, сидевших на веселых красивых лошадях. Впере-

ди на каком-то зеленом седле сжал молодой туземец на статном коне.

Высоко держа свою голову, его конь окинул взглядом наш караван и заржал:

— Здравствуйте, друзья!

Одна из вьючных лошадей тотчас же откликнулась: “Здравствуй и ты!”

На морде выхоленного коня я ясно читала спокойные мысли:

— Жизнь хороша, особенно после стойла. Какая прелесть — идти или скакать по этим чудным местам! Все хорошо. Я не прочь носить на себе даже моего господина. Одно только неприятно, это — удила. Их я-таки недолюбиваю.

И он грыз свои удила.

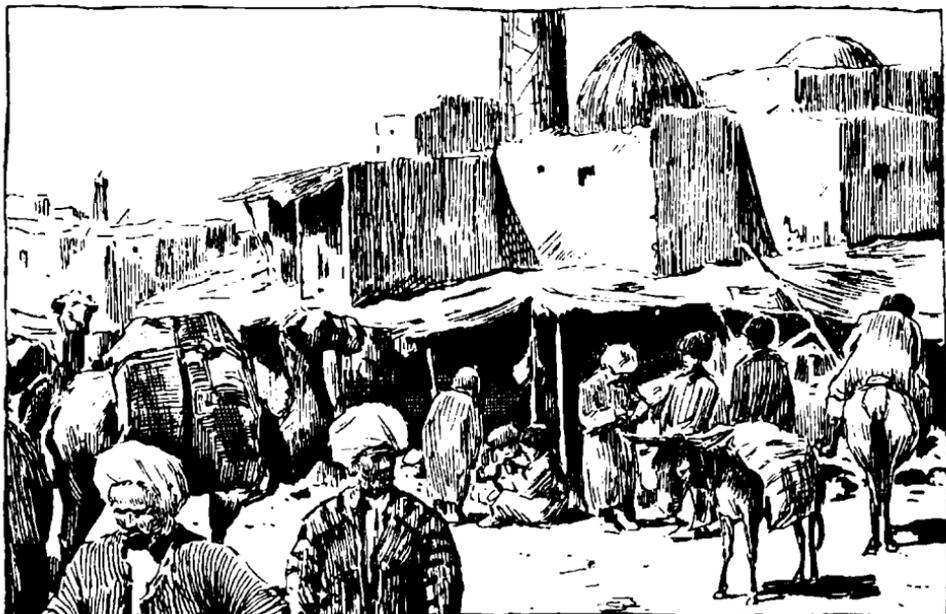
Даже и у него, этого жизнерадостного коня, нашлась неприятность, омрачившая прелесть жизни! Я невольно подумала о своей неволе, хотя и не тягостной, но все же... неволе.

Но никто не был так покорен своей судьбе, как верблюды! Эти животные меня положительно удивляли. В одну из наших остановок мы остановились в самом селенги туземцев. Наш караван расположился возле площади, на которой помещался базар. В день нашего приезда сюда начали съезжаться и сходиться целые толпы туземцев. Ишаков, лошадей и верблюдов проходило мимо очень много. Верблюды шли своей мерной походкой вперевалку, изредка покрикивая:

— А вот и я!

В ноздрах у них были проткнуты кольца, на которых были привязаны поводья. Вот передний из каравана подошел к базару. Туземец слегка дернул за повод и крикнул,

приказывая лечь. Верблюд закричал резким криком, но вполне благодушно:

— Изволь, лягу! — и опустился на колена.

В другом месте я рассмотрела обратное. Оседланного верблюда хотели навьючить. Туземец приказал ему лечь, и верблюд лег, прокричав свое:

— Изволь, лягу!

Ему навьючили большую поклажу, он только покрякивал, посматривал назад:

— Клади, клади, только не перекладывай. Сколько могу, сведу, а больше... и не проси.

И. И. Чичиков

Действительно, когда ноша была очень тяжела, верблюды отказывались встать и мычал:

— Да, ведь, не могу же я! Все равно дорогой свалюсь! Уж лучше теперь снимайте.

И, несмотря на удары, упорно не вставал.

Удивительные создания! Вся просьба к человеку только о том, чтобы не вьючил через силу, в остальном — полная покорность! А ведь какое огромное животное!

Впрочем, узнав поближе всех домашних животных, я теперь, право, не знаю, кому отдать первенство в безропотной покорности человеку: верблюду или лошади?

Итак, мы ехали караваном вдоль Аму-Дарьи, и, несмотря на новизну мест, я скучала. Судьба, наконец, сжалась надо мной и дала работу уму.

Давно уже, сидя высоко на седле, я замечала на дороге каких-то огромных жуков, хлопотливо бегавших за чем-то по дороге: некоторые жужжа прилетали со стороны и, сев, тотчас же принимались снова туда и сюда.

Именно от скуки я обратила, наконец, свое внимание на этих животных. Летевшие мимо птицы, несмотря на то, что среди них были красивые, ничем не заинтересовали моего внимания, а вот эти малые творения заставили-таки задуматься: что это приводит их в такое хлопотливое настроение? Но с лошади это было

трудно расследовать, и я стала дожидаться случая. Он не заставил себя долго ждать. На одном из привалов моя корзинка очутилась около кучки навоза. Это соседство было не из совсем приятных, но я им была довольна, так как увидела возле кучки целую толпу интересовавших меня жуков.

К удивлению своему, я увидела, что жуки быстро разбирали эту кучку, наделявая из нее при помощи своих лапок шарики величиной с небольшую картофелину. Сделав шарики, жуки поспешно укатывали их прочь, становясь головой вниз и катя шары взад задними ногами. Если бы у этих созданий был язык, они, наверное, говорили бы в это время: “Скорей, скорей, скорей”. Положительно они спешили.

Навоз быстро разбирался, и я была настолько терпелива, что досмотрела, как трудолюбивые животные подчистили все. Прилетевшие поздно жуки напрасно бегали кругом, собирая остатки: из них не выходило шарика величиной даже с простой орех. Моя цепочка мешала мне следовать за насекомыми и мое любопытство было только раздражено: куда это катились эти удивительные навозные шары?

Но судьба была мне благоприятна, и я узнала секрет этих удивительных хлопотунов очень скоро, не сходя с места. Оказалось, что около всех кучек навоза шла одна и та же работа: жуки точно нанялись очищать дороги. От одной из отдаленных кучек по направлению ко мне катился один из таких шаров. С той стороны его толкал жук, а от меня казалось, что шар катился сам. По дороге встретила какая-то ямина, и шар вместе с его владельцем скатились вниз. Вот была забота! Бока ямы оказались крутыми, и жуку приходилось, почти выкатив шар, несколько раз лететь кувыркком обратно вниз. Наконец, он все-таки выбрался, но явилась новая беда: другой жук начал отнимать от него шар. Без особенной драки оба жука все же соперничали и старались, взявшись поудоб-

нес, откатить шар друг от друга. Отбившись от одного, жук наткнулся на другого. Потешнее было то, что один такой приставала вцепился в шар всеми лапками, и хозяин, не обращая на него никакого внимания, покотил шар дальше вместе с непрошенным гостем. Так он докатил шар до кустика, у самой мой корзины.

Тут он остановился и, оставив шар, побегал немного вокруг, ощупывая землю усиками. В одном месте он вдруг начал рыть яму, и очень усердно заработал своими лапками. Время от времени он оборачивался и смотрел на шар. Притаившийся было воришка пытался раза два откатить шар от куста, но хозяин нагонял его и прикатывал шар обратно, причем не делал воришке ничего дурного.

Яма понемногу превратилась в норку, в которую жук и свалил свой шар и спрятался сам. Я очень огорчилась такому концу, так как загадка оставалась загадкой, как вдруг услышала голос Константина Егоровича:

— Так-с! Теперь посмотрим, что вы делаете в вашей норе? — и он, подойдя, начал тихонько разрывать место, куда исчезли жуки и шар.

Оказывается, мой хозяин одновременно со мной следил за этими жуками, и я не заметила этого только, что сама была поглощена наблюдением.

— Эге, приятели, да вы просто едой занимаетесь, — сказал он, расширив отверстие норы.

Жуки действительно уплетали шар, расположившись дружелюбно рядышком.

— А ты что, Хруп? — обратился хозяин ко мне. — Интересуешься, Узбоич? Это, братец, жуки копры, удивительный, доложу, народец. Вот они сейчас закусывают, а когда придет пора, то жучиха скатает шарик поменьше, да и запрячет его в норку, а там в него яичко положит. И выйдет из этого яичка крошка-личинка. Поест она навозу и вырастет, меняя кожу, в большую личинку, а там и в жука превратится. Превратится и выползет наружу. Понял? — и Константин Егорович щелкнул меня в нос.

Разумеется, я поняла, но... зачем же в нос щелкать? Хоть и не больно он это сделал, но я этого не любила: нос у нас — крыс — место деликатное, нос наш — первый помощник, и мы его очень холим. Нехорошо поступил Константин Егорович, очень нехорошо.

А все же мне было по душе, ведь было от чего вновь задуматься. Поди ж ты! Эдакая тварь, а как заботится о потомстве. И вспомнила я о могильщиках, зарывших землеройку, а вместе с этим и о моем когда-то мнении о насекомых, как о безмозглых тварях. Нет, видно, ничего нет на свете безмозгло!

Удивительно, как судьба играла с моей страстью к изучению. То по целым дням ничего не подарит, то вдруг разом покажет так много интересного.

В этот же день у моих хозяев был разговор о копрах, начавшийся с беседы о двух лакомках, спрятавшихся в нору. Из этого разговора я узнала одну чрезвычайно важную новость, что у живых существ есть два ума. Один ум — родительский, наследственный, который, помимо животного, указывает ему — что он должен делать, чтобы прожить свою жизнь; другой ум — свой, развивающийся у каждого отдельно и далеко не у всех животных. Этот ум дается опытом и напряженной думой. Его понемногу встречают у многих животных, но у кого он пре-

обладает над наследственным умом и кто особенно богат им, так это — человек.

Так узнала я в первый раз о разнице между инстинктом и разумом. Плохо я поняла тогда самую суть дела, но хорошо усвоила, что копры делают запасы своим личинкам не по разуму, а по инстинкту. Николай Сергеевич прямо сказал:

— Молодой жук, вылезший из норы, где он вышел из личинки, и никогда не видавший ни отца, ни матери, спра-

зу принимается за катанье шаров. Кто же его научил этому, кто подсказал? А вот этот самый инстинкт, наследственный ум.

Скверно было то, что Николай Сергеевич, сказав это почему-то мне, тоже щелкнул меня по носу.

Если они будут так делать, я сбегу, положительно сбегу. Неволю могу с грехом пополам переносить, но щелчки по носу... никогда!

А наш караван все подвигался и подвигался, пока не пришел в какое-то большое селенье с высокой горой, на которой возвышались зубчатые стены.

Здесь вся поклажа вновь была помещена в какую-то комнату с каменным полом. Очевидно, вновь продолжительная стоянка. Из бесед людей я узнала, что мы в бухарском городе и что мои хозяева пробудут

здесь недели две. Это мне не понравилось. Быть может, для моих приятелей путь пройденный был настолько интересен, что они не прочь были потолковать о нем с друзьями и пожить на одном месте.

Что касается меня, то я имела полное основание не любить таких остановок. Неволя в пути, когда вы все-таки видите кругом новое, и неволя на одном месте среди однообразной обстановки не одно и то же. К тому же жизнь с моими двумя друзьями дала мне так много нового, иногда загадочного, что жажда к новизне у меня только возрастала. А вместе с ней у меня возрастало недовольство на однообразное отношение ко мне окружающих. Никто, никто не понимал меня, хотя я всех понимала... Никто не относился ко мне, как к разумной крысе, а все видели во мне только забавную крысу. Что может быть тяжелее чувства невозможности быть понятым!

И вновь запала во мне тоска и вновь ее объяснили хворостью.

— А, ведь, какой веселый был дорогой! — удивлялся Николай Сергеевич.

— Удивительно, — соглашался Константин Егорович.

И только Джўма твердил одно: “Якши Узбой, чох якши!”

Нет худа без добра. Мое грустное настроение не интересовало любопытных, и понемногу все перестали ходить смотреть “диковинную” крысу. Что было диковинного в крысе, понуро сидевшей около дорожного ящика, прикованной на цепь к его крышке.

Немного развлекало меня то, что по комнате шмыгали не черные, а темные мышки, но я уже догадывалась, что это цвет песчаных окрестностей. Других же животных наблюдать из этой темной комнаты в одно маленькое окно было нельзя. Да и было ли что-нибудь интересное в городе?

Но... скоро всякая грусть моя прошла. Это было вполне понятно. Поправляя цепочку на моей шее, Николай Сергеевич нашел, что она меня давит и сделал ошейник послабее. Какова же была моя радость, когда я вечером, взясь около баула, неожиданно сняла свой ошейник!.. Свобода! Великое это слово для животных.

Я выбралась тихонько из своего угла и вдоль стенки пошла вон из комнаты, минуя спавшего на лавке Джуму. Собственно убежать я не собиралась, но я вообще ни о чем не думала, а просто под влиянием охватившей меня свободы пошла вперед, куда глядели глаза.

Я опомнилась только тогда, когда пробралась на какую-то улицу, вдоль которой шли странные стойла вроде тех, какие я видела на базаре. И очнулась я оттого, что где-то залаяла собака. Даже залаяла не на меня, так как я слышала просто собачий оклик:

— Эй, собаки, спите что ли? — на который другие приятели отвечали:

— Разумеется, нет, нашел, что спрашивать.

Возвращаться назад было невозможно: я потеряла свой след. Тут только сообразила я всю сделанную мной глупость. Оставить трех приятелей, сытый угол и безопасное убежище и вновь вступить на путь искателя приключений! И где? В стране, где мне непонятен язык людей! Это безрассудство!

Но, свобода, свобода... ты многое можешь заменить собой.

Вдруг мои размышления были прерваны каким-то цыканьем. Мимо меня промчались... два пасюка. Что это? Сородичи? Я не на чужбине, а среди своих! Горячее чувство радости хлынуло на меня волной, но сейчас же и отхлынуло.

Среди своих! Да разве признают животные родственников? Безумная, ты забыла, как тебя встре-

чали крысы на твоей же родине! Ты забыла, чего тебе стоил твой угол под конюшней! А здесь: разве не видела ты яростной погони крысы за крысой!

Везде борьба и везде самая ожесточенная, беспощадная борьба! Вот тебе еще закон природы, если только ты теперь в состоянии думать об этом...

Грустные мысли, тяжелые мысли, ну... а все же нужно было действовать.

Ночь я провела, осторожно бродя по сонному городу. Над улицами носились какие-то птицы. Одних я узнала — это были маленькие совы, другие, очень похожие на сов, но, очевидно, другой породы, так как они летали и, спугивая откуда-то ночных насекомых, ловили их. Их рот разевался, как у ласточек. Я не знала, конечно, что это были безопасные козодои и очень боялась выбегать на чистые места.

Удивительная вещь: в минуты опасности становишься в десять раз внимательнее и делаешься чрезвычайно наблюдательной. Ведь этих козодоев я не раз видела и раньше, но и не думала всматриваться в них и искать разницы между ними и совами. Безопасная жизнь возле друзей усыпляла мою осторожность и бдительность, которая тотчас же проснулась, когда я вновь была предоставлена только своим силам.

Много я исходила за ночь в поисках того домика, в котором остановились мои приятели, но тщетно. Я только проголодалась. Пока ночь еще не прошла, я спешила отыскать что-нибудь съедобное, чтобы иметь еще время скрыться на день в надежном убежище. Это оказалось нетрудно, так как улицы были грязны и среди невыметенного сора было много съестного. Хотя я и отвыкла от такой пищи, но, боясь обессилеть, съела найденный под одной из ступеней недоеденный початок какого-то растения. После такого невзыскательного ужина я забралась в чью-то хижину и спряталась в груде вещей.

Утро было полно неожиданностей. Начать с того, что вещи, в которые я забралась, вместе со мной куда-то понесли и положили на широкий двор, окруженный каким-то навесами. Шум и гам поднялся невообразимый. Под навесами ржали лошади, кричали ослы, ревели верблюды. Возле сложенных на дворе вещей толпились туземцы-халатники. Речей я не понимала, но по всему видела, что кто-то куда-то отправляется караваном.

Какая-то лошадь тихонько ржала:

— Скоро ли? Шумите, а никто нейдет.

Верблюды хором кричали:

— Отправляться, так отправляться. Ну что ж! —

И отправимся.

Шмыгавшие в воздухе ласточки ловко вылавливали мух около самой толпы шумевших людей. Маленькие серенькие горлинки безбоязненно летали и садились возле людей и животных. Началось вьючение. Выводились только верблюды и лошади. И те, и другие покорно давали себя нагружать поклажей. Лошади молчали, и только по глазам их я читала, что они согласны на дорогу при условии, чтобы их за это наградили

едой и питьем. Верблюды ни о каких условиях не думали и только твердили свое излюбленное “извольте”.

Все это я видела в щелку того тряпья, в которое забралась. Вдруг все это тряпье поднялось на воздух и очутилось на спине лежавшего поблизости верблюда. Я мигом выбралась наружу, но, завидя толпу людей, вынуждена была вновь спрятаться в тот же вьюк. Почти тотчас же какая-то веревка плотно увязала то место, в которое я забилась.

Вот тебе на! Новое путешествие в неведомые страны! При всей своей любви к ним я этому не обрадовалась: я не приготовилась к такому исходу дела. Но рассуждать было нечего — приходилось покоряться.

Прошел долгий час, а, может быть, и больше, когда, наконец, целый караван из верблюдов и нескольких лошадей тронулся в путь и вышел из двора на улицу. Я сидела в каком-то мешке, хуржуне, положенном в свою очередь в большой тюк, увязанный волосяными веревками. Это я узнала позже, а пока была ни больше, ни меньше как запереленута в тюк так, что едва, едва могла поворачиваться на месте. Но что всего было ужаснее: я ничего не могла видеть, хотя все слышала. Увы, я не все понимала, а что понимала, то не было для меня полезно. Верблюду, на котором я ехала, ужасно качался, точно стоял на лодке, поднимаемой волнами. Мне было очень не по себе. О, как я хотела попасть в прежнюю неволю! Да разве в настоящем-то была свобода!

Вдруг сердце мое вздрогнуло от радости. Я услышала знакомый голос. Должно быть, все радости скоротечны, так как мне в ту же секунду пришлось разочароваться. Что я могла сделать, упакованная и зашнурованная? А между тем где-то в нескольких шагах от меня слышался голос Николая Сергеевича, причем речь шла ни о ком другом, как обо мне.

— Я думаю, не пропадет, — говорил он, — их, ведь, здесь много. А все же представить вы себе не можете, как жаль ее!..

Другой, незнакомый мне голос отвечал:

— И-и, батенька! От них житья нет. И всюду-то эта погань разводится. И как это они набираются, уму непостижимо!

— Ваши-то все с солдатами в ящиках, со свечами да с мылом, да с другим провиантом прибыли, а вот как наш Хруп Узбоевич к туркмену попал, это я, действительно, не постигаю.

И голоса замолкли в отдалении.

Как попал? Да вот все так же, как сейчас: по своей глупости. Эх, Хруп, Хруп, как-то проживешь ты

свою жизнь, какие еще имена дадут тебе друзья, если судьба пошлет их, да и дадут ли имя? Хруп... Узбой... довольно для одной крысы! А глупец ты, Хруп, ах какой глупец, а совсем не умная крыса! Не сумел удержать своего счастья. Вот теперь и кайся.

Такими невеселыми думами полна была моя голова, когда я, ворочаясь в каком то тряпье, качалась на колеблющейся спине верблюда. У меня кружилась голова, меня мутило, но горше всего все-таки были мои думы.

Ах, зачем я не обыкновенная подпольная крыса!..

XXVI

Разгром каравана. — Ужасное пиршество. — Винавата ли я? —
Мысли о пище. — Тревожная жизнь. — Новый план. —
Разочарование. — Голос родины

ля меня началась новая жизнь, но по-прежнему, жизнь, полная самых неожиданных событий. После моей жизни у двух приятелей я не решалась показываться на лицо людей: я хорошо помнила речи туземцев, показывавших мне кулаки и говоривших: “У-у, яман!”. Я не понимала вполне языка, но понимала, что люди вокруг меня были вроде той старухи, которая собиралась убить меня поленом. Единственной целью моей жизни стало — искать питья и еды, совершенно как у вьючных лошадей, и между их мыслями и моими была только та разница, что мои принадлежали свободному зверьку.

Изучать окружающий мир я не могла: не имела времени. Я должна была ежеминутно думать о том, как бы не попасть на глаза моих врагов, а среди них на этот раз был и самый грозный... человек.

Мое путешествие на верблюде окончилось очень печально. На третий или четвертый день пути на наш караван напали какие-то люди. Мой верблюд был убит,

остальные уведены. Часть тюка была изодрана и унесена, а мешок, в который попала я, брошен на землю. Кое-как я выгрызлась из заточения и увидела ужасную картину. Возле какого-то круглого выступа, среди унылой местности с чахлой растительностью лежало несколько убитых людей, лошадей и верблюдов и были разбросаны вещи, обрывки веревок, какое-то тряпье. С ужасом я увидела, что была не одна: какие-то птицы с противными лысыми головами ходили около трупов и как-то боком посматривали на них. Я юркнула под ближайший камень и спряталась.

Птицы, словно о чем-то думали, потом как-то разом подпрыгнули и, подмахивая крыльями, прыжками добрались до трупов. Одна из них села на шею верблюду и, ткнув носом, вырвала у животного глаз. Меня объял ужас, и я, трепетная, прижалась ближе к камню, забывая, что я три дня ни пила, ни ела.

Так я просидела до глубокой ночи. Прохлада подействовала на меня как-то оживляюще. Птицы, наевшись, куда-то отлетели. Пересиливая страх, я отправилась искать питья и еды, но кругом было сухо, а трава была совершенно несъедобна. Голод и жажда становились все настойчивее и настойчивее. В конце концов я, полная страха, приблизилась к трупу верблюду в надежде найти что-нибудь поесть в разбросанном тряпье. Но и там ничего не было, только расклеванное верблюжье тело пахло мясом и кровью.

Я вновь отбежала от животного, но голод заставил меня снова подобраться к нему, и кончилось тем, что я утолила свой голод и жажду кусочком кровавого верблюжьего мяса. Я утешала себя мыслью, что не я была виновна в его гибели.

Только что успела я доесть свой кусок, как вдруг где-то вдали послышался вой. Какие-то звери выли хором:

— Есть, е-е-е-сть!..

Это мне напомнило зверинец. Что это? Неужели волки?

Голоса приближались, и я поспешно стала искать надежного убежища, но, не найдя ничего верного, забра-

лась вновь в тот мешок, из которого выбралась. В темноте сверкнуло несколько блестящих глаз. Каждая пара была так близко друг от друга, что глаза, очевидно, принадлежали зверям поменьше волка.

Подойдя близко, звери замолкли и, молча и крадучись, добрались до трупов. Увидя, что кругом никого нет, волкоподобные твари принялись уплетать поспешно сырое мясо, изредка рыча друг на друга.

— Мое! — говорил один.

— Ешь рядом, а это не тронь! — огрызнулся другой.

Вдруг где-то очень близко послышался знакомый мне голос:

— Ха, ха, ха, пахнет и преславно пахнет.

Я вздрогнула, а пирующая стайка бросилась было врассыпную, но тотчас же вновь собралась и продолжала пир. Каждый зверь искоса посматривал в ту сторону, откуда послышался хохот.

По голосу это была какая-то гиена, но откуда взялся такой прожорливый зверь в этой пустынной местности? Однако сомневаться было нечего, так как скоро на ближайшем холме вырисовывалась вся фигура гиены. Она была другой породы, чем та, которую я видела в зверинце. Эта была поменьше и вместо пятен имела полосы.

— Пахнет. Ха, ха! Да тут пир. Эй, вы, убирайтесь-ка прочь! — залаяла она каким-то странным голосом.

Звери молчали и продолжали искоса смотреть на непрошенного гостя.

— Прочь, говорят вам! — залаяла опять гиена и рысцой двинулась к трупам.

Вдали послышался снова лай гисны, и вскоре к месту прибежал новый зверь; очевидно, подруга или друг первой гиены.

Шакалы — позволю себе уж так их называть — отбежали прочь, твякнув: “Ишь, принесла нелегкая!”

Гиены жадно накинулись, точно целый месяц не ели. Они ели отвратительно, зарывшись во внутренности головой. В их зубах кости ребер хрустели, словно их дробили тяжелым камнем. Шакалы понемногу стали вновь приближаться и, наконец, пристроились почти около самых гиен. Начался общий ужасный пир, прерываемый только ссорами шакалов с гиенами и между собой. Каждый раз, когда одна из гиен надумывала прогнать шакалов и кричала: “Прочь!” — они

отскакивали, твякая: “Да что тебе: жалко что ли?” и снова подбирались. И это длилось чуть не полночи.

Наконец, звери насытились и молча скрылись за холмами.

Я была в ужасном состоянии. Кругом безлюдье, унылые окрестности, какой-то глиняный выступ, очевидно обделанный людьми, истерзанные трупы и разбросанные вещи. Неужели в этой обстановке суждено мне провести остаток дней, пока я не погибну от истощения или в зубах гиены, или других диких зверей этой страшной местности!

Утро принесло успокоение. Подошел какой-то новый караван. Сначала люди его, увидя картину разгро-

ма, остановились вдали и выслали вперед разведчиков, но потом подошли смелее и шумно заговорили о происшедшем. Вещи были рассмотрены и подобраны. Мешок, в котором я спряталась, тоже подвергся осмотру, и я сидела в нем ни жива, ни мертва. Но на мое счастье, двое перессорились из-за него и один из них поспешил, не рассматривая, сунуть мешок на выюк своей лошади. Я считаю это благополучием, хотя клавший сильно ушиб меня, запихивая куда-то вглубь.

Подальше от этого места убийства и позорного пира! Я обрадовалась, когда услышала по шуму, что караван тронулся в путь. Этот выступ в пустынной местности был, оказывается, колодцем, так как я увидела, как, уходя, люди поили животных. Возле колодца, очевидно, одни люди поджидали и грабили других. Сидя на дне вьючного мешка, я все же страшилась мысли о безвыходности своего положения, так как каждую минуту могла ожидать, что буду обнаружена: стоило для этого владельцу моего вьюка порыться в нем. Но он этого не делал, и надежда мало-помалу возвращалась ко мне.

К вечеру караван остановился у нового колодца. Об этом я узнала по ржанию и реву животных. Я была голодна, и, что хуже, меня мучила жажда. Выпрыгнуть из вьюка я все-таки не решалась; это значило бы попасть на глаза и потерять надежду добраться хоть до какого-нибудь человеческого жилья. А я теперь была уже вполне проникнута сознанием, что крысы-победительницы распространялись по свету не иначе, как за человеком.

На мое счастье караван остановился на ночевку и некоторых животных, в том числе и мою лошадь, развьючили. Я не решалась было выходить из вьюка даже и ночью, так как услышала подвывание шакалов и гиен, но по звуку их голоса сообразила, что они опасаются приближаться к каравану. Поэтому я дождалась только полной темноты и, выбравшись из вьюка, отправилась на поиски. Один туземец не спал; он, вероятно, сторожил. Осторожно бродя между тюками, я жадно внюхивалась в воздух и, наконец, отыскала то, что было нужно: один из тюков одновременно мог доставить мне и пищу, и питье. Это был какой-то уродливый мешок из кожи животного, по-видимому, барана, внутри мешка налита была, несомненно, вода. Жажда была настолько велика, что я тотчас же принялась прогрызать мешок, что мне удалось весьма быстро. Лишь только я прогрызла маленькую дырочку, вода брызнула тонкой струей. Я жад-

но припала к этой струе и пила, не отрываясь, пока не почувствовала, что больше пить не могу. Вода была теплая, пахла кожей, но она мне показалась лучше самой чистой воды лесных ручьев. Напившись, я решила идти прочь искать убежища, так как есть я не могла: желудок был слишком переполнен водой. Но в качестве провизии, на случай, я выгрызла кусок кожи и потащила его с собой. Вода из мешка вылилась вся и быстро впиталась в песок.

С куском кожи, волочившимся за мной, я направилась к большому верблюжьему вьюку и, к радости своей увидела, что правая часть его состояла из какой-то плетеной корзины. Забравшись на нее, я отыскивала доступное для себя отверстие и полезла внутрь. В корзине лежал какой-то домашний скарб. Меня это очень мало интересовало, потому я не запомнила ни одной вещи. Я протиснулась в нижний угол и устроилась там вместе с запасом своего провианта. Но он был даже лишним, тогда как соседом моим оказался небольшой мешок с каким-то пшеном. Под боком у меня, таким образом, было почти все необходимое для крысы: прутья для грызения, кожа и пшено для еды. Не было только самого важного... воды. Устроившись поудобнее, я собралась выспаться, но сон бежал от меня, уступая мыслям, точно дожидавшимся только времени, когда я подкреплю свои телесные силы.

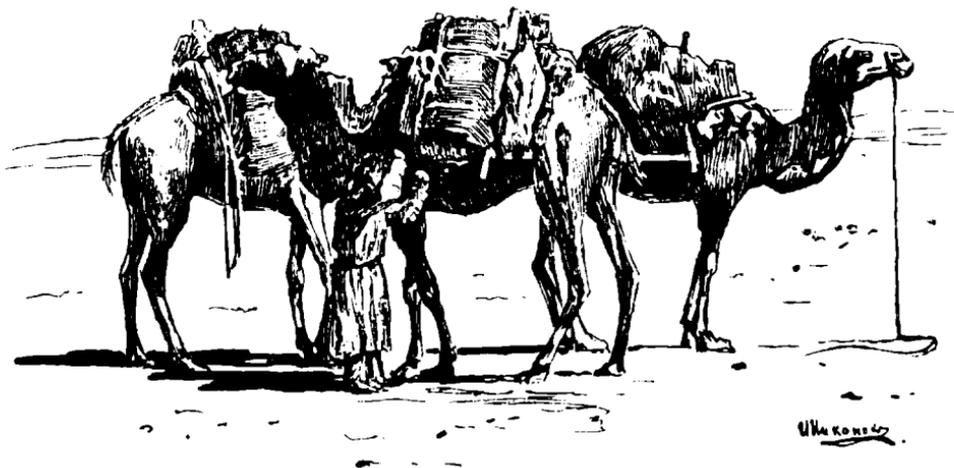
Перед моими глазами вновь пробежал ряд недавних событий.

Нападение... разгром... хищные птицы... падаль... ужасный пир... — все это в той природе, которая в других случаях так удивительно прекрасна, так жизнерадостна. Радости жизни еще ярче выступают, если их противопоставлять ужасам, неизменно сопровождающим ее, словно это какая-то роковая необходимость. Мне стало чудиться, что и тут кроется таинственный закон, который я бы выразила словами: горе нужно для того, чтобы светлее была радость.

Минувшие события представились, наконец, еще в более простом объяснении: если уж неизбежна гибель кого-нибудь, то необходимы существа, которые скрыли бы следы этой гибели. Гиены, шакалы, грифы (птицы, пировавшие на верблюде), — все это послано судьбой подчищать следы преступления других. Гиены, шакалы насыщают при этом свой желудок. Копры, жуки-могильщики удаляют тоже с лица земли ненужное, но этим ненужным они питают своих детей-личинок.

Вспомнила я рысь в зверинце, мурлыкавшую во время еды, что ей необходим непременно свежий стол, и мне стало ясно, что в природе ко всякому существу даже еда приноровлена или, наоборот, различные существа сами прищоравливаются к различной пище: кому свежая, кому отбросы. И всякий-то доволен своей долей и не ищет лучшего, полагая, что лучшее то, что ему судьбой положено.

И вдруг, как стрела, у меня пронеслась мысль: а, ведь, мы, крысы домовые, мы, собственно говоря, животные растительоядные и только возле человека изменили тому, что было положено нам природой. Да и не мы одни: свиньи, собаки и даже птица разная тоже возле человека изменяют понемногу свои привычки питаться только определенной пищей. И от мыслей о противоположностях, наблюдаемых в природе, я перешла к старым мыслям о том влиянии на природу, которого мало-помалу достиг человек. Эти думы о людях напомнили мне ряд моих друзей, а воспоминание о них повлекло за собой чудные грезы о прошлом: о Версе, о Нюте, о старике Петровиче, о Джуме и его хозяевах... Эти воспоминания, наконец, перешли в сон, и я заснула в своем странном убежище на спине верблюда так же мирно, как в былое время в углу за печкой или в войлоке походного ящика рядом с Джумой.

Трудно себе представить, что за шум поднялся поутру, когда нашли мешок прогрызенным и опорожненным.

Хозяин меха (так зовут упомянутый мешок из цельной шкуры барана) выходил из себя и грозил кулаками неведомому вору. Мне казалось, что он обвинял в этом кого-нибудь из верблюдов, так как тщательно рассматривал следы возле своего тюка. Правды он не узнал, и это, видимо, его очень огорчило. Видя все это сквозь прутья своей корзины, я все-таки не винила себя. Ведь, всякий на моем месте поступил бы не иначе. Вот она борьба за существование, о которой беседовали не раз мои два приятеля.

Где-то они? Где Джума? Где все вы, мои добрые друзья... Ваш Хруп и Узбой едет вновь в неведомые страны к неведомым людям.

Караван тронулся в путь, и корзина закачалась. Это очень неприятное обстоятельство, и я предпочла бы всякое другое путешествие, но у меня не было никакого выбора.

Просто не хочется описывать пути моего по этим местам, населенным незнакомыми людьми в халатах: до

того места эти были похожи одно на другое. Правда, много было перемен на дороге и даже очень серьезных, но общий тон жизни моей был один и тот же.

Я прибыла с этим караваном в какое-то селение, где тоже был базар, были постройки, в которых жили люди, была вода, хотя и грязная, даже на улицах в канавах. Но вечный страх за свою жизнь и боязнь явиться на глаза людей заставляли меня прятаться, перебегая из одного убежища в другое, подчас не выбирая. Удрал из корзины при разгрузке каравана в селении, я попала сначала в базарную лавку, где прожила в некотором довольстве двое суток. Неожиданно для себя вновь очутилась на спине верблюда, когда хозяин лавки, забрав свой скарб, уехал к себе, увозя меня с собой.

Из селения большого я попала в селение малое. В нем я было устроилась и собиралась даже изучить язык этих людей, чтобы лучше понимать свое положение и как-нибудь узнать из их речей — где лежат страны с другими, более доверчивыми к крысам людьми. Но случилось так, что какая-то сердитая и сильная собака, отыскав меня в огороде, погналась за мной и загнала меня в чащу кустарников, в которых я потом проплутала дня три. Встретив, наконец, довольно обычные в этих местах караваны, я сторонкой поплелась за ним. На мое счастье что-то случилось с одним из вьюков и верблюда стали пересвьючивать. Я этим воспользовалась и, забравшись во вьюк, на что у меня уже была сноровка, пересехала с караваном в новое селение.

Там новые хлопоты, новые заботы и старое было только одно, но зато самое ужасное — постоянный трепет за свою жизнь.

Как я ни старалась, но, разумеется, не всегда могла избежать взоров людей, и вот тут мне приходилось плохо, так как в лицах людей я прочитывала одну только ненависть. И все-таки можно было бы прими-

риться с жизнью и среди этих людей и в этих странах. Я даже видела многих родственниц, как рыжих, так и черных, но... я, Хруп, не мог выдержать такой жизни: что-то действовало на меня угнетающе в этой постоянной вражде с человеком. Эта вражда мешала мне производить свои наблюдения, нарушала мое спокойствие. Одних только пищи и питья было мало для радостей моей жизни. Почему? Не могу сказать. Может быть, потому, что я слишком много знала для обыкновенной крысы.

Все это только наводило меня на мысли о необходимости перебраться из этих мест. Но как это сделать? Единственное средство было пользоваться караванами, ухищряясь забираться во вьюки. Но куда ехать? Конечно, в одну сторону, иначе я буду только вертеться в одной местности. И вот, в одну из минут размышления, когда я сидела в промежутке между двумя туземными хижинами, я додумалась до плана. Терпенье и осторожность, и я отсюда выберусь!..

На другой же день я рано утром решила выбрать направление.

За всю свою прежнюю жизнь я глядела больше на землю, так как земля и вода были все для моей жизни.

Не будучи воздушным животным, я мало обращала внимания на небо. К чему это было? Правда, я ждала или ночи или дня, темноты или света, но я ждала этого, не думая, откуда приходит свет и как наступает ночь. Глядя, как поднимается солнце, восходит луна или плывут облака, я безучастно посматривала иной раз на небо и почти тотчас же вновь становилась внимательнее только к тому, что было на земле. Но вот эти безучастные посматривания мнегодились. Не знаю, бывает ли у людей, но, когда у меня мелькнул в голове один план, я как-то сразу вспомнила много мелочей, которые прежде проходили мимо меня, не останавливая моего внимания.

Я вспомнила, что над землей, когда я жила еще в кабинете, приблизительно всегда в одном месте вдали выплывало утром новое солнце и закатывалось вечером на противоположной стороне. Следовательно, идя по земле, можно выбрать себе путь или на восход, или на заход солнца, или в направлении между тем и другим. Вот и теперь, когда я решила искать новых стран и людей, мне было возможно и выбрать определенный путь.

Утром рано я выбралась из своего убежища и заметила, где восходит солнце; под вечер я заметила, где оно заходит. Чувствуя, что тепло на землю посылает солнце, я побоялась двинуться туда, откуда выкатывается так много солнц, полагая, что там очень жарко, жарче даже, чем в тех пустынях, в которых мне привелось быть. Не хотела я по той же причине пробираться и туда, куда все эти солнца заходят. Прежде я думала, что их очень много, да и теперь больше верю людям, чем понимаю, что около земли — только одно солнце. Я выбрала себе середину и теперь могу уже сказать, что направление, которое я избрала, был юг, как его зовут люди. В этом направлении я намерена была предпринять свое путешествие, пользуясь дорогой всеми случайностями.

Дня через три я тронулась в путь: какой-то проезжий, останавливавшийся на дворе, где я жила, в разговоре с хозяином двора показал путь свой на юг, и я мигом забралась на вьюк, снятый на время отдыха с его верблюда. Я уже была опытная путешественница в этих краях и жажды не боялась. В случае чего, если бы мне не перепало несколько капель у самых колодцев, я рассчитывала ограбить моего хозяина, напив-

шись из кожаного меха. Я решила это делать, впрочем, сверху, чтобы воды не выливалось уже очень много. Но мне не было и надобности беспокоиться, так как не всегда караваны шли безводными путями. Напротив, очень часто это были такие же горные места с источниками, как горы, которые я посетила вместе с двумя приятелями и Джумой.

Караван, к которому я примкнула, доставил меня в новое селенье, где я остановилась, и, узнав где восход и заход, снова выбирала случай отправиться далее в путь.

Мысль, что я двигаюсь в избранном направлении, меня утешала и поддерживала. Если бы не она, то это время было бы временем, самым тревожным в моей жизни.

Я часто голодала, сутками просиживала, спрятавшись от какой-либо опасности, измышляла способы проникнуть во вьюки, иногда разочаровывалась в направлении каравана, который ошибочно принимала за следовавший на юг, но все же я твердо стояла на своем плане и не раз, выглядывая из своего убежища с какого-нибудь вьюка, смотрела на юг, ожидая чего-то нового, желанного.

И вот мои ожидания разрешились. Я, действительно, увидела однажды новое. Это было обширное, уходящее в беспредельную даль море, ярко-зеленое у берегов и темно-синее вдали.

Спустившись с какого-то холма, наш караван шел вдоль моря, и его блестящая поверхность переливалась в лучах яркого солнца.

Какой удар моим ожиданиям! Преграда, непреодолимая преграда моему плану, который я с такой настойчивостью и самопожертвованием проводила! Что может сравниться с моим удручением!..

Я была настолько огорчена, что не думала о том пути, который совершала, и только шум голосов в селении, в которое вступал наш караван, заставил меня подумать о необходимости где-либо пристроиться.

На каком-то дворе верблюдов развьючивали, и я, по обыкновению, улепетнула вовремя и спряталась среди попавшегося хвороста. Хотя я не сла сутки, но сюда не шла мне на ум. Неужели мне суждено покончить жизнь, кочуя из селения в селение на спинах покорных верблюдов? Я только об этом и думала. Но привычка взяла свое, и ночью я отправилась на разведку.

Бегая по улицам здешнего города, я выбралась на ту, которая выходила к морю. У берега стояло несколько лодок, а невдалеке покачивался крошечный пароходик, даже просто лодка, но с трубой, из которой шел дымок. Я подошла к самому берегу и начала осматривать лодки: ведь, это были тоже принадлежности путешествия. Невдалеке послышались шаги, и я притаилась около какого-то каната. С пароходика кто-то крикнул. Этот крик заставил меня вздрогнуть. То была речь, знакомая мне, то был язык людей моей родины... Короткий был этот крик, но он многое сказал мне. Это было всего два слова:

— Кто идет?

Шедшие туземцы ответили смехом. На пароходике водворилось молчание.

Два слова! Эти два слова были для меня длинной, чудной речью, сплетенной из одних только благозвучий. Эти два слова всколыхнули во мне много воспоминаний. Эти два слова были магические!

Я бросилась в тихо плескавшие волны моря и быстро поплыла к пароходику, с которого раздался в эту тихую ночь призывный клич Хруп.

И Хруп услышал его...

* * *

Я устала, я очень устала: слишком много работала моя голова, чтоб воспроизвести в стройной последовательности цепь приключений моей жизни. Я доскажу до конца свою жизнь, как только отдохнет мой старческий мозг.

Я видела тропический мир, я изучала глубины морские, я жила среди полярных льдов, бродила в дремучих лесах... Эти воспоминания слишком дороги мне, чтобы я не воспроизвела их в своей памяти. Когда это будет? Только не теперь!

Читатель, дай мне отдохнуть...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Хруна	3
-------------------------	---

I

Мое детство. — Родители. — Первые шаги. — Мои преимущества. — Чудная кладовая. — Враги. — Жизнь подполья	5
--	---

II

Материнство страшной кошки. — Моя любознательность. — Прерванный поединок. — Погоня. — Я спасена! — Чудный уголок. — Изгнанные законные владельцы	20
---	----

III

Мои новые соседи. — Мыльные пузыри. — Отравленный кусок. — Смерть врагу! — Разочарование. — Приятные дары. — Злодейский умысел. — В плену	32
---	----

IV

Мое новое помещение. — Кабинет и его обитатели. — Одиночество и его последствия. — Первые шаги самообразования	50
--	----

V

Мир звуков. — Печальный случай. — Дальнейшие успехи. — Мой способ изучения чужих дум	63
--	----

VI

Утро в кабинете. — Мир движений. — Трудности новой задачи. — Конец венчает дело	74
---	----

VII

Переселение домашнего зверинца на новую квартиру. — Неожиданная новость. — Тоска. — Думы о бегстве	87
--	----

VIII

План бегства и его осуществление. — На свободе. — Первое убежище	99
--	----

IX

- Первая ночь в лесу. — Лиса и барсук. — Роковая ловля. —
Сова. — Еж и кузнечик. — Дупло 109

X

- В поисках пищи. — Сороки и лиса. — В гостях у врага. —
Дальнейшие поиски. — Колеи. — Приятная встреча. —
Неожиданный друг. — У тихой пристани..... 120

XI

- Старик и его внучек. — Рыбная ловля. — Мысли о рыбах. —
Речи о лесных зверях..... 127

XII

- В поисках за выдрой. — Брошенная нора. — Грозный хозяин. —
В поисках за выхухолью. — Странная столовая. —
Выхухоль. — Печальное возвращение. — Мысли о судьбе зверей..... 137

XIII

- Жажда приключений. — Старые друзья. — Пикник. — Снова
“Хруп”. — Клева нет..... 153

XIV

- Змеи. — Два хищника. — Противоядия. — Отъезд старика. —
Неприятная дорога. — Новое бегство..... 162

XV

- Ночной бродяга. — Двоюродный брат кроликов. — Земляная
белка. — Крошечный хищник. — Мысли о жизни. —
Мыши-малютки. — Неравная борьба. — Возвращение
отрезано! 173

XVI

- Мысли о степи. — Холода. — Поиски человеческого жилья. —
Новые хозяева. — Странные чудовища. — Диковинный
хлев. — Путешествие. — Город. 189

XVII

- Жажда знания. — Я изучаю людских захребетников. — Мысли
о могуществе человека и о городе. — Странные звуки. —
Диковинные звери. — На исследование! 206

XVIII

- Наблюдательный пост. — Утро в зверинце. — Поучительный день. — Мои наблюдения. — Неудобное путешествие. — В путь 219

XIX

- По реке. — Добровольный путешественник. — Невольный акробат. — На посудине. — Море. — Ужасная встреча. — Одна! 239

XX

- Среди безбрежного моря. — Миролюбивые тюлени. — Берег. — Тягостный путь. — Спасение. — Мальчики. — Опять дорога. — Три спутника 265

XXI

- На спине человека. — В хижине туземца. — На разведку! — Стрела-змея. — Озеро и его обитатели. — Ужасное зрелище. — Мысли о врагах. — Возвращение 291

XXII

- Прибытие каравана. — Странные занятия. — Снова в плену! — Ужасное помещение. — Новые друзья. — Чудные уроки. — Прибытие в город 309

XXIII

- “Хоромы” натуралиста. — Убийцы или друзья? — Хруп Узбович. — В горы! — Уроки продолжаются 331

XXIV

- Первый бивуак. — Драгоценная влага. — Ложная ли тревога? — Путевые встречи. — Мысли о приспособляемости и защитных средствах. — Возвращение 351

XXV

- Вдоль Аму-Дарьи. — Туземцы. — Лошади и верблюды. — Хлопотливые жуки. — Ум и инстинкт. — Нежданная свобода! — Безрассудное бегство. — В неведомый путь! 372

XXVI

- Разгром каравана. — Ужасное пиршество. — Виновата ли я? — Мысли о пище. — Тревожная жизнь. — Новый план. — Разочарование. — Голос родины 395

Художественное издание

ХРУП

Воспоминания крысы — натуралиста

РАССКАЗАЛ

А.Л. Яценко

Учитель естествоведения и географии
в Санкт-Петербургском Александровском
и Ксенинском институтах
и в Женской гимназии Лохвицкой-Скалон

Иллюстрировано
305 ориг. рис. пером
и 6 автотипиями
художника *И.Ф. Никонова*

Консультанты: учителя — художники натуралисты

*А.М. Грушин, К.В. Дубровский,
Л.Н. Зверинцев, Я.И. Ковальский,
П.П. Мироносицкий,*

д-р зоол. *А.М. Никольский, Л.Н. Никонов,
А.Е. Петроє,*

*И.И. Полянский, Л.С. Севрук, Ф.Е. Турь и
М.В. Усков*

Редактор издательства *Л.Г. Васютинская*
Обложка художника *И.Ю. Нестеровой*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *Н.А. Посканная*
Оператор-верстальщик *Н.И. Салюк*
Корректор *Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

Подписано к печати 26.01.93. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,5. Усл.кр.-отт. 26,0. Уч.изд.л. 16,0
Тираж 50000 экз. Тип. зак. **3876**

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., д. 90
2-я типография издательства "Наука"
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

117393 *Москва*, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2;
197345 *Санкт-Петербург*, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой":

690088 *Владивосток*, Океанский пр-т, 140 "Книга—почтой"
620151 *Екатеринбург*, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664003 *Иркутск*, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 *Красноярск*, пр-т Мира, 84
103009 *Москва*, ул. Тверская, 19-а
117312 *Москва*, ул. Вавилова, 55/7
117383 *Москва*, Мичуринский проспект, 12
630076 *Новосибирск*, Красный пр-т, 51
630090 *Новосибирск*, Морской пр-т, 22 ("Книга—почтой")
142284 *Противно* Московской обл., ул. Победы, 8
142292 *Пушино* Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 *Самара*, пр-т Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 *Санкт-Петербург*, Литейный пр-т, 57
199164 *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2
194064 *Санкт-Петербург*, Тихорецкий пр-т, 4
634050 *Томск*, наб. реки Ушайки, 18
450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 *Казань*, ул. Достоевского, 53

Книга писателя-натуралиста А.Л. Ященко — это необычный дневник, который ведет герой произведения, крыса по имени Хруп, о своей жизни. Перед вами удивительная и увлекательная история. Необычайная любознательность заставила Хрупа — не простую крысу, а крысу-философа и путешественника, забыв осторожность, пуститься в дальние края. Читателю представляется возможность посмотреть на окружающий мир глазами животного, понаблюдать за животными и человеком — самым большим врагом и другом зверей, полюбить тех добрых людей, с которыми встречалась крыса в своих увлекательных странствиях.

